ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ВСЕУКРАИНСКОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И К.П.(б.)У.

N5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

— А. Страхов. —

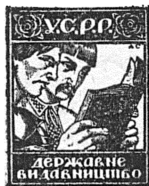
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Журнал Комиссии по изучению Истории Октябрьской Революции и Коммунистической партии (большевиков) Украины

№ 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

1923

Типография Укрбюро ВЦСПС,
— им. т. П. Иванова —

9:323.2 (47) (05) (47.714) = 91.7

Р. У. П. № 5006. Тираж 3.000 экз.

Содержание

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ОТДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

ОТДЕЛ III. ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ

ХРОНИКА

Рисунки:

Ответственный Редактор М. Рубач.

ОТДЕЛ I

СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ

Харьковская организация Р. С.-Д. Р. П.— Большевиков во время войны

(Декабрь 1914 г.—Январь 1916 г.)

(Воспоминания)

I

Мое знакомство с Харьковской организацией Большевиков начинается с декабря 1914 года. В Харьков я попал, как отбывающий „гласный" надзор полиции. Это было время самой жуткой и беспросветной реакции. Патриотически-шовинистический угар, вызванный войной и охвативший самые широкие массы, был еще в полном расцвете. Черносотенно-полицейскому разгулу реакции не было границ.

Состояние С.-Д. партии (большевиков) при таком положении не могло быть завидным. Вызванный войной сильный поворот политического настроения рабочих масс, мобилизация лучших партийных работников в армию, шатания и неуверенность оставшихся членов партии и, наконец, суровые репрессии привели к тому, что партийные организации в конце 1914 г. почти во многих городах распались или же были настолько ослаблены, что фактически не могли проявить сколько-нибудь заметной деятельности.

В таком же положении находилась партийная работа и в Харькове спустя несколько месяцев после об'явления войны. Настроение передовых рабочих было подавленное, а вся остальная рабочая масса Харькова находилась еще всецело под влиянием патриотических настроений. Общественная жизнь была совершенно задушена; даже знаменитый Харьковский „Дом О-ва Рабочих" находился в руках группы из „Союза Русского Народа", во главе с пьяницей Наливайко.

Назвать себя „большевиком" или „пораженцем" в это время никто не смел, даже в рабочей среде, не подвергаясь риску быть арестованным или избитым самими же рабочими.

Цитадель революционного движения в Харькове — огромный паровозостроительный завод с 6000 рабочих не проявлял никаких признаков политической жизни и находился, в значительной степени, под влиянием группы черносотенца Наливайко. Отдельные же старые партийцы — рабочие, не имея сил бороться против общего течения, или изменили революционному движению, став „оборонцами" и просто патриотами, или же, опасаясь жестоких репрессий, оставались пассивными. Во всем

огромном заводе не было ни одной, даже самой маленькой, оформленной партийной ячейки. Не лучше обстояло дело и на других заводах: Гельферих-Саде, Жорж-Борман и прочих.

II

И если, при таких условиях, все-же, кое-какая партийная работа велась, то это, в значительной степени, благодаря действиям самого же царского правительства. Дело в том, что после об'явления войны, все политически неблагонадежные и, так называемые, „поднадзорные“ группами высылались из местностей, близких к району военных действий, и столиц во внутренние губернии. Значительное число таких „поднадзорных“ попало и в Харьков. Они и составляли до осени 1915 г., когда произошел новый сдвиг к усилению массового рабочего движения, основное ядро активных работников разных революционных группировок. Общий состав поднадзорных представлял чрезвычайно пеструю картину. Тут были старые рабочие, закаленные революционеры, большевики, меньшевики, эс-еры, народники и, наконец, просто обыватели, попавшие в немилость царских властей по недоразумению.

Вся эта разношерстная публика должна была являться ежедневно в полицейское управление и расписываться на особом листе в удостоверении своего наличия на месте высылки, при чем дежурный околоточный надзиратель не упускал случая при таких „визитах“выругать „поднадзорных“ самыми отборными словами из фельдфебельского лексикона, пользуясь каждым пустячным поводом. И это он делал с таким аппетитом, как будто целые сутки ему никого еще не удалось выругать. С особенной ясностью указанная разношерстность выявлялась при этих посещениях. Рабочие и старые революционеры входили в это не очень приятное учреждение с достоинством; не имея возможности отвечать на все грубости полицейских чиновников, они, тем не менее, держали себя как революционеры, и каждое их движение, каждый взор говорили о той ненависти, какую они питали ко всей полицейской системе и ее наймитам. Они обыкновенно держались вместе, проявляя при всех взаимных отношениях ту теплоту товарищеского уважения и солидарности, которая так характеризует настоящих революционеров в периоды наиболее жестоких гонений.

Ко второй группе относятся приверженцы оппортунистических группировок. Среди них много интеллигенции; попадаются между ними „степенные“ партийные „верхи“, держащие себя несколько высокомерно по отношению к первой группе. Всегда дают чувствовать свою „ученость“ и революционную „патентованность“. Они избегают встречаться с товарищами первой группы, считая их „горячими головами“, „юнцами“ или „фанатиками“.

К последней, третьей категории следует отнести разных неудачников — „демократов“.

„Поднадзорников“ первой группы они избегали и боялись как чумы. Из второй группы они встречались лишь с теми, кто „посолидней“ и

чище одет, да и то не очень часто, а так, когда случай их сведет. Среди них было также несколько „чистокровных" балтийских баронов, высланных по подозрению в двойном подданстве. Полицейские чиновники относились к ним лучше и даже старались облегчить некоторые формальности, связанные с осуществлением „гласного надзора" и высылки.

Вскоре, чтобы не создавать скученности и частого общения между „поднадзорными" во время „явок",—что, очевидно, признавалось опасным (и не без основания),—все они были разбиты по своим участкам и отданы на попечение участковых приставов.

Где пристав „заслуженный" и „в чинах"— там жилось лучше, но не дай бог попасть к молодому приставу-выскочке, кому еще „чины" предстоит заслужить,—там уже никак не вывернешься. В некоторых участках заставляли поднадзорных приходить на „явку" и расписываться по два раза в день в строго расписанные часы. Это особенно отражалось на поднадзорных рабочих, которые целый день находились на работе и не могли во время успевать на „явки". После установленного времени внизу, под последней подписью, проводилась жирная черта с таким рассчетом, чтобы никто не мог больше расписаться. Благодаря такой системе, неявившемуся или опоздавшему доставалось как следует. В лучшем случае, если господин околоточный в хорошем настроении, он выругает трех'этажными словами и отпустит,—но не дай бог, если он выпил лишнее или поругался с женой, или же сосчитал свои „поступления" за день и признал их недостаточными,—тогда придется просидеть несколько суток в карцере.

А для того, чтобы поднадзорные не засиживались долго и не устанавливали связи с местными революционными организациями и группами, их часто заставляли переезжать из города в город. Так, до 1 января 1915 г. все прибывшие в Харьков поднадзорные два раза выселялись в другие более „безопасные" места.

III

Поднадзорные попадали в Харьков группами и одиночками. Наша группа по счету была второй или третьей. К этому временн (середина декабря 1914 г.) в Харькове всех поднадзорных было свыше 30 человек, среди которых легко было различить все описанные выше категории. При таких обстоятельствах очень нетрудно было установить связь и с партийными группировками. Пока я производил „рекогносцировку", соблюдая необходимую тогда осторожность, после выхода с одной „явки", ко мне подошел молодой товарищ из первой группы и, поздоровавшись со мною, задал сейчас же вопрос:

— Вы, товарищ, большевик?

В этот период, когда нужно было соблюдать строжайшую конспирацию, такой вопрос при первом же знакомстве был далеко не привычным. Я мог нарваться на провокатора. Но стоило мне посмотреть в лицо моего собеседника, чтобы отбросить всякие сомнения, и я без колебания ответил:

— Да, я большевик.

— А ваши товарищи?

— Тоже.

В его глазах загорелись радостные огоньки. Он схватил меня за руку, посмотрел кругом—не подслушивает ли кто-нибудь—и сказал:

— Я вас познакомлю с нашей организацией. У нас здесь небольшая группа: почти все поднадзорные.

Опять секунда сомнения. Он только что познакомился со мною и, не проверив моего ответа, сейчас же хочет знакомить с организацией. Ведь он меня не знает и я могу оказаться провокатором и провалить всю организацию. Для меня, привыкшего к строгой дисциплине и конспирации Рижской организации, его поведение не могло не вызвать недоумения. Но искренность, с какою были сказаны эти слова, опять преодолела мои опасения.

Таким образом, я познакомился с харьковской группой большевиков раньше, чем мог предположить. Мой собеседник оказался членом этой группы, т. Баклаенко.

Я остановился так подробно на этом незначительном эпизоде нарочно, чтобы показать насколько легкомысленно и пренебрежительно относились некоторые товарищи к требованиям партийной конспирации, вызванной усиленными преследованиями нелегальных организаций. Это явление было одним из основных зол в период „подпольщины“, и можно с уверенностью сказать, что большинство провалов было следствием именно такого легкомысленного отношения к конспирации. В деятельности харьковской организации это особенно чувствовалось. Например, тот же т. Баклаенко —поднадзорный, выйдя из полицейского управления с очередной явки, садится на Николаевской площади (напротив этого управления) и совершенно открыто показывает и читает другим товарищам поднадзорным только-что отпечатанную большевистскую прокламацию. На той же скамеечке сидело еще несколько неизвестных лиц. Как легко таким образом попасть в лапы тех, кто всеми средствами того только и добивается, и вместе с собою провалить всю организацию. Какое счастье иметь открытую, широкую натуру. Однако, при некоторых отрицательных условиях, в которых приходится действовать человеку с открытой душой, эта безусловная добродетель превращается в такое же безусловное зло.

Но не успел я войти в группу, как она почти распалась.

Харьковским губернатором в то время был кн. Оболенский, но всем фактически распоряжался вицегубернатор Массальский (впоследствии харьковский, а затем акмолинский губернатор), карьерист и самодур, готовый на все ради своей карьеры.

И вот, господину Массальскому показалось, что слишком долгое проживание „поднадзорных“ в Харькове может повредить его рассчетам, и он предложил им в трехдневный срок, не позднее 12 часов ночи 31 декабря 1914 г., выехать из Харькова. Большинство т. т. выехало в поволжские города, так как столицы, города, где имеются градоначальства, и местности, близкие к району военных действий, были исключены для проживания поднадзорных.

Уехали почти все проживавшие в Харькове поднадзорные, кроме нашей группы (человек 6), приехавших лишь в середине декабря и еще нескольких лиц.

Из ранее приехавших и примыкавших тогда к большевистской группе в Харькове остались лишь тов. Оболенский, тов. Баклаенко и молодая партийная работница, тов. А. Э. Пампе.

Благодаря указанным обстоятельствам, в Харьковской большевистской организации, в январе 1915 года, числилось не более 10 человек, мало связанных друг с другом, почти совершенно оторванных от рабочих масс. Между тем, реакция продолжала свирепствовать. Административный произвол и преследование всех оппозиционных элементов, массовое закрытие рабочих и других общественных организаций создали весьма тяжелую атмосферу для работы слабой группы большевиков, а отрицательное отношение их к войне открыто порицалось даже среди большинства передовых рабочих.

IV

Такое положение продолжалось всю первую половину 1915 года без крупных изменений.

Несмотря на неблагоприятные условия, все же медленно, но неуклонно усиливалась партийная работа. Партии „поднадзорных" продолжали вновь прибывать и среди них были отдельные большевики, которые тотчас же приняли участие в партийной работе. Особо отмечу приезд из Риги т. т. Алексея Медведева, Николая Ляхина и Максимова. Т. т. Медведев и Ляхин попали в Ригу, будучи высланы еще до об'явления войны из Петербурга, а т. Максимов — из Москвы. Все три товарища — рабочие и старые партийцы, твердые и последовательные большевики. Они всегда держались вместе и принимали весьма активное участие в партийной работе. Из приехавших в Харьков в первую половину 1915 г., нужно отметить также москвичку — Марусю Скобееву. Тов. Скобеева также была „поднадзорной" и горячо участвовала во всех работах партии. Товарищи Медведев и Ляхин жили в одной квартире на Журавлевке; тов. Скобеева занимала комнату в том же доме, рядом с ними. Таким образом, в этом доме образовалось естественное ядро партии, которое, вместе с другими наиболее активными товарищами, фактически направляло работу организации.

Недовольство (правда, еще очень слабое, неоформленное) войной и помещичье-бюрократическим режимом стало просачиваться в рабочие массы. Вместе с тем, результаты разрушительной войны начали все сильнее и сильнее сказываться на народном хозяйстве. Все возростающая дороговизна стала чувствительно отражаться на бюджете рабочего. Губернатор Массальский не мог не учесть значения этого явления и решил, со свойственной ему пылкостью и энергией, бороться с дороговизной. Разобраться в сложных причинах, вызвавших дороговизну, было не по плечу ретивому губернатору, и он избрал самый простой способ административного воздействия на рынок.

Но, как ни старался Массальский, от этого дороговизна не уменьшалась, а, наоборот, цены на предметы питания, а также на фабрикаты, неуклонно росли. Это было первым и самым основным условием, которое заставляло широкие пролетарские массы Харькова, как и всей России, забыть патриотический угар, задуматься над дальнейшей своей судьбой, которой распоряжаются Массальские и им подобные. Массы стали все больше и больше переходить в лагерь оппозиции, а затем и революции.

В это время произошло событие, окончательно расчистившее дорогу революционным партиям. Это—разгром галицийско-карпатского фронта. Я не стану здесь описывать, какую это создало обстановку в Харькове, ибо она ничем не отличалась от таковой в любом промышленном городе.

Одним из главных последствий этого жестокого разгрома было то, что образовалась брешь в союзе, заключенном против революции между феодально-бюрократическим царским правительством и империалистической буржуазией, во главе с кадетами.

Кадеты прекрасно знали, к чему приведет революция, если она разразится во время войны, что тогда им Царьграда не видать. И в своей политической близорукости и страшной боязни перед революцией, они согласились забыть старые счеты с царским правительством лишь бы добиться внутреннего мира,—непременного условия „победы".

Но галицийский разгром открыл им глаза. Они в ужасе убедились, что царское правительство не способно вести войну. Очутившись между революцией, с одной стороны, и неспособным царским правительством, с другой, буржуазия делает отчаянную попытку взять в свои руки руководство войной и военной промышленностью. Явочным порядком создаются военно-промышленные комитеты, которые, вместе с городским и земским союзами, стремятся взять на себя все техническое и продовольственное снабжение армии. Создается „Прогрессивный Блок" Думы. Царское Правительство, вместо поддержки, оказалось в положении атакуемого со стороны вчерашнего союзника. Это смешало все карты и несколько расстроило общий фронт реакции.

Рабочий класс, который выносил на своих плечах все тяжести войны, не мог оставаться пассивным зрителем в создавшейся обстановке. В настроении самых широких масс произошел решительный сдвиг. Наша организация не могла не учесть создавшейся ситуации и не сделать из этого соответствующих выводов. Нужно было использовать временную растерянность реакции, чтобы укрепить свое влияние в рабочей среде, где уже начался процесс революционизирования. Надо было сделать все, чтобы усилить этот процесс и направить его в организационное русло. Не могло быть сомнения, что буржуазия, от страха перед революцией, вновь кинется в об'ятия царского правительства.

V

Но этот урок не мог пройти даром. Повсюду началось заметное оживление. Общественный под'ем, особенно в рабочей среде, начал принимать определенные формы. Для обсуждения вопроса об отношении

к военно-промышленным комитетам, в начале августа 1915 г., с разрешения администрации, был созван громадный митинг рабочих в помещении „Дома Рабочих“ [1]). Огромный зал был битком набит рабочими. Задолго еще до начала митинга, многим пришлось вернуться обратно за неимением места.

Наша организация приняла активное участие в проведении этого митинга. Однако, настроение рабочей массы было еще далеко не в пользу большевиков „пораженцев“, хотя некоторый поворот в пользу нашей партии безусловно произошел. Наше влияние было еще слабым, оно только начинало укрепляться, и фактическое руководство на митинге принадлежало оборонцам разных толков. Председателем собрания был избран оборонец Кондратьев.

Большинство ораторов говорили об опасности, угрожающей России со стороны победоносного прусского юнкерства, во главе с Вильгельмом, о необходимости защиты отечества, о необходимости временно воздержаться от политических выступлений и об‘единить все живые силы страны для организации победы над страшным бронированным кулаком милитаристической Германии. Поэтому, рабочему классу необходимо принять активное участие в создаваемых военно-промышленных комитетах, долженствующих вырвать дело снабжения армии из рук реакционного и неспособного правительства, не пользующегося доверием демократии.

Наконец, очередь дошла до представителя нашей организации. Здесь надо отметить, что нам организовывать серьезное выступление было чрезвычайно трудно. Все наиболее активные члены партии состояли под надзором, и в этот день они находились под особенно усиленным наблюдением со стороны тайной и караульной полиции. Им выступать было невозможно. Хотя в этот день много с увлечением говорилось о „свободе“ и возможности безнаказанно „изливать свою наболевшую душу“, но не могло быть ни малейшего сомнения, что к большевикам-„пораженцам“ эта свобода не относится.

Незадолго до этого митинга, в Харьков приехал молодой пролетарский поэт, тов. Поморский, который все последние месяцы подвергался беспрерывным преследованиям. Он вызвался выступить на митинге и осветить точку зрения партии на войну и задачи пролетариата.

Тов. Поморский говорил очень быстро, сильно волновался, а потому речь его вышла несколько нескладной, что ослабляло впечатление. Но все же победа была налицо. Во время его речи были попытки со стороны группы черносотенцев устроить обструкцию, но собрание само призывало их к порядку и восстанавливало тишину. Между тем, имея в виду прежнее отношение к нам, можно было ожидать, что товарищу не дадут закончить речь. По окончании речи была поставлена на голосование резолюция нашей организации, которая и была принята собранием. Резолюция

[1]) Подробнее об этом митинге см. „Пролетарская Революция“, № 9, статья т. Базанова: „9 месяцев партработы в Харькове“.

меньшевиков и других оборонцев получила меньшинство. После такого исхода голосования полицеймейстер закрыл собрание, а тов. Поморский при выходе из собрания был арестован и впоследствии осужден в крепость.

Этот митинг был поворотным пунктом в деятельности Харьковской организации. Перед нею открылась возможность в дальнейшем перейти к массовой работе. Правда, после такого, необычного в то время, митинга вновь усилилась реакция. Буржуазия убедилась, что всякая ее борьба с царским правительством расчищает дорогу для рабочего движения, которое опасно и для нее самой не в меньшей степени, чем для реакционного правительства. Из опасения к революционному движению, буржуазия восстановила единый фронт с царским правительством против рабочих. Реакция вновь вступила в свои права, применяя прежние методы подавления рабочего движения. Такого митинга в Харькове уже не было вплоть до самой революции. Тем не менее, почва для широкого движения была подготовлена.

В связи с поражениями на фронте и отступлением армии, в Харьков хлынула первая огромная волна беженцев. Из Риги эвакуировались в Харьков завод Всеобщей Компании Электричества с 4.000 рабочих и ряд других более мелких заводов и фабрик. Среди приехавших было немало старых членов партии. С ними организация скоро установила связь. Между тем, дороговизна росла с каждым днем, а неудачи на фронте продолжались. Процесс революционизирования рабочих в эту осень (1915 год) происходил особенно заметно. Как ни старалась полиция задушить этот неизбежный процесс, ей это не удалось. Параллельно с усилением рабочего движения, начинала просыпаться и мелкая буржуазия, интеллигенция, студенчество и прочие средние слои общества, всегда тянувшиеся в хвосте рабочего движения. Понемногу стали возрождаться и оживлять свою деятельность общественные организации. Как одно из наиболее заметных явлений в этой области следует отметить созванный Харьковским О-вом Грамотности, во главе с народником Сергеем Игумновым, с'езд по внешкольному образованию. На с'езде участвовала небольшая рабочая группа, по преимуществу, от больничных касс, пытавшаяся придать с'езду политический характер, чему сильно противилась либеральная интеллигенция, составлявшая громадное большинство с'езда. На последнем заседении, после провала предложений рабочей группы, последняя демонстративно оставила с'езд.

Под'ем общественной жизни не мог не отразиться также на национальном движении. Во время войны национальный гнет значительно усилился. Особенно от него страдали украинцы. Сейчас же после об'явления войны были закрыты все, издававшиеся на украинском языке, газеты и друг. периодические издания. Группа украинских с.-д., во главе с Я. Д., решила использовать временное ослабление реакции, чтобы добиться издания газеты на украинском языке. Так как в то время было очевидно, что уничтожение национального гнета может осуществиться лишь в результате революции, то большинство активных деятелей национально-освободительного движения примыкали к социалистическим группировкам.

В частности, группа, о которой я говорил выше, в вопросах „общей политики“ примыкала к интернационалистам-циммервальдцам.

Им, в конце-концов, после долгих мытарств, удалось получить разрешение на издание газеты, под названием „Слово“. К участию в газете были привлечены также большевики и интернационалисты. Это была первая газета, вышедшая на украинском языке, после годового перерыва. Но администрация не зевала. Типография, в которой печаталась газета, была за какие-то формальные упущения оштрафована на 1.000 рублей. Это был наиболее верный способ приостановки нежелательного органа. Несмотря на все старания Я. Д. и его товарищей, после этого ни одна типография не согласилась печатать газету, и она вынуждена была прекратить свое существование.

VI

Харьковская организация нашей партии из совершившегося перелома в настроении рабочих масс сделала соответствующие выводы и коренным образом изменила свою тактику и методы организационной работы. При создавшихся условиях мы считали своей первейшей задачей установление прочной связи нашей слабой, немногочисленной и замкнутой организации с наиболее передовыми группами рабочих на заводах и фабриках, с целью вовлечения их в партийную работу. В связи с этим, вопросы пропаганды и агитации были выдвинуты в первую очередь. Вместе с тем, организацией были приняты меры к установлению связи с организациями других городов. Для этой цели были командированы: в Москву и Петроград т. Валентин (Базанов), в Екатеринослав и Донецкий бассейн — т. Медведев. По собранным ими сведениям, к концу осени 1915 г., самой сильной считалась Петербургская организация, где числилось до 1.000 членов партии; затем идет Москва с 300 чл. партии, в Саратове была небольшая группа, а в Екатеринославе организация за первый год войны совершенно распалась и к приезду нашего представителя стала вновь сформировываться. Поездка т. Медведева имела своей главной целью подготовку южной конференции большевистской партии, которую предполагалось созвать в конце декабря 1915 г. в Харькове.

Из Петербурга и Москвы была получена кое-какая литература.

Что касается самой Харьковской организации, то она стала быстро расти и укрепляться. В августе 1915 г. организация разбилась на два района. В I-й район вошли ячейки прежнего состава, а II-й район был создан из вновь образовавшихся ячеек, состоявших почти исключительно из приехавших из Риги, вместе с эвакуированными заводами и фабриками, старых членов партии, прошедших школу строгой партийной дисциплины и конспирации. Этой особенностью II-й район отличался за все время его деятельности. К I-му району были отнесены почти все прежние члены Харьковской организации и часть вновь вступивших.

В течение августа месяца число членов организации увеличилось в несколько раз. Так, на массовке всей организации, устроенной в мае или июне 1915 г, в Покатиловском лесу, участвовало всего 12—13 членов

партии; на массовке же только одного II района в том же лесу в августе присутствовало 24 члена партии.

Параллельно с расширением велась работа по внутреннему упорядочению самой организации. Собственно говоря, до августа месяца Харьковская большевистская группа не могла похвалиться своей организацией. Ячеек, как таковых, почти не было. Товарищи знали друг друга и поддерживали связь. Вообще, внутрипартийная работа велась слабо. Даже Харьковского Комитета, как органа выбранного согласно уставу Партии, не существовало. Его место заменяла наиболее активная группа членов партии, руководившая всей работой организации. Членские взносы хотя формально существовали, но никто не следил за их поступлением, вследствие чего состояние кассы было весьма тяжелым.

Теоретическими силами с широкой подготовкой партия в то время почти не располагала, если не считать т. Осинского (Оболенского), который находился в числе поднадзорных. К нему Х. К. и обращался за составлением тезисов, докладов и резолюций.

Учитывая значение для организации т. Осинского, партия не могла допустить его к непосредственной работе, ибо это при существовавших условиях привело бы к неизбежному его провалу.

В течение августа и сентября была произведена коренная перестройка всей организации.

Во главе районов стояли районные комитеты, избираемые на общих собраниях (массовках) членов партии данного района. Высшим органом партии считалась общегородская Конференция, состоявшая из представителей районов — по одному на каждые 10 членов партии. 1-я городская Конференция состоялась в сентябре 1915 года. В ней участвовало с обоих районов 8 делегатов (от I-го района: И. Ляхин, А. Медведев, Максимов; от II-го района: К. Спигис, Муценек и пишущий эти строки; фамилии остальных 2-х делегатов не помню). Конференция обсудила и наметила ближайшую тактику партии и избрала Харьковский Комитет. В состав нового Харьковского Комитета вошли: Н. Ляхин, А. Медведев, К. Спигис, представитель группы студентов - большевиков Емельянов (Сурик) и пишущий эти строки. Эта Конференция является поворотным пунктом в деятельности нашей организации. Конференция признала, что ближайшей задачей партии должна считаться подготовка вооруженного восстания. Для осуществления этой основной задачи нужно было выйти из внутри - кружковой системы и раздвинуть узкие рамки организации. Во главу угла всей деятельности было поставлено укрепление и расширение подпольной организации и соответствующее упорядочение ее организационной структуры. Конференция поставила считать непосредственной задачей ближайшего периода создание партийных ячеек на всех заводах и фабриках.

Таким образом, перед партией стояла задача установления живой связи с рабочими массами через партийные ячейки на заводах и фабриках. Эта связь прежде всего была установлена на тех заводах, где работали члены нашей организации (завод Алексеева — т. Медведев, завод

Шиманского — т. Максимов, зав. Гельферих-Саде — т. Пульяновский и т. д.). Самая крепкая и сильная ячейка существовала при заводе Всеобщей Компании Электричества. Там ячейка фактически исполняла роль завкома, и, благодаря ряду организованных ею удачных выступлений, партия на этом заводе пользовалась исключительным влиянием.

VII

Ставя во главу угла своей деятельности всестороннее укрепление нелегальной организации, 1-я Конференция постановила использовать также те немногие легальные возможности, каковые открылись перед партией вследствие некоторого смягчения полицейско-административного режима, с целью использования начавшегося в широких пролетарских массах брожения. Здесь работа велась, главным образом, в немногих не закрытых профессиональных организациях, всецело находившихся под влиянием „оборонцев“: захват знаменитого харьковского „Дома Рабочих“, расширение влияния партии на больничные кассы и, наконец, выступления на всякого рода открытых собраниях, митингах и проч.

Первый удар был направлен против черносотенной группы, засевшей в „Доме Рабочих“. Этому благоприятствовало то, что этот Дом находился в рабочем районе (Петинская ул.), недалеко от Паровозостроительного завода и вновь строившегося эвакуированного завода Всеобщей Комп. Электричества, а также и то, что освободить это ценное создание Харьковского пролетариата из рук черносотенцев не представляло особой трудности, поскольку последние не имели широкой поддержки со стороны рабочих.

Как я уже указывал выше, группа черносотенцев, во главе с Наливайко, предполагала сдать этот дом, имеющий историческое значение, в аренду под кинематограф на 12 лет, чтобы таким образом окончательно закабалить его и не дать возможности использовать его в дальнейшем при оживлении рабочего движения. Но для этого они должны были созвать общее собрание. Ждать было опасно, и Х. К. решил действовать немедленно. По постановлению Харьковского Комитета, все члены организации обязаны были записаться в члены О-ва „Дома Рабочих“ и помимо этого записать еще несколько сочувствующих нашему движению. Вследствие этого, в течение 2—3 недель записалось около 200 новых членов О-ва. Понимая, к чему может привести такая организованная, массовая запись новых членов, старые заправилы старались всеми мерами ограничить запись. Например, они совершенно не записывали женщин, несмотря на то, что по уставу никакого ограничения для последних не было. Свой отказ они мотивировали тем, что в их практике не было случая, когда бы женщина просила записать ее в члены О-ва, а потому-де этот вопрос следует перенести на разрешение общего собрания.

Несмотря на все подобные ухищрения, на ближайшем общем собрании черносотенцы оказались в значительном меньшинстве и большинство в новом правлении принадлежало нашей организации.

Таким образом, Харьковский „Дом Рабочих“ в конце 1915 г. оказался в распоряжении большевистской партии.

Что касается профессиональных организаций, то здесь дело обстояло значительно сложнее. Прежде всего, индустриальных профсоюзов в то время не было. Они были давно уже закрыты. Наиболее деятельным считалось Професс. О-во конторских служащих. Понятно, что наша организация меньше всего могла расчитывать на поддержку со стороны мелкобуржуазной служилой интеллигенции, составлявшей почти весь состав этого О-ва. Здесь твердо укрепились и играли руководящую роль крайние-правые меньшевики—оборонцы (Сачерашвили) и даже просто либералы (Масанов). Не лучше обстояло дело с больничными кассами. Если не трудно было отнять у непопулярной в рабочей среде группы черносотенцев „Дом Рабочих“, то не так легко можно было справиться с меньшевиками и другими оборонцами, успевшими вполне укрепиться в этих организациях. Кроме того, меньшевики в своей узкой практической работе в этих кассах показывали вид, что они все же являлись стороной, защищавшей интересы рабочих, что имело большое значение. Вопросами, выходящими за пределы узко-практической работы, рабочие тогда еще мало интересовались.

VIII

Политический под‘ем осени 1915 г., приведший к укреплению нашей организации, в то же время явился импульсом к возникновению целого ряда революционных групп и организаций, имевших разные политические платформы. Такое разнообразие группировок вполне соответствовало сложной обстановке, вызванной войной и связанными с нею явлениями, которые вывели из политического равновесия не мало старых партийных деятелей.

Самой сильной и многочисленной организацией в то время являлась наша большевистская организация. В нашем распоряжении была также единственная нелегальная партийная типография. Кроме нашей, в конце 1915 г. в Харькове существовали еще следующие революционные организации и группы:

1) Группа интернационалистов-циммервальдцев. Возглавлялась эта группа троцкистом Аркадиным, принимавшим раньше активное участие в журнале „Борьба“, и П. Пекманом—бывшим ярым оборонцем, исключенным за это в начале войны из Рижской организации С.-Д. Латвии. В Харьков Пекман приехал в начале осени 1915 года из Петербурга с изменившимися взглядами и был в группе интернационалистов одним из самых активных работников. Группа интернационалистов возникла в сентябре и к концу года насчитывала от 12 до 15 членов. В основу ее политической платформы были положены циммервальдские резолюции.

2) Харьковская организация Бунда. Это единственная революционная организация, которая, помимо нашей и студенческой, существовала еще до августа 1915 г. Но активную деятельность организация Бунда начала проявлять лишь примерно с сентября. Бундовцы

также признавали циммервальдовские решения и считались наиболее сильной по численности и деятельности организацией, после нашей.

3) Студенческая С.-Д. Организация, почти совершенно распавшаяся в первый год войны, также стала собирать свои силы и привлекать новых членов. В первое время в организации были об'единены все течения, начиная от большевиков и кончая оборонцами, благодаря чему в ней существовали внутренние разногласия, мешавшие сплоченной и планомерной деятельности.

Как только окрепла наша организация, она вошла в связь со студенческой организацией и создала две чисто большевистские ячейки: при университете и технологическом институте. Обе ячейки были прикреплены к первому району. Во главе первой ячейки стоял т. Сурик, руководство второй было поручено т. Ляхину. Помимо ячейковых собраний, для обсуждения вопросов, касающихся всех высших учебных заведений, созывались фракционные собрания из членов обеих ячеек. Студенческой фракцией была в конце 1915 г. устроена студенческая демонстрация на Сернской ул., предполагавшуюся другую демонстрацию перед университетом полиции удалось разогнать.

4) Паровозостроительный завод. Вполне естественно, что все политические группировки, претендовавшие на руководство рабочим движением, прежде всего старались укрепить свое влияние на паровозостроительном заводе, как самом крупном предприятии Харькова. Однако, общая атмосфера, господствовавшая на этом заводе, не могла благоприятствовать превращению его в очаг революционного движения. После неоднократных попыток в середине лета 1915 г. нашей организации удалось сорганизовать там небольшую ячейку. Работа по созданию партийной ячейки на паровозостроительном заводе была поручена т. Медведеву и Рудому (последний оказался провокатором). Кроме того, там имелась также ячейка меньшевиков.

5) Меньшевики-оборонцы, несмотря на наличие довольно большого числа приверженцев этого течения, не сумели создать единую организацию. Трудно даже сказать, существовала ли у них, вообще, партийная организация в смысле прежних подпольных организаций. Большинство из них даже в период открытых и ничем необузданных гонений на рабочие организации и после закрытия всех печатных рабочих изданий, включая туда и меньшевистские, даже после всего этого они так увлеклись „использованием легальных возможностей", что создание нелегальной организации считали слишком второстепенным делом. Они работали, главным образом, в больничных кассах и профессиональных обществах. Наиболее сильную позицию они имели в Типографской об'единенной б. кассе, где работала дружная группа старых меньшевиков (Н. П. Романенко, А. Морозов, Н. И. Чупраков, Т. А. Грачев и др.), а также в О-ве Конторских служащих.

Идейным руководителем и вдохновителем крайнего оборонческого течения был известный „страховик" С. Шварц (Моносзон), который в Харькове отбывал высылку и надзор.

Успехи революционного движения последней половины 1915 г. расшевелили и меньшевиков. Видя быстрый рост и укрепление влияния нашей партии в рабочих массах, они даже начали заговаривать о едином фронте с большевиками. Для сближения с нашей организацией они устроили на Москалевке политическую встречу нового года, где участвовало около 30 наиболее видных меньшевиков, на которую были приглашены представители от Х. К. большевистской организации. К меньшевикам на это собрание был делегирован т. Медведев. Но это собрание ни к чему не могло привести, так как меньшевики дальше хороших пожеланий и революционной фразеологии идти не пожелали.

б) Говоря о революционных организациях и группах конца 1915 г. в Харькове, нельзя обойти молчанием и группу украинских С.-Д., о которой я писал выше. Хотя группа принципиально признавала циммервальдовские принципы, однако на первый план она ставила национальный вопрос. Группа не представляла строгую организацию с определенной политической программой. Состав ее был чисто интеллигентский.

Что касается социал-революционеров, то в этот период они не представляли определенной политической силы. В революционном движении их существование ничем не проявлялось. Наиболее близкие к эсерам народники работали одиночками (напр. С. Игумнов) и никакой обобщенной работы не вели.

Численный состав Харьковских революционных организаций и групп осенью 1915 г. выражался приблизительно в следующих цыфрах:

Название организаций и групп	Количество членов
Большевистская организация (включая Студенческую организацию)	85 — 90 челов.
Организация Бунда	20 — 25 „
Группа интернационал.-циммервальдцев	10 — 15 „
Меньшевистская организация (включая группу при паровозостроительном заводе)	40 — 50 „
Украинская С.-Д. группа	10 — 15 „
Всего [1])	165—195 челов.

IX

Непосредственное участие через военно-промышленные комитеты, городские и земские организации в регулировании военной промышленности и снабжении армии, укрепило положение промышленной буржуазии, и перед лицом наростающей революции, которой она боялась пуще огня, последняя решила переменить свою тактику. Брать ценою революции

[1]) В это число входят только действительные члены организаций и групп, не считая сочувствующих.

дальнейшие уступки у царя, буржуазия считала для себя невыгодным. И хотя борьба между бюрократической кликой и буржуазным прогрессивным блоком продолжалась, но она велась в „приличных", „парламентских" рамках, не допуская никаких эксцессов, могущих ослабить реакционно-буржуазный фронт против фронта революции. Правые меньшевики и прочие оборонцы, поддерживавшие лозунг: сначала разгром Кайзера, потом революция—естественно, стали на сторону буржуазии и против пролетариата.

В связи с такой ситуацией, полицейский режим вновь укрепил свои позиции и, после маленького перерыва, репрессии начались с прежней силой.

Таким образом, образовались два лагеря: черносотенно-буржуазно-оборонческий, или лагерь реакции и большевистско-циммервальдский лагерь, или лагерь революции. Вполне естественно, что перед лицом создания единого противореволюционного фронта возникла мысль о создании единого революционного фронта. Приблизительно в октябре 1915 г. возникла мысль о блоке всех анти-оборонческих организаций и групп на основе определенной программы. Такой программой в это время служили циммервальдские резолюции и непосредственная подготовка революции.

В конце года, приблизительно в ноябре, было достигнуто соглашение о создании т. н. „Совета Харьковских С.-Д. Организаций". Совет составлялся из представителей организаций и групп, а именно: большевистской организации, интернационалистов-циммервальдцев, Бунда, студенческой С.-Д. организации.

Участвовала ли в „Совете" группа паровозостроительного завода—не помню. Представителями большевистской организации в „Совете" были т. Ляхин и пишущий эти строки.

Главной задачей Совета была координация действий разрозненных организаций и групп и усиление революционной работы, вообще, путем выпуска прокламаций, устройства митингов, демонстраций и других массовых выступлений, организация стачек на экономической и политической почве и проч., а также совместное выступление в профессиональных организациях, больничных кассах и других организациях.

X

Первое открытое выступление и выпуск прокламаций от имени „Совета" предполагалось приурочить к 9-му января 1916 года. Для осуществления этого плана в конце декабря 1915 г. начались подготовительные работы, которые протекали в весьма тяжелых условиях. Наша организация, сумевшая за несколько месяцев выросги численно и укрепиться организационно, стала испытывать на себе новые удары. Полиция и охранка к концу года особенно усилила свою деятельность. К тому же времени в Харькове появился известный охранник Грегус. Он прославился созданием т. н. „музея" при рижской охранке, состоявшего из специальной комнаты с разными инструментами и приспособлениями для пыток, применявшимися к политическим заключенным. Во время

наступления на Карпаты, Грегус был назначен начальником округа в Восточной Галиции и после отступления армии оказался не у дел и вернулся к своей „специальности“, став во главе Харьковской охранки.

Отыскать нити, ведущие к нашей организации, было не так трудно, так как в нее входило, как и раньше, не мало „поднадзорных“, которые были хорошо известны полиции и охранке.

Но несомненно, что главным виновником, имевших место провалов, был провокатор Рудый, сумевший в одно время попасть даже в Х. К. В продолжение нескольких месяцев он с подлинным искусством сумел свою натуру полицейского волка скрыть под шкуру преданной партийной овечки. Благодаря этой способности ему удалось заслужить доверие партии и выведать не мало самых сокровенных партийных тайн, которые немедленно сообщались „по начальству“.

Когда же товарищам, работавшим с ним, удалось раскрыть его проделки, охранка решила, что большего узнать о нашей организации не удастся, а потому приступила к ликвидации тех работников, которые в своей деятельности ближе всего соприкасались с Рудым, о которых имелись наиболее полные сведения.

В одну ночь были арестованы т. т. Ляхин, М. Скобеева, Базанов и друг.

Но уничтожить организацию Рудому не удалось, так как в условиях подпольной работы и конспирации даже такому „специалисту“, как Рудый, нельзя было знать всех членов партии и дать о них необходимые сведения своему „начальству“.

Главным образом от арестов пострадал 1-й район, где состоял Рудый, II-й район был создан уже после разоблачения Рудого и, поэтому, остался на этот раз невредимым.

Время от времени производились обыски и арестовывались отдельные товарищи. За домом на Журавлевке, где жили члены Х. К., т. т. Ляхин и Медведев и члены партии (Скобеева и Пампе), была установлена энергичная слежка, но настолько неудачная, что товарищи сейчас же это обнаружили и приняли необходимые меры предосторожности, вынеся из квартиры все партийные документы и материалы, так что при нагрянувшем, вскоре после этого, обыске ничего компрометирующего не было найдено. Опасаясь возможного ареста, многие товарищи вынуждены были ночевать вне дома и не показываться на улице. Преследования коснулись, конечно, и других организаций и групп, вошедших в „Совет“, но в меньшей степени. Большевистская организация была самой сильной и самой опасной для реакции, и вполне естественно, что главное внимание охранки было обращено на нее.

Несмотря на все репрессии, подготовка выступления 9-го января продолжалась усиленным порядком. Было решено выпустить, при помощи нашей типографии, прокламацию и в день девятого января устроить всеобщую политическую забастовку и открытые демонстрации во всех районах с участием рабочих и студентов.

Первый текст прокламации был набросан мною, а затем переделан и окончательно отредактирован Аркадиным, представителем Бунда в

„Совете“ (фамилию не помню), и мною. Происходило это, по злой иронии судьбы, в помещении типографской Больничной кассы — одной из цитаделей харьковских оборонцев. Прокламация лишь вкратце останавливалась на самом событии 9-го января, а весь центр внимания был обращен на отношение к войне. Оканчивалась она призывом к революции и прекращению войны. Прокламация была подписана от имени „Совета Харьковских С.-Д. Организаций“. Вполне соответствовавшая по своему содержанию требованиям момента, она имела безусловные дефекты в отношении стиля. Написана она была в довольно сложных и неудобоваримых для широкой рабочей массы выражениях. Для характеристики приведу лишь одну фразу, сохранившуюся случайно в памяти. Она характеризует стиль этого документа... „Ненасытный молох империализма, разрубив мечом международные связи пролетариата“ и т. д.

Главная демонстрация должна была быть устроена на Петинской, где находятся заводы: Паровозостроительный и „Всеобщая Компания Электричества“.

Для непосредственной подготовки забастовки и демонстрации, в начале января было устроено несколько собраний с участием представителей „Совета“ и входивших в него организаций. Два или три таких собрания состоялись в помещении Больничной кассы при Паровозостроительном заводе, в „Доме Рабочих“. На этих собраниях, кроме партийных представителей, участвовали для связи также представители всех наиболее крупных заводов. На этих собраниях участвовал, среди прочих, также рабочий паровозостроительного завода Сигаев, входивший в местную группу меньшевиков. Харьковские старожилы считали его старым эсдеком и относились к нему с доверием. С ним мы сталкивались также и при захвате „Дома Рабочих“, где он как будто сочувствовал, как старый эсдек, нам, но в то же время нам, большим скептикам, казалось, что он не совсем равнодушен и к группе Наливайко. На собраниях он по преимуществу не говорил и ничем себя не проявлял. Архивные документы охранки разоблачили его провокаторскую деятельность также, как и Рудого.

Последнее собрание состоялось вечером 7-го и 8-го января. Было решено выступать. Все последние часы шла лихорадочная работа. Но не дремала и полиция. Слежка велась самым усиленным порядком. В ночь на 9 января было арестовано свыше 20 человек и среди них т. т. Медведев, Пекман, Ляхин, я и другие. Из активных партийных работников, как нашей организации, так и других групп, входивших в „Совет“, остались на свободе лишь те, которые не принимали участия на последних собраниях в помещении Больн. кассы при Паровозостроительном заводе. Нас, группу самых опасных, разместили по одиночкам в промежутках между уголовными, чтобы совершенно лишить всякой возможности сноситься. Надо сказать, что в Харьковской тюрьме сношения между политическими заключенными были организованы чрезвычайно скверно, а с внешним миром связи не было никакой. Это был один из пробелов в нашей организации. Так как почти все из нас ожидали ареста, то при обыске никаких компрометирующих документов найдено не было, и создать

„дело“, даже „осведомленной“ о нашей деятельности жандармерии не удалось. Хуже было нам „поднадзорным“; других почти всех скоро освободили.

Хотя мы сравнительно легко отделались и организация с этим арестом не развалилась, но зато задуманное выступление потерпело неудачу и все дело ограничилось несколькими немногочисленными митингами и слабыми попытками устроить демонстрацию.

На этом и кончается мое знакомство с Харьковской организацией Р. С.-Д. Р. П. Большевиков.

Тифлис, 10 мая 1923 г. А. БАЛТИН (Т. БЛУМ)

Очерк из истории социал-демократического движения в Киеве (80—90 г.г.)

(Продолжение) [1].

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

Выше указано было, что „деятельность группы“, приступившей в 1897 г. к изданию „Рабочей Газеты“, выходила из местных киевских рамок. Группа эта фактически подготовила и осуществила идею об‘единения разрозненных соц.-демократических кружков в единую партию. Конечно, об‘единение это подготовлялось всем ходом исторического развития, тем не менее, следует отметить, что исключительно энергичная деятельность группы этот момент приблизила. „Началом существования этой группы надо было считать 22 августа 1897 г., когда вышел № 1 „Рабочей Газеты“. На самом деле возраст группы много старше... члены группы „Рабочей Газеты“ были последовательно членами всех тех групп, в которые преобразовывалась, по мере развития и расширения деятельности, первая Киевская русская группа. Называлась ли группа просто Русской, или группой „Рабочее Дело“, или „Киевским Союзом Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“,—в центре этих групп стояли одни и те же люди, которые потом были членами группы „Рабочей Газеты“. Только изредка выбывал кто-либо из старых и входил кто-либо из более молодых... В группе никогда не было одновременно более 10 человек“ [2]).

Т. Эйдельман называет следующих членов группы: Б. Эйдельман, Н. Вигдорчик, П. Л. Тучапский, С. Померанц, В. Крыжановская, Розенберг, В. Шен, П. Белоусов, Этингер, Л. Теслер.

Группа ставила своей целью „создание фактического центра с расширением его функций, обслуживание организаций до вмешательства советом и руководством“ [3]). Газета с широко поставленной информацией о ходе рабочего движения во всех концах России должна была служить могучим орудием сближения всех соц.-демократических кружков и пропаганды идей об‘единения. Необходимость такого об‘единения, создания руководящего партийного центра, давно уже назрела и сознавалась многими организациями. Попытки, к числу которых принадлежит „Киевская конференция 17—18 марта 1887 г.“, делались и другими группами.

[1]) См. „Летоп. Рев.“ № 4, стр. 3—22.

[2]) Цитирована статья Эйдельмана.

[3]) Там же.

Киевская организация, из которой вышла „Группа Р. Г.“, была наиболее конспиративной, и, вплоть до 11 марта 1898 г., почти не знала провалов. Руководитель ее, Борис Львович Эйдельман, был идеальным конспиратором, от всех группировавшихся вокруг него т-щей он всегда требовал безусловной точности и конспиративности. Твердая рука Бориса Львовича умела создать в Киевской организации железную дисциплину, которая была так необходима в условиях царского подполья. Недаром рабочие Сонкин, Люлев и др., близко знающие Бориса Львовича, рассказывают: „если Борис Львович говорил, что нужно быть в 6 часов на такой-то улице, то хоть умри, а надо было выполнить“. „Группа Рабочей Газеты“, да и вся группа, как об этом говорит Борис Львович, прошла хорошую школу конспирации. Затем нужно также учесть тот факт, что Департамент полиции, вплоть до 1897 года, не обращал достаточного внимания на киевское движение. Внимание жандармов было устремлено на разгром социал-демократических групп главных центров, как Москва, Петербург. В силу этих-то условий, до 1897 года, у руководителей киевского движения и выработался конспиративный опыт, помогавший им сбивать с толку филеров во время усиленной слежки. Усиленные розыски начались со времени распространения газеты „Вперед“. Лишь 13-го декабря 1896 г. начато было при Киевском жандармском управлении дознание по 1035 статье. „Распространение прокламаций,—пишет в своем заключении прокурор Киевской Судебной Палаты,—продолжалось на протяжении почти всего 1897 года. Источник их распространения оставался неизвестен, пока Киев. Губ. жандармское управление не получило первых негласных сведений о том, что воззвания и газеты распространяются организовавшимся в Киеве тайным революционным сообществом, присвоившим себе название „Киевского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“, и только в начале декабря, „после безуспешных попыток“, жандармы обнаружили руководителей „Союза“. Особенно конспиративно держал себя наборщик „Рабочей Газеты“ Альберт Поляк, своими трюками испортивший жандармам немало крови; „таким же бродячим образом жизни отличался и ближайший сотрудник Эйдельмана по преступному издательству,—пишет прокурор,—типографский наборщик Ал. Поляк, который проживал то в Киеве, то в Одессе, то в Екатеринославе, везде принимая деятельное участие в преступной пропаганде, будучи по этой части достойным сотрудником и помощником своего руководителя („господин“ прокурор не ошибся?) и, завязав в Киеве самые тесные сношения с Белоусовым, Теслером, Померанцем и другими членами местного преступного сообщества, поддерживал в то же время сношения с членами Екатеринославского „Союза Борьбы“, пользуясь, повидимому, среди них большим влиянием, и авторитетом и группируя их вокруг себя“. Приезжая в Киев, Поляк, по агентурным сведениям, тщательно скрывал свое местопребывание [1])“. Общие условия эпохи, настойчиво требовавшие создания партии, в то же

[1]) Дело прокурора Киевской Судебной Палаты о тайном сообществе К.С.Б. за эс.р.к.

время вырабатывали, выковывали у выдающихся деятелей движения, качества, дававшие возможность осуществления поставленной задачи.

Таким образом, было налицо горячее желание создать обще-русскую газету, были литературные силы (Н. Вигдорчик, П. Тучапский и другие), был наборщик А. Поляк,— недоставало только типографии. „Строить типографию „Рабочей Газеты" начали трое из четырех членов первого Киевского рабочего комитета (Поляк, Мельников, Эйдельман). Конечно, в числе трех был и Мельников. Первым делом было привезти из другого города (Гомеля) запас шрифта, принадлежавший запасливому Поляку. Рама железная была сделана в Ромнах у Мельникова. Когда материал для первого номера „Рабочей Газеты" был готов, мы купили мраморный стол, краску и еще кое-какие мелочи. Стол с потайной наборной кассой был привезен из Минска; таким образом, различные части типографии „Р. Г." доставлены следующими городами: Гомелем, Киевом, Ромнами, Белостоком и Минском. Строилась типография от начала 1896 до середины 1897 г." [1]).

Больше года потребовалось на то, чтобы создать эту маленькую типографию. Можно себе представить радость создателей ее, когда 22—августа 1897 г. вышел первый номер „Рабочей Газеты". Наборщик Альберт мог гордиться своим детищем—с технической стороны первый номер был издан прекрасно. Он представлял собой сброшурованную тетрадку из 28-ми листов тонкой бумаги (см. приложение), заполненную передовой статьей под заглавием: „Значение рабочей газеты для русского рабочего движения", корреспонденциями из Питера, Харькова, Киева, Риги, Вильно, отделом „Из заграничной жизни", заканчивался номер статьей „Русский капитализм и рабочее движение". Статьи написаны были популярно,—первый номер „Р. Г." рассчитан был, как говорит Эйдельман, на рабочего-массовика.

Однако, несмотря на умышленно упрощенную постановку вопроса, передовица вполне определенно выдвигает задачу создания рабочей партии.

„Русское рабочее движение,—говорит автор статьи,—теперь так выросло, что нужно подумать о постоянном общении русских рабочих между собой, о взаимной поддержке их в борьбе, о тесном братском союзе.

Ведь только соединившись в один могучий союз, в одну могучую рабочую партию, русские рабочие победят фабрикантов и правительство. Эта рабочая партия представляет такую силу, бороться с которой никто не будет в состоянии, сопротивляться которой никто не посмеет. Вот наша газета и будет содействовать такому великому делу"...

„В Цюрихе был получен № 1 „Рабочей Газеты" из Киева,—пишет Акимов,—он вызвал общий восторг. Самая газета была торжественно показана заседавшему в это время в Цюрихе Международному Конгрессу

[1]) Цитир. статья Эйдельмана.

законодательной защиты рабочих и была встречена аплодисментами [1])". Рабочие получили свою газету, со страниц которой неслись смелые и бодрящие призывы к созданию рабочей партии, к борьбе с капиталистами и гнетом самодержавного кулака. Однако не все и не совсем были довольны газетой.

Г. В. Плеханов в письме в редакцию „Р. Газеты" пишет: „Товарищи! Вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш орган есть также наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии. Ваш орган посвящен обсуждению общерусских задач социал-демократического движения. Это показывает, что и вы не ограничиваете вашего поля зрения местными делами—это очень хорошо. Сближение местных групп, слияние их в стройно-организованное целое стало теперь необходимым условием дальнейших успехов русской социал-демократии. Вторым, и не менее важным, условием его дальнейших успехов является выработка и распространение в наших рядах правильных взглядов на политические задачи нашей партии в России. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, „что всякая классовая борьба есть борьба политическая" [2]). Письмо Г. Плеханова было привезено из-за границы Л. Теслером после выхода второго номера „Рабочей Газеты". При аресте 11 марта у Теслера было найдено ответное письмо Плеханову. Теслер, извещая адресата о получении от него письма к товарищам, издающим „Р. Г.", говорит, что „группа затрудняется поместить это письмо в газете без некоторых поправок, так как находит неправильным упрек автора письма русским социал-демократическим кружкам в частом забывании значения политической борьбы. Группа полагает, что автор письма врядли решился бы упрекнуть в этом русских социал-демократов вообще, и, в частности, издателей „Рабочей Газеты", если бы прочел передовую статью № 2 этой газеты „о ближайших задачах русского рабочего движения". В конце черновика сообщается: „что группа считает крайне важным поместить письмо „к товарищам" в № 3 „Рабочей Газеты". В. Эйдельман соглашается с тем, что № 1 „Р. Г." действительно мог дать повод к такому напоминанию. Об'ясняет он, что „выполняя задачу писать для серого читателя-массовика того времени, придавали писаниям соответствующий характер. Неудивительно, что первый номер, созданный по такому рецепту и при несовершенстве редакции, не удовлетворял Плеханова, как и многих членов группы издателей".

Тем временем, наряду с подготовкой с'езда, собираются материалы для 2-го номера „Рабочей Газеты", который и выходит 20-го декабря 1897 года (помечен ноябрем).

Особенно обращает на себя внимание передовица 2 номера: пламенно, ярко она формулирует ближайшие задачи русского рабочего

[1]) „Минувшие годы" 1908 г. № 2 первый с'езд Р. С.-Д. Р. П. Акимов-Махновец.

[2]) См. письма Плеханова в приложении.

движения: „в железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов—мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача рабочего движения“. Как же добиться осуществления этих задач? Русское рабочее движение, удесятерив свои силы, выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...

Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию... Какое же знамя будет развиваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих—Маркс и Энгельс, начертали слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы.

Это—красное знамя международной социал-демократии. Русская рабочая партия будет партией социал-демократической“.

Но группа „Рабочей Газеты“ не только дала во втором номере исчерпывающий лозунг эпохи, она сумела претворить его в жизнь.

Параллельно с изданием и распространением газеты, члены группы, главным образом Эйдельман и Поляк, налаживают связи с с.-д. организациями целого ряда других городов, ведя подготовку с‘езда.

Остановлюсь на вопросе о связи Киева с другими городами. Демьян Васильевич Лесенко, контролер Новоселицкой ветви Юго-зап. Жел. дороги, которого Б. Эйдельман называет в числе членов группы „Рабочей Газеты“, поддерживает связь с Одессой—через посредство Екатерины Болеславовны Гранковской. Вот что говорит об этом жандармская справка: „Пятого декабря 1897 г. приезжает к ней человек—Лесенко, привозит письма и литературу: „Что нужно знать и помнить каждому рабочему“—25 экз.; „О штрафах“; „Мартовские стачки“—20 экз. „Сан-Петербургский листок“—3 экз.; „Работник“ № 3 и 4 и т. д. [1])

Между прочим, все эти подробности сообщал одесским жандармам провокатор (вероятно Гандер, о котором пишет Эйдельман). Жандармы держали в строжайшей тайне его фамилию. Уже во время хода дознания, Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления Департамент полиции присылаются сведения, добытые „одесским сотрудником“ (фамилия не указана). Департамент полиции рекомендует Новицкому этими сведениями пользоваться очень осторожно, показывая их только

---

[1]) Справки из дел агентуры Одесского жандармского управления о лицах, принадлежащих к „Южно-Русскому Рабочему Союзу“.

ближайшим 3—4 сотрудникам, чтобы не провалить, как они пишут, „весьма ценного сотрудника, пользующегося доверием революционных групп“ [1]).

Этот негодяй сообщает, что 23 декабря Лесенко привез в Одессу Гранковской 2 экз. „Рабочей Газеты“ № 2. Провокатор, вместе с Лесенко, под фамилией Иванова, приезжает 1 февраля в Киев, знакомится с членом Киев. С. Борьбы, Петром Белоусовым, встречается с Эйдельманом, Теслером, Эттингер и, повидимому, оставаясь не раскрытым, узнает целый ряд ценных сведений. По крайней мере, агентурная сводка пишет: „сотрудник узнал, что на Подоле (в Киеве) имеется машинка и мимеограф; в Киеве печатается газета „Вперед“, в Екатеринославе—книжка по поводу закона о рабочем дне, так как, по мнению Эйдельмана, вышедшая в Женеве по этому поводу брошюра Кольцова очень слаба [2]).

В Киеве Лесенко написал прокламацию „К одесским мельничным рабочим“. Б. Эйдельман ее редактировал и передал для печатания на мимиографе Петру Белоусову. Из этих же источников мы узнаем, что А. Поляк часто бывает в Одессе, привозит книжки, ведает заграничным транспортом литературы, просит в Одессе раздобыть животрепещущий материал для прокламаций и т. д. Несмотря на все старания, провокатору, повидимому, не удавалось узнать, где печатается „Рабочая Газета“. Эти же „сводки“ пишут, что „Рабочая Газета“ печатается где-то около Киева, дело очень законспирировано, а чтобы еще больше затруднить розыск, газета будет выходить не в равные промежутки“. О местопребывании типографии в Киеве знал небольшой круг лиц.

„23 октября Поляк выехал из Одессы в Николаев и, одновременно с этим, из Киева приехал в Одессу, в качестве делегата Киевского Союза Борьбы, врач Борис Григорьевич Кранцфельд, давнишний знакомый Поляка, имевший рекомендательное письмо к одесской мещанке Мальвине Мрост. Целью его приезда было собирание материалов для второго номера „Рабочей Газеты“, причем он имел с собой и показывал полугодовой денежный отчет Киев. С. Борьбы. Проехав вслед за Поляком в Николаев, Кранцфельд пробыл там до 26 октября и вернулся в Одессу одновременно с Поляком, а 29 числа выехал обратно в Киев, познакомив предварительно Мальвину Мрост с Поляком [3]).

Поляк рассказывал: „что в Николаеве 26 октября была большая сходка, в которой участвовало 36 человек, на ней присутствовал и Поляк. Сходка была в центре города и снаружи охранялась 5-ю рабочими“.

После от‘езда из Одессы, Поляка, в качестве „почетного караула“, сопровождают особо к нему прикомандированные московские филера. Из Одессы Поляк спешит в Киев, оттуда в Гомель.

---

[1]) Историко-революционный архив Киевщины. Дело Киев. Г. Жандармского Упр. № 20 о Киевском Союзе Борьбы за Осв. Раб. Кл. том 9-й, стр. 142.

[2]) Там же. Типография, после выпуска 2 номера „Раб. Газ.“, была перевезена из Киева, где она находилась в квартире С. Померанца, по Константиновской ул., в Екатеринослав.

[3]) Обзор важнейших жандармских дознаний за 1898 г.

В течение этого времени набирает и печатает второй номер „Рабочей Газеты" и, наконец, 30 декабря Поляк возвратился в Одессу, привез в чемодане 50 экз. второго номера „Рабочей Газеты", по дороге был в Кременчуге, Харькове, Екатеринославе. 2-го января Поляк, в сопровождении заведывающего агентурой и двух филеров, выехал из Одессы на Киев предупредить „сотрудника", что едет устраивать новую типографию [1]).

Приведенная картинка достаточно ярко рисует деятельность Поляка, поддерживающего непрерывную связь с городами Юга России. Далее есть указания на то, что в конце 1897 г. в Гомеле ведет революционную работу Ицко Захарин. Он организовывает кружок, распространяет нелегальную литературу, имеет связь с Киевом и другими городами. Захарина выслеживают местные филера и независимо от них московские. Последние, установив связь Захарина с Поляком, воздерживались от ареста, ожидая, пока Захарин переедет в Екатеринослав. Департамент полиции придавал, повидимому, особое значение розыскам типографии тайком от местных жандармов, посылая для наблюдения „столичных спецов".

Связь с Москвой поддерживалась через помощника присяжного поверенного, Александра Иогансона. В своих показаниях последний говорит следующее: „будучи в Киеве, для держания государственных экзаменов, в конце 1896 г., познакомился там с Эйдельманом, сошелся с ним на почве общих убеждений и узнал, что он состоит членом местной социал - демократической организации. Это был первый социал-демократ—практик, с которым мне пришлось познакомиться и у нас были разговоры о марксизме, как теории, о практических задачах социал-демократии вообще, и русской в частности, и о практических приемах при занятиях в рабочей среде" [2]).

Иогансон обещал сотрудничать в „Рабочей Газете" и из Москвы отправил две корреспонденции о стачках, помещенные в № 2 „Рабочей Газеты": 1) о стачке на табачной фабрике Габая и на Казанском вокзале и 2) о стачке в Кинешме [3]).

В мае 1897 г. Киев связывается с Екатеринославом, посылая туда для работы Казимира Петрусевича. В Екатеринославе же после выхода второго номера „Рабочей Газеты" ставится типография. 9 января 1898 г. в Екатеринослав приезжает А. Поляк, налаживает типографию и приступает к печатанию брошюры „Новая победа" и 3 его номера „Рабочей Газеты".

Происходит об'единение разрозненных социал-демократических групп. С Вильной, как указывает тов. Эйдельман, Киев имел наиболее тесную связь, поскольку через Вильно шли из-за границы транспорты с нелегальной литературой.

Что касается заграничных связей, то о них Б. Эйдельман говорит следующее: „После выхода первого номера „Рабочей Газеты", один из

---

[1]) Справки из дел агентуры Одесского Жанд. Упр.

[2]) Обзор жандармских дознаний за 1898 г.

[3]) Обзор жандармских дознаний за 1898 г.

членов группы издателей (П. Л. Тучапский) собирался по своим делам за границу в октябре 1897 г. Группа поручила ему побывать у членов заграничного Союза русских социал-демократов, спросить их мнение о вышедшем номере и, может быть, о сотрудничестве. Это был чуть ли не единственный случай непосредственных переговоров между группой „Рабочей Газеты" и „заграничным Союзом" [1]).

Заграничная группа „Осв. Тр." не оправдала возлагаемых на нее киевлянами надежд,—оставалось полагаться на собственные силы.

Что касается непосредственной подготовки С'езда, то она велась еще группой „Рабочее дело". Наряду с местной работой „лидеры" группы „Рабочее дело", главным образом Б. Л. Эйдельман, уже в конце 1896 и в начале 1897 г. начали принимать участие в подготовке к об'единению всех с.-д. групп в России. Эта мысль возникла и в других центрах с.-д. работы, и не могла не возникать, так как она подсказывалась самой жизнью: по мере того, как возникали отдельные с.-д. организации, чувствовалась настоятельная необходимость в руководящем и координирующем центре, в постановке общего печатного органа, в устройстве общей техники и, наконец, в надлежащей организации доставки нелегальной литературы из-за границы [2]).

Результатом этой работы была Киевская конференция 17—18 марта 1897 г. После выхода „Рабочей Газеты" сделан был значительный шаг вперед в смысле создания фактического центра. Оставалось только оформить и претворить в жизнь стихийное стремление к об'единению. Сделала это группа „Рабочей Газеты", во главе с Б. Эйдельманом, в процессе расширения своих связей, выдвинувшаяся в качестве инициатора этого исторического дела.

Неутомимый Борис Львович Эйдельман в течение последних месяцев 1897 года проводит громадную работу, об'езжает „дважды главнейшие центры социал-демократического движения", входит в контакт с группами, ведя переговоры о С'езде. Недаром прокурор пишет об Эйдельмане:

„На основании сведений, добытых дознанием, затруднительно приурочить деятельность Эйдельмана к определенному месту, так как он, повидимому, не оставался долго ни в одном из городов,—и наблюдение застает его то в Киеве; где он находился в постоянном общении с Черномской, Полонским, Шеном, Тучапским, Крыжановской, Поляком, бывал у Шуляковского, в квартирах Сонкина, Плетата и Рудермана, и, особенно часто, посещал Сарру Померанц; то в Харькове, где он, тотчас-же по приезде туда из Екатеринослава, идет в дом № 8 по Франковской ул., где квартировал Сруль Коссовский; то в Москве, где он видится в помещении Губернской Земской Управы с Иогансоном и, по об'яснению последнего, осведомляется у него—не написал ли он чего-нибудь для газеты; то в Минске, куда он, по удостоверению свидетеля Майрова, приехал из Харькова 27 февраля 1898 года, т.-е. как раз к тому

---

1) Журнал „Пролетарская Революция" № 1, статья Эйдельмана.

2) П. Л. Тучапский „Из пережитого".

времени, когда там происходил с‘езд представителей русских социал-демократических организаций (Ванновский из Москвы; Тучапский из Киева; Петрусевич из Екатеринослава), для обсуждения вопроса об об‘единении всех этих организаций, а также группы, издающей „Рабочую Газету“ и обще-еврейского Рабочего Союза в России и Польше, — в одну общую Российскую социал-демократическую рабочую партию; то, наконец, в Екатеринославе, где он был арестован“ [1]).

В то же время подготовляется к печати третий номер „Рабочей Газеты“, для которого присылают из-за границы свои статьи Плеханов, Аксельрод и Кольцов [2]). Привозит их студент Лев Теслер в ноябре 1897 г. О нем жандармы пишут следующее: „В апреле 1896 г. получены агентурные указания, что образовавшийся в Швейцарии „социал-демократический Союз“ начинает пользоваться значительным успехом, причем наиболее выдающиеся деятели выразили готовность отправиться в Россию с определенными задачами в интересах группы, и в числе их Теслер. В апреле 1897 года Теслер прибыл из Цюриха в Вену, с рекомендациями Плеханова к Пазлу Теплову и Викентию Дрелингу и, поселившись первоначально на квартире последнего, был принят в число членов русского кружка, организованного в Вене Тепловым. При от‘езде из-за границы, Теслер, как отправившийся в Россию „для дела“, получил из упомянутого кружка 100 гульденов. По приезде в Киев, Теслер приступает к работе, начинает занятия с кружками, печатает газету „Вперед“ и вступает в число членов группы „Рабочей Газеты“.

Наконец, вся громадная подготовительная работа проделана. В Киеве происходят выборы на С‘езд.

Группа „Рабочей газеты“ посылает Б. Л. Эйдельмана и Вигдорчика. Киевский „Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“ выбирает т. Г. Л. Тучапского. Наконец, для выбора делегата происходит на квартире рабочего Эдуарда Францевича Плетата расширенное заседание „Рабочего комитета“, на котором присутствовали: П. Л. Тучапский, Б. Л. Эйдельман, Э. Ф. Плетат, и, вероятно, рабочие С. М. Сонкин, В. М. Люльев, работница М. Альтшулер. После доклада, предложено было намечать кандидатуры. „На этом собрании интеллигенты сделали указание, что желательно послать делегатом на С‘езд рабочего. Выставлялись кандидатуры Люльева, С. Сонкина. После отказа последних, решено было послать уже выбранного Киевским Союзом Борьбы П. Л. Тучапского“. Сбивая с толку сыщиков, все три делегата разными путями уехали на С‘езд.

В исторический ныне день, 1-го марта (по ст. стилю) 1898 г., в городе Минске открылся первый С‘езд Рос. Соц.-Демокр. Рабочей Партии.

Группа „Рабочей Газеты“ довела до конца начатое ею дело...

---

[1]) Заключение прокурора Киевской судебной палаты.

[2]) Подробнее о содержании 3-го № „Р. Г.“ см. ниже.

К марту 1898 года должен был выйти третий номер „Рабочей Газеты“. Типография была перевезена в Екатеринослав; А. Поляк принялся за работу. Кроме того, в Екатеринославской типографии печаталась брошюра по поводу закона 2 июня 1897 г. Материалы для 3-го номера находились у Эйдельмана.

23 февраля 1898 года Борис Львович приехал в Екатеринослав осведомиться о ходе работы.

24 февраля в 11 час. 30 м. утра он выезжает в Харьков. 26 февраля Борис Львович выезжает в Минск. 27 февраля филерская сводка сообщает о приезде Эйдельмана в Минск. Затем Б. Л. удается, повидимому, сбить с толку сыщиков; с 28 февраля наблюдение теряет Эйдельмана и вновь обнаруживает его 8 марта в Екатеринославе. Как раз в период между 28 февраля и 9-м марта в сводке филерских наблюдений имеется пробел. Тем временем участники С'езда делали свое дело. Охранное отделение прозевало I-й С'езд Р.С.-Д.Р.П...

Вероятно, тов. Эйдельман приехал после С'езда в Екатеринослав для редактирования готовившегося 3-го номера „Р. Г.“. Все материалы были у него готовы. В ночь с 10—11 марта в Екатеринославе было арестовано 26 человек. Типография была захвачена жандармами. Наборщик и редактор „Рабочей Газеты“ арестованы. Третий номер „Р. Г.“ по „независящим от редакции обстоятельствам“ не вышел. В числе многих материалов, отобранных при обыске у Б. Эйдельмана, были подготовленные уже к печати материалы 3 номера. Из перечисления их видно, что 3-й номер должен был быть очень интересным. В жандармском деле сохранилась копия с рукописи Б. Эйдельмана, представлявшей примерный план расположения материалов в 3-м номере. Привожу ее:

Порядок!!!

1898

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА № 3.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Порядок:

№ 1 Манифест (?)
№ 2 Новая попытка подавить рабочее движение № 15
№ 3 Внутреннее обозрение . . . . № 14

По России:

№ 4 Петербург . . . . № 2
№ 5 Н. Новгород . . . . № 24
№ 6 Иваново-Вознесенск . . . . № 25
№ 7 Орехово-Зуево . . . . № 23
№ 8 Тверь . . . . № 6
№ 9 Екатеринослав . . . . № 3

№ 10 Вильно . . . . № 26
№ 11 Варшава . . . . № 8
№ 12 Крюковский завод . . . . № 22
№ 13 Черкассы . . . . № 21
№ 14 Юзово . . . . № 4
№ 15 Пермь (Урал) . . . . № 5
№ 16 Киев . . . . № 27
№ 17 Из разных мест . . . . № 12

Заграничная жизнь:

№ 18 . . . . № 11
№ 19 Бюджет . . . . № 28
№ 20 „Город и деревня" Кольцова (?) . . . . . № 19
№ 21 Хроника арестов
№ 22 Вышли издания . . . . № 18
№ 23 Фельетоны. Рабочие собрания в Берлине . . № 16

Таким образом, 3-й номер должен был быть особенно богат корреспонденциями, сообщающими о ходе рабочего движения в 14 крупнейших промышленных центрах. О содержании всего этого материала дает некоторое представление следующий документ.

АРЕСТЫ

Слежка за деятелями „Киевского Союза Борьбы" и группы „Рабочей Газеты" велась уже давно. По своему обыкновению, жандармы медлили с арестами, желая втянуть в дело возможно большее количество участников и нанести „сокрушительный удар". Когда в Департамент полиции стали поступать указания на существование в одной из южных губерний тайной типографии, печатающей „Революционную рабочую газету" [1]), все усилия были направлены на обнаружение ее местонахождения. Особенно усиленная слежка ведется за Поляком—наборщиком „Р. Г.". Его неотступно по пятам преследуют „стаи гончих" разных пород—Киевские, Московские, Одесские и т. д. „Предпринятое по сему поводу, под руководством Департамента полиции, обширное наблюдение обнаружило следы существования в некоторых Южных Центрах—Киеве, Одессе, Екатеринославе, Елисаветграде и др.—общей революционной организации, которая, действуя под именем „Южно-русского рабочего союза" приступила к об'единению местных рабочих кружков и занималась пропагандою среди них социал-демократических идей" [2]).

Вот как рисуют картину деятельности социал-демократических групп Юга-России жандармские источники. Здесь довольно правильно подмечена тенденция об'единения этих групп воедино, при чем центром, стягивавшим, все организационные нити, становился, как было выше указано, Киев.

[1]) Содержание невышедшего 3-го № „Р. Г." цитирую по заключению прокурора.
[2]) Там же (обзор).

Но особенно пугало царских сатрапов правдивое печатное слово. Подпольная брошюрка, прокламация, листок, — о газете и говорить нечего, — буквально приводили жандармов в трепет. Они верно и доблестно охраняли „свободу печати" от... „пролетариата" и революции. Выход „Рабочей Газеты" придает „Департаменту" смелость и энергию. Ликвидация такой большой организации сулит награды, благодарности, повышение в чинах и т. д. К тому же и в центре обеспокоились. Как бы, в самом деле, чего „серьезного" не вышло! В „руководящих сферах" разрабатываются „оперативные планы", идет деятельная подготовка к наступлению на врага... 20 февраля 1898 года Начальник Киевского Губернского Жандармского Управления, Новицкий, пишет Киевскому Губернатору:

НАЧАЛЬНИК
Киевского Губернского
Жандармского
Управления
февраля 20 дня 1898 года
№ 604.
гор. Киев.

С. Секретно.

ГОСПОДИНУ КИЕВСКОМУ, ПОДОЛЬСКОМУ И ВОЛЫНСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ.

Имею честь доложить Вашему Высоко-Превосходительству, для сведения, что еще с начала осени минувшего года, под непосредственным руководством г. Директора Департамента Полиции, производится розыск по выяснению существующей на Юге-России обширной организации, присвоившей себе наименование „Южно-русского рабочего Союза" и затрагивающей в немалой степени и г. Киев.

В виду возможной в ближайшем будущем ликвидации этого дела, по распоряжению г. Министра внутренних дел был командирован в первых числах текущего м-ца в г. Киев г. Вице-Директор Департамента Полиции, при посредстве и по указанию которого установлен и согласован общий план и программа дальнейших по сему действий, и все местные по г. Киеву розыски, предшествующие ликвидации, сосредоточены ныне непосредственно в моих руках. Все средства и наблюдательные силы во вверенном мне Жандармском Управлении для полного успеха дела согласованы при посредстве Департамента Полиции с наблюдательными органами, в других пунктах Юга находящимися. Департамент Полиции этому делу придает серьезное значение и от него зависит определить время приступа к одновременной ликвидации дела [1]).

---

[1]) Историко-Рев. Архив Киевщины, д. № 20, 1898 г., т. I-й, стр. 7—„Дело Киевского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса".

Из этого документа видно, насколько важное значение придавали ликвидации „Южно-русского рабочего Союза“ жандармы. Трудно установить из каких источников получили они сведения о местонахождении типографии.

Возможно, что об этом им сообщил одесский провокатор Гандер и, может быть, типография была раскрыта филерами. Удар решено было нанести по всему фронту одновременно.

Тем временем, деятели Киевского Союза Борьбы и группы „Рабочей Газеты“, предчувствуя неминуемый провал, начинают раз‘езжаться из Киева: 18 февраля уехал из Киева Борис Шен, 22 февраля—Сарра Померанц, 27 февраля—Вера Крыжановская. Уезжали в Россию, в более безопасные места, надеясь на время скрыться от преследования сыщиков.

Это ускорило развязку. 4-го марта Новицкий получает из Департамента полиции отношение, в котором, между прочим, говорится: „Из полученных в Департаменте достоверных сведений усматривается, что наружное наблюдение в Киеве замечено наблюдаемыми, вследствие чего печатание приостановлено и главные деятели будто бы раз‘езжаются. Быть может, этим и об‘ясняется от‘езд за последние дни некоторых лиц, за коими следует наблюдение.

Это обстоятельство побуждает ускорить ликвидацию дела и ныне же приступить по намеченным данным к производству обысков и арестов. Принимая во внимание, что главной задержкой ликвидации представляется выяснение лиц и адресов, по Екатеринославу, я не считаю возможным назначить день для этого и прошу, Ваше Превосходительство, снестись по этому поводу с Полковником Безсоновым и по соглашению с ним установить время одновременных обысков и арестов в самом близком будущем. Одновременно с обысками в Киеве, благоволите распорядиться и арестами Шена, Белоусова, Эйдельмана и тех из Киевских поднадзорных, которые ко дню обысков не окажутся на месте. [1])

Эта директива не оставляет сомнения в тех причинах, которые побудили Департамент полиции поторопиться с ликвидацией. Они боялись, что усилившийся раз‘езд деятелей „Южно-русского рабочего Союза сорвет так удачно наклевывавшееся дело“.

Не приходится доказывать, что последовавшие вскоре аресты не стояли ни в какой связи с происшедшим в начале марта 1898 года в Минске I-м С‘ездом.

Как указывает тов. Невский, „С‘езд, именно как с‘езд, был хорошо законспирирован. Эйдельман и бундовцы были действительно конспираторами высшей марки“. [2])

Им удалось сбить с толку филеров, и Департамент полиции узнал о С‘езде, спустя несколько месяцев. Повидимому, одним из первых

---

[1]) Там же. Дело № 1, стр. 39-я.

[2]) Пролетарская революция № 1, Невский—К вопросу о первом с‘езде РС-ДРП.

сообщений полиции о С'езде был доклад Рачковского от 26 июня 1898 года, извещавший о том, что за границей в 8-м номере „Листка Работника" печатается „Манифест" от имени С'езда и приводивший выдержку из какого-то перелюстрированного письма из России [1]).

Другие документы подтверждают этот факт. В обзоре Жандармских дознаний за 1898 г., под заголовком „Дознание о Российской социал-демократической рабочей Партии", производящееся в Москве, читаем следующее: „За две недели до своего ареста Эйдельман проехал при конспиративной обстановке из Киева через Екатеринослав, Харьков и Бахмач в г. Минск, где одновременно с ним собралось несколько других членов организации „Союза" (Петрусевич, Тучапский и др.). *Впоследствии представилось возможным установить, что это свидание было ни что иное, как с'езд представителей отдельных организаций* (местных „Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класса", группы, издающей „Рабочую Газету" и „Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше"), *на котором, в интересах об'единения деятельности всех организаций, выработаны были известные положения, впоследствии, опубликованные в вышедшем в апреле сего года Манифесте* Р. С.-Д. Р. П.". (Курсив мой В. М.).

Повидимому, более подробную картину С'езда жандармы узнали из показаний арестованного по делу „О Московском союзе Борьбы за О. Р. К." —Виктора Ванновского:

„Из показаний того же Виктора Ванновского,—пишет Новицкий,—и его брата Александра видно кроме того, что 6-го февраля 1898 г. Виктор Ванновский получил предложение быть на С'езде (в г. Минске) делегатов от рабочих союзов, с приложением вопросных пунктов, подлежащих обсуждению С'езда, но сам, считая себя поднадзорным полиции, ехать не решился, и послал на С'езд своего брата Александра, снабдив его подробными инструкциями. Последний приехал в Минск 28 февраля, а 1-го и 2-го марта (дни пребывания в Минске Эйдельмана, Петрусевича и Тучапского) принял участие в заседаниях С'езда. И, дальше, Новицкий, подводя итоги дознанию, сообщает в центр: „*Итак, ныне дознание подошло уже к своему естественному концу—Минскому С'езду, случайно, совпавшему с ликвидациями 10—11 марта 1898 г.*" [2]).

Последнее признание жандармского генерала окончательно решает поставленный вопрос.

Во время арестов 10—12 марта 1898 г. жандармы еще ничего не знали о происшедшем в Минске С'езде.

С 3—4-го марта начинается лихорадочная подготовка к арестам. Летят одна за другой депеши. Депеши эти ярко рисуют лихорадочную подготовку „боевих генералов". Вот образцы:

---

[1]) Там же.

[2]) Историко-Революцион. Архив. Дело № 20, т. XII.

Копия шифрованной депеши, полученной 5 марта 1898 года в 9 часов 15 минут вечера из С. Петербурга.

Екатеринослав готов к ликвидации. Желательно скорее приступить к арестам. Все выехавшие из Киева подлежат аресту по Вашим требованиям.

Получ. 12 ч. ночи с 5 на 6 марта 1898 года.

Телеграмма Киев из Одессы 5/3 9 ч. 45 минут.

Предполагаем ликвидировать в ночь с восьмого на девятое число. Прошу телеграфировать согласны ли.

Полковник Безсонов

Ответ на № 830.

Депеша 6 марта 7 часов дня.

Одесса Жандармскому Полковнику Безсонову.

Ликвидацию располагаю произвести в ночь на 12 число. Ранее фактически невозможно, что телеграфирую директору Департамента Полиции.

Генерал Новицкий

Ответ на № 829.

Депеша 6 марта 1898 года в 7 часов дня.

Петербург Директору Департамента Полиции.

Эйдельман сегодня ночью возвратился Киев. Полковник Безсонов предполагает произвести ликвидацию в ночь с 8—9 число, что по Киеву фактически невозможно. Испрашиваю производство ликвидации по Киеву в ночь на 12 число. Наблюдения последних дней дают много нового.

Генерал Новицкий

Копия шифрованной депеши, полученной из С. Петербурга 7 марта 1898 г. в 7 часов 15 м. вечера.

Необходима одновременная ликвидация всюду. Принимаю Ваш срок на двенадцатое марта. Далее откладывать нельзя.

Директор Зволянский

Депеша 9 марта в 4 часа дня.

Екатеринослав Жандармскому Генералу Богинскому.

Иось Лейбов Эйдельман находится Екатеринославе с филерами, которого в ночь на двенадцатое обыскать, арестовать, доставить Киев.

Генерал Новицкий

Копия шифрованной депеши, полученной 9 марта 1898 года в 8 часов 35 м. вечера.

Наблюдение Екатеринославе вызывает необходимость ликвидации десятого, если не успеете завтра, ликвидируйте обязательно одиннадцатого.

Директор Зволянский

Депеша 9 марта в 11 часов вечера.

Петербург Директору Департамента Полиции.

При всем желании к десятому не справлюсь. Одиннадцатого ночью обязательно ликвидирую.

Генерал Новицкий

Депеша 11 марта 1898 года 8 часов утра.

Петербург Директору Департамента Полиции.

Все подготовительные местные загородные распоряжения сделал. Ликвидирую сегодня в 2 часа ночи. Позволяю напомнить Крыжановской.

Генерал Новицкий

Телеграфный аппарат выстукивает все одни и те же слова: ликвидировать, арестовать, обыскать... Мобилизуются все наличные силы жандармов, тюремная администрация „гостеприимно“ готовит места для сотен арестованных. Да, нужно отдать справедливость — самодержавное государство умело действовать быстро и решительно, когда дело касалось подавления грозного для него рабочего движения. Классовые противоречия обнажились с неслыханной силой. Из-под европейского костюма глянул звериный лик азиатского деспотизма, пытавшегося пулей, плеткой, тюрьмой, каторгой и виселицей отдалить момент своей гибели. Тщетно... Прибой пролетарского океана в щепы разнес все преграды, стоявшие по пути его неукротимого бега. Однако, временно ряды авангарда пролетарских борцов поредели...

Уже в ночь с 10—11 марта 1898 года в Екатеринославе было арестовано 26 человек; в их числе член Центрального Комитета только на днях образовавшейся партии, Б. Л. Эйдельман; наборщик „Рабочей Газеты“ А. Поляк и др.; разгромлена типография, захвачено 1500 экз. только что отпечатанной брошюры „Новая победа“, готовая рукопись 3-го номера „Рабочей Газеты“.

В ту же ночь в Одессе произведено 43 обыска, арестовано 34 человека, захвачен склад литературы.

На другой день заканчиваются последние приготовления „к боевым действиям“ и в Киеве; мобилизована целая армия „чинов полиции в распоряжение Жандармского управления“: 8 приставов, 7 помощников приставов, 45 околоточных надзирателей, 32 городовых (маловато...) 3 агента тайной полиции... Не хватает только пушек и пулеметов. Как известно, правила военной стратегии рекомендуют захватить врага

врасплох. Поэтому, вся эта дикая орава в ночь с 11 на 12 рассыпается по городу и „по заранее обдуманному плану“, при отсутствии сопротивления со стороны безоружного „врага“, одерживает блестящую победу...

Преисполненный радости, Новицкий шлет в Департамент полиции телеграмму:

Депеша 12 марта 1898 года в 4 часа пополудни.

Петербург Директору Департамента Полиции.

По ликвидации мною было вызвано обысков, арестов, по Киеву сто, иногородних четырнадцать. В Киеве временно задержано восемьдесят девять мужчин, шестнадцать женщин до рассмотрения доказательств. Результаты иногородних обысков еще неизвестны. Наглядные результаты обысков по Киеву: Теслер кроме нелегальщины дал мимеограф с оттиском газеты „Вперед“ номер четвертый, у многих из остальных нелегальная литература, переписка, у Огаркова рабочая библиотека разрешенных двести книг. Яцимирская, Водовозова, Василенко пытались сжеть нелегальщину, первые были удержаны, последний сжег экземпляры „Вперед“ номер четвертый (Черноморская находится в Петербурге, квартире ее взяты нелегальщина, гектограф, ремингтон).

По пеплу текст восстановится. В квартире жены Инженера Путей сообщения Елизаветы Антоновны Черноморской, Тимофеевская 4, выехавшей 7 в Петербург, взяты гектограф, ремингтон, три сундука, чемодан, корзина, неизвестно кому принадлежащие, в которых по вскрытию оказалось громадное число нелегальщины, книг, брошюр, прокламаций, вышедших в последние годы, металлическая печать „Киевского Союза борбы за освобождение рабочего класса“, мастичные подушки к печати. Испрашиваю распоряжения Вашего обыске безусловном аресте Черноморской. Плетата много нелегальщины. Белая церковь, Бровары безрезультатны. Кроме того, подполковник Преферанский одиннадцатого восемь вечера взял сходку рабочих Стапновская квартире Маевского, Трубного из двадцати шести рабочих, из коих только что прибыли Киев портные Беленький из Могилева, Мильштейн из Ковно. Сходка под руководством Теслера. Все задержаны. Приступаю формальному производству.

Генерал Новицкий

Лавры победителя не дают спать жандармскому генералу: он спешит поделиться с вдохновителем всего дела, знаменитым Зубатовым: „Арестовал 100 человек. Обыски замечательно удачны. Взял две типографии в Киеве, Вас обнимаю крепко...“ Ген. майор Новицкий. (Депеша 13 марта).

Достойный коллега отвечает телеграфно: „Искренно радуюсь блестящим результатам и от всей души приветствую Ваше Превосходительство бесподобным успехом“. Зубатов. (Депеша из Москвы 13 марта).

Всего в Киеве в ночь с 11 на 12 марта было арестовано 100 чел., в том числе в 8 час. вечера на квартире Маевского было арестовано 26 собравшихся на сходку рабочих, главным образом, Южно-Русского машино-

строительного завода. Вот как описывают арест сходки жандармы: „В квартире дворянина Людвига Трубного и мещанина Романа Маевского, 11 сего марта в 9 часу вечера, обнаружена сходка рабочих, которой руководил привлеченный уже к настоящему дознанию в качестве обвиняемого одесский мещанин Лев Всеволодович Теслер, брошюры явно преступного и возмутительного содержания под заглавием: 1) „об'яснение закона о штрафах“ с печатью „Киевского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“; 2) Машина Д. Кольцова“ [1]).

На сходке арестованы были следующие лица: 1) Квартирохозяева Людвиг Трубный, 2) Казимир Маевский, 3) Нарцис Якубовский, 4) Мечеслав Турчук, 5) Моисей Яголоковский, 6) Никита Федорчук, 7) Георгий Паляница, 8) Михаил Теличко, 9) Давид Гехт, 10) Ефим Гехт, 11) Леопольд Заливский (студент), 12) Гумберт Валенцкий, 13) Арон Хаскин, 14) Осип Иодис, 15) Иван Корженевский, 16) Янкель Болотный, 17) Яков Соболевский, 18) Лейзер Шеренцис, 19) Ицко Беленький, 20) Яков Соловейчик, 21) Алексей Охоцкий, 22) Абрам Мильштейн, 23) Алексей Иванов, 24) Станислав Трубный, 25) Христофор Заневский, 26) Антон Мокриновский, (последние два, как случайно зашедшие на квартиру Маевского, сейчас же были отпущены). Из арестованных 27 человек — два интеллигента, остальные — рабочие. „Всем арестованным на сходке рабочим жандармы оказали было „предпочтение“, засадив их в арестантское исправительное отделение. Режим там был несравненно тяжелее, чем в Лукьяновской тюрьме, куда посажены были остальные арестованные. На это определенно указывает выпущенная Киевской студенческой организацией прокламация, приводящая следующий факт: „Вице-директор Департамента полиции, Семякин, на днях посетил Лукьяновскую тюрьму. В политическом отделении он обратился к заключенным с предложением заявить жалобы, если к таковым есть повод. Староста арестованных ответил, что по слухам их т.т., сидящие в исправительном отделении, жалуются на грубое с ними обращение, нецензурные ругательства и недопускание к ним денег от родственников для улучшения стола: заключенным приходится питаться отвратительной пищей, которой кормят арестантов“ [2]). В эти же дни Вера Крыжановская была арестована в Петербурге, Сарра Померанц — в Курской г., С. Коссовский — в Харькове, Эйдельман и Петрусевич — в Екатеринославе — всего за пределами Киева арестовано 14 человек. Все нити дознания сосредоточиваются в руках жандарма Новицкого. Киевские тюрьмы переполнились арестованными. Началось дознание „о тайном преступном сообщничестве“, присвоившем себе наименование — „Киевский Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса“. При первых же допросах, часть из обвиняемых отказывалась давать показания, часть старалась сбить жандармов с толку, нашлась, однако, группа негодяев, своими „откровенными показаниями“ выдавшая большое количество участников движения. Особенно досаждал Новицкому

[1]) Историко-революц. архив. Д. № 20, т. VI.

[2]) Воззвание, от 29 марта 1898 г., за подписью „Киевский Союзный Совет об'единенных землячеств и организаций“.

Борис Львович Эйдельман, непоколебимо и твердо отказываясь дать какие бы то ни было показания. Летит депеша в Департамент полиции: „27 марта 1898 г. № 1162. Господину Директору Департамента Полиции: „Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что обвиняемый по 250, 252 и 38 ст. Уложения, Борис Эйдельман, допрошенный в качестве обвиняемого 26-го сего года марта, дал показания в следующих словах: „Никаких показаний давать не желаю“.

Несомненно, Эйдельман был редактором-издателем „Рабочей Газеты“, которая была арестована в городе Екатеринославе; рукописные и вещественные доказательства представляют большой интерес и таковые будут немедленно препровождены Вашему Превосходительству“.

Генерал Новицкий

Сообщения Новицкого в Департамент полиции переполнены жалобами на „дерзкое, возмутительное“ поведение Б. Эйдельмана. В результате, боясь упустить из рук такую „добычу“, Новицкий просит разрешения перевести Эйдельмана и Теслера в Петропавловскую крепость. Бедные жандармы жалуются, что „протоколы“ осмотров вещественных доказательств отнимают массу времени. „Все господа офицеры находятся целыми днями в работе под моим руководством. Допросы обвиняемых произвожу (пишет Новицкий) сам. Производит дознания штаб-ротмистр Беклемишев, совместно с товарищем прокурора Гессе, наблюдающим за дознанием. Больше времени уделять на работу, сколько уделяется в продолжение дня и вечера, не представляется физически возможным“ [1].

Жандармы старались вытянуть у арестованных возможно больше сведений. Приемы, употребляющиеся при этом, от одиночной камеры до избиения, оказали влияние на менее устойчивых. Арестованный по этому делу и сидевший в Черниговской тюрьме Бенцион Кауфман, не выдержав зверского обращения, пытался повеситься. Выпущенный из тюрьмы и отданный в солдаты, рабочий Ефим Гехт, замученный истязаниями отравился. У некоторых режим одиночки вызвал психическое расстройство. Нет возможности вскрыть с достаточной полнотой картину допросов. Стены жандармских застенков, много видавшие на своем веку, глухо молчат... Указывая ниже перечень товарищей, перешедших, по выражению жандармов, „к более откровенным показаниям“, я принимаю во внимание, что обстановка заключения безусловно подействовала на психику более слабых, они сделались „невольными предателями“. При этом не могу не указать на особенно гнусный факт предательства, связанный с именем Либера Лазебника. Этот негодяй, арестованный по делу о Киевском Союзе Борьбы, подает 8-го апреля из Остерской тюрьмы прошение Новицкому. Пишет он следующее (сохраняю стиль): „Могу открыть много тайн по политической части“; указывая, что ему известны агитаторы, хранители нелегальной литературы, он просит привести его в Киев, где он все расскажет. „Одним словом, я Вам,—пишет

---

[1]) Историко-революц. архив, дело № 20, том XII (за 1898 г.).

Лазебник,—открою очень важное дело о Киевском рабочем движении и некоторых других городов". Согласно телеграмме Новицкого, Лазебника немедленно доставляют в Киев. Здесь он дает обширные показания, чрезвычайно обрадовавшие жандармов.

В отношении Департамента полиции, от 22-го апреля 1898 года, Новицкий сообщает: „Показания Лазебника несомненно являются по содержанию своему безусловно правдивыми в отношении преступной деятельности указанных им лиц, из которых уже находится заарестованными в Киеве Иван Баглей, Веньямин Люльев, братья Давид и Хаим Гехт, другие же лица, указанные Лазебником, по установлению их личностей и местопребывания будут подвергнуты одновременным обыскам и арестам[1]).

Предателем оказался и Константин Спилиотти, еще в марте подавший донос на участников рабочего кружка на Подоле. Перешел „к более откровенным показаниям" и Маевский. В результате предательства Лазебника и Спилиотти, жандармы получили дальнейшую нить. 5 мая 1898 г. в Киеве вновь произошли аресты.

В этот же день Новицкий извещает Департамент полиции о новой победе: „ввиду обнаружения дознанием принадлежности к рабочим кружкам, арестовано в Киеве 21 мужчину рабочих, 4 женщины". На следующий день летит опять телеграмма: „В дополнение депеши от 5 мая имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что, ввиду обнаруженной производимым дознанием принадлежности к преступной организации и местным тайным рабочим кружкам показаниями Маевского, Спилиотти и Лазебника и свидетельскими показаниями Райгородецкого, Котляревского, Жуковского и Брауде, по городу Киеву 5-го сего мая произведены обыски и аресты". Последний документ не оставляет никакого сомнения в том, что аресты были произведены в непосредственной связи с показаниями перечисленных выше предателей.

5 мая были произведены обыски у 32 рабочих. Арестованы следующие товарищи: Илюк Устин—слесарь; Штейнберг Виктор—столяр; Рудерман Григорий—заготовщик; Слосман Авраам; Радецкий Авраам—заготовщик; Завалков М.—обойщик; Донин Н.—кровельщик; Лисецкий Лука—слесарь; Марков В.—чемоданщик; Савицкий Антон; Колесник Иван—жестяник; Мининберг Н.—маляр; Глущевич Ю.—слесарь; Энтин Моисей—маляр; Люльев М.—сапожник; Соболев Владимир—токарь; Краснощеков А.; Макаренко Григорий—маляр; Берхлин З.—обойщик; Фрейдин Давид—слесарь; Фрейдин Ефрем—слесарь; Богорад Хая—швея; Богорад Двося—швея; Богорад Мина—швея; Зиман Песя—шляпочница; Гельфанд Ицко.

Все без исключения арестованные—рабочие и ремесленники, среди них многие активные деятели кружков. 6 мая арестованные мужчины заключены в исправительное арестантское отделение; женщины в тюрьму. Показания негодяя Лазебника принесли жандармам большую пользу;

---

[1]) Документы, свид. о предательской роли Лазебника, взяты из жандармского дела о К.С.Б. за О. Р.К., дело № 20—1898 г., том VIII.

недаром Новицкий ходатайствует об освобождении Лазебника от наказаний. Сидя в Лукьяновской тюрьме, Лазебник продолжает писать доносы. Вести о его предательстве проникают в среду арестованных; ему угрожает расправа. 4-го июня 1898 года, Новицкий сообщает в Департамент полиции, что Лазебник переведен в Старо-Киевский участок, так как арестованные считают его шпионом-предателем и тюремная администрация не может его оградить от преследований политических.

Кроме того, жандармские дела содержат указания на переход „к более откровенным показаниям" следующих лиц: Людвига Трубного, Романа Маевского, Л. Заливского, Хаскина, И. Баглея, А. Молдавского, Е. Гехт, Д. Гехт.

Наконец, после долгой канители, 7 мая 1899 года было закончено жандармское дознанне. Новицкий по сему случаю проникается, так мало свойственным ему, поэтическим настроением. „Итак, ныне дознание, — пишет он, — подошло уже к своему естественному концу — Минскому с'езду, случайно совпавшему с ликвидацией 10—11 марта 1898 г., которым заканчивается деятельность Киевского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса и группы „Рабочей Газеты", как отдельных, вполне независимых и самостоятельных организаций,—и местные силы, кружки и организации русской социал-демократии, об'единяются в одну Р.С.-Д.Р.П. с центральным Комитетом во главе, расследование о которой служит предметом производимых ныне розысков и наблюдений и вызвало уже производство отдельного самостоятельного дознания, приостановленного теперь впредь до предстоящей ликвидации". Жандармы стремятся скорее разгрузить Киевскую тюрьму, чтобы засадить туда ждущих своей очереди революционеров. 11 мая 1899 г. дело поступает к прокурору Киевской Судебной палаты. Все дело, к которому привлечено было 142 ч., разрешено было в порядке административной расправы. „23 марта 1900 г., спустя 2 года после арестов", Государь Император по всеподданнейшему докладу (министра юстиции) обстоятельств дела о бывшем студенте мещанине Борисе Эйдельмане и других обвиняемых в государственных преступлениях соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком [1]).

Дальше указывается: „выслать под гласный надзор полиции а) в восточную Сибирь — Бориса Эйдельмана, Льва Теслера — 8 лет, Айзика Поляка на 6 лет, Сарру Померанц — на 5 лет, и т. д." [2]).

Удары, нанесенные арестом 10—12 марта, были серьезны, но они не могли остановить роста и развития нашей партии, обусловленного не желанием и волей отдельных лиц, а железной логикой исторического развития.

На наковальне пролетарской борьбы выковывалась стальная несокрушимость нашей партии,—таран, пробивший первую брешь в глухой стене старого мира.

В. МАНИЛОВ

---

1) Отношение Министерства Юстиции—дело № 20, том XII (стр. 338—340).

2) См. приложения.

Тов. Ленин в Женеве и Париже

Посвящаю
Надежде Константиновне Крупской

I

С тов. Лениным я познакомился в средине 1904 года в г. Женеве (Швейцария), где был тогда центр скопления русских эмигрантов.

Я был тогда еще очень молод и, признаюсь, что разбираться во всем тогда происходившем было для меня очень трудно.

Товарищи постарше меня с трудом разбирались в происходившей тогда внутри-партийной борьбе, а я, тем паче, как молодой рабочий, недавно приехавший из России, совсем путался. Атмосфера тогдашнего времени была ужасна. Против тов. Ленина велась в то время травля. Начиная от Плеханова, Засулич, Дейча и кончая самым рядовым меньшевиком, все пытались высмеивать тов. Ленина.

Меньшевики не пренебрегали ничем. У них в это время был громадный аппарат: газета „Искра“, экспедиция, типография с большим количеством шрифта и приличная касса, которая не жалела средств на печатание разных листовок, которые были направлены исключительно против тов. Ленина.

Представьте себе на минутку Владимира Ильича, мирового вождя, который в такой критический момент должен был остаться без печатного станка.

Кто из товарищей был знаком с громадной литературной работой, которую творил тогда тов. Ленин, тот поймет, что значило для Ильича остаться без печатного станка.

Я лично был хорошо знаком с той колоссальной работой, которую проделывал Владимир Ильич.

Я был близок к его литературной работе потому, что вся женевская и парижская большевистская печать была почти наполовину набрана мною, а что касается верстки, так тут уж все проходило через мои руки.

Первая большевистская газета „Вперед“

И вот тов. Ленин создает в конце 1904 г. первую большевистскую газету „Вперед“. Эта газета была вначале маленькой и была издана на собранные гроши среди сторонников тов. Ленина.

Как сам тов. Ленин, так и все другие товарищи-большевики, жили впроголодь и отдавали последние копейки для создания своей газеты.

Не мало из теперешних ответственных товарищей-эмигрантов занимались тем, что перевозили вещи швейцарских туристов и мыли стекла магазинов, — несмотря на это, они отдавали последние сантимы для создания своей газеты.

Тов. Ленин повел обстрел в своей газете „Вперед" всех, кто стоял на дороге рабочего класса. Он, со свойственным ему талантом, бил печатным словом на все фронты: то Плеханову и Мартову дает отповедь, то П. Струве прихватит как следует, то Чернову попадет, и „Бунд" время от времени вспоминает.

Я должен еще подчеркнуть, что период времени с момента выхода тов. Ленина из редакции „Искры" до выхода в свет первой большевистской газеты „Вперед", которая занялась выяснением тактических разногласий, был моментом самой ярой внутри-партийной борьбы и междуусобий. Больше раздоров и дрязг, нежели всюду, происходило в Женеве, так как это был центральный пункт всех эмигрантов.

В это время тов. Ленин об'езжает все швейцарские города, где только находились эмигранты-партийные товарищи, и читает целый ряд рефератов.

Я припоминаю, что как-то на чтении одного из рефератов, Аксельрод сказал, что „тов. Ленин гастролирует по Швейцарии". Но я помню другое, что, как-то немного времени спустя, тов. Ольминский (Галерка) мне рассказывал, как господа „искровцы" устроили гонку за тов. Лениным. Куда только бывало направляется тов. Ленин для чтения реферата, ему в погоню посылают кого-нибудь из видных искровцев. Владимир Ильич как-то шутя сказал: „они как тени за мною ходят". Но эти преследования продолжались недолго.

Кто из старых товарищей встречался близко с Владимиром Ильичем, тот должен знать, что он не любил тратить времени на полемику с искровцами на открытых собраниях, но зато перед рабочими он любил выступать хоть днем и ночью.

Первый номер „Вперед"

Итак, на мою долю выпало набирать первый номер первой большевистской газеты „Вперед".

Сейчас, конечно, очень легко набрать и отпечатать большевистскую газету, а тогда это было очень трудно. Типография, где набиралась газета, очень мало отличалась от подпольных типографий. Шрифта было очень мало, да и то сдавленный и с большим трудом удалось набрать номер „Вперед". Но до печатания его еще было далеко.

Нелегальная литература печаталась тогда на тонкой английской папиросной бумаге. Этой бумаги нигде не оказалось.

Я вспоминаю сейчас те мытарства, которые достались на долю тов. Лядова (Мандельштама), а главное на тов. В. Д. Бонч-Бруевича во время ее поисков, но все это ни к чему не привело. Такая бумага имелась только в распоряжении „Искры".

Я случайно был знаком с владельцем французской типографии, гр. Зелнером, где печаталась газета „Искра". Узнав, что в этой типогра-

фии имеется тонкая папиросная бумага, я и тов. В. Д. Бонч-Бруевич отправились немедленно туда.

Но бумага принадлежала не ему, а газете „Искра“ и, после долгих переговоров, он согласился нам отпечатать первый номер „Вперед“ — на искровской бумаге, и к вечеру наш „Вперед“ появился в свет.

Я не описываю и тысячной доли тех мытарств, которые нам пришлось пережить, но зато я, пишущий эти строки, и В. Д. Бонч-Бруевич первые преподнесли Владимиру Ильичу „его“ первый номер „Вперед“. Я говорю именно „его“, потому что газету так и называли: „Ленинский Вперед“ и, конечно, газета от этого только выигрывала. Вообще, появление этой газеты в свет надо приписать исключительно энергии Владимира Ильича — и, надо было видеть, каким торжеством было для Владимира Ильича ее появление.

На другой день я узнал, что искровцы просили владельца типографии нам — „анархистам“, газету не печатать. Но уже было поздно. Номер наш был отпечатан, да еще на искровской бумаге.

Приобретение нового шрифта

В скором времени, только благодаря исключительной энергии Владимира Ильича, нам удалось приобрести в г. Лозанне (Швейцария) еще немного мелкого шрифта (узкий петит), хотя старый, но все-таки мы с ним могли набрать четыре страницы „Вперед“ да еще брошюрку в 32 страницы. Надо было видеть радость нашего Владимира Ильича, когда он мог поместить лишних 200 – 300 строк.

Кто хорошо знаком с газетной работой, тот наверное знает, что значит для газеты поместить лишних 200—300 строк и тот разделит тогдашнюю радость нашего Ильича. Предо мною еще до сих пор сохранилось его радостное, счастливое лицо.

Однажды в нашу типографию, перед вечером, пришел тов. Ленин, чтобы просмотреть корректуру своей статьи, но так как набор этой статьи заканчивался, Владимир Ильич остался ожидать статью и просидел свыше часа.

Тов. Ленин очень заинтересовался материальной стороной моей жизни, ибо я, как вообще наборщик, был слабого здоровья.

Увидев около меня роль-мопс (селедку) и хлеб, знакомое ему блюдо, он возмутился этим и попросил меня за кассой, около свинцовой пыли, не кушать, что, конечно, я ему обещал.

После того, как я закончил набор, я тщательно помыл руки и мы с ним с‘ели вдвоем по куску селедки и отправились домой.

Как мы растеряли по дороге четвертую страницу газеты „Вперед“

Не успело выйти в свет несколько номеров, как произошла настоящая катастрофа.

Т.т. Владимир Ильич и Бонч-Бруевич попросили меня поторопиться выпуском нашей газеты, так как два товарища отправлялись в Россию и необходимо было им захватить с собою последний номер „Вперед“.

Я помню как сейчас, что я в течение трех суток не раздевался, успев к сроку закончить номер.

Владимир Ильич был в восторге, но... увы...

Как я уже выше писал, наша типография была подобна подпольным типографиям, мы только имели шрифт, а печатали во французской типографии. После верстки каждой страницы в отдельности, я их спускал на отдельную доску, которая замыкалась планкой и в таком порядке я верстал весь номер. По окончании всей газеты, я отвозил ее на тележке во французскую типографию для печатания.

Так как номер этот был очень срочный, то я попросил тов. Бонч-Бруевича, который тогда заведывал экспедицией, помочь мне отвезти на тележке набранную газету и тем самым с'экономить, по тогдашнему времени, один франк (на наши деньги 37 копеек).

Тов. Бонч-Бруевич был очень близорук. Он не заметил, что на одной из досок выскочила планка и страница начала от сотрясения двигаться и, покаместь мы доехали до типографии, постепенно, по всей улице, был рассеян шрифт: половины четвертой страницы не хватало.

Я повторяю, это был форменный кошмар, в типографии не было ни одной лишней буквы, пришлось итти по всей улице, собирать наш шрифт по отдельным буквам.

Положение спасло то, что мне удалось в типографии „Бунда“, занять на полстраницы шрифта (у них имелся такой же самый шрифт), и рассыпанная страница была добрана, доставлена в типографию и, наконец, появился в свет этот номер „Вперед“.

Надежда Константиновна Крупская

Надежда Константиновна Крупская, жена тов. Ленина, вела тогда всю переписку тов. Ленина с российскими работниками.

Она, бывало, над этой перепиской просиживала до глубокой ночи.

Ведь для того, чтобы напечатать полученную из какого-нибудь города корреспонденцию, надо было серьезно поработать над ней.

Старым партийным работникам памятны свои корреспонденции и заметки, которые они посылали с мест шифрами. Очень часто над одной заметкой нужно было просидеть десятки часов, чтобы расшифровать ее. А эта утомительная работа лежала исключительно на Надежде Константиновне.

Бывало получается корреспонденция из России на двух листах бумаги, а смотришь, из этого Надежда Константиновна сделает только 20 строк, а бывало наоборот: она исправляет и добавляет еще сто-двести строк. Словом, вся техническая сторона лежала всецело на Надежде Константиновне.

Каждый раз, бывало, как получается корреспонденция из России, она приходит ко мне в типографию и, со свойственной лишь ей, особенной улыбкой, говорила: „товарищ Владимир, готовьте шрифт, свеженькое получилось из России“.

Российский пролетариат многим обязан Надежде Константиновне.

Вообще, говоря о тов. Ленине, нельзя не вспомнить о Надежде Константиновне.

Она постоянно подбирала весь печатный материал для той колоссальной работы, которую творил тов. Ленин. Всегда также она оберегала его слабое здоровье от сверхчеловеческого напряжения в работе.

Рабочий день тов. Ленина длился всегда до 15 и 18 часов.

В этой постоянной напряженной работе тов. Ленин очень часто не помнил о необходимости чем-нибудь подкрепиться, но зато Надежда Константиновна знала это и постоянно следила за ним.

Надежда Константиновна пользовалась всеми удобными случаями, даже когда тов. Ленин был увлечен беседой, приносила ему что-нибудь, стакан чая или что-либо еще покушать.

Мне неоднократно приходилось вместе с ним быть за столом и наблюдать за этим.

Повторяю, что только благодаря постоянной заботе Надежды Константиновны, удавалось, чтобы тов. Ленин поддерживал свой организм.

Как я уже писал выше, мы были очень бедны, нам приходилось самим все делать, чтоб избежать лишних расходов.

Владимир Ильич строго следил за каждой партийной копеечкой и неоднократно делал нагоняй за неумелое хозяйничанье.

Больше всех экономила партийные средства Надежда Константиновна.

Для того, чтобы избегнуть кое-каких расходов, она просиживала по ночам и фальсовала нашу газету.

Она артистически шила жилетки из материи, куда зашивалась наша литература для нелегальной переотправки в Россию.

Помню, как-то в типографию пришла мать Надежды Константиновны и начала жаловаться на последнюю, что она, мол, не спит совсем, что она просиживает по целым ночам и шьет эти жилетки.

И Владимир Ильич и Надежда Константиновна отдали всю свою энергию, всю свою жизнь для дела революции.

Дом в переулке Колин, 3 (на набережн. Арвы)

В этом переулке был всего лишь один шестиэтажный дом. Он выходил своим фасадом к горе Солева и речке Арва, левой стороной на улицу Короуж, где рядом помещалась наша типография, а правой стороной—по направлению горы Монблана, и в ясную погоду можно было прекрасно видеть вершину.

В этом доме проживала почти вся женевская группа большевиков, кроме тов. Ленина.

В первом этаже жил наш уважаемый и незабвенный твердокаменный товарищ Вацлав Вацлавович Воровский (Швар-Орловский), со своей женой и девочкой.

У В. В. на дому приходилось мне очень часто бывать, так как он был одним из редакторов нашего большевистского органа и я очень часто получал у него рукописи для набора.

Тут же рядом жил тов. Воинов (А. В. Луначарский) со своей женой, и мне неоднократно приходилось ему надоедать из-за его неразборчивого почерка, временами он сам отказывался прочитать мне несколько строк из своей статьи.

Надо сказать, что я, как наборщик, неоднократно „потел“ над его почерком.

Рядом с тов. Луначарским жил тов. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич со своей женой Верой Михайловной Величкиной (Бонч-Бруевич).

Во втором этаже этого дома помещалась наша экспедиция, где, в одной из комнат, жил тов. Мандельштам М. Н. (Лядов).

Тут же рядом жил пишущий эти строки И. М. Владимиров (под кличкой Владимир) с больной женой и ребенком, неоднократно надоедая Вере Михайловне Величкиной, т. к. она часто ухаживала за моей больной женой и очень часто забирала к себе мою девочку.

Одновременно здесь жил М. Ольминский (Галерка, Вас. Васильевич). В этом же этаже, в одной из комнат, собиралась редакционная коллегия, где мне, как наборщику и метранпажу, приходилось довольно часто бывать за оригиналом.

Словом, за исключением нескольких товарищей, вся женевская группа большевиков находилась в этом доме.

Большевистская столовая

В Женеве в это время, приблизительно 1904—1905 г. г., были две русские столовые, куда бывало стекаются не только одни социал-демократы, а почти все эмигранты.

Но во время наивысшего партийного раздора, социал-демократы разделились по двум столовым.

Все меньшевики обедали в столовой Стучевского, а большевики — в столовой Олина (П. Н. Лепешинского), так называемая „большевистская столовая“.

Эта столовая помещалась рядом с нашей типографией. Для типографии это представляло большое удобство, так как, когда у нас денег не было, мы бывало очень часто направляемся в столовую, и тут уж обязательно уважаемая Ольга Борисовна Лепешинская накормит нас своим прелестным русским борщом в кредит.

Очень часто встречал я Пантелеймона Николаевича, идущим с базарным грузом в одной руке и „Трибун-де-Женев“ — в другой, и когда только в этой газете бывали новости из России, он тут же мне их сообщал.

Накануне большевистского с‘езда в Лондоне

Перехожу к работе по подготовке первого большевистского с‘езда (формально с‘езд считается третьим).

Печатный большевистский аппарат, хотя и маленький, работал усиленно. Работа кипела днем и ночью.

Владимир Ильич почти ежедневно приходил в типографию.

Газеты, брошюры, листовки, воззвания — все набиралось очень быстро.

С'езд был созван в мае 1905 года в Лондоне. Надо было быть на месте и видеть все то, что происходило тогда в Женеве, среди социал-демократов обоих течений.

Искровцы злобно, везде и всюду, распространялись о происходившем „незаконном" заговорщическом с'езде.

Мартов, в одной из своих статей на страницах „Искры", выругал впередовских наборщиков, что, мол, находятся еще такие рабочие, которые набирают такую литературу, как ленинскую.

Мартов, когда появлялся на большевистских рефератах, бывало, в буквальном смысле слова, приходил в бешенство.

Как-то, накануне третьего с'езда, был устроен реферат в большом зале Гандверка. Тему реферата сейчас не помню. Референтом был тов. Луначарский. В большом зале собралось около 300 человек. Надо признаться, что большевиков в Женеве было гораздо меньше, чем меньшевиков. Это об'ясняется тем, что почти все курсистки и студенты Женевы „сочувствовали" меньшевикам.

Вдруг, откуда ни возмись, ввалилась толпа — человек 400—500 и, конечно, под предводительством Мартова.

Шум этой толпы напоминал всем знаменитый Кишиневский еврейский погром.

В Женеве была такая традиция, что на каждом реферате все группы и оттенки ставили свои столики и продавали свою литературу.

И вот, при входе этой толпы, сознательно или бессознательно, перекинули столик с литературой социал-революционеров.

Тут моментально создалась благодатная почва для скандальчика, а главное — для срыва реферата.

Молодой человек, в студенческой форме, который еще не успел снять свои медные пуговицы, набросился на первого попавшегося около его опрокинутого столика с литературой и назвал его погромщиком.

Вскоре удалось успокоить непрошенных „гостей" и тов. Луначарский, весь бледный, пытался продолжать свой реферат.

Вдруг Мартов вскочил на стол и обозвал президиум собрания „жандармами".

Этого было достаточно, чтобы опять поднялся крупный скандал.

Постепенно, вслед за Мартовым, его „верноподданные", подражая его примеру, все влезли на столы, подоконники и стулья.

Шум, крик — были неимоверные, — форменный дебош.

Мартов и К-о орали до бесчувствия в одной стороне зала, а тов. Луначарский старался продолжать свой реферат — в другой стороне зала.

Хозяин Гандверка, для того, чтобы избавиться от таких референтов, выключил свет, и в темноте началась потасовка.

Я, пишущий эти строки, ходил по залу и продавал газету „Вперед".

Когда погас свет, у меня кто-то пытался утащить газеты, но дело кончилось тем, что у меня и экспроприатора потекла из носа кровь.

Надежда Константиновна Крупская-Ульянова

Вдруг Мартов крикнул: „честные марксисты—за мной“.

Все меньшевики повалили на улицу.

После их ухода, хозяин Гандверка снова включил свет и тов. Луначарский продолжал свой реферат.

Между прочим, тов. Ленин, который изредка ходил на рефераты, как раз на этом реферате присутствовал и с большим негодованием его бывало вспоминает.

На следующий день после „исторического“ реферата, вечером я попал в кафе Ландольт, которое помещалось около дома, где жил Г. Плеханов.

Случайно я сел за одним столом с Мартовым и в натянутом разговоре с ним, я ему сказал: „Что легче ругать впередовских наборщиков, нежели тов. Ленина, и тут же прибавил, что тов. Ленин своего наборщика в обиду не даст“.

Доклад тов. Ленина после большевистского с‘езда

Спустя несколько дней по окончании работ первого большевистского с‘езда, был назначен реферат на тему: „Итоги работ 3-го с‘езда“. Докладчиком был тов. Ленин.

Накануне реферата стало известно, что искровцы собираются сорвать доклад тов. Ленина. Были приняты все меры к пресечению этого.

Уже за два часа до прихода тов. Ленина, зал был переполнен. Почти вся женевская колония пришла послушать Владимира Ильича.

Только в начале собрания Мартов пытался затеять скандальчик, но вскоре удалось его „успокоить“ и в зале воцарилась тишина.

Доклад тов. Ленина продолжался около двух часов.

Докладчика слушали с особенным вниманием.

Надо отметить, что, из всех лидеров тогдашнего времени, Ильич пользовался особенным уважением.

Уже тогда все говорили, что тов. Ленин настоящий пролетарский вождь.

После доклада записались многие из меньшевиков, но это были мелкие сошки.

Они записались специально для того, чтобы свое время уступить Мартову.

После того, как председатель собрания, (сейчас точно не помню его имени, но кажется это был тов. Лядов) провел список записавшихся, которые поочередно заявили то же самое: „они уступают свое время Мартову“,—было предоставлено слово Мартову.

Мартов долгое время не хотел подняться на трибуну и начал оппонировать тов. Ленину с места. Но публика начала требовать, чтобы он пошел на трибуну и говорил оттуда. Надо признаться, что Мартов считался скучным оратором, а в особенности, когда он еще вдобавок нервничал, его еле-еле понимали, вот почему многие требовали его на трибуну. Хотя были такие „любители“, которые просто хотели видеть, как Мартов будет стоять рядом с тов. Лениным.

Наконец-то его удалось заставить подняться на трибуну.

Надо было видеть нашего Ильича в тот момент, когда Мартов начал пробираться среди публики на трибуну.

Тов. Ленин, со своей улыбкой и сверкающими глазами, электризовал публику. Он, как победитель, сидел на трибуне и все время крутил свою цепку от часов.

При поднятии на трибуну, Мартов пытался стать спиною к тов. Ленину, что вызвало смех у публики.

Он, со свойственной ему фальсификацией, начал доказывать, что III-й с‘езд был „незаконный“, так как, по его фальшивому подсчету, не было кворума.

Вообще, Мартов в этот вечер как-то особенно нервничал и все время говорил невпопад. Сколько слов он высыпал, — столько папирос он выкурил! Даже его „верноподданные“ остались страшно недовольными.

Меньшевики пытались после Мартова выпустить на трибуну Дана, но это было отклонено.

Тов. Ленин в своем заключительном слове, которое продолжалось не более пяти минут, с цифрами в руках выявил всю фальш Мартова.

Газета „Пролетарий“

После III-го с‘езда, с 1 мая, газета „Вперед“ уступает свое место новому Центральному Органу партии — „Пролетарию“.

Когда мы приступили к изданию газеты „Пролетарий“, в Женеве не оказалось крупного шрифта для набора заголовка газеты.

Я попросил некоторых товарищей нарисовать заголовок „Пролетарий“.

В тот же день я получил от разных товарищей несколько разных рисунков.

Я все рисунки показал тов. Бонч-Бруевичу, но когда я остановился на одном из них, между мною и Бонч-Бруевичем произошли „крупные“ разногласия.

Тогда я предложил тов. Бонч-Бруевичу отправиться к тов. Ленину и посоветоваться с ним.

Мы ему представили все рисунки и тов. Ленин остановился на заголовке, нарисованном тов. Воиновым (Луначарский).

Во главе газеты „Пролетарий“, как и везде, стоял тов. Ленин.

Редакторами „Пролетария“ также состояли т. т. В. В. Воровский, Воинов и Галерка.

Накануне революции 1905 года

До от‘езда тов. Ленина и других товарищей в Россию, Владимир Ильич имел со мною длительную беседу. Он дал мне наставление, как сохранить нашу типографию, как упаковать наш шрифт, куда сложить типографию.

Ведь это как-будто все мелочи, но Владимир Ильич обо всем заботился сам. Он, как пророк, все предвидел, и накануне от‘езда распорядился сохранить каждую букву: мол, опять понадобится.

Нашу типографию мы сложили в погребе в библиотеке Куклина, которой заведывал тов. Карпинский. В ноябре месяце 1905 года Владимир Ильич и другие товарищи уехали в Россию.

Вспоминая первый период моей работы с тов. Лениным, я должен отметить. что в деле печатания и распространения нелегальной литературы в России ни одна организация, из существовавших тогда за границей с громадными средствами, не издала столько разной литературы, сколько издала за этот период партия большевиков.

Все это было сделано благодаря тому, что во главе ее стоял Владимир Ильич Ленин.

Вторая встреча

Вторая моя встреча с Владимиром Ильичем была в Женеве в конце 1907 года.

Помню, как сейчас, идя по улице Каруж, я встретил тов. Котляренко, который мне сообщил, что приехал тов. Ленин и что он просил меня немедленно явиться к нему.

По правде признаться, я сразу тов. Котляренко не поверил. Но когда он мне сказал, что тов. Ленин меня поджидает, я немедленно отправился с ним к Владимиру Ильичу.

Встреча моя с ним была теплая, он много рассказал мне интересного про старых товарищей. с кем мы вместе работали.

Тут же тов. Ленин познакомил меня с тов. Иннокентием (Дубровинским), который был назначен выпускающим.

Тов. Ленин дал мне задание в кратчайший срок с'организовать нашу типографию по старому.

В то время среди эмиграции атмосфера была затхлая. Кругом был полнейший распад.

Голод среди эмигрантов свирепствовал во всю. Многие из эмигрантов тогда занимались мойкой стекол по магазинам и перевозкой мебели на ручных тележках, а также багажа приезжающих туристов.

Но, с появлением в колонии тов. Ленина, все как-будто начало оживать.

Но уже этот период эмиграции не был похож на первый.

Арест Ник. Ал. Семашко в Женеве

Весть об аресте тов. Семашко быстро разнеслась по всей эмигрантской колонии. Его арест как-то заметно убил дух у тех товарищей, среди которых он вращался.

Я почти ежедневно с ним встречался и часто беседовал по разным делам, и могу сказать, что он как-то особенно выделялся в эмигрантской среде. Его уважали не только свои, большевики, но он пользовался также большим уважением среди всей эмигрантской колонии.

Тов. Семашко особенно чуток был к рядовым товарищам. У кого бы что ни случилось, или кто-либо заболел, в первую голову обращались к тов. Семашко.

В то время, как бывало другие товарищи „промышляют“ чем-нибудь, т.-е. зарабатывают хоть один франк на пропитание, он почти никогда ничего не мог „заработать“.

Он был совсем не приспособлен к этой голодной эмигрантской жизни и ему приходилось временами переживать проклятый голод чувствительнее, нежели другому.

Вообще, арест тов. Семашко затормозил на некоторое время устройство нашей типографии.

Как я уже писал выше, наш шрифт был сложен в погребе в библиотеке Куклина (большевистская библиотека), где заведывающим библиотекой был тов. Карпинский, то в связи с арестом тов. Семашко, женевская жандармерия установила слежку за библиотекой.

Пришлось на время отказаться от перевозки шрифта, хотя я и тов. Котляренко успели найти помещение для типографии на улице Каруж.

В одной из французских типографий имелись наборные машины, а также два комплекта шрифта, 8-го и 10-го номера.

Я вошел в соглашение с владельцем типографии и снял одну машину в аренду.

Прежде всего я начал учиться набирать на этой машине. Я немного был знаком с наборной машиной и в течение одной недели успел напрактиковаться.

В скором времени появился в свет Центральный Орган.

Характерная вещь, когда дошло дело до тонкой папиросной бумаги, тов. Ленин точно знал, сколько осталось бумаги накануне его от‘езда в Россию.

Владимир Ильич все знал, обо всем беспокоился, а главное—всегда и везде все предвидел.

В течение некоторого времени мы продолжали работать в этой типографии. Выпускающим был все время тов. Иннокентий. (Дубровинский).

После освобождения из Женевской тюрьмы тов. Семашко, нам удалось установить свою типографию по старому.

До сих пор мне памятна статья тов. Семашко после его освобождения, под заглавием: „Мои мытарства“.

Приезд тов. Зиновьева

В скором времени приехал к нам тов. Зиновьев, с которым меня познакомил тов. Иннокентий (Дубровинский).

При встрече со мной тов. Иннокентий рассказывал мне, что тов. Зиновьев недавно освободился из тюрьмы и что он очень энергичный и ценный литературный работник, что, конечно, и оправдалось.

Тов. Зиновьев был учеником Владимира Ильича, который всегда ставил его в пример другим.

Мне приходилось, как наборщику и заведывающему типографией Центрального Органа, начиная с выхода в свет первого номера „Вперед“, до последнего номера „Социал-демократа“, т.-е. в течение 8 лет, повидать в моей жизни почти всех наших лидеров и познакомиться с их

работой, но такого работоспособного и преданного партийной жизни, как тов. Зиновьев — я не встречал.

Действительно, тов. Зиновьев человек колоссальной энергии. Он, бывало, днюет и ночует за партийной работой.

Бывало временами, что тов. Зиновьев один заполняет весь Центральный Орган.

Владимир Ильич мог просиживать в библиотеке по 15 часов за научным трудом, зная, что тов. Зиновьев все сам сделает.

Но все-таки каждый должен помнить, что все созданное в Женеве — газеты и все остальное — это дело рук исключительно нашего Владимира Ильича.

II

Переезд в Париж

Зимою 1908 года вся женевская группа решила переехать в Париж.

Надо признаться, что Женева в то время уже не представляла такого центра эмигрантской жизни, как в первый период эмиграции.

Кроме того, в этот период начались репрессии против русских эмигрантов. Нас притесняли на каждом шагу.

Вначале мы спасались в „свободной" Швейцарии тем, что за 4—5 франков приобретали болгарские документы и по этим документам получали т. н. право на жительство, но в конце и этот трюк не помогал. Мещанская Женева обнаглела.

Русскому эмигранту почти не было возможности найти комнату. На некоторых домах были такого рода наклейки: „Отдается комната в наем" только — „без собак, без кошек, без русских".

Вот как „свободная" республиканская Швейцария давала убежище русским революционерам.

В первую очередь уехали в Париж тов. Ленин, Надежда Константиновна и тов. Зиновьев.

Я и тов. Котляренко остались проделывать всю работу по перевозке нашего технического партийного аппарата.

Упаковали нашу типографию и сдали все в транспортную контору Аккермана, а сам я и моя маленькая семья, а также Зинаида Ионовна — жена тов. Зиновьева, с ребенком — Степкой, отправились с первым отходящим поездом в Париж.

Мы все благополучно доехали.

Я заехал в ту самую гостиницу „Марсель", где временно остановился тов. Ленин с Надеждой Константиновной.

Гостиница была из дешевых—грязная, сырая, и долго оставаться там не было возможности.

Надо было видеть, как заботливо Владимир Ильич и Надежда Константиновна взялись устраивать мою жену, которая была наполовину разбита параличем, а мою дочь они забрали на несколько дней к себе.

Вообще, Владимир Ильич как-то особенно любит детей.

Знакомство с тов. Каменевым

Лев Борисович Каменев в то время жил в Париже и я, в первую голову, отправился к нему.

Обо мне с ним успел уже заранее поговорить тов. Ленин.

Каменев меня принял тепло и через пять минут мне уже казалось, что я с ним знаком давно.

Тут я познакомился с Ольгой Давыдовной—женой тов. Каменева (сестрой Троцкого, с которой я встречался еще в Женеве).

Через 10 минут пришел тов. Котляренко и мы сообща наметили план: в какую часть города поместить нашу типографию и экспедицию, а также где подыскать несколько квартир для товарищей.

Через короткое время был готов завтрак и мы все уселись за стол.

Кто близко знает тов. Каменева, не удивится, что он так горячо принял меня

Лев Борисович Каменев, на редкость, отзывчивая натура.

Тов. Каменев всегда близко к сердцу принимал нужды других товарищей.. Он настоящий твердокаменный большевик.

Через несколько дней нам удалось найти помещение для нашей типографии, после чего я и Гриша Рискинд приступили к перевозке и установке ее.

Что касается квартиры для тов. Ленина и других товарищей, то они также были найдены в течение нескольких дней.

Квартира тов. Ленина

Необходимо сказать несколько слов о квартире, где поселился тов. Ленин.

Квартира эта состояла из двух небольших комнат и маленькой темной кухни, где горел газовый свет почти целый день и где я неоднократно обедал с Ильичем и Надеждой Константиновной.

Вся мебель Ильича состояла из двух белых столов, шести табуреток, одного кресла времен Адама, которое захватили с собой из Женевы, а также старой дырявой кушетки и двух простеньких железных кроватей. Так жил наш Ильич.

Вообще, Владимир Ильич и Надежда Константиновна пользовались небольшим комфортом. Он, бывало, очень часто, утомленный от сверхчеловеческой работы, бросается на свою жесткую кровать, нередко даже не раздеваясь.

Владимир Ильич почти всегда бедствовал в первый период своей эмиграции. Вот почему, возможно, наш пролетарский вождь, Владимир Ильич, так тяжко сейчас болен.

Выбор типографии

Итак, помещение для нашей типографии мы наняли на Рю-Антуан, № 8, а помещение для экспедиции—в том же доме, во втором этаже.

Надо отметить, что помещение для типографии было неудачное.

Это было обыкновенное магазинное помещение, даже без стекол.

Но так как типография, привезенная нами из Женевы, находилась в вагоне, и долго оставаться там по многим причинам не могла, нам пришлось согласиться временно на это помещение. Но зато помещение для экспедиции, которое подыскал тов. Котляренко, было удачное. В течение нескольких дней мы установили типографию и приступили к набору нашей газеты.

Как я уже писал выше, у нас был только один шрифт. Мы только набирали у себя, а печатали в другой типографии.

Я отправился подыскивать хорошую типографию для печатания Центрального Органа. После долгого хождения, я остановился на одной французской кооперативной типографии, где синдикалисты печатали свои газеты.

Утром ко мне зашел Владимир Ильич для сдачи своей статьи в набор. Я сообщил ему о результатах переговоров с типографией, где я собирался печатать нашу газету.

Но, когда я сказал тов. Ленину, что в этой типографии печатаются синдикалистские газеты, то он, со свойственной ему находчивостью, сказал: „подальше от ваших синдикалистов, а то революция опоздает, наш Центральный Орган никогда не будет отпечатан. Лучше было бы отдать в буржуазную типографию и заключить с владельцем ее контракт, а в случае неотпечатки нашей газеты в срок, мы с‘умеем его подтянуть“.

Я, конечно, согласился с Владимиром Ильичем и стал печатать наш орган в одной из буржуазных типографий.

„Ответственный редактор“

Печатание нашей газеты немного задержалось за неимением ответственного французского редактора, так как мы, русские, не имели права издавать свои газеты, да еще социал-демократические.

Ответственным редактором должен был быть французский гражданин.

Мы сговорились с одним социалистическим депутатом-жоресистом, Маерасом, который согласился быть „ответственным редактором“ за 100 франков в месяц. После проделанных всех формальностей, мы, наконец, напечатали нашу газету и выпустили в свет.

Надо отметить, что наш „ответственный французский редактор“ по-русски ничего не знал, но зато он регулярно и в срок приходил за своими ста франками.

Сейчас этот депутат примыкает к правому социалистическому крылу и ведет травлю против того, что печаталось за его „ответственной“ редакцией.

Парижские эмигранты

Парижская эмигрантская публика уже не была такой сплоченной, как женевская.

Это об‘ясняется тем, что город очень большой и каждого из эмигрантов, разбросанного по всем частям Парижа и оторванного друг

от друга, часто целиком захватывала кипучая жизнь этой громадной французской столицы.

Париж совершенно отличается от других столиц.

Там вся жизнь протекает на улице.

У себя дома французы совсем не сидят. Для них улица—это все. Настоящий парижанин даже газету не в состоянии прочитать дома.

Он читает ее в кафе за кружкой пива, и свои дела он устраивает в ресторане. Незнакомых между собой людей в Париже не существует. Эта жизнь на первых порах, как-будто, нравится нашему брату, а спустя некоторое время она делается скучной и даже назойливой, ибо в этой жизни нет ничего серьезного, жизнь проходит там как-то без определенных задач.

Но, как ни неприятно, надо сознаться, что о французской социалистической партии, а также о конфедерации труда можно было временами сказать то же самое.

Французская социалистическая партия жила только тогда, когда во французском парламенте происходят крупные дебаты, или когда Жан Жорес „берет в работу" министерство и оно подает в отставку, а после этого она опять замирает, и вся остальная парламентская жизнь проходит там как-то мимо народных масс.

Но, несмотря на все это, в Париже имеется, так называемый Латинский квартал, где проживало тогда большинство русских эмигрантов, которые собирались в определенных кафе.

Оторванности русских эмигрантов в Париже способствовало еще и то, что многие из эмигрантов, живя долгое время за границей в бедственном положении, начали приспосабливаться к французской жизни, начав заниматься каким-либо ремеслом.

Надо отметить, что русских на работу брали неохотно. Русских рабочих французы боялись, как огня.

Они называли их „стачечниками". И, действительно, если на каком-нибудь из французских предприятий происходила стачка и если на нем работал хоть один русский, то часто во главе этой стачки стоял русский товарищ.

Я вспоминаю, как в союзе парижских печатников мне сказали, что наши товарищи черезчур революционны, а потому старались на нас „действовать", чтобы уменьшить немного наш революционный пыл, который мы сохранили бы лучше для России.

Но, конечно, русские эмигранты вели свою борьбу по своему.

Первая партийная школа

Всем старым партийным работникам памятна Каприйская партийная школа.

Небольшой островок Капри расположен около Неаполя в Италии, где в то время жил Максим Горький. На этом острове была первая партийная школа.

На Капри жили тогда также т. т. Луначарский, Богданов и другие.

В средине 1909 года Владимир Ильич также уехал на остров Капри, где в течение нескольких месяцев читал целый ряд лекций в партийной школе.

Мне пришлось говорить с некоторыми товарищами, приезжавшими в Париж, о прочитанных лекциях тов. Ленина в партийной школе на острове Капри.

Все товарищи были в восторге от своего лектора, так как Владимир Ильич читал свои лекции очень популярным и доступным языком.

Во время отсутствия в Париже тов. Ленина, всей печатной работой руководил тов. Зиновьев, а временами и тов. Каменев.

Странный жилец

По приезде тов. Ленина с острова Капри, он, по обыкновению, в первую голову, отправился в типографию.

Владимиру Ильичу новое помещение по Авеню д'Орлеан, 110 понравилось. Он поделился со мною о жизни Каприйской школы. Я должен отметить, что с квартирой тов. Ленина также обстояло неблагополучно. Домовладелец и знаменитая парижская консьержка (привратница) начали ему надоедать.

Как-то вечером за чаем, в квартире Ильича, он рассказал мне о притеснениях, чинимых домовладельцем и консьержкой, потому что к ним, мол, много публики ходит и грязнят лестницу и попросил меня выяснить в чем дело.

Я уже тогда свободно владел французским языком.

Я тут же спустился вниз и как раз внизу встретил домовладельца.

Я поговорил с ним. Он начал настаивать, чтобы Ульянов выбрался, ибо он „странный“ жилец, даже мягкой мебели у него нет. Необходимо иметь мягкую мебель, которая могла бы служить гарантией, т.-е., в случае неуплаты за квартиру, можно будет описать ее через суд и продать с молотка,

Конечно, такой мебели, как известно, у нашего Ильича не было. Да он и, вообще, не признавал лишнего мебельного хлама.

Тогда я, с разрешения Владимира Ильича, заявил домовладельцу, что, мол, наш Ульянов также „крупный“ собственник и предложил ему справиться в Лионском Кредите о номере текущего счета (все партийные деньги были на имя Ильича), что, конечно, домовладелец не замедлил сделать.

С этого момента домовладелец оставляет в покое наших стариков.

Каждый раз, когда бывало он видит на лестнице нашего Ильича, он низко кланяется и обязательно добавляет во весь голос: „бонжур м-сье Ульянов“, так что эта вежливость стала даже надоедать тов. Ленину.

Тов. Ленин среди французских рабочих

Тов. Ленин в Париже пользовался, как и везде, большой популярностью среди русских и французских рабочих.

Монмартрские рабочие попросили тов. Ленина прочесть им несколько лекций, на что, конечно, Владимир Ильич согласился.

Он прочитал им целый ряд лекций.

Я сам был два раза на этих лекциях и наблюдал за аудиторией, которая слушала нашего вождя с большим вниманием.

Аудитория была полна исключительно рабочими.

Как раз после первой лекции, я встретился в метрополитэне (подземная электрическая жел. дор.) с Ильичем и, по дороге, он мне сказал: „как приятно выступать перед рабочей аудиторией“.

Владимир Ильич действительно неотделим от рабочего.

За все годы, в которые я его близко знал, могу сказать, что тов. Ленин—воплощение рабочей массы.

Исторический момент

Я должен отметить один момент, который войдет в историю.

Во второй половине 1910 года, когда происходила главная борьба с ликвидаторами, т.-е. меньшевиками, во главе которых стоял Мартов,— Георгий Валентинович Плеханов начал постепенно отходить от меньшевиков и приближаться к большевикам.

В скором времени он начал вести борьбу с ликвидаторами плечо о плечо с тов. Лениным.

И вот,—я еще раз подчеркиваю это,—Георгий Валентинович Плеханов, основатель российской социал-демократической партии, пришел к тов. Ленину.

В брошюре тов. Зиновьева „Очерки жизни и деятельности Ленина“, тов. Зиновьев рассказывает, как за границей его представили Плеханову.

Г. В. Плеханов говорил тов. Зиновьеву: „Вы идете за ним, но он теперь повел такую линию, что, через несколько недель, он будет годиться разве только для того, чтобы пугать воробьев в огородах. Ленин поднял знамя борьбы против меня, Плеханова, Засулича, Дейча. Разве, Вы, не понимаете, что это неравная борьба. Ленин конченный человек. С того момента, как он порвал с нами—стариками, с группой „Освобождения Труда“, его песенка спета“.

Как-то днем, приблизительно в два часа дня, к нам в типографию, в Париже, по Авеню д'Орлеан 110, раздался звонок.

Я как раз в то время что-то верстал и около меня стоял т. Зиновьев.

Я вышел посмотреть, кто это нас беспокоит и, к своему удивлению, увидел Георгия Валентиновича Плеханова.

По правде сказать, я сразу растерялся и, как видно, Г. В. по моему лицу это заметил.

Я, конечно, поспешил подать ему руку. Г. Плеханов спросил меня: где тут экспедиция и тут ли сейчас тов. Ленин.

Я попросил Георгия Валентиновича зайти к нам в экспедицию и обещал ему через 15 минут разыскать тов. Ленина. Когда я вернулся обратно в типографию, я сказал тов. Зиновьеву, что Г. Плеханов сидит у нас в экспедиции и ожидает тов. Ленина.

Но не успел я поделиться с тов. Зиновьевым относительно прихода Плеханова, как раздался другой звонок.

Это был товарищ Ленин.

Я попросил его раньше зайти в типографию и там ему сообщил тов. Зиновьев, что к нему пришел тов. Плеханов.

На это он ответил: „Скоро все придут к нам".

Ну, разве эти слова не пророческие?

Ведь, действительно, меньшевики обанкротились, а оставшийся весь здоровый элемент вошел в нашу партию.

Итак, в истории будет отмечено, что к „конченному" человеку— тов. Ленину—пришел Георгий Валентинович Плеханов.

Спустя несколько минут тов. Ленин был уже в экспедиции и говорил с Плехановым.

Насколько мне не изменяет память, Владимир Ильич и Георгий Валентинович уехали в тот же вечер на конгресс II-го Интернационала.

Трения с Заграничным Бюро Центрального Комитета

В 1911 году, в начале лета, Владимир Ильич поселился в окрестностях Парижа, где была тогда партийная школа.

В Париже в то время из наших главарей никого не было.

Тов. Каменев уехал отдыхать на некоторое время в Аркашон (департамент Ланде), а все остальные товарищи жили за городом. Я один остался работать в нашей типографии.

Это был период отмирания примиренчества.

В Загр. Бюро Центр. Комитета в то время было большинство примиренцев, куда также входили тов. М. К. Владимиров, тов. Лозовский и Любимов (Марк).

Загр. Бюро Центр. Комитета издавало свой бюллетень.

Этот бюллетень Загр. Бюро Центр. Комитета набирался в нашей типографии.

Итак, с одной стороны, надо было набирать Центральный Орган а с другой—Бюллетень Загр. Бюро Центр. Комитета.

Конечно, я продолжал набирать наш Центральный Орган.

Между мною и Загр. Бюро Центр. Комитета начались серьезные трения относительно того, что я „саботирую" работу Загр. Бюро Центр. Комитета.

Я помню, как сейчас, что один из наших теперешних, всеми нами уважаемых, товарищей сказал мне: „товарищ Владимир, мы еще посмотрим, с ними или с нами Вам по дороге", на что я, конечно, только улыбнулся.

К вечеру я отправился трамваем за город, к Ильичу.

Помню, когда я сошел с трамвая, мне навстречу выехал на велосипеде тов. Ленин. Мы отправились медленно по шоссе. Тут же к нам подошел тов. Зиновьев.

Я изложил ход работы нашей типографии и заявил тов. Ленину, что я больше с ними воевать не в состоянии, и что наша газета набрана, а верстать в нашей типографии не удастся.

Выход был один: свезти готовый набор в гранках в одну из французских типографий и там его сверстать.

Как я и тов. Зиновьев вывезли набор Центрального Органа из нашей же типографии

Операция была не легкая, ибо товарищи из Загр. Бюро Центр. Комитета разнюхали об этой затее и последние дни почти не выходили из типографии. Я попросил тов. Ленина дать мне кого-нибудь в помощь, чтобы, в случае серьезного инциндента, я был не один. Тут же на месте было решено т. Лениным, что тов. Зиновьев должен мне помочь вытащить шрифт из нашей типографии и отправить его во французскую типографию.

Тов. Зиновьев, конечно, согласился и мы тут же сговорились, что завтра на рассвете, когда все еще спят, мы должны проделать эту операцию. Мы пришли во время, как условились: в 6 часов утра (тележка была у меня заготовлена заблаговременно). Тов. Зиновьев стоял у ворот и караулил, не пройдет ли кто-нибудь из Загр. Бюро Центр. Комитета, а я выносил шрифт из типографии, запакованный в пакеты, и складывал на тележку. Все кончилось благополучно и я, доставив шрифт в типографию, отправился домой.

В 12 часов дня ко мне в эту типографию пришел тов. Ленин и мы вместе сверстали этот номер и выпустили в свет.

Я не описываю и сотой доли тех неурядиц, которые были между нами и членами Загр. Бюро Центр. Комитета.

Так я продолжал работать с тов. Лениным до второй половины 1912 г.

В это время Владимир Ильич и другие товарищи переехали в Галицию поближе к России, чтобы удобнее связаться с революционным движением и регулярно сотрудничать в „Правде“

Ленин в личной жизни

Я должен сказать несколько слов о личной жизни нашего Владимира Ильича. Я заранее извиняюсь перед дорогим товарищем Лениным, что я напишу несколько таких строк, которых он не хотел бы видеть на страницах печати. Но я исхожу из тех соображений, что рабоче-крестьянская масса желает и должна знать все о жизни своего вождя, ибо Владимир Ильич,—как когда-то говорили среди эмигрантов,—есть зеркало и совесть революционного пролетариата. Кто был из эмигрантов в Женеве и в Париже, тот, наверное, помнит наши вечеринки и любительские спектакли, куда, бывало, сходилась почти вся русская колония.

Мы там, на этих вечеринках, всегда могли видеть лидеров почти всех партий. Но почти никогда мы не видели на них нашего Ильича.

Владимир Ильич, если можно так выразиться, был образцовым семьянином. Кто не знает каким примерным семьянином был великий мыслитель Карл Маркс. Таким же образцовым семьянином является и наш Ильич.

Владимир Ильич никогда не курил и не выпил одной кружки пива.

Я не в состоянии выразить того, что хочу рассказать о личной жизни нашего Ильича.

Для этого надо быть художником, а не обыкновенным смертным наборщиком, каковым являюсь я, но, все-таки, я смело заявляю, что Владимир Ильич своей чистой жизнью служил примером даже для наших противников.

Несмотря на то, что тов. Ленин переживал за все время своей эмиграции постоянную личную нужду (он жил как настоящий нищий), он оставался всегда бодрым и веселым.

Владимир Ильич всегда бывало заражает своею бодростью других товарищей.

Когда бывало он замечает среди своих товарищей уныние или тоску по России,—а это бывало очень часто,—Владимир Ильич, со свойственной ему улыбкой, говорил другим: „не горюйте, скоро в России грянет революция и мы опять все будем там".

Среди русских эмигрантов всегда говорили, что Владимир Ильич добрейший и благороднейший человек, какого русская колония никогда не встречала.

Как-то тов. Ленин узнал, что один товарищ заболел. Он сам отправился к врачу и привел его к больному товарищу. Уходя от больного, он оставил его жене денег и попросил, чтобы она купила для больного все, что прописал ему врач.

Вообще, тов. Ленин мог молча сам переносить много страданий, но зато не мог переносить несчастья других.

Его можно было часто видеть на улице, утешающим плачущего ребенка.

Я вспоминаю празднование по поводу выхода в свет нашей первой большевистской газеты „Вперед". Я помню, так же как сейчас, празднование выхода в свет первого номера большевистской газеты „Пролетарий". На всех этих празднествах Владимир Ильич был всегда центром всеобщего внимания.

Вообще, его манера обходиться с товарищами, его ласковая улыбка при встрече с ними всегда притягивала к нему.

Помню, как-то наборщики нашей типографии накрыли т. Галерку (Ольминского) и тов. Лядова на 10 франков и устроили „выпивку".

К радости всех собравшихся, вдруг приходит Владимир Ильич.

Я поторопился преподнести ему рюмку коньяку, но он отказался, просидел с полчасика, закусил с нами, но выпить ничего не хотел.

Как-то в Париже, на Монмартре, где Владимир Ильич читал лекции для рабочих, на обратном пути мы с ним шли вместе домой.

Я предложил ему зайти вместе со мною в кафе выпить по стакану пива, но Владимир Ильич отказался и советывал также мне быть подальше от монмартрских кафе.

Несмотря на то, что вся жизнь в Париже происходит в кафе, где часто можно было видеть многих из наших лидеров, Владимир Ильич в эти кафе почти никогда не заглядывал.

Организм у Владимира Ильича был на редкость здоровый.

Он очень сильно бедствовал во время эмиграции. Сверхчеловеческая умственная работа и полуголодное существование расшатали крепкий организм этого красного богатыря...

Но надо надеяться, что этот здоровый организм победит недуг и наш дорогой Владимир Ильич опять будет примерным отцом своей громадной семьи—Российской Коммунистической Партии.

Харьков
Апрель 1923.

Наборщик типографии Центр. Органа
большевиков в Женеве и Париже
И. М. ВЛАДИМИРОВ

К воспоминаниям А. Макаревского и И. Веденьева

Воспоминания посвящены одному из интересных мало выясненных периодов в истории рабочего движения (1882—1889 г.г.). В эти годы первые рабочие кружки Харькова, не удовлетворяясь народовольчеством, самостоятельно, ощупью искали нового.

Не связанные с группой Освобождения Труда, начавшей теоретическую борьбу с народничеством, хотя и знакомые с некоторыми произведениями Маркса (Капитал, I том), они стояли на грани между народничеством и марсизмом, отойдя от первого, но не прийдя еще к последнему.

Перазич, активный участник рабочих кружков 1888—1889 г., так характеризует эту эпоху: „это была пора теоретических исканий, в связи с выяснившимся крушением народовольчества, период первого размежевания в Харькове, ощупью, без знакомства с произведениями Плеханова, намечавшегося марксизма и революционного народничества, делавшего попытки увлечь за собою и бросить на путь террористической борьбы силы, накопленные упорной работой пропагандистов в передовых слоях рабочего класса".

Из программы, принятой центральным кружком, видно, что члены его—социалисты близки к пониманию классовой борьбы и роли самодеятельности рабочих, и признают необходимой, как экономическую, так и политическую революционную борьбу.

Террору программа обещает только „содействовать, если цели террористической группы совпадают с целями кружка и если он продуктивен —в данном случае, с точки зрения рабочей организации".

Главнейшими и ближайшими задачами кружок ставил: 1) Приобрести, как можно более, сознательных сторонников среди крестьян и рабочих. 2) Распространить, по возможности, более рационально критическое отношение к существующему государственному и экономическому строю среди тех же классов.

Из этих кружков вышел впоследствии ряд организаторов соц.-дем. движения ряда городов юга России.

Воспоминания Макаревского особенно ценны в части, посвященной описанию деятельности рабочих кружков, их об'единения в одну организацию и т. д.

Оба воспоминания, особенно Веденьева, в значительной степени, выясняют картину переходной эпохи от народничества к марксизму 80-х годов—период формирования элементов, подготовивших на местах создание пролетарской партии.

РЕДАКЦИЯ

Воспоминания народовольца восьмидесятых годов

Революционный Харьков в 1882—5 годах

Глава I

1882 г. Мое поступление в Хар. Ветеринарный Институт. Студенческие беспорядки. Революционно-настроенная молодежь.

В августе 1882 г. я поступил в число студентов Харьк. Ветеринарного Института, по свидетельству зрелости (без древних языков), из гимназии, так как мое семинарское свидетельство тогда не давало права поступить в высшую школу. В Смоленской духовной семинарии я не был затронут революционной пропагандой, хотя и там, под влиянием многих событий, уже складывалась у многих определенная симпатия к революционной борьбе. С таким настроением приехал я в Харьков. Мне было 19 лет.

Здесь весьма скоро я познакомился с товарищами по курсу, уже имеющими определенный революционный опыт,—это были с одной стороны, народовольцы—Ф. И. Иваницкий и И. В. Орлов, оба харьковцы по средней школе, с другой же стороны—группа студентов из Казани, только что принятых Х. В. И., определенно народнического направления—Иордан, Яворский, Шадрин и другие.

Эти первые знакомства определили дальнейшую мою судьбу в Харькове. По темпераменту и настроению я определенно примкнул к народовольцам, но в то же время сохранил навсегда лучшие отношения с товарищами народниками, никогда не ведя с ними никакой полемики, они же были мои лучшие личные друзья.

Полагаю, что я в этом составлял некоторое исключение, так как в 1882 г., в особенности между революционной молодежью обоих направлений, велась постоянная полемика, в которой я никогда не принимал никакого участия.

Между тем, события развертывались с большой быстротою, и не успел я, так сказать, еще войти в тон студенческой жизни, как в ноябре неожиданно по всей России прокатились студенческие беспорядки.

Они начались в Казани,—не помню даже по какому поводу,—там были уволены студенты, Харьковское студенчество решило поддержать своих товарищей и требовать их обратного приема.

Одновременно начались сходки и у нас в В. И. и в Университете (Технологич. института тогда еще не было). Для нас новичков перво-

курсников, не обстреленных еще в студенческой жизни, конечно, эти сходки имели наибольший интерес, но и все революционно-настроенные старики-студенты приняли живое участие в сходках и были нашими руководителями.

Конечно, все это скоро кончилось. Мы, студенты-ветеринары, были отведены в полицию и там переписаны, потом до 100 студентов В. И. было уволено, причем первая категория (до 20 студентов) без права поступления в высшие учебные заведения. Я попал во вторую категорию, которой давалось право через год вновь ходатайствовать о приеме в высшую школу.

Таким образом моя студенческая карьера довольно быстро оборвалась. Но я не поехал домой в Смоленскую губ., а остался в Харькове.

Как и всегда, студенческие беспорядки выделили боевое студенчество, и мы все перезнакомились. Среди студентов, уволенных по I категории, выделялись А. Ф. Белоусов и Л. Ешин, высылаемые в Луганск, а также Шаровский И.

Это были студенты III и IV курсов с определенным революционным прошлым и они на нас молодых произвели весьма значительное впечатление.

Белоусов и Ешин—оба народовольцы—потом судились по Лопатинскому процессу в 1887 г. и были осуждены на поселение,—Шаровский же, народник, скоро был арестован и административно выслан в Западную Сибирь. Я с ним встретился уже в 1907 г. в Тобольске, куда он приехал выборщиком от Ишима в I Гусударственную Думу.

Не сомневаюсь и теперь, что эти старики-студенты сознательно шли на увольнение, зная хорошо, что их ожидает. Шаровский был, как я потом узнал, одним из влиятельных товарищей среди народнического студенчества.

Благодаря же беспорядкам я познакомился с университетской молодежью и был привлечен к кружковой работе. Назову только имена студентов, определенно захваченных революционным движением: Гольденберг, Шварцман, Карп, Софья и др.

Скоро я получил предложение поехать на урок на станцию Лозовую, чему весьма обрадовался и, если не ошибаюсь, уже в начале декабря я туда и уехал, не теряя связи с Харьковом.

Так быстро закончился для меня первый год студенческой жизни.

О жизни на станции Лозовой среди жел.-дор. служащих мне нет оснований говорить, хотя я и там встретил оппозиционно настроенную молодежь, и вспоминаю одного студента-технолога из СПБ, который имел более связей с революционной средой, чем я.

Заканчивая воспоминания о 1882 г., я скажу два слова о революционно-настроенной молодежи в Харькове вообще.

И в Университете, и у нас в В. И. революционно-настроенное студенчество резко выделялось своим руководящим положением среди всего студенчества. Тогда еще существовали студенческие библиотеки и ими заведывали исключительно студенты-революционеры; точно также

организация студенческих балов была в их же руках, и я не видел никакой оппозиции со стороны других групп студенчества этому преобладающему влиянию революционеров.

Я уже говорил, что в 1882 г. революционная молодежь Харькова переживала несколько запоздалую, полемическую борьбу между народовольцами и народниками и нередко устраивались подобного рода диспуты, но о них я еще буду говорить в следующей главе.

Самой ходкой революционной литературой тогда были издания „Народной Воли", напр., последние номера журнала, реже встречалась народническая литература. Довольно в большом ходу была гектографированная литература. Каких-либо прокламаций по поводу тех или других событий я не помню, да их, кажется, и не было.

По большой случайности я привез в Харьков исторические письма Миртова (Лаврова) и неожиданно они мне дали большую популярность. Как оказалось, это была любимая книга для всех кружков саморазвития, других же экземпляров этой книги или совсем не было, или было трудно достать. На мою книгу всегда были кандидаты, покуда я ее в трудную минуту жизни не продал (в 1883) в одно землячество чуть ли не за 10 р., цена весьма высокая по тому времени.

Еще два слова о кружках саморазвития. Они возникали и лопались с большою быстротою. Почти всегда ставились широкие, невыполнимые по условиям места и времени, задачи.

Значительно большую роль в нашем развитии играли тогдашние каталоги по саморазвитию, весьма добросовестно и полно составленные. По этим каталогам значительно легче было расширять и пополнять свои знания по общественным и экономическим вопросам.

На рождественских праздниках я приезжал в г. Харьков и еще более закрепил свои связи с ним.

Глава II

1883 г. Вторичное поступление в Ветеринарный Институт. Мои отношения к народническим и народовольческим студенческим кружкам. Прием в Университет Петроградских студентов. Мои занятия с рабочими-народниками, а потом с народовольцами. Народовольческая организация в Харькове. Мое знакомство с нелегальными деятелями. Нападение на почту и убийство Бердичевского. Народническая и народовольческая организации в Харькове.

На ст. Лозовой я прожил до Пасхи. Окончив занятия с моими учениками, я решил уехать на лето домой, тем более, что нужно было заручиться благоприятным отзывом полиции, но по пути заехал в Харьков, где прожил недели 3, еще более закрепляя свои связи с революционной молодежью. С мая по август я прожил в деревне Смоленской губ. вдали от всяких волнений.

Возвратясь в Харьков, я проявлял большую нервность в хлопотах об обратном поступлении в Ветеринарный Институт и удивлялся философскому спокойствию моих друзей казанцев—Иордана и Яворского по отношению к вопросу о приеме. Так как разнеслись слухи, что нас не примут,

то я подал прошение в Юрьевский Ветеринарный Институт и дня за три до приема в Х. В. И. получил оттуда уведомление, что я буду немедленно принят, и чуть не уехал в этот тихий провинциальный эстонский город. Но я дождался заседания совета Х. В. И. и был принят обратно со всеми другими студентами II категории — человек 60-70, насколько помню.

В Институте я уже не нашел своего ближайшего товарища народовольца Ф. И. Иваницкого, уволенного по I кат., и наш кружок почему-то не возродился.

Это обстоятельство еще более сблизило меня с активным народническим кружком, в котором играл видную роль Иордан.

Очень скоро я получил от Иордана предложение вести занятия с кружком рабочих и охотно согласился на это. Наши Харьковские народники в это время не отличались большою конспиративностью и вот я, по их совету, начал вести занятия с рабочими в своей крохотной студенческой квартире. Ко мне явилось человек 8 рабочих разных профессий, но среди них выделялась группа портных, во главе которой стояли двое рабочих: Соломон Абрамович Бронштейн и Иван Дмитрович Веденьев, живой и поныне в Харькове, а также рабочий жел. дорож. мастерских — Василий Иванович Соколов, давно уже умерший. Все трое „Соломон, Ваня и Вася“ имели стойкое социалистическое мировоззрение народнического оттенка и отличались большою начитанностью. Как я скоро узнал, со слов других рабочих: „Соломон и Иван читали Маркса“, т.-е. том I, который и тогда был в русском переводе в весьма ограниченном числе экземпляров. Такая рекомендация весьма меня заинтересовала, тем более, что я не только не читал, но и невидел еще книги Маркса. Все трое были, так сказать, пестунами молодого кружка рабочих и приходили ко мне нерегулярно. Мои занятия носили чисто учебный характер по истории и экономике. Я увлекался своим новым делом и у меня установились чисто товарищеские отношения со старшей тройкой, что, как мы скоро узнаем, имело большие последствия.

Но ведя, по поручению народников, занятия с рабочими и имея самых интимных друзей среди народников-студентов, я все-таки не вошел в народническую организацию, но скоро возобновил свои связи с активными студентами-народовольцами.

Здесь необходимо указать на то, что в Х. Университет в этом году были приняты многие студенты Петроградского Университета, уволенные по прошлогодним беспорядкам, и эти студенты-питерцы очень усилили революционную группу студенчества. Среди питерских студентов были лица большой инициативы и уже определившиеся революционеры. С ними то я скоро познакомился и близко сошелся. Среди народовольцев занимали наиболее видное положение Ю. Д. Тиличев и В. Бражников, среди же народников я помню Пругавина (брата писателя) и Кузнецова.

Кроме того и в Университете, и в Ветеринарном Институте скоро выявилось много молодых студентов с определенными революционными симпатиями, но о них я скажу позднее. Нужно добавить, что и среди харьковского студенчества были уже партийные революционеры, стоявшие

несколько в стороне от молодежи, напр., в Университете — В. А. Гончаров, Яковлев и др., в Ветеринарном же Институте — А. И. Зенкевич.

Мало по-малу выделилась революционная группа в составе: Тиличева, Бражникова, Зенкевича, Орлова, меня и Э. Л. Улановской, о которой так много говорит в своих воспоминаниях Короленко. Она после Пермской ссылки оканчивала в Харькове фельдшерскую школу.

Скоро я познакомился, или, вернее, со мной познакомились нелегальные революционеры, какие тогда были в Харькове, С. А. Иванов (Шлиссельбуржец, его кличка была Василий Алексеевич), недоброй памяти Петр Елько (Владимир Иванович) и др. От них скоро, приблизительно в октябре, я получил большую головомойку за то, что веду занятия с рабочими в своей квартире, подводя себя и рабочих. От меня потребовали, чтобы нашел другое помещение для занятий с рабочими. Я вполне согласился с этим и прекратил занятия в своей квартире, даже оставил ее, но зато оказалось, что найти другое помещение было довольно трудно и мои занятия с рабочими-народниками понемногу потеряли регулярность.

Теперь, чтобы были понятны дальнейшие события, я должен сделать некоторое отступление и сказать о том, чему свидетелем не был.

Летом 1883 г. боевая революционная организация г. Харькова была потрясена до основания, благодаря предательству Дегаева, о чем тогда никто еще не знал. В Харькове была арестована В. Н. Фигнер (я ее не знал), Немоловский, типография, в которой находились Крылов (Воскресенский), Осинская, скоро повесившаяся в Петрограде, в доме предварительного заключения, и Чемоданова. Были арестованы и многие другие, которые потом судились по делу Фигнер. Обо всем этом подробно описано Фигнер.

Как потом оказалось, Крылов был революционер-авантюрист, человек беспринципный.

Он бежал из вагона, когда его везли в Петроград, и это бегство скоро стало всем известно, создав вокруг его имени незаслуженный ореол стального революционного бойца. Я ниже скажу почему я о нем так непочтительно отзываюсь.

Все эти события, о которых мы скоро узнали, нас всех очень волновали. Ходили полулегендарные рассказы о том, с каким почтением относились жандармы к Вере Николаевне и я помню хорошо, как добродушный полицеймейстер упрекал молодых арестованных товарищей за их беспокойное поведение в тюрьме, говоря: „Вы бы брали пример с Веры Николаевны, которая сидела в этой камере, и вела себя примерно“. Из арестованных я видел один раз только Немоловского (умер в Шлиссельб.), производившего обаятельное впечатление на всех, знавших его, но мои друзья, напр., Яворский, знали В. Н. Фигнер и, конечно, часто нам говорили о ней. Теперь уже приходится судить о давних событиях и я должен подчеркнуть, что в то время никто на воле еще не знал об измене Дегаева и даже боевые революционеры не знали, что они имеют в своей среде крупного изменника.

Но, несмотря на эти провалы, которые были почти роковыми для народовольческой организации, на юге, главным образом, возродилась новая руководящая группа революционеров-народовольцев, получившая потом название лопатинцев, и осенью 1883 г. Харьков был одним из опорных пунктов этой организации. Мы, сравнительно молодые, не всегда знали об этом, но прекрасно чувствовали, что около нас существует что-то более организованное и каждый из нас понемногу вовлекался в конспиративную заговорщицкую работу.

Между прочим, мои занятия с рабочими-народниками совершенно расстроились, а так как я был очень огорчен этим, то мне в конце года поручили вести занятия с народовольческой молодой группой рабочих, во главе которых стоял Андрей Филиппович Кондратенко, с которым у меня скоро установилась личная дружба на всю жизнь. А. Ф. Кондратенко, слесарь по ремеслу, сыграл весьма большую роль в рабочем движении Харькова, о чем хорошо знают все старые рабочие. Он же принимал деятельное участие в рабочих организациях Народного Дома в г. Харькове. Но о нем я еще буду говорить дальше.

В то время „Андрей" был еще мало образованный юноша, но преданный и верный товарищ. Мои занятия с рабочими Андрея были несколько иного типа. Он постоянно приводил новых прозелитов и часто приходилось нарушать регулярные занятия ради новичков, так что в конце-концов мы организовали две группы занятий. Более регулярные—с Андреем и 4—5 товарищами его, чисто учебного типа. Больше всего они любили историю. С прозелитами же приходилось вести беседы на общие темы, стараясь более всего узнать, с кем имеешь дело. Часто Андрей огорчал меня, приводя попросту болтунов, которые более всего любили крепкие слова, к регулярным же занятиям были совершенно не склонны.

Теперь я вел уже более конспиративно работу и даже Андрей только через год узнал мою фамилию и мою профессию. К слову, для молодых скажу, что тогда не было еще студенческой формы, следовательно, не нужно было маскироваться, мой же типично русский, крестьянский вид, как мне тогда говорили, вполне соответствовал моей роли учителя рабочих.

Еще одно замечание, быть может чисто личного характера. К этому времени я уже стал партийным народовольцем, прекрасно знал программу нашей партии („По основным своим убеждениям мы социалисты-народники"—цитирую по памяти начало ее), но в своих занятиях с рабочими я был весьма мало партийным и больше всего заботился об общем развитии и о внушении им общих социалистических основ мировоззрения.

А между тем события бежали галопирующим маршем. Неожиданно, кажется в ноябре, мы узнаем, что на Чугуевском шоссе было сделано революционерами нападение на почту и что один из нападавших убит и выставлен в одной из полицейских частей г. Харькова. Мы, студенты, ничего не знали об этих событиях, они на нас нагрянули неожиданно и потрясли до глубины души.

Убитый был узнан, он оказался нелегальным, бывшим студентом Ветеринарного Института, Бердичевским, но я его не знал, да и вряд ли

он часто появлялся в Харькове, откуда он, года два тому назад, скрылся и где его многие знали.

Это дело еще раз заставило нас подтянуться и, быть может, отсюда началась полуконспиративная деятельность нашего кружка, о котором я уже говорил. И это дало свои результаты. Несмотря на самые неблагоприятные условия жизни, несмотря на существование Дегаева в Петрограде и Шкриобы в Харькове (о нем ниже), мы не были задеты этим предательством и продержались дольше всех. Почему-то даже новое предательство Елько, уже в 1885 г., только случайно и стороной коснулось нас, но об этом мы еще узнаем.

Теперь я должен коснуться условий жизни революционного студенчества в 1883-84 уч. году, чтобы уже потом к этому вопросу не возвращаться.

В 1883-84 уч. году в Харькове существовали две сильные группы народников и народовольцев, а, поэтому, идейная жизнь студенчества приобрела особый интерес.

Во главе народнической организации стоял кандидат прав Моск. Университета, Юрий Алексеевич Бунин, весьма образованный, хороший оратор и особенно блестящий полемист. Народники организовали свою типографию и, кажется, осенью 1883 г. вышла печатная брошюра, как потом мы узнали, Бунина об основах народничества, но точного заглавия ее я не помню. В народническую организацию, кроме того, входили: И. Л. Манучаров (Шлиссельбуржец), благородный и душевный грузин, по достоинству оцененный в Шлиссельбурге товарищами, однорукий Ослопов, скоро арестованный и сосланный, кажется, в западную Сибирь, Пекарский и Чернявский—студенты-ветеринары, А. А. Макаренко и Заболуев, оба сосланные в Сибирь, а также группа студентов, о которой я уже упоминал. Многие имена я уже забыл и да простят мне за это товарищи.

О многих народовольцах я уже упоминал, и здесь только скажу, что тогда же в Харькове жил нелегальный, под кличкою „Никанорыч", все свое время отдававший умственному труду. Он был большим знатоком социалистической и общественной литературы и был, так сказать лидером народовольчества.

Кроме того, в Харькове было весьма много молодежи и более солидной публики определенно социалистического направления, без особого деления на партии. Упомяну о некоторых из них: чиновник Гурский, И. В. Левандовский, Семен Левандовский, д-р Бекарюков, акушерка А. И. Белинская, Березова, сестры О. И. и М. И. Кулябко. Среди студентов Ветеринарного Института определились молодые революционеры: В. П. Денисенко, сосланный в 1887 г. в Акмолинскую обл. и ныне живущий в Харькове, Лисовский (народник), Гельруд, А. П. Шехтер, Цыценко, Н. М. Олтаржевский, сыгравший худую роль в деле Меримкина, Сыцанко и др., о чем я еще буду говорить, экспансивный Вл. Ив. Мельников (народоволец), скоро арестованный и сосланный в Якутскую обл.

Нередко стали устраиваться диспуты между лидерами народничества и народовольчества. Со стороны первых чаще выступал Ю. А. Бунин,

со стороны вторых—„Никанорыч“, и эти диспуты были весьма поучительны для молодежи. Иногда собиралось до 30 и даже 50 человек.

Кроме того, в этом же году нередко устраивались вечеринки под видом чьей-либо женитьбы и т. п., цель которых была сплочение студенчества в более тесную семью, к тому же эти вечера давали и некоторые средства для тюрьмы и на другие нужды.

Вспоминаю, что дня за 2—3 перед нападением на почту была такая вечеринка, на которой появилось несколько совершенно незнакомых нам лиц, потом указывали, что это были нелегальные участники нападения и многие строго осуждали их за эту неосторожность.

Между тем, совсем неожиданно для меня подкралось время обязательных занятий в анатомич. театре и сдача первых экзаменов. Я очутился между Сциллой и Харибдой и хорошо помню как надо мной подсмеивался Иордан, когда я сдал первый экзамен по анатомии. Но я закусил удила и, не ослабляя своей революционной работы, напр., занятий с рабочими, успел сдавать все экзамены.

На какие средства я жил в первые месяцы этого учебного года, что-то не помню, но денег из дому я почти не получал. В декабре я получил сперва временный урок в прекрасной семье военного следователя с платой 15 р. в месяц, скоро же этот урок стал постоянным.

Так благополучно закончился для меня этот гражданский год.

Глава III

1884 г. Убийство предателя рабочего Ф. Шкриобы. Арест народников (Иордана, Манучарова и др.) и их типографии. Об'единение рабочих народовольцев с народниками. Особенности жизни народовольческой организации этого года. Открытие Харьковской Общественной Библиотеки. Арест Гончарова и молодых народовольцев. Предательство Олтаржевского. Арест некоторых народников. Деятельность нашей группы и других народовольцев. Нелегальные. Общество помощи ссыльным и заключенным.

В самом начале 1884 г. (8 января), все мы были поражены убийством одного из народнических рабочих—Фед. Шкрябы (или по жандармским документам Шкриобы), сидевшего в тюрьме в 1883 г. Как потом оказалось, он был убит будущим шлиссельбуржцем П. Л. Антоновым, по приговору партии Народной Воли за то, что был предателем, о чем документально было узнано от „раскаявшегося“ Дегаева. По какой-то случайности я не знал Ф. Шкриобы и, вообще, он не был популярен в Харькове, но, как оказалось, он пользовался доверием таких прекраснодушных людей, как Иордан и Манучаров, знал, что в квартире Иордана находится типография. Шкриоба был убит за городом, там, где теперь Рашкова дача, среди бела дня по дороге на Сабурову дачу и весть об этом весьма быстро разнеслась по городу.

От И. Д. Веденьева я узнал такие подробности о Шкриобе. Он был арестован, вероятно, в начале 1883 г., по какому поводу Веденьев не помнит. К осени Шкриоба, находясь под арестом, был переведен в больницу. Но в дни нападения на почту (ноябрь 1883 г.) и розыска

нападавших, рабочие видели Шкриобу на извозчике где-то, около Мордвиновского переулка. Потом его скоро выпустили и он не мог дать удовлетворительного об'яснения, зачем он был на извозчике, считаясь еще в тюрьме. И. Д. Веденьев говорит, что он видел Шкриобу в последний раз 6 января, во время крестного хода. Они оба были у рабочего-социалиста Козьмы Ефимовича Свищова, и вместе ушли. Шкриоба долго провожал И. Д., чем даже раздражал его, так как он считал это не конспиративным.

Я хорошо помню, как негодовал Ив. Ас. Манучаров, не мирясь с предательством Шкриобы, но ему скоро пришлось в этом убедиться, так как жандармы поспешили арестовать народническую типографию в квартире Ник. Вл. Иордана, Старо-Московская ул., д. № 29, о которой знали от Шкриобы. Я бывал в квартире Иордана, но, вероятно, много ранее этого времени, так как о типографии я не знал. Из сохранившихся документов дознания я впервые узнал, как богато была оборудована эта типография и как много было забрано в ней литературы и рукописей. О некоторых из них я упомяну ниже, теперь же скажу, что согласно показаниям жандармов, Иордан был забран с револьвером в руке (браунинг) и даже со взведенным курком. Он держал руку в кармане, когда входили с обыском, и полицейские поспешили схватить его за руку. Таким образом по их записям, они избежали вооруженного сопротивления. Зная спокойный и решительный характер Иордана, я что-то сомневаюсь, чтобы так все это было, кроме же того утверждаю, что о попытке со стороны Иордана оказать вооруженное сопротивление, никаких слухов не было, хотя мы вели с тюрьмой деятельное сношение. Как бы то ни было, по акту значится, что у Иордана в квартире было найдено 3 заряженных револьвера и, будь там экспансивный Ив. Асланов. Манучаров, вероятно, дело окончилось бы боем. А, между тем, Манучарова взяли во дворе, когда он шел к Иордану. При обыске у него нашли нелегальную литературу и, между прочим, прокламацию от Южно-Русской боевой дружины по поводу убийства Шкриобы. Прокламация эта, как я помню, была печатная, но, конечно, она была напечатана не в типографии Иордана.

Скоро был арестован и сожитель Иордана по квартире, Дмитрий Иванович Ослопов, практикант на Дергачевской ферме. При обыске его не было дома, в его комнате также нашли разные типографские принадлежности, напр., очень много типографской краски.

Одновременно с этим был произведен обыск в квартире А. А. Макаренко, активного, и весьма деятельного народника, но его дома не оказалось, напротив, в ней пил чай студ. Петровско-Разумовской Академии, бывший Харьковский реалист, приехавший в Харьков на праздники, Пав. Лазар. Заболуев и его арестовали [1]). В квартире этой было найдено много нелегальной литературы, но Ал. Ал. Макаренко задержан не был, он скрылся, перейдя в нелегальное положение. Скоро Макаренко уехал в Москву и поступил в типографию наборщиком, ведя пропаганду среди рабочих. Он был арестован только года через два в Кременчуге и был

[1]) Макаренко жил в квартире или доме родных Заболуева.

сослан на 5 лет в Вост. Сибирь, где приобрел большую популярность, как этнограф-исследователь.

Я позволил себе сделать такое отступление, так как говорить о Макаренко я уже не буду в этой статье. Между прочим, его бегство из Харькова доставило и мне некоторое огорчение. Молодежь естественно путала Ал. Макаренко с Ал. Макаревским и не раз я слышал удивленные восклицания: „А вы все еще не уехали из Харькова, ведь вас же тут знают, уезжайте“. Было произведено еще несколько арестов, напр., Бекарюкова, Кировой, Красносеровой, но часть народников (Ю. А. Бунин и др.) поспешили уехать из Харькова, да жандармы видимо и не хотели большого шума в связи с убийством Шкриобы. Они поспешили только захватить типографию, где нашли, действительно, богатую добычу. Список забранной литературы, рукописей и т. п. у Иордана весьма велик[1]). Этот арест в связи с убийством Шкриобы расшатал революционное народничество, более же спокойные и тихие притаились и об них мы узнаем только уже в 1886 г.

Такое положение дел имело большие последствия для рабочего движения в Харькове и вот почему: активные рабочие, уже известные нам в виде тройки: „Ваня, Вася и Соломон“, потеряв связь с интеллигентными народниками, разыскали меня и вошли со мной, как теперь говорят, в полный контакт. Очень скоро я познакомил их с Андреем Кондратенко и как-то само собою образовалось такое активное ядро рабочих-социалистов: И. Д. Веденьев, С. А. Бронштейн, А. Ф. Кондратенко, В. И. Соколов, мой любимый ученик Я. С. Рябоконь (портной), с народовольческим оттенком, и Степан Крутиков, красивый блондин которого скоро забрали в солдаты и впоследствии он был сослан в Хабаровск за пропаганду среди солдат.

Никакого вхождения Вани, Васи и Соломона в народовольческую организацию не было, но как-то само собою случилось, что они сблизились с рабочими народовольцами. При таких условиях кончался учебный год, причем только теперь окончательно организовалась и приняла уже совершенно конспиративный характер наша группа в составе: Теличеева, Бражникова, меня, Зенкевича и Улановской, иногда она пополнялась другими лицами, уже по кооптации.

---

[1]) Для характеристики времени, укажу только на более характерные брошюры и рукописи: отпечатанная брошюра „Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции“, „Об‘яснительная записка к программе Народной партии“, рукопись „Сибирские реки, этапы и тюрьмы“. (Полагаю, что эта рукопись так и погибла), рукопись „Французская революция XVIII века“, рук. „Потребление и производство“, рук. „Якутская обл. и Забайкалье“, рук. „В момент революционной борьбы“, много материала типа прокламаций и листовок, при чем часть на украинском языке.

В квртире же Макаренко нашли отгектографированную брошюру „Что такое заработная плата и как она определяется“, при чем в дознании имеется такое пояснение — „Это есть популяризация идей, изложенных в капитале К. Маркса“. „Социализм и политическая борьба“ Плеханова—1-й выпуск „Библиотеки современного социализма. Предисловие помечено 25 октября 1883 г. „Манифест коммунистической партии Карла Маркса и Энгельса“, изд. „Русской революционной социалист. библиотеки“, „Чего хотят социалисты“—брошюра, напечатанная в тип. народников т. Иордана и помеченная 1883 г.

В это же время в Харьков все чаще и чаще стали появляться другие активные революционеры-народовольцы, чаще всего нелегальные, напр., Ясевич, Бартенев (рабочий), Лебедев (рабочий), называю их настоящими фамилиями. Антонов (Кирилл) также стал частым нашим гостем, не говоря уже об Елько и Иванове.

В эти же месяцы я сблизился с В. А. Гончаровым, студ. 3 курса, медиком, входившим, как потом оказалось, в центральную организацию Народной Воли.

Необходимо упомянуть еще несколько имен, определенного революционного направления: Кервели, ветерин. врач, французский подданный, владелец книжного магазина, его скоро выслали в Париж, Голубева, Крупянский, вольнослуш., Кржановский, вольнослуш. (был арестован), сестры Ратнер, Клюге Адольф и многие другие.

Я как-то до сих пор не нашел времени и места сказать еще об одном характерном событии, оказавшем влияние на жизнь всего Харькова. Я даже не помню было ли оно в конце 1883 г. или, что вернее, в самом начале 1884 г. Как бы то ни было, чиновник Гурский, народоволец по взглядам, вместе с Хр. Алчевской, весьма известной и тогда в Харькове общественной деятельницей по народному образованию, организовали группу лиц, которая должна была озаботиться об открытии общественной библиотеки в Харькове. Тогда таких библиотек почти не было и только в некоторых провинциальных городах они уже существовали, напр., насколько помню, в Дорогобуже, Смол. губ., в Череповце, Новг. губ. Намечалось, что библиотека будет в руках революционеров. Гурский и Алчевская созвали первое организационное собрание, на которое были приглашены 3 студента университета: Гончаров и двое других, фамилий которых не помню, и 3 студ. Ветеринарного Института—А. Зенкевич (ныне умерший), И. Орлов (живет в Харькове) и я. Два раза мы собирались в квартире Хр. Алчевской на Рымарской ул. На собрании, кроме указанных лиц, было еще 2—3 человека из общественных кругов г. Харькова, если не изменяет память, учитель гимназии Иванов, фамилии других забыл. Был выработан устав общественной библиотеки. На втором собрании признали, что так как студенты, как учащиеся, не могут быть учредителями библиотеки, то мы должны были уполномочить от своего имени двух наиболее популярных профессоров быть учредителями библиотеки. Так мы и сделали. Из Университета был намечен проф. Бекетов, из Ветерин. Института проф. Гордеев. Я с Зенкевичем обратились к последнему с просьбой быть учредителем библиотеки, при этом мы представили проф. Гордееву нашу просьбу в письменном виде с массой подписей студентов. Дело с открытием библиотеки быстро двинулось и, если не ошибаюсь, в самом начале 1885 г. она была уже открыта.

Когда я возвратился из ссылки и вновь поступил в Ветеринарный Институт в 1901 г., то с большим удовольствием посетил Хар. Общ. Библиотеку в ее собственном роскошном помещении.

Весною, в марте, апреле и мае, пришлось усиленно сдавать экзамены и я уехал только в конце мая на родину, заложив на осень, как выра-

жаются студенты, только два предмета—физику и зоологию. Вообще же экзамены прошли у меня весьма удачно, что дало мне возможность на II курсе получить очень хорошую по тогдашнему времени военную стипендию—25 рубл. в месяц, благодаря которой, я, до конца будущего учебного года и моего ареста уже не нуждался.

Каникулы я провел в тихой деревне Смоленской губ., Вяземского у., где никакой пропагандой не занимался, так как для этого не находил благоприятных условий, хотя из литературы со мной кое-что было. Упоминаю об этом только потому, что попытка пропаганды в деревне, как мы сейчас увидим, сыграла роковую роль для Харькова.

Когда я приезжал в конце августа в Харьков, то узнал печальную новость, что большая группа студентов была арестована по разным губерниям и привезена в Харьков в тюрьму. 9-го августа были арестованы: В. А. Гончаров, о котором я много раз уже упоминал, член центральной организации, но не входивший в нашу группу, после же в разных городах Вас. Вас. Гюльцгоф и его брат Виктор, Як. Меримкин, Юр. Крупянский, Арс. Н. Сиземский, Ив. Ив. Гейер, Абр. Гольденберг, Мар. Ос. Сыцанко, сестра осужденного в 1880 г. Ал. Сыцанко к ссылке в Сибирь, Мих. Яковлев, Лаз. М. Белинкин и Н. М. Олтаржевский. Из всех этих лиц были скоро выпущеиы Яковлев и Белинкин, как случайно арестованные, и Н. М. Олтаржевский, студ. Ветеринарного Института уже по другой причине.

Как значится в сохранившихся документах по этому делу, Олтаржевский был арестован еще 23 июля в Сквирском уезде, Киевской губ., в связи с найденными там прокламациями. Очень скоро он дал откровенные показания и не только назвал группу молодых народовольцев, о которой я тоже упоминал и с которой он имел постоянные сношения в Харькове, но также Гончарова и Гейера, которые не имели никакого непосредственного отношения к этой группе. Быть может, первым поводом к такой болтливости была общая карточка, на которой весной снялась эта группа, но, конечно, без Гончарова и Гейера, которого тогда даже не было в Харькове. Мы, более старые, очень были недовольны таким трогательным выражением дружбы молодых студентов. Олтаржевский сперва разболтал, что такие-то (братья Гюльцгофы и др.) гектографировали разные брошюры и распространяли их, потом в одном из следующих показаний сказал, что литературу забирал обычно Гончаров, по предложению которого велась эта работа и т. д.

Вот почему в августе были произведены аресты в Харькове, Симферополе, Херсоне и других городах и все арестованные привезены в Харьков.

При аресте у Гончарова нашли склад народовольческой литературы, и много других вещей, напр., револьверы, части типографии и т. д. Что же всего хуже, была найдена рукопись прокламации по поводу убийства Шкриобы, писанная, как утверждает дознание, рукою Гончарова. При таких уликах, Гончаров не отрицал, что он принадлежал к центральной организации Народной Воли. Его изолировали совершенно от других

и он, кажется, сидел в арестантских ротах (ныне каторжная тюрьма на Холодной горе). В. А. Гончаров был сильный и здоровый юноша, но скоро заболел в тюрьме, был перевезен в больницу на Сабуровой даче, где и умер в начале 1885 г.

Олтаржевский также назвал нелегального Дмитрия Никаноровича Сахарова (Никаноровича), который, по непонятной причине, отравился морфием 11 мая 1884 г. на своей квартире на Москалевке, о чем я забыл было упомянуть. Смерть этого нашего общего учителя и идеолога партии очень огорчила всех нас.

Чтобы уже покончить с Олтаржевским упомяну еще, что он назвал нелегального Елько, его бывшего товарища по гимназии, и зачем-то указал, что этот Елько часто бывал у меня.

Слух о большой болтливости или даже о предательстве Олтаржевского распространился в Харькове тотчас после того, как его выпустили из тюрьмы уже в Харькове, в начале сентября, и это имело следующие последствия.

Выпущенный из тюрьмы Чернявский (о нем я скажу ниже), сообщил нам, что Сиземский, Меримкин и др. просили быть осторожными с Олтаржевским, так как он много болтал и выдал их. Этот слух весьма смутил нас и мы решили исследовать это дело. Было поручено мне и Ив. Вас. Левандовскому сходить к Олтаржевскому на квартиру и побеседовать с ним по поводу его ареста, не говоря, конечно, о том, что нам сообщили о нем.

Хорошо помню, что Олтаржевский был весьма смущен, вернее, испуган нашим посещением и разговор у нас совершенно не вязался, так что мы поспешили уйти с жутким чувством. Через дня два сам Олтаржевский уехал из Харькова и, как впоследствии оказалось, перевелся в Дерпт, где и окончил Ветеринарный Институт, а потом был ветеринарным врачем в Минусинске, где я с ним и встретился, переведенный туда в 1896 г. из Якутской области. Так как все то, что я теперь пишу, я узнал только на днях из жандармских записей, до этого же никаких фактических данных о его предательстве у меня не было, то я в Минусинске возобновил с ним знакомство, часто бывал у него и даже ухаживал за ним, когда он заболел брюшным тифом. В извещении в Департамент о его освобождении, говорится не только о том, что он-де дал чистосердечные показания о других, но что также обещал и в будущем „способствовать власти к дальнейшему выяснению лиц, вредных по своей преступной деятельности“.

Вероятно, наш с Левандовским приход напугал его и он поспешил уехать в Дерпт, где все время студенчества вел себя весьма уединенно, не заводя никаких знакомств с революционным студенчеством, о чем мы имели тогда определенные сведения.

Из других арестованных по этому делу — Меримкин, Сиземский, Гольденберг, М. О. Сыцанко, В. Гюльцгоф были административно высланы в Вост. Сибирь и Степ. Ген. Губ. на 5 и 4 года, второй В. Гюльцгоф

и Крупянский были выпущены под надзор полиции, И. Гейер [1]) также каким-то путем вышел из тюрьмы без высылки.

В начале же сентября были произведены аресты и среди народников более мирного направления: Чернявский, студент Ветерин. Института, Рклицкий—вольнослушатель Университета и некоторые другие, но все они были скоро выпущены без увольнения даже из высших школ. Чем были вызваны эти аресты, я не помню. Но мы, оставшиеся на воле, подсмеивались, что арестовывают по общим групповым карточкам, так как эти народники тоже весною снялись на общей группе и остряки утверждали, что в тюремном коридоре были прибиты две группы, чтобы выходящие на прогулку могли ими любоваться.

В это же время был арестован рабочий-народник Хмара, знакомый Шкриобы. Он был выслан в Архангельскую губ.

Так печально начался учебный год, но мы, оставшиеся в „живых", не опускали рук, а делали свое дело. 23 сентября ушли из тюрьмы Иордан и Манучаров, о чем я расскажу в отдельной главе, так как это дело требует к себе особого внимания.

В этом полугодии руководящая роль арестованного Гончарова естественно перешла к нашей группе, и хотя мы считали ее чисто местной, но понемногу уже в конце этого года нам приходилось вести некоторые дела за пределами Харькова, сперва по поручению нелегальных, а потом и более самостоятельно. В это полугодие я вел наиболее деятельные занятия с рабочими и это было моей особенностью в деятельности нашей группы.

Наши сношения с нелегальной группой Сергея Иванова были наиболее оживленные. Как раз осенью этого года вышел № 10 Народной Воли и мы его усиленно распространяли. Заграничные издания Народной Воли (Календарь и Вестник) стали получаться довольно исправно, точно также как и первые издания Плехановской группы, кажется, уже тогда получившей название группы Освобождения труда (Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич и Дейч).

Среди молодого студенчества вербовались новые прозелиты и организовывались новые кружки. Так как я вел уже более уединенную жизнь среди студенчества, то я, помню молодых революционеров больше из Ветеринарного Института: И. Тр. Цыценко, В. П. Денисенко, Гельруд (все трое были сосланы в Сибирь), Гомберг, Кохман и многие другие.

Не могу не вспомнить о том, что я так наголодался за предыдущие два года, что когда нанял комнату с обедом за 15 или 16 рублей, то право же, как-то стеснялся с'едать обед один и часто звал какого-либо товарища пообедать со мною, тем более, что кормили меня очень обильно и сытно. Конечно, с течением времени и я привык к своему благополучию.

Кажется в этом же году появился в Харькове новый нелегальный, который скоро уехал в Сибирь, где в Томске при аресте застрелился.

---

[1]) Уже по делу Лопатина по суду был выслан в Туркестан в 1887 г.

Это был весьма деятельный Вл. Иван. Бычков, производивший на нас сильное впечатление. По всей вероятности Вл. Ив. Бычков (его нелегального имени не помню), был в Харькове не осенью, а весною 1883 года.

Заканчивая этот год, упомяну еще об одном побочном, но характерном событии, которое относится, кажется, именно к осени, а не к весне. В Харькове организовалось Общество помощи ссыльным и заключенным, по инициативе группы студентов-революционеров без особой партийной физиономии. В организации этого общества приняли участие: М. И. Туган-Барановский, Тиличеев, Бражников, я, Зенкевич, Меримкин и несколько других более мирных студентов, фамилии которых я с трудом вспоминаю. Собирались мы обыкновенно в собственном доме Туган-Барановского, уг. Подгорной и Черноглазовской ул. Когда Общество организовалось, было постановлено написать каждому проект прокламации к Обществу, чтобы выбрать из всех проектов наиболее удовлетворительную. Сказано, еще не значит сделано, и на будущее заседание было принесено только два проекта—Туган-Барановского и мой. У меня нет особого авторского самолюбия, но все-таки вспоминаю, что, к моему удивлению, был принят мой проект с поправками, взятыми из проекта Тугана.

Так как М. И. Туган-Барановский persona gratissima. то, дабы кто-либо не упрекнул меня в фантазии, так как-де Туган был в Петроградском Университете, скажу, что он туда перевелся из Харьковского уже в следующем 1885/6 учебном году.

Глава IV

Бегство из тюрьмы Иордана и Манучарова 23 сентября 1884 г.

Когда Харьковская тюрьма была заполнена новыми арестованными и когда стало трудно изолировать друг от друга сидящих, народники Иордан, Манучаров и Крыжановский, а также Клюге—народоволец, следствие о которых было закончено, были переведены в общую камеру на Холодной горе, где обычно не сидели политические.

Наружный фасад этой тюрьмы тогда не имел окружающей его стены и окна этого фасада выходили прямо на холодно-горскую дорогу. Вася Соколов тогда жил почти напротив тюрьмы через широкую улицу. Ваня же Веденьев жил там же на Холодной горе на следующей Ильинской ул., где он и теперь живет, д. № 30.

Благодаря такой счастливой случайности, Вася и Ваня часто стали прогуливаться по улице около тюрьмы и их скоро заметили Иордан и Манучаров, их друзья по воле.

В самом начале сентября, когда я еще, кажется, зубрил физику, ко мне прибежал Вася и передал записку от Иордана, в которой он просил передать в тюрьму лобзик и пилки, так как они решили бежать, подпилив решетку окна. На свидание с ним тогда ходила только невеста Крыжановского, очень наивная барышня, которую знал и я, и через которую решительно нельзя было передать лобзика, так как при первом же допросе

она могла назвать, от кого получила его. Вася, между тем, уже купил лобзик и пилки. Последние он решил передать, запекши их в булку, с невестой Крыжановского. Но как быть с лобзиком? Вопрос который заставил нас весьма задуматься.

По счастливой случайности, накануне я был у А. И. Белинской и встретился там с С. Г. Калитаевым, быв. студентом Петр. Раб. Академии, отбывавшим воинскую повинность и окончившим юнкерское училище. Он говорил, что он, как юнкер, завтра в 12 часов дня будет в карауле в арестантских ротах, начальником караула. Он хорошо знал Иордана и мы просили его выяснить, как они там сидят. К слову, Калитаев был мирный народник с толстовским оттенком, потом почти всю свою жизнь он прожил в Толстовской колонии в Кринице, где и умер в начале революции.

Но как передать лобзик через начальника караула, ведь он не знал ни Васю, ни моей руки. После некоторого колебания, я побежал к Белинской и получил от нее письмо к Калитаеву, с которым Вася и ушел.

Как потом рассказывал Калитаев, только уступая неотступным просьбам Васи, рискнул взять лобзик, зашитый в холст, и, действительно, передал его Иордану, когда заключенные возвращались с прогулки. Чтобы все это кому не показалось чрезмерно фантастичным, добавлю, что я видел этот маленький, из одной стальной пружины, лобзик у Васи, когда он пришел ко мне, и сам удивлялся его изяществу и портативности.

Так началось это дело, а так как оно уже не требовало дальнейшей организации, то мы трое (я, Соколов и Веденьев) решили действовать самостоятельно, не впутывая в него организацию. Но, конечно, по дисциплине, я сказал товарищам по группе, что затевается побег таких-то. Времена были не болтливые, и у меня более не спрашивали подробностей.

Иногда, не только скоро сказка сказывается, но скоро дело делается, и мы стали получать извещения, что дело подвигается быстро. Большим неудобством наших сношений было то, что мы им писали 1 или 2 раза в неделю, пользуясь свиданиями, получали же от них записки через окно чуть ли не каждый день и 20 сентября нас уже известили, чтобы мы подготовили бегущим квартиры. Было решено, что выйдут из тюрьмы через окно сперва Иордан и Манучаров, если же часовой не заметит, то за ними последуют Клюге и Крыжановский. Дело, как видите, принимало не шуточный оборот.

Я поспешил предупредить об этом товарищей. В это время как раз было полнолуние, погода стояла ясная, почему все товарищи находили бегство в такое время нецелесообразным и просили меня задержать их до темных ночей. Как раз тогда был в Харькове Г. Лопатин, он также советовал подождать с неделю. Такой ответ я дал в тюрьму и не указал даже адресов, куда должны явиться бежавшие.

Но, как я потом сам скоро убедился, одно дело рассуждать на воле, другое сидеть в тюрьме, и наши друзья там страшно волновались. „Уже старший подходил к окну и пробовал подпиленную решетку, к счастью не в том месте, где она была подпилена“—так мне потом об'яснял свое

настроение Манучаров. Кроме того, почему-то боялись перевода в другую камеру.

Как бы то ни было, но 23 сентября, кажется, в воскресенье, я собрался с целой компанией в театр Кропивницкого — вдруг, уже к вечеру, прибегает Вася и приносит записку от Иордана, в которой сообщалось, что они сегодня бегут и назначили в оврагах на университетской земле свидание на будущую ночь, прося квартир, первый же день они решили пробыть за городом. Мне пришлось вновь извещать товарищей о грядущем событии, и все-таки, по требованию конспирации, я попал в театр, хотя и ко второму действию. Это было очень удачно, так как я там неожиданно встретил своего истинного друга П. Яворского, который был также ближайший товарищ Иордана, и сказал ему о бегстве.

Часа в 2 ночи ко мне неожиданно постучал Яворский и сказал, что Иордан пришел на их квартиру (ненадежную) и он отвел его в квартиру студ. Щеглова (боюсь, что фамилию передаю не точно), который жил на Криничном пер. близко около меня. Утром на свету я должен был пойти туда и условиться о дальнейшем.

Потом на ту же квартиру Щеглова пришел Манучаров, но уже при неблагоприятных условиях, а именно: Манучаров также пришел на квартиру Шадрина Яворского, но Шадрин струсил и не пошел провожать Манучарова, а рассказал, как найти квартиру Щеглова: на углу Клочковской улицы и Криничного переулка. Но Манучаров перепутал и постучался не на том углу, ища Щеглова.

Он услышал грозный окрик „и чего это вас нелегкая носит по ночам, иди на другой угол, там твой Щеглов“. Как потом оказалось, Манучаров стучался в квартиру околоточного надзирателя, который прекрасно знал гуляку по ночам, Щеглова.

Когда я раненько пришел к Щеглову, то, к моему удовольствию, нашел двух вместо одного. Но с квартиры нужно было уходить, так как можно было ждать обыска, и мы решили, что Иордан и Манучаров уйдут до вечера во рвы на университетской земле, в 7 часов мы встретимся с ними в условном месте. Я оставил Иордану запасные часы, предварительно сверив их со своими.

К слову, через несколько часов полиция действительно нагрянула к Щеглову, но квартира была уже пуста, на беду только Иордан в торопливости забыл взять часы.

Теперь, пока Иордан и Манучаров волнуются во рвах, расскажу подробности бегства.

Они сидели в угловой камере второго этажа арестанских рот. Так как наружной стены не было, то тут всегда ходил часовой, правда, по довольно длинному фасаду.

Часов в 11 вечера решили бежать, хотя луна светила во всю. Первым вылез Иордан и стал медленно спускаться по веревке из простыни. Но часовой оглянулся и закричал: „Куда, куда, убью, ей-богу убью“, Манучаров на такой крик прыгнул прямо на землю и благополучно очутился рядом с Иорданом, потеряв только фуражку.

Часовой окончательно растерялся и вместо того чтобы стрелять, закричал, „караул“, беглецы же бросились бежать и скоро покатились под гору к вагонам. Они слышали запоздалые выстрелы, но среди массы вагонов трудно было искать бежавших. Они пошли на Старо-Московскую улицу в Ветеринарную Лечебницу Общ. Покр. Жив., где жил ветер. вр. Н. А. Шадрин, мирный народник, и студент П. Т. Яворский, более активный народник, большой друг еще с Казани Иордана.

Так хорошо было начало и только на половину хорош конец.

Когда мы трое (я, Бартенев и Левандовский) с большими предосторожностями пришли ровно в 7 час. на место свидания, то никого не застали. Мы крутились там целый час, под конец жгли бумагу, кричали, но все напрасно, и после 8 час. пошли в город, счастливо избежав казацкого об‘езда. Мы заходили в Университетский сад, где намечали свидание с Иорданом, но безрезультатно, и вот какая дикая неудача постигла нас здесь.

Спускаясь на Клочковскую ул. по Криничному переулку, мы заметили под деревьями две тени. Так как мы знали об обыске у Щеглова, а эти тени были у его дома, то мы быстро решили, что это засада и я, как близко живущий, пошел в боковую ул., Бартенев же и Левандовский по Криничному переулку. Между тем, тени эти были Иордан и Манучаров, которые без часов потеряли представление о времени и очень рано вышли на место свидания. Прождав нас с час, они решили, что со мной что либо случилось и пошли к Щеглову. Последний был дома, сообщил им об обыске у него и побежал ко мне на квартиру узнать в чем дело. Меня, конечно, дома не было, и вот, после его возвращения, Иордан и Манучаров не решились более оставаться там и вышли из дому в тот момент, когда мы трое спускались с горы. Естественно, они замедлили свое движение, и мимо них прошло двое неизвестных, т.-е. Бартенев и Левандовский, я же в это время шел боковой улицей.

Эта трагическая неудача имела своим последствием то, что Иордана в ту же ночь арестовали в квартире молодого ученого Шалашникова, Манучарова же мы все-таки приняли под свое более надежное покровительство. Он через неделю уехал из Харькова и был уже арестован через несколько месяцев, на улице в Ростове на Дону. При аресте он, как восточный человек и в то же время мирнейший и любвеобильнейший, имея заряженный револьвер, не считал себя вправе сдаваться с боевым оружием и, желая в то же время произвести шум, чтобы город узнал об его аресте, разрядил револьвер, стреляя в воздух, и только после этого сдался.

Но все-таки его обвинили в вооруженном сопротивлении и по суду приговорили к смертной казни, которая была заменена 10 летней каторгой. Так как И. А. Манучаров сопротивлялся бритью головы и, кажется, заковке в кандалы, то он был заключен в Шлиссельбург, где просидел все десять лет. В. И. Фигнер, М. Новорусский и Понкратов с большей любовью отзываются о Иване Аслановиче. После Шлиссельбурга Манучарова отправили на Сахалин на поселенье. Сейчас уже нет в живых этого, поистине святого человека.

Иордану побег не поставили в вину и он был сослан на 5 лет в Верхеленск, где скоро и умер. Он всегда был слабого здоровья. Только на днях мне говорил И. Д. Веденьев: „Много я видел хороших людей в своей молодости, многих сильно любил, но Иордан всегда мне был особенно дорог, это был какой-то не от мира сего человек“. Когда же я ему сказал о том, что его обвиняли в попытке к вооруженному сопротивлению, то он твердо ответил: „Это вздор, если бы он захотел стрелять, то стрелял бы храбро и метко, без всякого волнения,—не хотел он стрелять, потому и забрали у него заряженный револьвер“. С этим я вполне согласен.

Глава V

1885 г. Арест Э. Л. Улановской. Аресты центральной организации Народной Воли (Лопатина, С. Иванова и др.). Значение этих арестов для нашей Хар. группы. Новые нелегальные в Харькове: С. А. Лисянский, Б. Оржих и др. Арест П. Елько и его предательство. Личные переживания. Арест П. Л. Антонова и меня.

Этот гражданский год также начался провалами. 29 января была арестована Эв. Людв. Улановская с поличным. У нее нашли литературу: „Народную Волю“ № 10, только недавно вышедший в свет, Календарь Народной Воли на 1883 г. и т. д. Вообще, она засела прочно, тем более, что при аресте Лопатина в Петрограде, кажется, в конце минувшего года, был найден адрес фельдшерицы Э. Улановской, или, быть может, запись этой фамилии. Между прочим, при аресте Улановская вынула из под крышки часов бумажку и проглотила ее. Полиция немедленно пригласила врача, который ввел Улановской под кожу рвотное, благодаря чему вместе со рвотой выделилась записка, которую могли еще прочесть: на ней оказался адрес в Москву Складовской, или, как сперва прочли жандармы, Фладовской. По этому адресу был произведен обыск и найдено мое шифрованное письмо к Елько, посланное 21 января, о чем я узнал только при своем аресте,—в связи же с этим в Москве была арестована В. Шефтель, получавшая письма по данному адресу.

В самом же начале 1885 г. в Харькове появился новый нелегальный, быв. студент Петроградского Университета, Саул Абрамович Лисянский и прочно основался здесь, только изредка выезжая из Харькова по разным поручениям. С. А. Лисянский был такой еще наивный и не обстрелянный революционер, что даже наша группа воздержалась ввести его в свою организацию. О печальной судьбе его мы скоро узнаем.

К концу 1884 и началу 1885 г. относятся провалы народовольцев центральной Лопатинской организации. Кроме Лопатина были скоро арестованы Салова, Якубович, Стародворский, Коношевич и др. Все это создало большую растерянность среди оставшихся революционеров. Елько поспешил куда-то уехать и также был скоро арестован в Петрограде. В это же время С. Иванов (шлисельб.) и А. Н. Бах (живет и ныне) уехали за границу.

На воле остались Л. Ясевич, Антонов и более молодые: Бартенев, Лебедев (скоро был арестован), Лисянский и некоторые другие, а также появившийся в это время в Харькове молодой и экспансивный нелегальный Б. Оржих. Так как, видимо, наша местная группа тогда являлась наиболее организованной, то невольно мы стали центром, около которого собирались остатки Лопатинской организации, это же ставило нас в весьма ответственное положение, хотя мы такой роли себе еще не отводили.

Уезжая, Елько дал мне поручение отвечать на некоторые письма и сообщать о них ему по Московскому адресу. Действительно, я скоро получил письмо из Воронежа, весьма нас смутившее, так как требовался срочный ответ по очень важному делу, а между тем мы такого ответа не могли дать. К этому необходимо добавить, что аффективный Оржих уже тогда, видимо, хотел стать во главе организации, а между тем мы в нем не чувствовали ни достаточного опыта, ни достаточного авторитета. Но все-таки, как мы узнаем, он скоро, опираясь на некоторых товарищей, выше его стоящих по интеллекту, с'умел организовать одну из последних центральную народовольческую организацию, о чем я еще буду говорить в следующем очерке.

Не нахожу нужным скрывать того, что Б. Оржих как-то не умел ладить со своими ближайшими товарищами, и нам тяжело было присутствовать при его враждебных отношениях, напр., к Бартеневу, чего ранее мы совершенно не наблюдали среди нелегальных.

Так как теперь на мне лежало много обязанностей по городу, кроме же того я считал себя уже не вполне чистым с полицейской точки зрения, то я стал реже видеться с рабочими (но не с Соколовым и Веденьевым) и с огорчением передал занятия с рабочим кружком А. Шехтеру.

Начинали и мы чувствовать, что на Харьков обращено большое внимание жандармов — поэтому, на общем, так сказать, соединенном собрании с нелегальными мы постановили, что нелегальные, по возможности, должны раз'ехаться, хотя бы временно. Ясевич, Оржих и Бартенев действительно уехали. Но по чьему-то распоряжению Антонов и Лисянский, не только остались в Харькове, но и прочно основались. Это было большой ошибкой.

Кажется, в самом начале года судьба Иордана и других была решена: Иордана и Ослопова отправили в Восточную Сибирь, при чем перед от'ездом Ослопов повенчался с М. О. Сыцянко — это был чисто тюремный роман, так как на воле они друг друга не знали,— Крыжановского отдали под гласный надзор, а Клюге, как немецкого гражданина, выслали в Торн, откуда он скоро вернулся уже нелегальным и я видел его в Харькове до своего ареста.

Наконец, нас постигла еще одна беда, о которой мы пока ничего не знали. Арестованный в феврале в Петрограде П. Елько недолго выдержал и начал давать откровенные показания о своих товарищах. В связи с этим его скоро привезли в Харьков для допроса местными жандармами.

Так как мы тогда имели самое деятельное и хорошо организованное сношение с тюрьмой, то скоро не только узнали об этом, но и вступили с Елько в переписку. Я хорошо помню два-три его письма. Они были весьма унылы. Елько описывал ужас крепостного в Петрограде сиденья, предостерегал нас от провалов и, вообще, тон писем был вполне приличный, но в конце Елько спрашивал, жив ли Кирилл (Антонов) и где он, а также о других его ближайших товарищах. Кажется, писал к Елько и сам Кирилл, а так как он был, как говорят, „отчаянная голова", то он назначал свидание Елько, посаженному в верхний этаж, окна которого были видны с проезда между двумя тюрьмами (подследственной и пересыльной).

Так все неуклонно катилось и к моей личной катастрофе. А между тем опять наступила весна и мне опять нужно было засесть за книги, и теперь сам Иордан не подсмеивался бы над этим, так как мне нужно было спасать свою стипендию, т.-е. право на безбедное существование.

Так как из песни слова не выкинешь, то скажу и о том, что с привозом Елько возник вопрос об его освобождении, и горячая голова Ив. Троф. Цыцанко, который стал пользоваться все большим и большим доверием среди нас и был кооптирован в нашу группу, по крайней мере для части дел, предложил весьма воинственный и безумный план, как вывести Елько из тюрьмы. Мы этого, откровенно говоря, испугавшего меня тогда плана не рассматривали, но решили запросить Елько, желает ли он бежать из тюрьмы и получили отрицательный ответ с указанием на то, что его, вероятно, скоро увезут обратно в Петроград. Так оно и случилось, в апреле он был туда увезен. Вспоминаю об этом факте больше всего потому, что в данном случае Елько нас не предал, так как он мог устроить отвратительную бойню, если бы согласился на бегство, а потом сказал об этом властям и если бы план Цыцанко стал разрабатываться. А я видел, как стал крутить свой татарский ус Тиличев и как загорелись у него глаза от фантазий Ив. Троф. Он меня упрекал, сам же-де рисковал убийством Иордана и Манучарова при их бегстве, а теперь не одобряет рискованного плана.

Позволю себе сделать маленькое отступление личного свойства.

Каким-то интуитивным путем я чувствовал, что я уже обреченный, и, ходя по Университетскому саду, где любил зубрить лекции, я сознавал, что не к чему мне уже зубрить, а между тем вольная жизнь так и била ключем и во мне и кругом, ведь я тогда был в полном расцвете сил, мне было 22 года.

Между прочим, чувствуя, что в Харькове я уже достаточно нагрешил, я стал мечтать о том, что если успею уехать домой на лето, то осенью переведусь в Дерпт, где и попытаюсь кончить курс и тогда уже стану действовать во всю.

Быть может под влиянием такого настроения, я как-то за неделю до ареста, встретив Антонова в саду и чувствуя, что ему в Харькове не сдобровать, потребовал властно, чтобы он уехал хотя бы на время, и он,

как казалось мне, вполне согласился со мною. Этот разговор мы возобновили 29 апреля, когда взволнованные поехали на Сабурову дачу, по дороге к которой я с ним даже распрощался братским поцелуем, так как он меня уверял, что завтра, послезавтра уедет обязательно. Но этому не суждено было быть, быть может потому, что у Кирилла, этого могучего богатыря, возникал личный роман, который, кажется, и посадил нас обоих в тюрьму так скоро.

До сих пор вспоминаю я также последний перед арестом вечер на Основе, куда мы в доброй компании поехали на лодке устраивать весенний пикник, числа 25 апреля, когда все уже было в цвету. Быть может никогда уже за всю свою жизнь я не был так жизнерадостно настроен, как на этой прогулке, и все, казалось, так улыбалось мне в жизни.

Тогда же мы решили устроить маевку 1 мая по старому стилю, но я справлял эту маевку уже в тюрьме.

1 мая утром, часов в 12, я пошел на Екатеринославскую улицу за своими фотографическими карточками и, возвращаясь оттуда, проходя по Екатеринославскому Лопанскому мосту, к моему удивлению и даже испугу, я увидел едущим на конке Кирилла. Мы узнали друг друга и поздоровались только глазами, не кланяясь. Я свернул на Клочковскую ул. и скоро почувствовал, как кто-то меня обнимает. Это был Антонов. „Куда и зачем идете?“—„В Университетский сад“. Но не успели мы с ним перекинуться этими словами, как я почувствовал какой-то толчек и к ужасу увидел, что трое верзил схватили Антонова и начинают шарить по карманам. Я знал стальную силу Антонова и был уверен, что он смахнет с себя их и начнет стрелять, ведь он всегда ходил хорошо вооруженный. В это время и меня слабо схватил подбежавший четвертый суб'ект, более жалкого вида.

Было ясно по всей обстановке, что засада назначалась для Антонова, я же явился, быть может, лишним придатком, так как и сыщики, видимо, страшно боялись Антонова. Но он отдавался совершенно покорно. Как потом я узнал, он в этот день чистил свой револьвер и оставил его дома еще в разобранном виде, смазав нужные части; он был слесарь и знал это дело.

Антонова скоро увезли, а потом и меня повез на жалком Ванько мой сыщик, все время крича „городовой“,—видимо, он боялся меня, да, по правде говоря, я был как-будто покрепче его. Наконец городовой явился и мы скоро очутились в центральной полиции, где я в последний раз в жизни увидел Антонова и перебросился с ним двумя-тремя словами.

Теперь попытаюсь проанализировать, чем был вызван наш такой необычный арест. В жандармском донесении значится, что полиция следила за мною и решила схватить неизвестного, которого иногда видела со мною, при этом по какой-то странной ошибке там значится, что нас схватили около Пассажа на Университетской ул., а не на Сергиевской площади, что совершенная ложь, и я не могу понять, чем она была вызвана.

Обсуждая события об'ективно, ясно можно видеть, что сыщики кого-то ждали на Лопанском мосту, но меня там ждать было, по меньшей мере, глупо, меня ведь удобнее всего было взять на квартире. Я ни на одну минуту не сомневаюсь, что засада была приготовлена на мосту для Антонова, я же для них явился полною неожиданностью. На основании этого, у меня давно уже явилась полная уверенность, что о пребывании Антонова в Харькове сказал жандармам Елько и они его усиленно разыскивали.

29 апреля, следя за мною, они видели подозрительного человека, с которым я поехал на конке на Сабурову дачу и, кроме того, они, вероятно, уже знали, что этот подозрительный человек спускается в город по Екатеринославской ул. Вот почему они решили, наконец, устроить настоящую засаду на мосту с достаточным числом сил и вот почему все „силы“ бросились на одного, предоставив меня какому-то слабому филеру.

Это убеждение созрело у меня и на основании допросов жандармов, и в 1885 и в 1887 г.

Так кончилась моя вольная жизнь и мне пришлось за четыре месяца тюремной жизни пережить немало.

Глава VI

Первые дни ареста в 3 полицейской части. Вооруженное сопротевление С. А. Лисянского и убийство околоточного надзирателя Фесенко. Перевод в Арестантские роты. Суд над Лисянским и его казнь. „Попытка выкрасть тело Лисянского“ и стрельба по этому поводу. Меня увозят в Петропавловскую крепость и содержание там. Возвращение в Харьков и мое бегство из той же 3 части.

Когда кончились все мытарства с обыском и первоначальным допросом, причем нас с Антоновым скоро изолировали друг от друга, и я стал ждать с некоторым даже нетерпением перевода в тюрьму, порядки которой я хорошо изучил и где я надеялся скоро вступить в связь с товарищами. Но, к моему большому огорчению, меня отправили в Белгородскую часть, у Белгородской ул., около, так называемого, Горбатого моста по Черноглазовской ул. Там меня изолировали от других политических. Мое положение стало хуже. Обдумывая события и ясно видя, что охотились за Антоновым или, как он успел назвать себя, за Яковлевым, я решил выжидать дальнейших событий и попытаться доказать, что я несчастная жертва печальных обстоятельств. Вот почему я, прежде всего, решил говорить только о своих симпатиях к народникам, так как хорошо знал, что революционером-то они меня во всяком случае считают Но тут случилось неожиданное событие, которое меня и испугало и взволновало, и которое оказало на мои показания некоторое влияние. Через день вся часть загудела, как муравейник, и я скоро подслушал рассказ о вооруженном сопротивлении Лисянского и об убийстве надзирателя. Дело начало принимать худой оборот. Потом на прогулке сопровождавший меня надзиратель горько жаловался на свою печальную

судьбу, которая и его может поставить в положение убитого Фесенко, причем он подробно рассказал об этом убийстве.

На втором допросе я убедился, что дело мое хуже, чем я думал, так как мне пред'явили мое письмо, взятое еще в феврале, по адресу Складовской, о котором я уже говорил. На основании этого я не стал упорствовать и признал по карточке Лисянского, который-де иногда бывал у меня, но кто он такой я-де не знал хорошо.

Как раз в эти же немногие дни, когда я сидел в части, я составил довольно необычный план бегства, но я медлил воспользоваться им, выжидая событий.

Но выжидать долго не пришлось, так как через неделю меня повезли, к моей большой радости, в тюрьму, но, увы, только провезли мимо нее и я неожиданно для себя очутился на Холодной горе в арестантских ротах, куда сажали политических только в исключительных случаях. Дело Антонова и Лисянского приняло такой громкий оборот, что меня решили, по возможности, изолировать от других.

В арестантских ротах, кроме меня, сидел только Лисянский, но с ним я никаких сношений не имел и не мог иметь, так как он сидел внизу на противоположном конце тюрьмы за особым караулом, я же на втором этаже.

Теперь об аресте Лисянского.

2 мая полиция с жандармами утром искала пустую квартиру Антонова и приблизительно знала, что он должен жить где-то на Холодной горе. Никаких его сожителей полиция не ожидала, но в предместьи города, на Рубановке по Елинской ул., полиция получила сведения, что один из квартирантов, молодой человек, не ночевал дома, другой же дома и сейчас. Полиция постучалась в эту квартиру, дверь открыл Лисянский, сожитель Антонова, который, как я потом узнал, всю прошедшую ночь ждал Антонова и не спал, утром же рано побежал в город, заходил к Тиличеву и спросил, все ли благополучно в городе. Его успокоили, так как о нашем аресте еще, к сожалению, не знали. Лисянский пошел домой и измученный заснул.

Так как постучала хозяйка, то он спокойно открыл дверь и полусонный встретил неожиданных гостей.

Стали производить обыск и тотчас же наткнулись на типографские принадлежности. Полиция (простые надзиратели) вела себя так неопытно, что, не обыскав даже постели Лисянского, поспешила приступить к составлению протокола. Лисянский, видимо, сознавая всю безвыходность своего положения, неожиданно выхватил из-под подушки револьвер и бросился к открытому окну. Стоявший ближе надзиратель Сизов отскочил, другой же Фесенко из-за стола попытался схватить Лисянского и был убит на месте. Лисянский был уже у окна, но в окне показался садовник и выскочить в окно Лисянскому не удалось. В борьбе он еще раз выстрелил и ранил жандарма Булгакова. Уже после всего этого, при более тщательном обыске, в квартире нашли 4 бомбы за №№ 7, 8, 9 и 10. Лисянского увезли в арестантские роты.

Арест Лисянского, обнаружение в его квартире типографии и бомб было полной неожиданностью для жандармского управления.

В связи с нашими арестами, были арестованы на Сабуровой даче фельдшерицы—ученицы Елизавета Кац, Феодора Товбина и Вера Черненкова, в городе же—студенты Шликкерман, Адольф Коргнольд, Михаил Данилов, Александр Шехтер, о котором я уже упоминал, но так как все они (за исключением Шехтера) не принимали непосредственного участия в революционных делах, то скоро были выпущены и только Шехтер был выслан в Вятскую или другую северную губ. Такие аресты еще раз доказывают, что за мной тщательно не следили, так как в это время наша группа очень часто встречалась. Аресты фельдшериц были связаны с нашей поездкой с Антоновым на Сабурову дачу и с тем, что я вызвал к Антонову Кац и ее видели филеры, арест же упомянутых студентов был связан с арестом Лисянского, напр.: студент Шликкерман был товарищ Лисянского по гимназии, и была перехвачена переписка сестры Лисянского с Шликкерманом (его выпустили ранее всех).

Вообще, за исключением ареста нас трех—Антонова, Лисянского и меня, революционный Харьков особенно не был затронут, что свидетельствовало о прочности нашей местной организации.

Антонова, между прочим, еще в начале мая, закованнаго, с 5 жандармами увезли в Петроград.

Еще раз с особым удовольствием подчеркиваю, что наши рабочие— Веденьев, Кондратенко, Бронштейн, Соколов, Рябоконь и др., сыгравшие такую большую роль в рабочем движении в Харькове, остались целы до 1889 г., несмотря на то, что принимали самое деятельное участие в революционных делах.

Как видите, в тюрьме я очутился в весьма тяжелых условиях. Меня изолировали совершенно, и скоро начали всячески терзать, пытаясь связать меня с квартирой Антонова и Лисянского. Появилась в Харькове восходящая звезда Петрограда—прокурор Романов и он вновь допрашивал меня, но, правду говоря, все следователи как-то скоро теряли надежду что-либо узнать от меня. Исключение составлял только начальник Харьковского жандармского управления, полковник, если не ошибаюсь, Цугаловский, человек весьма недалекий, который все требовал от меня какой-то особой откровенности.

Но временно и он оставил меня в покое, так как все занялись Лисянским, судьба которого должна была решиться скоро, так как он один был предан военному суду. 10-го июня его судили в Харькове и приговорили к смертной казни.

К сожалению, я не имел никаких сношений с Лисянским, так как у его камеры постоянно стояло два часовых и, кроме того, его не выводили даже на прогулку. Я его видел в окно только один раз, когда привезли из суда, и в последний раз, когда его вели уже на казнь.

Так как арестантские роты тогда представляли тюрьму особого рода, со своими сравнительно простыми порядками, то я имел, вероятно, довольно верные сведения о том, что Лисянский на суде держался очень смело,

говорил мало и произвел сильное впечатление на всех присутствующих в суде. Сейчас же после суда меня стали уверять, что его обязательно помилуют, а поэтому я не обратил особого внимания на то, что его после суда перевели в противоположный коридор тюрьмы и посадили как раз в ту камеру, где сидели еще так недавно Иордан и Манучаров и откуда они бежали.

Скоро появились отец и сестра Лисянского. Они часто имели с ним свидания в его камере, а так как моя камера во двор как раз была над дорогой из конторы тюрьмы в самую тюрьму, то я хорошо изучил лица и отца и сестры Лисянского. Первый был благообразный старик еврей, с такой же длинной бородой, как сейчас у меня, вторая была худенькая бледная блондинка (сам Лисянский тоже был рыжеватый блондин). Отец и сестра часто носили Лисянскому фрукты и сладости и я удивлялся, что все это разрешают передавать.

Прошло не более недели, как вдруг я узнаю, что отец и сестра Лисянского уезжают и неожиданно из камеры Лисянского вынесли подушку его сестры, так как-де ей она нужна в дорогу. Я почему-то и это обстоятельство не признал за худой знак.

Уверен, что до последнего дня начальник тюрьмы и его помощник не знали о предстоящей казни, так как это были люди простые, и по их волнению, я бы, вероятно, также встревожился. Но как бы то ни было, накануне казни 19 июня я лег спать совершенно спокойным.

Вдруг на свету меня что-то точно толкнуло, я совершенно безотчетно подошел к окну и увидел во дворе странное движение: проходят какие-то чиновники и все направляются влево за угол, к той части тюрьмы где сидел недавно Лисянский. Я сразу все понял и, боясь, что меня у окна заметят, стал осторожно смотреть из-за угла, выжидая событий. Виселица была приготовлена в дворике по ширине тюрьмы, мое же окно выходило по длине, так что я ее совершенно не видел, но вся публика, видимо, не помещалась в узком дворике и толпилась, выдвигаясь из-за тюремного здания в большой двор.

Как оказалось, когда я проснулся, было уже все готово, и возможно что топот ног людей, идущих в камеру Лисянского, разбудил меня,— во всяком же случае, приблизительно минут через 10-20, я вдруг услышал шаги по коридору и лестнице и по движению во дворе понял, что Лисянского ведут. Так оно и вышло. Через минуту я увидел промелькнувшую тень арестантского халата, почти бегом прошедшего у стены тюрьмы, а поэтому почти мне невидного. Пробежав мое окно, Лисянский как-будто оглянулся, не останавливаясь ни на минуту, и тень его лица как-будто в последний раз промелькнула передо мной. Если бы он шел не под самыми окнами, то, конечно, я бы его увидел лучше и может быть это вылилось бы в какое-либо аффективное движение крика, или не знаю еще чего.

Но во все это время, по правде говоря, я был в каком-то полуобморочном состоянии, на момент терял представление о действительности. Помню, что как-будто доносились какие-то звуки чтения приговора, а

потом вдруг раздался громкий прерывистый не, то стон, не то крик, резкий и неприятный, и я заметил, что часть стоящих и видных мне отвернулась и отошла в большой двор. Я понял, что все совершилось, и где-то притулился почти в состоянии безумия. Далее, у меня сохранилось слабое воспоминание о том, что провели четырех арестантов, видимо, чтобы убрать тело Лисянского, но я не видел, как проносили гроб его и как убирали виселицу. Кажется, в стене на улицу была дверь и, вероятно, этою дверью пользовались.

Как мне потом передавали смотритель и его помощник, Лисянский спал, когда за ним пришли, но быстро проснулся и был совершенно покоен. Он попросил дать ему несколько минут написать письмо отцу и невесте Богоявленской. Ему дали 10 минут, но он их не использовал и написал только несколько слов. Потом одел халат и взял с собой карточку, как мне говорили, невесты.

У виселицы он также был спокоен, но все как-будто куда-то торопился. Когда он был уже на ступеньках эшафота, после чтения приговора, он успел сказать несколько слов, которые мне передавали весьма неточно. Насколько помню, он сказал: „Прощайте, умираю за родину незаслуженно".—Эта фраза звучит несколько странно, но более точную фразу я уже передал в № 11—12 Народной Воли, где есть моя корреспонденция из Харькова о казни Лисянского и о моем бегстве.

Еще мне говорили, что палач надел плохо петлю, почему и раздался крик-стон Лисянского.

Когда доктор подошел определить смерть и поднял рубашку, чтобы пощупать сердце, то выпала из-под рубашки фотографическая карточка, как говорили, невесты Лисянского. В документах Лисянского сохранилась какая-то групповая карточка гимназисток, или епархиалок, и не ее ли брал с собой Лисянский?

Трудно мне дался этот день, но нужно быть правдивым всегда, и я должен сказать, что весь день за мной ухаживали, как за ребенком и арестанты уголовные и начальство тюрьмы. На прогулке меня возможно дольше задерживали и ко мне подходили даже женщины из жилых помещений и о чем-то говорили мне, жалея и меня, и особенно Лисянского.

К слову, я гулял не в большом арестантском дворе, где всегда было много уголовных, а в больничном дворе, где были больница, канцелярия и квартиры. Так кончился этот страшный и для меня день.

Тело Лисянского было похоронено за наружной боковой стеной, где была глубокая канава, и вот Цугаловский, со свойственной ему глупостью, вообразил, что революционеры попытаются выкрасть это тело. Поэтому, он учредил у могилы особый караульный пост и это создало массу толков среди арестантов и конвойных.

Здесь, чтобы было понятно дальнейшее изложение, я должен сказать, что каждый день в арестантские роты в 12 час. дня приходила из одного полка смена караула, причем караул устраивался в самом здании тюрьмы, в особом помещении, в 12 же часов ночи приходила смена, так называемых, конвойных уже из другого полка, назначение которой

было сопровождать арестантов на работы в городе. Эти конвойные помещались в жилом корпусе, где-то около канцелярии. Таким образом, никакой связи между караулом и конвоем не было. Между прочим, караул же (а не конвой) ставил на ночь стражу около больничных окон, выходящих прямо в пустырь.

Прошло дней 10. Стали уже забывать о казни Лисянского, но часовой на его могиле еще был и попрежнему солдаты страшно трусили стоять у могилы казненного.

Вдруг неожиданно вечером, часов в 10, я услышал выстрел, как казалось у нас, во дворе. Первая мысль была, что кто-то неудачно бежал, но вновь раздалось несколько выстрелов и вся тюрьма заволновалась. Часовой у моего окна требовал, чтобы я не подходил к окну. Скоро, кажется, и ко мне заглянуло начальство.

Что же оказалось? Стреляли часовые друг в друга, вот по какому поводу: Часовой из караула, стоявший у окон больницы, т.-е. с наружного, не арестантского двора, прошел далее, чем ему было нужно, и его увидел конвойный часовой, стоявший на могиле. Последний испуганно закричал: „кто идет?“. Часовой караула, совершенно не зная о том, что учреждена стража на могиле, поспешил к своему разводящему, который еще сидел вместе с тюремным надзирателем у ворот и рассказал об окрике. Даже надзиратель стал уверять, что там никого не должно быть, так как-де часовой с могилы снят. И вот часовой с разводящим вновь показался в поле зрения солдата на могиле и тот опять закричал.

Произошел взаимный обмен любезностей, на что часовой у могилы ответил выстрелами. И те и другие думали, что действительно пришли за телом Лисянского.

История вышла весьма дикая, но Цугаловский уверял всех, что приходили за телом казненного и что произошла перестрелка между пришедшими и часовым. В таком виде, кажется, это дело появилось и в местных газетах.

После этого „похищения тела Лисянского“ опять скоро приехал ко мне Цугаловский и теперь уже открыто и настойчиво потребовал, чтобы я указал всех товарищей Антонова и Лисянского. „Вы говорите, что вы мирный народник, если это так, то вы должны показать всех опасных террористов“. Я молчал. „Ну тогда вас увезут в Петербург, а там умеют заставить говорить“. С этими словами Цугаловский ушел от меня.

Мне стало жутко, так как мы все тогда, действительно, боялись и крепости и, вообще, Петрограда, где все проваливаются и где провалы как-то всегда принимают неожиданные и худые формы. Провалился Лопатин и его книжку, как тогда говорили, расшифровали.

Прошло, кажется, не более двух недель и меня в половине июля, действительно, повезли в Петроград, как всегда, совершенно неожиданно.

Дорога меня немного оживила, тем более, что тогда часто были остановки.

В Курске я сидел часов 6—8 в жандармской комнате, в Москве же я сидел чуть не двое суток в Басмановской части и в первый раз за свое тюремное заключение переговаривался с товарищами; если не изменяет память, тогда в Басманке сидел Гидеоновский.

Но Петроград приближался все ближе и ближе и я страшно волновался.

Я все гадал, куда меня посадят и боялся крепости более всего потому, что это должно было означать, как я тогда ошибочно думал, что дело мое принимает плохой оборот. К слову, в Петрограде я тогда еще не бывал.

С вокзала меня повезли в жандармское управление, что меня обрадовало: я вообразил, что меня везут куда-то вроде полицейской части. Но там я просидел только часа 3—4, меня даже не допросили, а только посмотрели, так сказать, что-де за гуся привезли.

Отсюда меня повезли опять неизвестно куда, но когда я увидел Неву и мы поехали через мост, я совершенно пал духом. Скоро мы очутились у Иоанновских ворот крепости, как я успел прочесть и, как потом мне говорил жандармский офицер через 2 года, я страшно побледнел.

Действительно, на провинциала, каким был я, крепость должна была произвести страшное впечатление от всего, начиная с невиданно постыдного обыска и осмотра тела, заглядывания в прямую кишку и еще хуже.

Одетый в первый раз в арестантскую одежду, правда, специальную для крепости, в синий суконный халат, я только теперь почувствовал себя настоящим арестантом.

Крепость уже много раз описывали и я только коснусь своих собственных пережитков, так как они имели большое влияние на мою дальнейшую жизнь. От природы я, вероятно, не теряющийся человек, а поэтому и в крепости, несмотря на то, что я все время сидел изолированный пустой камерой от товарищей и ни с кем не перестукивался, я скоро, все-таки, ориентировался и стал понемногу разбираться в окружающей обстановке, по разным неуловимым признакам определяя, сколько сидит товарищей в крепости и иногда через книги узнавал имена сидящих. Тогда сидели, главным образом, по делу Лопатина: Антонов, Якубович, Салова и многие другие. Научившись по немногу читать в книгах таинственные записи, я нередко находил трагические заметки казнимых, напр., Суханова и других, от всего этого еще более веяло каким-то ужасом от крепости. Тогда же я, между прочим, узнал, что недалеко от меня сидит Добрускина, о чем я скоро передал ее отцу в Париже.

Вообще, сидеть в крепости мне было тяжело, и вот я, не замышляя еще плана покончить жизнь самоубийством, все-таки, в каком-то порыве самозащиты, не имея ничего под руками, стал вить веревку из обрывков завязок кальсон, раза два совершенно выдергивая пояс из кальсон в самой уже бани. Но и самую веревку было трудно хранить и она всегда была у меня на теле, так как оставить ее в камере, идя на прогулку, было нельзя, ввиду постоянных обысков камеры в отсутствии гуляющего.

Эта веревка чуть-чуть не подвела меня, когда меня в конце августа снова повезли в Харьков и когда пришли в камеру за мною и мне пришлось при страже переодеваться. Я даже не помню, как я успел спустить веревку в кальсоны.

Здесь же, сидя в крепости, я приходил в полное отчаяние, что не бежал из части, и называл себя разными нелестными именами за свою нерешительность в первые дни моего ареста.

Против ожиданий, на допросах меня не мучили. Между прочим, спрашивали о бомбах, но, видя мое нежелание отвечать на эти вопросы и утверждение, что я ничего не знаю, особой настойчивости не проявляли. Правда, однажды ко мне в камеру зашел прокурор Романов, о котором я упоминал, но у меня даже не сохранилось в памяти, о чем он меня спрашивал, или о чем „дружески беседовал", так как он был один и официального допроса не вел.

В крепости я просидел полтора месяца, как вдруг неожиданно меня опять, числа 27 августа, повезли в Харьков, к великой моей радости.

На дороге опять я был в Басманке и с кем-то говорил через форточку, потом почему-то ночевал в Туле в части, где меня чуть-чуть не с'ели клопы, и, наконец, утром 1 сентября я очутился в Харькове и меня опять посадили изолированно в той же камере 3 части, где я сидел в мае. Я был огорчен, что опять очутился один, но обрадован, что, быть может, мне теперь вновь представится возможность бежать.

Как оказалось, параши в камеру не ставили и теперь, а выводили в уборную во дворе части, откуда я еще в мае намеревался бежать.

Но я был очень измучен бессонными ночами в дороге и сознательно отказался от мысли бежать в этот же день.

От волнений и дум я не заснул почти и в эту ночь, так что на утро 2-го числа я встал еще более разбитым. Кое-как я дождался вечера, решив бежать. Но когда я пришел в уборную, то от волнений впал в какое-то забытье и потеряв несколько минут, решил, что я и в этот день не могу бежать. За то, придя в камеру, я, усталый от всего пережитаго, лег на кровать и проспал, как убитый, до утра.

3 сентября я чувствовал себя уже более бодрым и более спокойно готовился к бегству, решив, что или сегодня или никогда. Я купил побольше хлеба, чтобы взять часть его с собою, кроме того, с'экономил несколько копеек, выданных мне на пищу и имел у себя в кармане, кажется, 35 копеек. Но какой же у меня был план бегства?

Вот какой: В общей весьма солидной деревянной уборной в углу двора с дверью, какую я мог закрыть, было такое большое отверстие, что я мог в него спуститься, люк же уборной, как я убедился, не был плотно закрыт, так что выйдя через него, я мог очутиться в саду уже за двором части. Если бы даже полицейские что-либо заметили, им бы пришлось сделать большой крюк, что бы очутиться в саду. Из сада мне было две дороги: первая прямо через забор на Белгородскую улицу, вторая, пробежать сад и перейти реку вброд или вплавь. Второй дороги я боялся, так как там я мог быть настигнут стражей и предпочитал первую.

Я дождался, пока полицейские с солдатами ушли в город в обход улиц, это было часов в 9 веч., и попросился в уборную. Двое полицейских, как всегда, повели меня. Теперь я уже не медлил и, затворив дверь на крепкий крючек, стал спускаться в яму. Она оказалась более глубокой, чем я предполагал.

Я подвинулся к люку и был страшный момент, когда я ощутил, что он закрыт крышкой, но, к счастью, это была только одна половина крышки, вторая же была поднята и я быстро вылез из ямы. Я был загрязнен более чем предполагал, но, уже по заранее намеченному плану, тотчас поднялся на высокий забор, и здесь, к моему счастью, увидел неожиданное препятствие. Двое пьяных писали мыслети по дороге и еще только подвигались к тому месту, где я сидел на заборе. Времени терять было нельзя и я тотчас же спустился с забора и побежал через сад к реке, что меня спасло, так как, переходя реку почти по шею, я хорошо вымылся и без всякаго шума и тревоги был уже на огороде, по другую сторону реки. Я выжал пальто, визитку, в которых был, выжал руками воду с брюк, недалеко от моста перескочил невысокую ограду огорода и скоро очутился в сквере около почты, где снял ботинки и вылил из них воду, так как они сильно хлюпали. На одну минуту присел на траве и прислушался, но все было тихо, за то на душе у меня бушевала целая буря неудержимой радости. Давно ли я был в крепости, давно ли мучился с своим планом в камере тюрьмы, а теперь хоть на один миг, я свободен и эту свободу я сам дал себе.

Но радоваться было еще рано и нужно было найти приют, ведь я был не новичек в этом деле и знал, как, почти ровно год тому назад, искали в Харькове Иордана и Манучарова, меня же будут искать еще с большей энергией, так как жандармы должны были давать весьма неприятные об'яснения перед департаментом полиции, откуда я только-что был вытребован в Харьков.

Избегая наиболее людных улиц, я вновь перешел реку по мосту около электрической станции и прежде всего пошел на Немецкую ул., ныне Пушкинскую, к Исааку Когану, который жил у своих родителей, а, следовательно, переменить квартиры не мог. Но зная, что всякая минута для меня дорога, я за 20 коп. нанял первого попавшегося Ванько и поехал. Тут тоже я чуть не попал в беду. Ванько попался с хорошей пролеткой с парусинным чехлом и вдруг я увидел, что чехол мокрый от моего пальто. Я быстро расплатился с Ванько и юркнул во двор квартиры Когана. К счастью, Ванько, не заметив мокрого чехла, от'ехал. Но, увы, семья Когана переменила квартиру. Стало хуже. Ведь меня арестовали в мае и все студенты раз'ехались на каникулы, следовательно, все квартиры переменены. Тогда я решил итти, хотя это было и рисковано, по месту моего бегства, на Подгорную улицу к Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому.

„— Дома ли студент Туган-Барановский“, спросил я дворника.

„ — Пожалуйте, К. И. только что пришли“, был ответ.

„— А Мих. Ив. дома“.

„—Никак нет, они совсем уехали учиться в Петроград“, услышал я неприятный ответ.

Я знал немного и брата М. И., бывшаго гимназиста VIII класса, но тогда почему-то говорили, что брат М. И. совершенно другого направления.

Кажется, это не правда, но все-таки я не решился итти к почти незнакомому мне брату М. И. и ушел.

Близко отсюда на Садовой ул. жил Семен Левандовский, народник украинского оттенка и я решил зайти к нему, но и его не было дома.

Дело мое принимало скверный оборот. Я решил пройти еще по самым студенческим улицам, надеясь кого-либо встретить, а затем уже поискать, где-то далеко на Москалевке, Белинскую. Я прошел через Пушкинский сквер, около Драматического театра и хотел по Мордвиновскому переулку быстро спуститься на Клочки—тогдашний приют студентов. Но вдруг на углу Рымарской, я заметил студента в пледе и с ним даму. Что-то мне показалось знакомым, я быстро обогнал их, узнав же обоих, обернулся. Это были ветеринарный студент Кузьминский и Михайлова, хорошо меня знавшие и сочувствовавшие нашей деятельности. Раздался на всю улицу громкий крик Михайловой—„Макаревский“, даже напугавший меня.

Как оказалось, мой личный друг студ. Яворский, к которому мне разрешили написать из крепости, чтобы получить мое белье и прочее, только-что получил письмо из крепости, писанное дня за два до моего увоза оттуда, и это письмо, пройдяв се инстанции, только числа 2—3 сентября было получено Яворским. Он об нем говорил Кузьминскому, а Кузьминский сказал Михайловой. И вдруг я сам своею персоною явился перед ними. К счастью, квартира Кузьминского была почти рядом на углу Мордвиновского пер. и я скоро там очутился, рассказывая о своих приключениях. Кузьминский жил в студенческих номерах в доме свящ. Левандовского, отца И. В. Левандовского, и здесь меня прекрасно знали, так что оставаться ночевать я не мог. Быстро срезали ножницами мою порядочную бороду и мы с Кузьминским пошли на Пески к одному товарищу, фамилию которого, к стыду моему, я забыл. По пути мы даже расшалились и на Клочковской ул. где-то купили великолепный арбуз. Упоминаю об этом затем, чтобы показать, что все события шли чуть ли не быстрее, чем я теперь описываю.

В Харькове я пробыл целую неделю, хотя полиция буквально перерыла весь Харьков, особенно студенческие квартиры.

Упомяну только о следующем оригинальном приключении со мной в эти трудные дни. 4 числа днем я был уже в квартире Гомберга, очень любимого мною студента Ветер. Института. Он и его сожитель Кохман ушли по моим же делам в Институт и в Универститет и я одни сидел в маленькой студенческой комнате, в Банном переулке, в доме, теперь разрушенном, рядом с баней Ванефатова (тогда ее не было). Вдруг входит в комнату прислуга и, глупо хихикнув, вышла, через минуту вошел околоточный надзиратель.

Я решил, что судьба моя кончена.

„— Извините, пожалуйста, скажите кто здесь живет“.

„— Гомберг и Кохман“.

„— Где они?“

„— Ушли в Ветеринарный Институт и в Университет“.

„— А ваша фамилия?“

Я окончательно взбесился, будучи уверен, что он узнал меня по карточке, но что теперь только тянет нудную канитель, а поэтому уже грубейшим голосом отвечаю: — „Михайлов“ и ложусь на постель.

Надзиратель тоже смутился и попросил разрешения записать фамилии.

„— Записывайте“, еще грубее буркнул я ему.

Вдруг новый и, по моему мнению, еще более нелепый вопрос:

„— Ведь я вас уже переписывал вот в таком-то доме“.

„— Конечно“ — отвечаю я ему.

Он ушел, я же считал себя конченным. Для характеристики нашего настроения в то время, я нисколько не удивился тому, что он меня не арестовал, так как знал, что один-то он не посмеет арестовать меня, боясь всяких неприятных для него неожиданностей, но все-таки я был возмущен тем, что он играл со мной, как кошка с мышью. В голове родилось тысяча мыслей и я искал средства вновь выйти из трагического, как мне казалось, положения. Я измышлял новый способ бегства уже из этой квартиры.

Скоро пришли товарищи и я им передал о том, что было. Стали совещаться как быть, итти ли на улицу, или ждать событий. Я и Гомберг полагали, что надо выждать дальнейших событий, Кохман же советовал уйти.

Так как мне не хотелось огорчать хозяина квартиры, то я решил итти. Со мною пошел и Гомберг, и здесь вновь произошло почти невероятное приключение. Когда мы сворачивали из Банного переулка к Конторскому мосту, на противоположной стороне улицы сверху сворачивал в Банный переулок жандармский унтер-офицер с двумя утками, который отвозил меня в Петроград. Но он меня не заметил и я только испытал еще жуткую минуту волнений.

За все время пребывания в Харькове я виделся с Тиличевым, Бражниковым и только, многих же других, напр., Яворского, моего исключительного друга, ко мне не пустили. Видел я Шварцмана Григория, студента IV курса, медика, который меня обрил, как следует, подкрасил усы и я стал брюнетом, так как волосы у меня были темные, борода же русая. Шварцман советовал мне на время уехать за границу и обещал дать средства на поездку.

Через неделю студ. Ветер. Института Баранов помог мне выехать из Харькова в Екатеринослав.

Послесловие

Данная статья была закончена и сдана в редакцию „Л. Р“. еще в марте. Но неожиданно уже в июле, читая автобиографию П. Л. Антонова в „Голосе Минувшего“ № 2 за 1923 г., я узнал некоторые интересные подробности, несомненно, связанные с моим бегством.

ХАРЬКОВСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК РАБОЧИХ 1885-1889 г. г.

Слева направо: 1) врач Д. Д. Бекарюков, 2) студ. В. Д. Перазич; рабочие: 3) Юв. Дм. Мельников, 4) Я. С. Рябоконь, 5) А. Ф. Кондратенко, 6) И. Д. Веденьев, 7) Соломон Бронштейн, 8) В. И. Соколов, 9) С. Т. Чайченко, 10) Мария Решетникова, 11) Гр. Лукьянов, 12) Я. А. Алексеев, 13) М. П. Конотопов, 14) В. П. Дениш (Диатолович), 15) Ф. Н. Дениш, 16) Н. И. Остапенко, 17) С. Н. Велецкий. С 4 по 10 включ.—члены центр. раб. кружка.

Как видно из автобиографии Антонова, во второй половине августа того же, 1885 г., директор департамента полиции, П. Н. Дурново задумал дьявольский план запутать в тенета измены Антонова и предлагал ему, как и Елько, выдать трех, оставшихся на воле, опасных народовольцев (Баха, Ясевича и Иванова), а также указать, где хранятся бомбы №№ 1—6, еще не найденные. Для этого он предполагал перевести Антонова в Харьков, где тот должен был помочь аресту опасных революционеров, „чтобы спасти их от виселицы", как формулировал Дурново. Антонов, желая передать на волю все эти комбинации, соглашался на предлагаемую сделку и мечтал о переезде в Харьков, где он надеялся войти в сношение с товарищами и сообщить план Дурново товарищам.

И вот в это-то время, как я уже писал, „вдруг неожиданно меня опять, числа 27 августа, повезли в Харьков" и опять посадили изолированно в 3 полицейскую часть, откуда я и бежал. В это же приблизительно время Дурново вновь вызвал Антонова к себе и стал настойчиво требовать, чтобы он ему рассказал все, что знает, на что Антонов ответил, что он об этом скажет только в Харькове.

„Так вы хотите надуть нас"—неожиданно вспылил Дурново.

„А что же, вы думали сделать из меня такого же мерзавца, как Елько. Руки коротки"—с своей стороны отвечал Антонов. Произошла дикая сцена негодования взбесившегося сатрапа, с соответствующими репликами Антонова, последствием же этого было то, что Дурново на полтора года изолировал Антонова в Екатерининскую куртину.

Сопоставляя все эти факты, я пришел к таким выводам:

1. Мой перевод в Харьков и новая изоляция вовсе не были случайными, а как-будто входили в какой-то общий план действий департамента полиции и я у них как бы являлся запасным и дополнительным материалом во всей этой махинации.

2. С другой стороны, можно подумать, что неожиданная требовательность Дурново к Антонову была вызвана моим бегством, разрушившим все его хитрые планы, так как вместо Антонова я приносил на волю часть тех сведений, какие хотел сообщить Антонов—о бомбах, об измене Елько и т. п. Если же это так, то, быть может, я невольно был виновником ссоры Дурново с Антоновым и его заключения в Екатерининской куртине.

Теперь становится понятным и то рвение, с каким отыскивали меня в Харькове, буквально перерыв все более или менее подозрительные квартиры, о чем я, по понятным причинам, не находил нужным, с особою подробностью, распространяться.

АЛЕКСЕЙ МАКАРЕВСКИЙ

Август, 1923 г.

В Харьковских революционных кружках 1882—89 г.г.

(Воспоминания)

Летом 1882 года мы, одновременно с Соломоном Бронштейном, по предложению рабочего Василия Соколова, вошли в кружок. Он познакомил нас с рабочим Федором Шкрябой, который приносил нам газеты „Зерно“, „Рабочая газета“ и „Черный передел“. Свидания были за городом и на квартире Соколова. В сентябре нас, т.-е. меня, Бронштейна и других, свели со студентом Александром Францевичем Затурским, который и начал с нами правильные занятия. Помню, при первом свидании он рассказал в общих чертах историю России и прочитал статью: „Алчущие и жаждущие правды“ Пругавина; после читали „Пролетариат во Франции и Англии“ Шелгунова, „Ассоциации“ Михайлова, а дальше, приступил к чтению „Основные положения теории экономической политики от Адама Смита до нашего времени“ Иванюкова. Чтения сопровождались обширными об‘яснениями, так, что эту книгу мы закончили в феврале 83 г. В это время Затурскому по каким-то делам надо было уехать из Харькова. По от‘езде, его, Соколов ввел нас в существовавший наряду с нашим другой кружок, в котором были раб. Федор Шкряба, Яков Бибиков, Влас Соколови Егор (фамилии не помню). Здесь принимали участие интеллигенты: Алексей Макаренко и Павел Забалуев. Читали „Идеи рабочего сословия“ Лассаля и „Манифест коммунистической партии“ Маркса. Но уже в апреле началась перегруппировка. Некоторые рабочие уехали. Организовался новый кружок, куда вошли рабочие-литейщики—Кузьма Свинцов, Николай Насонов, Козьма Аликин, нелегальный из процесса „193“ под кличкой Александр, слесарь Василий Соколов, портные Бронштейн и я. В то же время организовался новый кружок из портных, куда вошли Яков Рябоконь, Семен Крутиков, Иван Радченко и Андрей Бойко. С этим кружком на его же квартире занимался студент-ветеринар Николай Владимирович Иордан. Занятия в первом кружке взял на себя приехавший Затурский. Начали с „Основ Народничества“ Юзова. Читали также „Судьбы капитализма в России“, и в противовес—Головачева „Капитализм и крестьянское хозяйство в России“. Иногда прочитывали Глеба Успенского и Щедрина.

В мае, перед коронацией Александра III, нам предложено было распространить по городу прокламации, что мы и выполнили с успехом.

Прокламации были к „Русскому Обществу“ и „Русскому народу“, последние на русском и украинском языках.

Занятия происходили на квартире Свинцова. Летом часто собирались за городом. Помимо занятий в кружке, Затурский познакомил меня, Соколова и Бронштейна с студентом Николаем Аристарховичем Мерхелевым, с которым мы начали изучать „Политическую экономию“ Милля с примечаниями Чернышевского. К сожалению наши занятия с Мерхелевым вскоре прекратились, по случаю его ареста. Мерхелева заменил студент Дмитрий Кондратьевич Крыжановский, с которым занятия продолжались до декабря. Все эти рабочие и интеллигенты принадлежали к партии „Черного передела“. На квартире Крыжановского мы познакомились со студентом-ветеринаром Алексеем Николаевичем Макаревским, который принадлежал к партии „Народная Воля“. Однажды мы с ним гектографировали, кажется, речи Лаврова, или же Аксельрода.

Раньше я упомянул, что был организован новый кружок рабочих на квартире Иордана, но впоследствии на его квартире была устроена типография, и тех рабочих, которые были у Иордана, перевели к Макаревскому. Был еще организован новый кружок железнодорожников Соколовым. Но кем, и как там велись занятия я не помню. Кроме того организовался кружок „Александром“ на заводе Бельке, про который я имел также мало сведений.

В октябре или ноябре была сделана попытка „народовольцами“ экспроприации почты на Чугуевской дороге, но неудачно, во время которой был убит Бердичевский, труп его для опознания был выставлен на дворе первой части на Скобелевской площади. Рабочий Федор Шкряба находился в больнице на Сабуровой даче, и его вывозили под конвоем, якобы тоже для опознания, но его видели в совершенно другой части города, на что он не дал товарищам потом никаких об'яснений.

Положение в Харькове было таково: кружки для саморазвития были во многих частях города, но были рабочие, которые по разным причинам не могли войти в них, как напр., работающие по железнодорожной линии, на заводах за городом и т. д. Были связи с учениками фельдшерской школы на Сабуровой даче и учениками земледельческой фермы в Дергачах.

В декабре Затурский по каким-то делам снова уехал из Харькова и перед нами опять стал вопрос кем его заместить, т. к. Затурский обладал громадной начитанностью и умел излагать все в общедоступной форме. В это время между интеллигенцией произошел конфликт, по какой причине я не знаю. На одной стороне были: Бекарюков Василий, Литягин и Штейхон, а с другой—Юлий Бунин, Николай Иордан, Дмитрий Крыжановский, Иван Львович Манучаров, Павел Забалуев, Алексей Макаренко. Рабочие стояли вне конфликта, но некоторые, не входившие в кружки, присоединились к Бекарюкову, и это вызвало то, что рабочие предложили интеллигенции выделиться в самостоятельную группу. Деятельное участие в этом принял Алексей Макаренко, который был и интеллигент и рабочий; (квартируя у Забалуева-отца, у которого была

артель кровельщиков, Макаренко часто с ними отправлялся красить и крыть крыши).

В это время в Петрограде был убит жандармский полковник Судейкин; в бумагах, взятых у него, оказался список шпионов, работающих в провинции, между ними был внесен и Федор Шкряба. Но тут случилось что-то для меня до сих пор непонятное. Список был в руках у народовольцев, которые предложили казнить Шкрябу рабочему Антонову, что он и выполнил 6 января 1884 года. Но обо всем этом они не предупредили народников, что вызвало громадный провал. Арестована была типография, где находились Николай Иордан, Иван Манучаров, Ослопов, Крыжановский Д., Клюге, Бунин Ю., Павел Забалуев и др. Этот провал отразился и на рабочих кружках: многие раз'ехались (хотя рабочие раз'езжались и раньше), напр., Яков Бибиков в Ростов, Кузьма Аликин, нелегальный, Александр—в Александровск, Степан Ткаченко в Полтаву, где был арестован, и потом вместе с Гуленко и Белецким был сослан в Белгород на 3 года; на других провал произвел удручающее впечатление, и они отстали. Осталось нас трое: я, Василий Соколов и Соломон Бронштейн. Связь у нас сохранилась только с Алексеем Николаевичем Макаревским. Кружок рабочих, который ему передан был Иорданом, продолжал существовать как и раньше. К лету мы вошли в связь с народником-украинофилом Аркадием Юльевичем Вержбицким, с которым занимались по истории Украины и украинской литературе. С Евгением Харламповичем Чикаленко читали „Современный социализм" Де-Лавеле, а также статьи Михайловского из „Отечественных записок".

Кроме того, познакомились с Николаем Васильевичем Левицким, Алексеем Александровичем Манучаровым, Марией Григорьевной Заславской и др. К каким-либо организационным работам мы не приступали, т. к. летом Соколов ушел в солдаты, да и мне нужно было собираться. У Макаревского я познакомился с Бертеневым, который ввел меня в кружок рабочих-народовольцев, но мне пришлось его оставить по некоторым причинам.

Арестованные в январе были помещены в губернскую тюрьму. Летом, не помню по какому поводу, они произвели бунт и, как водится в этих случаях, поразбивали окна, двери, развалили печи, за что их поразвозили и разместили по уездным тюрьмам. Но через сравнительно короткое время снова свезли и поместили в арестантских ротах на Холодной горе, всех вместе в одной камере, окна которой выходили на улицу, где ни наружной стены ни ограды не было. Так сообщение с нами было самое простое: когда нужно было передать записку, то ее закатывали в хлебный мякиш и когда часовой проходил в другую сторону,— выбрасывали в окно, а им записки приносила невеста Крыжановского— Мария Михайловна Волкова. В одной из записок она уведомила, что задуман побег Иордана и Манучарова и просила нас передать лобзик и пилы. Передачу взяла на себя Волкова, но передать смогла только пилы и ручку, самого же лобзика передать не было никакой возможности. И вот, поместившись недалеко от тюрьмы на горке, мы с

Соколовым рассуждаем как быть, что делать. Видим, идет новый караул, который ведет знакомый по партии подпрапорщик Калитаев, который в тот же день передал все что нужно [1]). О побеге мы сообщили Макаревскому, который поставил в обязательство сообщить только тому, кто может дать денег на побег. Остановились на акушерке Антонине Белинской. Побег из тюрьмы был удачный, но к сожалению на другой или третий день Иордан был арестован на кв. студента Шалашникова. Манучаров успел уехать из Харькова и был арестован через довольно продолжительное время в Новочеркасске.

За два дня до побега у меня был обыск, который повторили на другой день побега. Все это заставило меня остерегаться, чтобы не компрометировать моих новых знакомых: аптекарей Григория Петровича Доценко, Василия Немченко и Ивана Павловича Сладкомедова, а также учеников Земледельческого училища.

К концу года я ушел в солдаты.

По приезде в Харьков, в октябре 1885 г., дело было так: Бронштейн и Соколов имели связи со студентами Рклицким, Яворским, Мерхелевым и др., но организационной работы никакой не было, также и в народовольческом кружке, куда входили Михаил Хмара, Андрей Кондратенко, Яков Рябоконь, Семен Крутиков и другие,—я не замечал никакого оживления. Сходились, пили чаек, иногда прочитывали что-нибудь, спорили и только. Осенью проводили в солдаты Крутикова в Орел. В солдатах он попал в писарскую команду, откуда за пропаганду между писарями был отправлен через Одессу в Хабаровск. Возникала мысль о слиянии кружков. Зимой появился Энгель, с которым я лично не был знаком, но знал, что это был опытный революционер, бежал несколько раз из ссылки. В Харькове он жил нелегально, но к сожалению в начале 86 года его арестовали. В то же время арестован был и Хмара, которого выслали на три года в Холмогоры. В феврале у нас было общее собрание, на котором был поставлен вопрос о слиянии. Из слов докладчиков можно было заключить, что здесь много поработал Энгель. На собрании присутствовали со стороны „Нар. Воли“ Андрей Кондратенко, Яков Рябоконь и Мария Решетникова; „народники“—Василий Соколов, я и Соломон Бронштейн. Решили не касаться никаких программных вопросов, а накапливать побольше сил. Хотя оговорились, что в будущем мы выработаем для себя программу собственными силами или же присоединимся к той партии, которая будет более соответствовать нашим задачам.

Первое, с чего мы начали, это вопрос об интеллигенции. У нас намечалось сразу открыть несколько кружков. Знакомства у нас были как с народниками, так и с народовольцами. Для центрального кружка мы хотели пригласить более опытного руководителя. Предложили Николаю Аристарховичу Мерхелеву, но у него оказалось очень много работы между молодыми интеллигентами. Когда я пошел его приглашать, то у него на квартире—его не было дома—сидело три-четыре человека.

---

[1]) Смотр. воспом. Макаревского, стр. 79, № 5 „Л. Р.“.

Из разговора выяснилось, что каждый из нас ожидает его, чтобы взять с собой. Как раз в это время пришел туда мой хороший знакомый, ветеринар Павел Тимофеевич Яворский, которого я и захватил вместо Мерхелева. За Мерхелевым была слежка, так что он вынужден был уехать из Харькова, но все-таки скоро был арестован в Симферополе. Яворский у нас пробыл недолго, но по каким причинам ушел—не помню. Повели переговоры с Лидией Лойко, которая в это время была на фельдшерских курсах на Сабуровой даче, но здесь подошел очередной провал. Арестовали ее, Левченкову, Сергея Павловича Балабуху, Рклицкого, Мерхелева и других. На рабочих этот провал не отразился ничем.

Первый кружок мы открыли в квартире Виталия Ветрова. Занимался там Хаим Гельруд. В кружок входили рабочие Семен Чайкин, Иван Радченко, Ветров и еще несколько интеллигентов. Читали „Капитал“ Маркса. Это был один из лучших кружков. Второй на Лысой горе, куда приглашен был Николай Григорьев. Из рабочих в него входили: Яков Алексеев, Александр Филипченко, Петр Темный, Тимофей и Аггей Землянские и Галина Крылова. Но что читали — не помню. С третьим кружком на Москалевке занимался я. Там были рабочие Михаил Конотопов, Николай Автономов, Зазубович и Сергей Савченко. Читали „Влияние физических законов“ из Бокля, потом „Царь голод“. Впоследствии меня заменил в этом кружке студент Рабинович, я же перешел в новый кружок на Основу. Занятия по арифметике и географии взял на себя на своей квартире студент Василий Петрович Денисенко. В центральный кружок была приглашена Татьяна Васильевна Теличенкова, читали „Манифест ком. партии“. Собирались на квартирах Кондратенко и Анны Иосифовны Сыцянко, которая занималась еще и общеобразовательными предметами.

Летом 1886 г. приехал в Харьков Дмитрий Дмитриевич Бекарюков. Это был старый Харьковский работник. Будучи уволен из университета, он уехал в Казань, где и кончил курс на врача. С ним мы приступили к выработке программы. Происходило это так: каждый отдельный вопрос вносился на обсуждение в Центральный кружок, после обсуждения передавался Бекарюкову, на редактирование. Особых споров и разногласий не происходило; только по вопросу о терроре была заминка с Андреем Кондратенко, но и тот подчинялся общему решению.

В это же время Гельрудом был предложен нам тоже проект программы, который в сущности вполне совпадал с нашей программой. Обсуждения происходили в училище рукоделия на Чернышевской улице. Хозяйкой квартиры была Надежда Васильевна Веретенникова.

Отношения интеллигенции были таковы: Хаим Гульруд стоял за самостоятельную рабочую организацию на принципах вырабатываемой нами программы. Иван Мейснер развивал свою программу, в которой главной целью был террор. Он говорил так: опираясь на отдельные национальности, которые присоединены к России, а также на сектантов, которые враждебно относятся к русскому правительству, возможно сделать переворот во всякое время. Одно время он заявил мне и Соколову, что если мы не примем его программы, то он помимо нас

войдет в сношения и будет проповедывать свое. Это вызвало ссору, которую уладили Гельруд и Денисенко. Далее появился студент Стояновский, который не знаю как познакомился с Кондратенко. С Стояновским я не был знаком, но мне советывали пригласить его и в присутствии рабочих доказать несвоевременность его предложений. Но я хотел пойти к нему и просто попросить его не вносить раскол между рабочими. К сожалению, идучи к нему с Кондратенко, мы его встретили на дороге на извозчике арестованным. Мейснер увлекался пиротехникой. Однажды, во время опытов, произошел взрыв, от которого он получил сильные ожоги.

Впоследствии, кажется по своей личной инициативе, он со студентом Хроновским сфабриковал почтовый пакет. Начинили его новоизобретенным составом и послали попечителю Московского учебного округа, Брызгалову. Но вскоре они были открыты и осуждены на 20 лет Сахалина каждый.

Внутренняя работа шла успешно. Основали библиотеку, кассу, отсчитывая по 3 процента заработка. Выписывали журналы „Русскую мысль“ и „Северный вестник“, газеты „Неделя“ и „Русские ведомости“, а также покупали книги и старые журналы, из которых вырывали отдельные статьи и переплетали в отдельные книги. Занимался этим Соколов, а потом Ювеналий Мельников. Казначеем был Яков Рябоконь. Была мысль устроить типографию. Для этой цели скупали шрифт и другие типографские принадлежности. Занимался этим Соколов. Но потом это сдали Денисенко и вскоре уже имели несколько печатных экземпляров: „В защиту правды“ Либкнехта, „Борьба общественных сил“ и отчет по делу Варшавских пролетариатцев. Было обещано отпечатать „Царь Голод“. Кроме политграмоты занимались физикой, арифметикой, географией и др.

В 1887 году мы с Соколовым поехали в Белгород проведать Степана Ткаченко, где познакомились с Велецким и Михаилом Курилюком. В это время в Белгороде были учительская семинария и институт, где среди учеников Велецкий вел очень успешно пропаганду. Он дал нам несколько адресов уже окончивших курс и получивших места в Харькове. К нему наезжали ученики Земледельческой школы. Ткаченко вел работу среди рабочих на шерстомойках. Вообще, несмотря на то, что они были поднадзорные, дело вели очень энергично. Так как их письма часто вскрывали, то мы условились вести переписку через Курилюка и передача книг происходила тоже через него. За этим он приезжал к нам в Харьков. Беседовали с Велецким о нашей программе, он указывал на ее узость и обещал развить ее шире. В июле срок ссылки их окончился. Ткаченко поселился в Харькове, а Велецкий уехал в Полтавскую губернию. Вскоре и Курилюк переселился в Харьков. Особенность Курилюка была та, что он мог писать очень красиво. По приезде в Харьков он подал прошение о принятии на службу в губ. земскую управу, и написал его так, что председатель распорядился сейчас же его зачислить на службу. Человек он был легкомысленный. Одно время у него на квартире был устроен кружок рабочих, с которым занималась Т. В. Теличенкова. И часто, бывало, рабочие сойдутся, а его нет дома, так что в конце-концов

кружок пришлось от него отобрать и перевести в другое место. В июле 1888 года он женился на модистке Пелагее Никифоровне Масловой, (в это время он был уже без места). Зимою жена его увезла в Ростов, где она поступила к своей сестре в магазин закройщицей, а он еще долгое время оставался без места. Потом уже через несколько лет я слыхал от Якова Алексеева, что он поступил в нотариальную контору, где стал быстро получать повышения, потом бросил в Ростове жену и троих детей, уехал в Петербург, где, кажется, открыл свою нотариальную контору.

В 1888 году, по рекомендации Анны Иосифовны Сыцянко, в наш кружок вступил Ювеналий Дмитриевич Мельников. В статьях Перазича и Невского указывалось, что он являлся организатором и руководителем кружков. К сожалению я этого сказать не могу. Что он был безусловно честным и энергичным работником, что он был беззаветно предан революционному делу, это — да, но чтобы быть руководителем, то для этого он был слишком молод. Он вступил в среду таких рабочих, за которыми было уже более или менее продолжительное революционное прошлое. А у него было, кажется, первое вступление в правильную организацию, где нужно было подчиняться известной кружковой дисциплине, что ему давалось трудно и нередко возникали конфликты между ним и отдельными членами. Мне нередко приходилось улаживать недоразумения, т. к. он сошелся со мною очень близко и мы были наилучшими друзьями. К слову сказать, я и Кондратенко были на его свадьбе шаферами. Он работал в вагонных мастерских Южн. жел. дорог. Известно, что рабочие относятся с уважением к людям со знаниями, но с полным доверием только к тем, которые являются и исправными работниками. К сожалению, Ювеналий не обладал навыком или выносливостью и частенько не являлся на работу. Из-за этой неаккуратности он много терял в глазах рабочих [1]). Другом его, о котором упоминает Перазич, был студент Адам Фрейфельд. В 1889 году Мельников женился на Галковской, которая участия в делах кружка не принимала, но ее очень ретиво преследовала жандармерия, так что она не только не могла поступить в какое-нибудь учебное заведение, но и проживать в г. Харькове ей не позволяли.

Кажется в 1888 году на квартире акушерки Елизаветы Егоровны Горальник, Кондратенко познакомился со студентом Владимиром Перазич, который просил его познакомить с ведением дела в рабочих кружках. Его рекомендовала Горальник и ее сестра Вера Лев. Мы о нем навели справки через Адама Фрейфельда, отзывы были прекрасные и мы его ввели без всяких колебаний. В статьях Невского и Перазича упоминается Ротштейн, как организатор. С Ротштейном мы познакомились, я и Кондратенко, на его даче на Журавлевке, через Александра Бронштейна.

---

[1]) Веденьев в оценке роли Юв. Мельникова, как организатора и руководителя движения, значительно расходится с оценкой, даваемой Перазичем и Б. Эйдельманом. Очевидно, Веденьев знал Мельникова только в первые годы его работы 1887—1889, в то время, когда Перазич и Эйдельман соприкасались с ним значительно позже (1895 г.), когда Мельников развился и играл значительно большую роль. (Прим. ред.).

После разговоров о разных пустяках мы приступили к деловому. Он высказал очень пессимистические взгляды, указывая на малочисленность революционных сил, индиферентизм общества, репрессии правительства и т. д. и т. д. После этой беседы мы решили Ротштейна в кружки не вводить. Да он и сам особой охоты не из'являл. На квартире Кондратенко он был один раз, да и то как на вечеринке, по случаю крестин.

В вагонных мастерских вместе с Кондратенко работал Александр Бронштейн. Это была незаурядная личность. Он кажется знал всех революционеров г. Харькова, но в то же время кто он такой, где его начало—никто не мог сказать. После двух-трех посещений квартиры Кондратенко, он стал там своим человеком. Говорить он мог много и красиво, но все-таки у некоторых членов, как у Кондратенко, Соколова, Рябоконя и меня было к нему недоверие. О нем мы советовались с Бекарюковым, который предложил нам познакомить его с ним. Знакомство произошло на квартире Ротштейна. После этого Бекарюков высказался о нем так: что он может много сделать хорошего, но может и устроить большую пакость. В силу этого мы стали его постепенно оттирать. Замечая это, он обратился ко мне за об'яснениями, на что я ему заметил, что раз вы теряете доверие, то самое лучшее вам нужно удалиться, хотя бы временно. Вскоре я его потерял из виду. Он кажется уехал в Америку.

Курилюк по приезде в Ростов писал нам, что сошелся со служащими Владикавказской дор., Мотовиловым и Богоразом, и что в Ростове есть рабочие кружки. Решено было установить связь. С этой целью на Пасху поехали я, Кондратенко и Чайченко. На вокзале нас встретил Курилюк и проводил на квартиру Мотовилова, где был и Богораз. После обычных приветствий мы высказали цели с какими приехали, прося, чтобы нас свели с рабочими, с которыми мы могли бы побеседовать, узнать, какие они ставят себе задачи, а также об'яснить и свои. Мотовилов соглашался и признавал целесообразность нашего свидания, но Богораз не соглашался чисто по формальным причинам. Он указывал, что у нас нет ни полномочий, ни доказательств, что мы действительно есть члены кружка. Долго спорили и все-таки ни к чему не пришли. Назначили свидание на другой день. Дорогой Курилюк рассказал нам, что недавно Богораза искусала бешеная собака и его отправляли в Пастеровский институт и что он только что возвратился из Парижа. На другой день мы уже не вступали в большие препирательства, да и Мотовилов нам об'яснил, что он бы познакомил нас и помимо Богораза, но те рабочие, с какими нам следовало бы поговорить, пользуясь праздничным временем, уехали во Владикавказ.

Эта неудача нас не обескуражила. По приезде в Харьков мы предложили слесарю Петру Темному отправиться в Ростов (он работал на заводе Пильстрема). Темный с удовольствием согласился. По приезде ему удалось поступить в мастерские Владикавказской жел. дор. и попасть на квартиру в тот двор, где были рабочие, примыкавшие к организации. Так что он свел знакомство без всяких посредников, но с ним случился следующий казус: в том цеху, где он работал, часто рабочие приносили

водку и устраивали пьянство. Однажды начальство сделало внезапный обыск. Рабочие спрятали водку в ящике Темного в надежде, что у него не будут делать обыска, т. к. знали, что он водки не пьет. Но все-таки его ящик обыскали и нашли водку, ему предложили или выдать тех, чья водка, или же получить расчет. Конечно он согласился на последнее. К этому времени женился Ювеналий Мельников. Жене его жандармы не позволяли жить в Харькове и они отправились в Ростов. Нападки Перазича на ростовскую интеллигенцию, что она не допускала самостоятельности рабочих кружков, ни на чем не основаны. Напротив, Ювеналий когда приезжал в Харьков, отзывался о ней очень сочувственно. Дела Ювеналия в Ростове пошли успешно. В помощь к нему поехал Григорий Лукьянов.

Еще в 1888 году, летом, Василий Соколов ездил в Таганрог. Там у него были знакомые, окончившие Харьк. Техническое училище, помощники машинистов. Соколов нашел, что люди есть, но за отсутствием какого-либо связующего органа, за отсутствием литературы—люди разбредались. Мы предложили Ювеналию завести связь с Таганрогом и дали ему несколько адресов. Связи он установил, но о дальнейшем я ничего не знаю, т. к. это было незадолго перед арестом.

Для более широкой пропаганды, решено было создать какое-нибудь общество взаимопомощи, которое бы утвердило правительство и где мы могли бы собираться на „законном основании". Проекты устава писали: Ювеналий со своим зятем Кушнаренко (Кушнаренко в кружках занимался Историей России) и мы втроем: Перазич, Кондратенко и я. В дальнейшем, при арестах, у Кондратенко нашли листки того проекта, писанные моей рукой и рукой Перазича, что послужило лишней уликой нашего знакомства. Через несколько лет после ареста Кондратенко, в сотрудничестве с Николаем Автономовым, удалось основать „Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом", в которое входило несколько тысяч рабочих, имевшее филиальное отделение в Екатеринославе и членов почти во всех городах Юга России. Общество выстроило дом рабочих на улице Плеханова и вообще оно сыграло огромную роль в деле рабочего движения.

В 1887 году у нас произошел раскол по следующему поводу: в Лысогорском кружке занимался очень умелый и способный Николай Григорьев. Он заметил за Галиной Крыловой некоторые дефекты. После его ареста туда назначен был Соломон Бронштейн. Начал посещать и прочитывать кое-что и я. Присмотревшись ближе, я заметил, что Галина своей легкомысленностью и кокетством создает совсем нежелательное настроение. Об этом я рассказал Кондратенко, с которым мы решили удалить ее из кружка. Внеся этот вопрос на обсуждение кружка, мы встретили отпор со стороны Соломона Бронштейна, который усмотрел в нашем предложении посягательство на равноправие женщин и т. п. На этой почве он вооружил против меня и Кондратенко весь лысогорский кружок, а также и Конотопова, который в то время думал жениться, но как-то стеснялся об'явить об этом, который тоже присоединился к ним. Образовался отдельный кружок под именем „Новое Южное Братство",

куда были приглашены студент Рабинович и технолог Кожевников, который носил кличку Абрамович [1]). Они старались нас примирить, но мы отклонили это на том основании, что мотивы, по каким они откололись, неуважительны, и чтобы вперед не создавать подобных прецедентов, мы отложили это до тех пор, пока они сами сознают опрометчивость их поступка. Примирение состоялось в январе 1888 года. Приписать примирение наше влиянию Бекарюкова нет никаких оснований, так как в делах внутреннего распорядка мы были вполне самостоятельны. Провал кружка приписывают тому, что живущая в Нижнем Новгороде Дениш просила в письмах Велецкого указать ей город, где она могла бы поселиться и примкнуть к какой-либо организации. Велецкий указал на Харьков. Переписка попала в руки жандармов. Я думаю, что это может быть только ускорило наш арест, потому что, работая столько лет подряд в одном городе, некоторые из нас были хорошо известны жандармам. У некоторых из нас были обыски и призывались для об'яснений в Жандармское Правление. У меня, например, было три обыска и я был обязан подпиской никуда не выезжать из города. Слежка шпионов за нами была постоянная, так что мы считали себя обреченными. Уезжать не хотелось: жаль было бросать дело, а дело у нас разросталось все больше и больше. Намечались организации в Севастополе, Александровеке, Екатеринославе и других местах. Весною 1889 года, по рекомендации живущего в Одессе Ивана Радченко, нас посетил ездивший на родину рабочий-штукатур. Он передавал нам, что в Одессе существует кружок рабочих, именующихся социал-демократами. К сожалению, по всему заметно было, что он недавно был введен в организацию и обо всем был мало осведомлен. Но мы все-таки это приняли к сведению. Намечалась переорганизация центрального кружка, хотели ввести новых членов, а старым дать больше досуга, т. к., некоторые были перегружены работой. Мне, например, в неделю полагалась одна ночь, когда я мог выспаться, да и то не всегда. Кондратенко дошел до того, что чуть не засыпал на ходу. Ювеналию доктор заявил, что если он будет читать политическую экономию, то скоро подохнет. Нужно было, чтобы каждый мог располагать временем по своему усмотрению. Кондратенко мечтал поселиться в Одессе, я,—в Севастополе, где уже были Харьковские рабочие, портные и металлисты, на строющихся там броненосцах.

Пребывание свое в партии я разделяю на два периода: первый от 82 по 84 г. и второй с 85—89 г. В первом периоде рабочие организации вполне зависели от того, в каком положении находилась интеллигенция. Если между ними находились лица, которые могли отдавать свое время рабочим, то возникали кружки для занятий, рабочие оживлялись, привлекали новых членов и жизнь вообще налаживалась. Но с провалом интеллигенции

---

[1]) Таким образом отпадает предположение т. Невского (См. сборник: „От группы Благоева к союзу борьбы“, стр. 106), о тождественности Доктора Абрамовича, основоположника Киевского Соц.-Демокр. движения, с Харьковским Абрамовичем, который оказался Кожевниковым, упоминаемым в показаниях провокатора Курилюка. (Прим. ред.).

провалилась и вся работа, кружки—расстраивались, рабочие—разбредались. Во втором,—когда мы соединились, дело значительно улучшилось.

По моему пониманию того времени, дело обстояло так. Интеллигенты вообще народ был приезжий; занимая где-либо квартиру, интеллигент между жильцами был чужой, так что посещение его рабочими сейчас же бросалось в глаза соседям и хозяину. Отсюда вытекало то, что были даже доносы в полицию, и не имея вокруг себя никого знакомых, ему приходилось хранить у себя нелегальщину, а следовательяо даже при мало значущем обыске следовал провал. Рабочие были поставлены в совсем другие условия. Большинство из нас были местные жители. Живя по окраинам, мы были знакомы не только с тем двором, где жили, но со всей улицей, так что сохранить что-либо мы всегда имели возможность. Но самое важное, в отношении квартир для занятий, книг и денег, мы были уже ни от кого не зависимы. Интеллигенция была приглашаема только для занятий в кружках. Отношения наши с интеллигенцией были наилучшие, пререканий или каких недоразумений—если не считать случая с Мейснером—не было.

Интеллигенция вообще нас берегла и не допускала, по возможности, в какие-либо рискованные дела. В особенности много работали между рабочими в первый период—Александр Францевич Затурский, Николай Аристархович Мерхелев, Николай Владимирович Иордан, Алексей Николаевич Макаревский, Алексей Макаренко, Павел Заболуев, Александр Игнатьевич Занкевич, Бартеньев и многие другие, имена которых я не вспомню. Во втором были Хаим Гельруд, Михаил Урлянд, Василий Петрович Денисенко, София Васильевна Синявина, Татьяна Васильевна Теличенкова, Михаил Васильевич Рклицкий, Николай Григорьев и др. Но стройность последних рабочих организаций создал Дмитрий Дмитриевич Бекарюков. Над этим работал он очень много.

Его в одном месте Перазич, со слов Ювеналия, назвал „великим конспиратором“.

В 1889 году, во время парижской выставки, в одном ученом обществе кажется педагогическом, была избрана почетной председательницей известная харьковская деятельница, Христина Даниловна Алчевская. Она нам привезла приветствие от французских рабочих, которое передал нам Бекарюков. На приветствие мы ответили, только не знаю было ли оно передано, т. к. это было в августе перед арестом.

Провал произошел в ночь с 3 на 4 сентября 1889 года.

И. ВЕДЕНЬЕВ

Автобиография Ивана Дмитриевича Веденьева [1])

(Приложение к статье)

Родился я в 1863 году в г. Харькове. Отец мой был плотник, меня же отдал в обучение к портному, когда мне было 11 лет.

В науке я пробыл 5 лет, и стал самостоятельным портным. Почти всю жизнь я работал в мастерских и только в последние 10 лет, когда мне стали изменять глаза и руки, я стал работать на дому, беря, до революции, работу в разных магазинах.

Первое мое вступление в партию „Черного передела" было в 1882 г., тогда же я был введен в кружок, в котором занимались подготовкой к революционной деятельности, изучали положение пролетариата на Западе и у нас в России, по Шелгунову, Абрамову и Михайлову, политическую экономию по Иванюкову, Чупрову и Миллю, с приложениями Чернышевского, по социологии Юзова. Такие занятия продолжались до апреля 1883 г. После этого я был переведен в кружок, который занимал центральное положение среди рабочих г. Харькова.

Этот кружок помимо саморазвития занимался также организацией новых подготовительных кружков, тому же кружку перед коронацией Александра III предложено было распространять прокламации.

Занимаясь в кружке, мы с тов. Бронштейном организовали кружок „рабочих-портных".

В это время кружки передавались интеллигенции, которая и вела в них правильные занятия. С нашим кружком занимался Иордан, который передал его народовольцу Макаревскому, с которым я познакомился на квартире студента Крыжановского, где мы вместе гектографировали нелегальную литературу.

В начале 84 года, когда шпион Шкряба провалил всю черно-передельческую организацию, у меня осталась связь только с Макаревским. С ним (я и раб. Соколов) подготовили побег Иордана и Манучарова из тюрьмы, а также, через Бертенева, познакомил меня с рабочими-народовольцами. В тесную связь с ними я не мог войти потому, что за это время у меня было два обыска, и за мной была слежка. Жандармы также меня обязали не выезжать никуда из Харькова.

Осенью того же года я был взят в солдаты и уехал из Харькова. Освободившись от солдатчины (в октябре 85 г.) я застал такое положение: Макаревского уже не было; рабочие как народовольцы, так и народники были, но занятий, как между первыми, так и между вторыми не было. Была и интеллигенция, но связи были какие-то случайные. Ознакомившись с делом, я предложил рабочим-народовольцам соединиться с нами не касаясь никаких партийных вопросов, а в будущем, когда мы окрепнем, мы выработаем программу.

Сперва они отмалчивались, но потом, в начале 86 года, согласились. Соединившись, дела у нас пошли успешно, кружки открывались один

[1]) Редакция помещает часть автобиографии Веденьева, ввиду того, что она содержит ряд новых моментов, а местами дополняет соответствующие части его статьи.

за другим, в кружках занималась интеллигенция и рабочие. Приведя в порядок кружки и кружковые занятия, мы приступили к выработке программы. Каждый пункт программы разбирался самими рабочими, выправлял же их доктор Д. Д. Бекарюков. Главные мои занятия были: организация кружков, занятия первое время и сдача их интеллигенции, связь с другими городами, а также связь с центральным кружком, где я носил кличку „президента", и мне предоставлялись иногда диктаторские права, в конфликтах между членами меня назначали третейским судьею, и почти всегда мои решения принимались без отговорок.

Арестован я был в 1889 г. 8 сентября и приговорен к 8 месяцам тюрьмы, из них в Крестах пробыл 7 месяцев, а 11 месяцев в Харькове, 3 месяца я сидел с Чайкиным и Алексеевым, остальное время в одиночке.

В япреле 1891 года, приехав в Харьков, я попал под гласный надзор на 3 года. Из Харькова я хотел поехать в Севастополь, но меня предупредили, что если я приеду, то меня оттуда вышлют.

В апреле 1897 года я познакомился с эс-деками Маховым, Крицыным и Краморовым, но к сожалению Махова скоро арестовали, а остальные уехали.

И. ВЕДЕНЬЕВ

Харьков, 13/VIII-23 г.

Приговор по делу революционных рабочих кружков гор. Харькова (1886—1889 г. г.)[1].

№ 1964
19 июля 1890 г.

Копия.
Арестантское

Г. Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления

Секретно

Департамент Полиции имеет честь уведомить Г. Начальника Харьковского Губернского Жандармского Управления, для сведения, что произведенное во вверенном ему Управлении дознание разрешено административным порядком, при чем по Высочайшему повелению, последовавшему в 11-й день Июля сего года, обвиняемые:

1. Дмитрий Бекарюков, выслан на жительство под надзор полиции в местности Степного Генерал-Губернаторства, на три года,

2. подвергнуты тюремному заключению: Владимир Перазич—на один год, Иван Веденьев, Василий Соколов, Соломон Бронштейн, Андрей Кондратенко, Яков Алексеев, Яков Рябоконь и Ювеналий Мельников—на восемь месяцев каждый, Семен Чайченко, Григорий Лукьянов и Степан Ткаченко—на шесть месяцев каждый, а Михаил Конотопов—на три месяца, по отбытии же Перазичем помянутого наказания, выслан, как неблагонадежный иностранец, безвозвратно за границу,

3. подчинены гласному надзору полиции: Сергей Велецкий, Федор Дениш и Вера Дениш на три года каждый, первый в месте родины, Полтавской губернии, а двое последних—вне местностей, об'явленных в положении усиленной охраны, а также губерний столичных, Нижегородской, Тверской, и Рязанской.

Дознание по отношению Надежды Остапенко, Ивана Теличенко и Анны Мельниковой—производством прекращено и за ними учрежден негласный надзор полиции.

С подлинным верно: (подпись)

---

[1]) Донесения по этому делу Харьковского Губерн. Жандармского Управ. смотри в предыдущем номере (№ 3) „Летопись Революции“, стр. 190—196.

Революционное движение среди рабочих Петербурга 1875—86 г.г.

Знакомство мое с народовольцами началось еще ранее 75 года. Мы, рабочие, ходили к студентам, студенты к нам, от студентов пользовались литературой, легальной и нелегальной. На фабрике, где я работал, был кружок рабочих, который прилагал все силы к саморазвитию, и читали все, что приходилось достать. Мне показалось этого мало, нужно было выяснить прочитанное. В то время я уже был знаком со многими студентами, в том числе с Г. Плехановым, Пресняковым, Дейчем, Чубаровым и пр.

Придя однажды к Плеханову, я ему изложил свое мнение на счет чтения. Он вполне одобрил и предложил мне совместно читать „Податной вопрос“ Шелгунова. Тов. Плеханов раз‘яснял непонятные для меня места и так увлекательно, что мы за весь вечер прочли всего лишь одну-две страницы. Но для меня это было открытие: я начал читать и мыслить совсем не так, как прежде.

В 1875 году к нам на фабрику поступил Александров, очень энергичный, умный товарищ. Кружок наш ожил, нужно было что-либо предпринять, чтобы встряхнуть спячку. Задумали устроить стачку: для стачки материал всегда найдется—было бы желание. Сказано—сделано: немедленно приступили к агитации за Нарвской заставой на фабрике „Шау“ и быстро с‘агитировали. Об‘явили всем рабочим-ткачам, чтобы выходили из фабрики, а сами пред‘явили конторе требования об увеличении расценки, уничтожения штрафов, вежливое обращение и т. д. Контора на все наши требования согласилась, мы ликовали: наша взяла. Скоро после стачки, Александрова арестовали, в квартире произвели обыск, но ничего не было найдено и никого больше не тронули. Мы стали осторожней ко всему относиться. Нас, более сознательных, стали называть студентами. Мы все чаще стали ходить к интеллигенции и вводить новых товарищей.

Время шло, особого ничего не происходило. Раз как-то я с женой зашел к знакомому студенту взять что-либо читать и увидел в руках знакомой курсистки красный конец материи, на котором было нарисовано белым „Земля и Воля“. Я не решился расспрашивать для чего это, взял книги и ушел. Книги были: „История французской революции“ и роман Швейцера „Зима“ из времен революции 48 года, книга которая нас вывела на более широкий путь. Для чтения этого романа я всегда собирал массу народа и читал вслух. Все восхищались подвигами революционеров,

настроение было приподнятое. В это время приходит к нам Пресняков и пригласил нас двоих, меня и тов. Павла—„чертенка“ (так мы его прозвали) придти по данному адресу в назначенное время. Зима была уже во всей своей красе. Мы (я и „чертенок“) пошли на Выборгскую. Идя и разговаривая, мы заметили, что кто-то за нами идет следом. Приостановились чтобы подпустить поближе идущего за нами, когда подошел мы увидели, что это тов. Пресняков, он нарочно вышел, чтобы проводить и указать квартиру, так как ждали еще из-за Невской.

Это собрание интеллигенции—студентов и курсисток—было накануне Казанской демонстрации 1876 года в декабре. На собрание собралось порядочно, много говорили, спорили, в особенности Боголюбов и Г. Плеханов. Поздно мы вернулись домой. Нам было поручено созвать побольше народа, не рассказывая зачем, а просто об‘яснить, что будет собрание. Мы с „чертенком“ Павлом с утра пошли собирать; я пошел на тряпочную фабрику, там было несколько товарищей, которых надо было пригласить.

6-го декабря, часам к 10-ти утра, мы пришли к собору, где на паперти стояло много студентов и курсисток, рабочих было очень мало. Мы вошли в собор, поглядели и, по знаку, поданному товарищами, вышли все из собора на площадь, где образовался круг. Плеханов начал свою сильную речь (которую теперь не передать) о гибели лучших сынов России, замученных в застенках:—Нечаева, Чернышевского, Михайлова. После речи был поднят молодой человек на плечи товарищей и развернул красный флаг с надписью „Земля и Воля“. В это время из окружающих дворов высыпали переодетые жандармы и дворники и начали хватать демонстрантов, кого попало. Демонстранты стали сопротивляться, началась свалка. В результате—36 чел. арестованных. Арестован был и тот, у которого был флаг. Опасались арестов еще, местами были обыски среди рабочих за Невской заставой, а также и на Выборгской. За Нарвской был арестован товарищ, который выступил вечером в трактире „Карс“, но его удалось освободить, сбросив шпика с моста и оглушив полицейского. Шпики и полиция начали распространять среди темной массы, „что это делают студенты за то, что у них отобрали землю“ и т. д. Приходилось напречь все силы и раз‘яснить народу, что это за „студенты“, чего они хотят и добиваются. Пришлось выпустить прокламации о значении Казанской демонстрации. В так наз. обществе и тогдашних газетах проскальзывало глухое недовольство, в рабочей среде все более и более стали сознавать, что студенты нам желают избавиться от гнета помещиков и не все студенты одинаковы, есть и студенты негодяи. Режим все ухудшался, приходилось работать с оглядкой, нелегальная литература поступала очень туго. Мне пришлось перейти из-за Нарвской заставы на Новобумагопрядильную.

На Новой Канаве приходилось создавать новые кружки. К этому времени начался процесс „193“. Появилась речь Петра Алексеева и Бардиной. Мы, рабочие, воодушевились, пропаганда закипела вовсю, пришлось снять более удобную квартиру, где бы можно было собираться.

Знакомство все расширялось. Ко мне стали приходить чаще студенты и рабочие с других районов. Задуман был протест против войны с Турцией, но не удался: на это собралось очень мало народа, молодые товарищи были взяты в солдаты, а постарше трусили, боясь попасть в тюрьму.

Речи П. А. и Бардиной, потом речь Мышкина много помогали пропаганде. Я с фабрики перешел в посыльные и скоро мне пришлось вручать письма Мезенцеву—шефу жандармов, так что я, еще будучи на воле, уже знакомился с знаменитым III-м отделением. Среди рабочих я еще более усилил работу, создал у себя на квартире артель, которая была самая передовая по тогдашнему времени. Обнорский и Халтурин (тогда мы его называли Яковом) решили создать „Северно-русский рабочий Союз". Собрание было назначено у меня. Дали знать за Нарвскую заставу, на Выборгскую, за Невскую заставу. Собралось около 25 делегатов. Решили, чтобы расширить пропаганду среди рабочих, начать усиленную агитацию, проводить на фабриках стачки. Собрание было в последних числах декабря 1878 года, после этого к нам часто приходил Попов (Радионович) шлиссельбуржец и впоследствии много других.

В январе 1878 г. первая внушительная стачка была на Новобумагопрядильной, которая помогла рабочим многое уяснить. По настоянию рабочих, было написано прошение на имя наследника царского престола, Александра. Впервые удалось напечатать в газете „Новости", о стачке приходилось читать и толковать уже открыто. Чтобы начать стачку, меня пригласили стать на работу и войти в фабрику, что и пришлось проделать. С утра вошел в фабрику, а с обеда об'явлена была стачка. Прошение наследнику порешили подать, собравшись у Аничкиного дворца. Шли по двое, по трое, собираясь в Александрийском сквере, оттуда всей гурьбой подошли к дворцу. Народ все подходил, публика тоже останавливалась. Пришло немало и молодежи, так что через несколько минут запрудили весь Невский. Наследник стоял в амбразуре окна. Примчался помощник градоначальника Козлов, который обратился к рабочим, заявляя, что цесаревича нет и еслибы и был, то сделать ничего не может, „и я приказываю вам идти и стать на работу, а если не хотите работать получите расчет". Пришлось мне выступить: вижу, что все молчат. Подхожу к Козлову (прошение держу под полой) и говорю:

— Ваше превосходительство, мы пришли просить о своих нуждах, трудно нам: контора фабрики нас задушила штрафами, расценки низкие и за все вычеты, даже за челноки высчитывают, жить нечем, приходится голодать.

Козлов:

— „Если вам не хорошо на этой фабрике, берите расчет и идите на другие фабрики, ищите где для вас лучше".

Я отвечаю Козлову:

— Ваше превосходительство, мы пришли просить не за одних нас, а за всех, на других фабриках нас также душат и жмут.

Козлов:

— „Ну тогда поезжайте на родину, откуда приехали".

— Ваше превосходительство, мы приехали с родины для того, чтобы зарабатывать; нас с родины гонит нужда, земли мало, приходится кормить стариков и платить подати".

— „А, вам подати платить, взять его".

Подскакивают полицейские, я выпускаю на панель прошение. Меня берут и уводят, а в это время кто-то из молодежи говорит Козлову:

— Ваше превосходительство, вы бумагу обронили, поднимают бумагу и подают Козлову, я уже был за воротами дворца. После мне рассказали, что когда Козлов развернул бумагу и видя, что это прошение наследнику, стал уговаривать рабочих, что все это напрасно и т. д.

Меня посадили в подвальном этаже в помещении пожарных, окна были поверх земли. Я взобрался к окну и взглянул на Невский; Козлов вертел бумагой, рабочие окружили Козлова, что там говорили не знаю. Минут через 10 ко мне в помещение входит придворный лакей и спрашивает за что арестован. Я ему говорю все, что говорил Козлову. Выслушал, ушел. Немного спустя приходит Козлов и начинает орать:

— „Я тебя загоню туда, куда и ворон костей не донесет и т. д. Как ты смел, кто писал прошение, говори?"

— „Не знаю кто".

В это время входит лакей, обращаясь к Козлову со словами:

— „Ваше превосходительство, Вас просит цесаревич"—и уходит.

Я остаюсь один, смотрю в окно, рабочие уже почти все разошлись. Козлов возвратился от наследника не ранее, как через полчаса, пришел бледный и, обращаясь ко мне, вежливо говорит:

— Вот что, голубчик, я не хочу знать, кто вы такой, но прошу вас идите на фабрику и скажите своим рабочим, что цесаревич ничем помочь вам не может, ибо он на это не имеет никаких прав; угодно вам работать—приступайте к работе, не угодно—получите расчет. Вот все, что можно только сделать, вы свободны, можете идти.

Я не вытерпел и говорю с сарказмом:

— „Вот если бы были такие умные люди и рассказали рабочим, то ничего бы не было". Козлов:

— Голубчик, я был у вас на фабрике и говорил, а я вас не видел, с тем и ушел. Придя на фабрику в артель рабочих я сказал, что наследник обещал прислать комиссию, которая расследует все дело и т. д., забастовка окрепла. Мы с товарищами повидались с Поповым и другими. Решили в ночь расклеить и разослать по всем фабрикам обращение, что и сделали. На другой день контора уступила, вывесила об'явление, что вычетов за челноки не будет, штрафы прощаются и за прогульные дни будет уплачено. Мы победили [1]).

После забастовки, недели две спустя, меня арестовали при выходе из квартиры Парфенова („сапожная мастерская"). Вместе со мной были арестованы рабочие Федька и Казаков, студенты Гласко и Дробышевский,

[1]) По поводу этих забастовок руководящей группой рабочих были выпущены три прокламации, напечатанных в типографии „Земли и Воли", в январе 1879 года. Прокламации перепечатаны в журнале „Былое", январь 1906 г., стр. 178—181. (Прим. ред.).

Федьку Гласко с Дробышевским освободили, а меня, Казакова и Парфенова задержали. После трех-месячной сидки нас троих выслали административно под надзор полиции; меня на родину в Смоленскую губернию, Казакова в Костромскую, Парфенов остался в тюрьме больной.

После этого мне не пришлось встретиться ни с Казаковым, ни с Парфеновым. В ссылке я прожил до августа. В августе бежал и приехал в Питер, жил нелегально, ведя агитацию среди рабочих. Из интеллигенции ближе всех познакомился с технологом Виноградовым и Благовещенским.

Так прожил до 1879 года. В январе этого года организовали забастовку на Новой Канаве и за Нарвской заставой у „Шау“ и Екатерингофскую. Провалил нас провокатор Потехин; при выходе от него нас арестовали 11 человек. А потом двоих малолетних: моего брата и брата т. Штрипана. Всех нас взяли с оружием, ножами, а у меня был кинжал, подаренный мне Халтуриным. Посадили в Коломенскую часть по одиночкам. Режим был ужасный, пришлось об‘явить голодовку, после пяти-месячной сидки. Голодали пять дней, пока нас не перевели в предвариловку. Там мы вздохнули: книги, прогулка. За время нашей сидки произошли события, первое—выстрел Засулич в Трепова, второе—взрыв в зимнем дворце, покушение Мирского на Дрентельна.

Просидев с января 79 года до июня 80-го года меня, Абраменкова, Коняева выслали в Сибирь. В это время центральная пересыльная политическая тюрьма была для Севера в Вышнем Волчке, а для Юга во Мценске. В Вышнем Волчке просидели месяц или больше. Нас собралось 40 слишком человек политических, многие из них старые знакомые по работе на воле. В июле нас отправили на Москву, со мной в ссылку пошла жена, нас как политических везли отдельно от всех. В Москве присоединились Московские и Мценские, между ними был товарищ Панин, отбывший каторгу в Харьковской каторжной тюрьме „по делу Долгушенцев“. В Нижнем Новгороде нас подвезли в вагонах прямо к Сибирской пристани и пересадили на баржу, конвоирами нашими были жандармы. Сначала по Волге, а потом по Каме нас доставили в Пермь. С баржи прямо в вагоны посадили и, вплоть до Екатеринбурга. В Екатеринбурге остановились в тюрьме на дневку, потом до Тюмени на лошадях в фургонах подкатили прямо к тюрьме. Некоторых оставили в Тюмени, остальных повезли на пристань на Туру. Посадили на баржу, в Тюмени пришлось запастись провизией и хлебом на все 7—8 суток, вплоть до Томска. Итак, мы уже в Сибири.

Не буду описывать ссылки, желающим ознакомиться со ссылкой скажу одно, что в ссылке мне пришлось пробыть до 1883 года. Из ссылки мы возвращались с тов. Лукой, Абраменковым, Коняев почему-то не попал с нами. Провожали нас Апельберг, Лаговский инженер-технолог, местные учителя. Я тогда же порешил во что бы то ни стало поступить к Савве Морозову в Орехове.

Отец мой жил у Зимних в Зуеве и я остановился прямо в Орехово-Зуеве. Оставив жену, сам отправился на родину с проходным свидетельством для обмена на паспорт. Недели две пришлось прожить в

деревне, пока выхлопотал паспорт, в который и вписал фамилию. Писарь волостной, по неведению, вместо Мосенок написал Моисеенко, чем меня бесконечно порадовал: фамилия малороссийская, и с такой фамилией я смело поступал на фабрику. Меня приняли, квартиру дали и стал я работать. С первых дней работы мне пришлось вступить в отчаянную борьбу с браковщиками, которые штрафовали ни за что. Я не давал писать, чем избавлялся; у остальных ткачей каждый месяц штрафу три — четыре рубля, у меня 75 к. Поле для пропаганды было открытое и я принялся усиленно за пропаганду. Брал книги из библиотеки, читал вслух в коридоре казармы, не пропускал ни одного случая, чтобы его не использовать. Так велась работа в течение года.

Мне говорили, что у Морозова забастовки не может быть: Морозов колдун, фабрика заколдована и т. д.

Невежество было общее, да к тому же ткачей мужчин было меньше чем женщин. Правда, некоторые женщины скорее поддавались пропаганде, чем мужчины, в особенности старики, которые считали себя крепостными Морозова. Благодаря только особенному грабительству Морозова, можно было агитировать. Как бы то ни было, но никто не верил, чтобы у Морозова можно было провести забастовку, даже самые близкие т.т. Лука Абраменков и тов. Гвоздарев (племянник прежнего Гвоздарева). Я же одно задумал: будь, что будет, а забастовку проведем, лишь бы не арестовали преждевременно. Для ареста не было повода, потому что нелегальной литературы не было, пропаганда велась устно и в одиночку, чтение если и было массовое, то читались легальные книги и журналы. Подозрения и были, но не такие уже угрожающие. Все были уверены, что ничего не будет. На фабрике Морозова не было интеллигентных работников, все были свои кабальные ученики, начиная от главного директора Дианова до последнего мальчика конторы. Если попадал кто из интеллигентных, его живо рассчитывали. Я все выжидал момента, когда и как начать.

Когда стало известно, что мы, морозовские рабочие, будем работать на Ивана Крестителя, 7-го января (ст. стиля), на этом пришлось остановиться, тем более, что на всех соседних фабриках в этот день не работали. 5-го января 1885 года я пригласил более распропагандированных рабочих на массовое собрание. Решили собраться на песках, прямо в трактире. Собралось человек 30—35. Заказали чаю и начали обсуждать, как лучше остановить фабрику. Здесь были представители от прядильщиков. Обсуждали так и сяк, к окончательному решению не пришли. Остановились на том, чтобы прибыв раньше других на фабрику, встать человек по пяти у каждых дверей и никого не пускать на фабрику. С песков я, Волков и человек 15 пошли в Зуево. Там еще посоветовались и решили 6-го на крещение еще собрать побольше народу, обсудить и выработать план, по которому и действовать. 6-го января ко мне пришли с соседней фабрики т. Лука, Абраменко и мой брат, я пригласил на собрание Луку и Волкова. На этом собрании мы окончательно решили стать у дверей и никого не пускать. Утром 7-го мы

встали рано и пошли на фабрику, народ уже шел. Кругом фабрики стояли вооруженные ломами, дубинами, лопатами чернорабочие, сторожа и не давали останавливаться у дверей фабрики, (а дверей было трое); я стал у первых и стал останавливать, об'яснив чернорабочим, что это не их дело, это рабочие ткачи хотят праздновать и сходить в церковь помолиться и т. д. Прядильщики, проходя мимо нас, просили, чтобы не работать. Приходит ко мне Волков и говорит, что народ идет на фабрику: боится сторожей и с ними ничего не поделаешь. План не удался, пришлось его оставить.

Пошли мы с Волковым в квартиру, сказали своим бабам, чтобы шли на фабрику. Я задумал так: войдем в фабрику, еще раз попробуем уговорить, в особенности баб, чтобы они нам помогли. Пришли на фабрику, прошлись по этажам, позвали собраться в уборной, уборные были просторные, и рядом женская. Вот тут то и решалось наше дело. Бабы согласились выйти и завернуть крайние газовые рожки, подростки-мальчуганы, вскочив на плечи друг на друга, завернуть коренной газ. Во всем этаже свет потух. Мы крикнули: выходи! Машина от моментальной остановки пошла бешено, волей неволей приходилось остановить все станки. Я бросился во второй и первый этажи и стал выпроваживать народ. В нижнем этаже сторожа заперли двери и пришлось выходить в одну дверь.

Поднявшись в третий этаж и пройдя к выходу, я встретил Волкова, который сказал, что приходили из прядильной и просили, чтобы пришли к ним и остановили. Я с несколькими молодыми ткачами отправился в прядильную, выгнал всех, кто хотел и кто не хотел. Выйдя из прядильного корпуса я увидел толпу народа, стоящую и разговаривающую с приставом. Когда я подошел, пристав говорил, что „напрасно бросили работать, у вас был лишний рабочий день“. Тогда я говорю приставу, что „все равно, если бы мы работали весь год без прогулов и праздников и тогда у нас не оставалось бы ничего—Морозов все ограбил бы штрафами, нечего тут разговаривать, идемте на старый двор остановим и там“, и крикнул: „марш за мной!“ Все побежали. Пристав остался один. Подходя к старой ткацкой фабрике, мы услышали крик женщины и заметили, что в корпусе уже гасится свет, часть рабочих пошла прямо в ворота домой. Я с небольшой группой побежал на крик женщины и увидел, что женщину избивали сторожа и чернорабочие. Я крикнул своим спутникам „бей их“, те услыша крик бросились прочь от фабрики. Я с товарищами выломал часть звена от огороженного пруда, бросился за ними. В меня пустили оглоблей, но она пролетела мимо и никого не зацепила. Все это так обозлило моих спутников, что мы бросились преследовать убегающих защитников морозовского интереса. Пробежал Плисорезный, выбежали на хозяйственный двор к главной конторе, бросая камнями куда попало, в квартирах конюхов, дворников зазвенели стекла. Толпа все прибывала. Часть с Волковым во главе пошла остановить красильную, я со своими подростками и молодежью побежали в механическую мастерскую, выгнали всех.

Вся фабрика застопорила. Мы с Волковым пошли в Зуево взглянуть, что там делается. Зашли в погребок, там было полно морозовских рабочих, пришлось присесть, выпить стаканчик и поговорить о дальнейшем ходе забастовки.

Во время нашего разговора и обсуждения хода дела, к нам прибежал рабочий и предлагает идти скорей на фабрику; там народ громит продовольственную лавку и хлебную пекарню. Мы с Волковым бросились туда. Прибежав во двор, увидели, что толпа в несколько тысяч человек громит лавку, все ордера, по которым отпускалась провизия, разбросаны по всему двору, тут же было много посторонних, ореховских босяков. С большим трудом нам удалось несколько успокоить народ и кое-как разрядить атмосферу.

Я хотел вызвать директора Дианова, но сказали, что его нет дома: вся администрация попряталась. Прошел всю фабрику. В улице администрации разгромили квартиру мастера Шорина и еще несколько квартир ненавистных конторщиков. По улице все фонари были побиты. Обойдя кругом фабрики я успокаивал и уговаривал не делать этого. Мне отвечали: ладно, он т.-е. Морозов больше с нас крови высосал. И едва я отходил дальше, как сзади снова слышался звон разбитого стекла. Но все же к полудню успокоилось мало мальски, и можно было зайти домой покушать и обдумать, как поступать в дальнейшем. Теперь ясно, что на фабрику потребуют войска, начальство и т. д.

Выйдя из казармы слышу шум: где-то опять что-то громят. Отправляюсь на главную улицу, а там толпа народа задумала разгромить общественный магазин и давай бить ставни, окна и лезть в магазин, но оттуда дали отпор и одного постороннего рабочего лезшего в окно стукнули так, что он откатился замертво. Когда я пришел он лежал еле дыша, толпа кричала, что убили, надо разгромить магазин. Я крикнул, надо прежде убрать зашибленного, отнести в больницу, а потом поговорим, чей это магазин. Отвечают: служащих. А рабочие участвуют в нем? Участвуют, у кого деньги есть. Так что же вы хотите грабить своих! Прочь отсюда, бери больного и неси в больницу. Схватили несколько человек, но так неловко, что больной застонал. Тогда я бросился в сторожевую будку и вытащил с сидения у сторожа рогожу, на которую уложили больного и отнесли в больницу, там фельдшер не хотел принять, пришлось прикрикнуть и заставить делать то, что он обязан и больше не разговаривать.

После этого все стало стихать, а к вечеру и совсем стихло. Мы с Волковым пошли по казармам выяснить ткачам, прядильщикам, а также и всем остальным рабочим, какие требования мы должны пред‘явить. Просили рабочих, чтобы они высказали свое мнение. Требование просили написать, пришлось собраться в квартире одного из участников прежних собраний и начали составлять требования. Первый параграф был — уничтожение штрафа и возврат штрафных за три месяца. 2) Выборный контроль от рабочих при браковке товаров ткачей и прядильщиков. 3) Уплата за прогул по вине хозяина, как-то: когда нет основы или утока

или ровницы и т. д. в размере дневного заработка. 4) Улучшить пряжу для основ и утока и снять негодные основы со всех станков, где таковые окажутся. 5) Вежливое обращение администрации с рабочими. 6) Увольнение с фабрики мастеров, как-то: Шорина и других, которые ненавистны для рабочих. §§ 8, 9 и т. д., вплоть до 17-го, пришлось написать мне. В заключение уплата за забастовочное время. Потом написали письмо министру В. Д. о том, что Морозов говорил рабочим: „что Покров его подметка, а Владимир его карман".

Что с деньгами он все сделает, а рабочих так прижмет, что они будут помнить, а поэтому рабочие местной власти не доверяют и т. д.

На другой день требование было прочитано во всех казармах и получено согласие, что до тех пор не пойдут на работу, пока не удовлетворят всех требований.

День проходит спокойно. К вечеру слышим — прибыли казаки 3 или 4 сотни и ждут еще из Владимира полк солдат и т. д. Мы с Волковым ходим по казармам. Волков уже более от меня не отставал. Мне пришлось ему об'яснить, что „кому-кому, а нам с тобой не миновать тюрьмы, а то и больше, так что будь готов ко всему и на допросе не мешай никого, а говори, что все были и я был, потому, что далее терпеть не было возможности". Также мы говорили и другим, более выдающимся рабочим, мы просили быть как можно осторожнее и не задевать ни казаков, ни солдат, а при удобном случае, раз'яснять им, что они такие же труженики, и если попадут на фабрику, то их также будут душить штрафами, как и нас.

Просили держаться дружно „один за всех и все за одного"...

Казаки, солдаты все прибывали. Начальства наехало столько, что куда не посмотри, всюду начальство: Владимирский губернатор, Московский прокурор Муравьев, Владимирский прокурор, полковники, офицеры, жандармы.

На фабрике всюду тишь. Рабочие сидят по казармам, как будто их нет.

На 4-й день, часов в 10 утра, на переезде железной дороги собрались несколько человек подростков и женщин.

Из ворот старого двора вышел губернатор со свитой и, обращаясь к мальчуганам, говорит: „где же ваш народ, чего они хотят, пусть соберутся и скажут, что им надо".

Мы с Волковым условились, что он подаст губернатору требование, а я пойду по казармам, собирать народ, чтобы выходили на переезд. И скоро собрались с ближайших и дальних казарм. Губернатор уже вышел.

Волков подошел к нему со словами: „ваше превосходительство, защитите нас" и подал требование. Губернатор развернул, посмотрел, дал знак казакам. Казаки врезались в толпу и отделили ту часть, которая ближе была к губернатору, окружили и повели на старый двор. Как только прошли ворота, то все ворота были закрыты и поставлена цепь казаков впереди, а дальше солдаты. Пробраться на старый двор не было возможности, захватили Волкова, прядильщика Яковлева

и с ними 50 человек. Мое предположение оправдалось. Будь мы вместе, нас бы арестовали вместе.

Что оставалось делать? Рабочих собралось тысячи. Я настроил мальчиков — проникнуть на старый двор и найти где-либо проход, а с народом стал напирать на караул. Казаки взялись за пики, солдаты ружья на руку, некоторым из нас попало; меня казак сбил с ног пикой, я упал и лишь только поднялся, слышу крик мальчуганов: „Банные ворота!“ Мы все бросились в банные ворота и прямо к звонкам — зазвонили тревогу во все колокола. А их было около десятка. Народ высыпал на двор. В это время ко мне подбежал мальчуган и говорит:

— „Я знаю где арестованные“.

— „А караул есть?“

— „Нет...“

И мы с мальчуганом побежали.

Добежавши до корпуса, где сидели арестованные, мальчуганы повели меня вверх по лестнице. Никого нет. Вбегаю в помещение, там человека 4 мальчуганов и только.

— „Где же арестованные?“

Мне указали на дверь в соседнее помещение. Дверь была заперта. Вижу стоят длинные скамейки 9-ти-аршинные.

— А ну-ка, ребята, давай скамейку!

Подняли, размахнулись, раз — дверь растворилась немного, другой раз — бац, и дверь и загородки разлетелись. Вижу товарищей. Кричу им: „Выходи!“ Мимо меня побежали, я стоял пока выйдут все, но человек 7 осталось. Я им крикнул:

— „Что-же вы не желаете?“

— „Нет!“

Я побежал вниз. Лишь только выбежал, а там уже свалка: рота солдат отбивала народ от помещения. Я успел только крикнуть: „Отходи!“

В это время солдат татарин штыком пырнул меня прямо в грудь. Я схватился за ружье, вырвал и бросил обратно в солдат.

Народ отошел по одну сторону, солдаты в другую, ружья на руку. Я стал кричать солдатам:

— „Кого вы бьете? Ваших братьев, сестер! Разве вам дороже Морозов, чем сестра, брат?“

И обращаясь к рабочим крикнул:

— Отходи дальше!

Так мы разошлись. Волкова и прядильщика не было с арестованными, (они были где-то в другом месте, а где, никто не знал).

В это время показалась свита губернатора, солдаты взяли на караул. Губернатор Московский, прокурор судебной палаты Муравьев, полковник — верхом на лошадях приблизились к нам. Ранено было человек 14 легко.

Мы тоже выстроились и ждали что будет. Первым начал говорить губернатор:

— „На каком основании вы освобождаете арестованных?“

Я выступил и говорю:

— На том основании, что арестованные вами рабочие настолько же не виноваты, как и все мы остальные. Не лучше-ли было-бы прежде всего арестовать Морозова и всех тех, которые безнаказанно грабили нас рабочих?

— „Губернатор и начальство знает, что делает".

Я отвечал:

— „И это тоже знает, как калечить людей"?—указывая на раненых.

Полковник, сидящий на лошади, говорит губернатору:

— „Этого надо арестовать"—указывая на меня.

Я обращаюсь к полковнику и говорю:

— „Арестовать вы всегда умеете, на это вы мастера"—беззащитных мучить и терзать.

В это время рабочие сомкнулись тесным кругом и затерли меня в средину, крикнув:

— „Расходись!"

И всей массой двинулись со старого двора.

Я своей раны не чувствовал вплоть до позднего вечера. Все время приходилось ходить по казармам и агитировать за освобождение Волкова. Вечером я ушел на соседнюю фабрику к т. Луке, Абраменко и брату, с которым жила наша воспитанница.

Как только я разделся, то почувствовал на груди что-то мокрое. Глянул: кровь. Значит, штык достал до тела. Осмотрели—рана не глубокая, кровь уже сама собой перестала сочиться. Посоветовались с т. Лукой. Попросил его всю переписку спрятать подальше, чтобы не попала в руки жандармов.

На утро рано отправился к Морозову.

Придя на фабрику, увидел, что всюду караулы расставлены, даже возле казарм.

Я зашел к себе, спросил жену, искали меня или нет. Оказалось, что никто не искал.

Напился чаю, покушал и пошел собирать народ.

Собрание назначил возле 1-й казармы. На собрание собрался весь народ, даже старухи и дети. Пришлось много говорить о том, как трудно рабочему бороться с капиталистами. Правительство все целиком на их стороне, так что нам приходится вести борьбу по всем фронтам, а для этого надо тесней сплотиться и общими силами дать отпор. „Один за всех, и все за одного!"

К собранию подходит офицер и говорит, что „губернатор просит, чтобы выбрали несколько человек и послали к нему для переговоров".

Подойдя к офицеру, я обратился к нему с просьбой, передать губернатору нашу просьбу освободить всех арестованных прежде всего, второе—вывесить об'явление, как ответ на наше требование. Когда губернатор исполнит, тогда и мы пойдем и будем обсуждать, а до тех пор мы остаемся при своем мнении.

Офицер ушел, обещая в точности доложить обо всем, прося нас разойтись, ввиду возможного столкновения с войсками.

Мы в свою очередь решили, что если губернатор ничего не сделает, то подать телеграмму министру В. Д.

Никто из рабочих не брался подать телеграмму. Поручили все делать мне.

Я сказал рабочим, что здесь на станции подать нельзя, придется быть может добраться до Москвы.

Я согласился с тем условием, что рабочие ни на какие сделки не пойдут до тех пор, пока я возвращусь.

Вечером этого дня устроили собрание всего народа и двинулись к главной конторе, к губернатору, требуя освободить Волкова и других. За такое требование нас казаки отстегали нагайками.

Я ушел и ночевал на фабрике Зимина и до света ушел в Литино. В Литине переоделся и отправился на станцию Дрезна.

Видя, что и здесь ничего нельзя сделать, пошел пешком в Павловский поселок. Зайдя в гостинницу, заказал чаю, сижу и наблюдаю, что творится, а была уже ночь.

Ко мне подошел один, другой. Спрашивают: откуда?

Я сказал, что из такого-то села, еду в Москву за сырьем и т. д. Ну, думаю, попал, арестуют.

Слышу, подходит поезд.

Я улучил минуту, когда мои преследователи вышли, и вышел, но вместо станции пошел в посад, а оттуда по дороге в Ямщицкий лес и в Богородицк. Пришел в Клюево к знакомой, спрашиваю:

— „Как у вас на фабрике, все по старому“?

— „Какое там по старому. Как только узнали, что у Морозова „бунт“, у нас зашевилились было, но контора вывесила об‘явление, что все штрафы прощаются и увеличивается плата на каждый кусок по 10 коп.“.

— „А пройти к вам на фабрику можно будет?“—спрашиваю.

— „Что ты, разве можно, никого не подпускают близко, а о тебе тут поговаривают, смотри не попадись“.

Так я из Богородицка до Москвы шел пешком. Думал в Москве кого-либо найти из интеллигенции; за два дня я никого не мог найти. Рабочие, родственники и знакомые не знали ни одного адреса.

Пришлось возвратиться в Орехово с тем, чтобы спасти всех и взять всю вину на себя.

Слез я в Брезне и пошел в Литино узнать, что делается.

Лишь только вхожу в Литино, меня останавливают и говорят, что вот тут уже вторую ночь, как караулят меня, но зная моего отца, посоветовали идти в село Гора и скрыться, потому что отдан строгий приказ по всем деревням об аресте меня и приметы указаны и т. д.

Я сказал:

— „Нет, дайте мне зайти к брату, а через полчаса или час придите и арестуйте меня“.

Так и сделали.

Пошел я в квартиру брата, а они остались, как-будто не видали.

Пришел в квартиру, там одна воспитанница; Лука и брат арестованы. У Луки забрали всю переписку и т. д.

Я переоделся, приготовился и стал ждать, когда ко мне придут.

Посадили пока на С'езжей, а утром рано приехали жандармы и увезли на фабрику Морозова.

На первом допросе у следователя я отказался от всяких показаний и попросил дать бумаги, чернил н написать протокол самому.

Позвали к жандармскому полковнику, там тоже самое.

На другой день позвали к прокурору (оказалось приехал обер-прокурор Добржинский), кажется из Питера.

Должен оговориться: фабрика не работала, некому было работать, всех почти арестовали и разослали по тюрьмам. Делали так: подавали порожняк прямо во двор фабрики, забирали всех подряд и отправляли в Москву, Покров, Владимир и оттуда на родину. Это было уже 17-го января (остались дети да старухи, моя жена спаслась тем, что была на другой фабрике у Елиса).

Вот этот-то обер-прокурор и обратился ко мне с вопросом, почему я отказываюсь от показаний?

Я об'яснил:

— „Дайте чернили, бумаги, я об'ясню все сам".

Добржинский обрадовался и сказал:

— „Вот вам комната, садитесь и пишите. Обед и чай подадут".

Я попросился сходить в помещение, где сидел, за табаком.

Доброжинский предложил папиросы.

Так я начал писать свой протокол и все до мельчайших подробностей брал на себя. Описал, что едучи из Сибири у меня уже был намечен план, если кто виноват во всем этом—это я, никто больше.

Два дня писал я свой протокол, после этого попросил и следователь написать, но только то, что произошло на фабрике Морозова, не касаясь другого, дал заготовленный бланк со статьями, по которым я привлекался за стачку, за содеянное во время стачки и за нападение на военный караул и освобождение арестованных 308 ст., грозившая от 12-ти до 15-ти лет каторги.

Когда я кончил протокол и подписал, позвал следователя и говорю ему:

— „Неужели вы думаете меня напугать каторгой? Раз я иду за народное дело, то мне не страшна ваша каторга".

Тогда следователь говорит:

— „Вас будут судить судом присяжных, и я вперед говорю, что суд вас оправдает, а эта статья, одна проформа". Пожелал мне бодрости и не падать духом.

И в ночь меня отправили во Владимирскую губернию, где и пришлось просидеть год и 10 месяцев в одиночке. Волков сидел в общей с уголовными, Лука Абраменков в одиночке.

Луку через 10 месяцев освободили под надзор полиции на родину, а мы с Волковым остались, да еще один старик за кражу во время разгрома магазина.

К суду было привлечено 53 человека, трое нас, как руководителей, остальных за найденные вещи при разгроме. Тут была и мука, крупа, и масло, шторы с окон и с квартиры и одна книга „Механическое ткачество“.

Так закончилась Морозовская забастовка, которая всколыхнула весь Московский район, все трещало, опасались всеобщей забастовки.

П. А. МОИСЕЕНКО

К воспоминаниям тов. Моисеенко

Воспоминания тов. Моисеенко, одного из немногих оставшихся в живых пионеров Рабочего движения, представляют большую ценность. Отдельные места этих кратких воспоминаний, имея большое историческое значение, требуют более детального освещения, как наприм., воспомнание о Северо-Русском рабочем союзе, о первых стачках и других.

Ввиду тяжелой болезни тов. Моисеенко, находящегося сейчас в Харькове, редакция была лишена возможности, совместно с автором, дополнить соответствующие места его воспоминаний, что будет сделано при первой малейшей возможности.

РЕДАКЦИЯ

Из жизни Спилки[1])

(По личным воспоминаниям)

Память не всегда достоверный свидетель пережитого. Собираясь писать свои воспоминания о работе Спилки, я должен заранее оговориться, что в моем распоряжении нет, к сожалению, ни одного документа, на основании которого можно было-бы с большей точностью восстановить прошлое, по крайней мере его важнейшие этапы.

Основателем Спилки, как крестьянской организации, является украинская интеллигенция, с обычными для нее народническим и национальным уклонами. Усиленный процесс дифференциации среди этой интеллигенции начинается, примерно, к концу 1903 года. Еще долгое время сохранялись тесные связи между украинскими радикалами (группа братьев Шеметов), украинскими эс'ерами и социал-демократами. Из этих весьма пестрых группировок и выделились те, которые пошли на сближение с Р.С.-Д.Р.П. и положили основание крестьянской Спилке.

Этой дифференциации способствовал, несомненно, характер работы среди крестьян. На Украине имелось сильное батрачество, на экономиях, сахарных и винокуренных заводах. Уборка урожая, копка бураков на свекловичных плантациях привлекали тысячи и десятки тысяч рабочих рук. Ежегодно к летним полевым работам по Днепру и Сожу пускались пароходы, переполненные крестьянами из смежных с Украиной губерний. Они распределялись по экономиям и сахарным заводам Киевщины, Подолии, Полтавщины. Налицо, таким образом, имелась благодарная почва для организации сельского батрачества и для защиты экономических интересов крестьянства, попадавшего в зависимость от помещика и завода.

Именно этим можно об'яснить легкость, с которой зарождались и усиливались на первых порах селянские организации Спилки, и успех, который выпал в этом отношении на долю социал-демократических организаций. Условия работы среди батрачества, несомненно, ускорили процесс дифференциации среди украинской революционной интеллигенции, предупредили ее сближение с Р.С.-Д.Р.П. Другим моментом, который способствовал такому сближению, являлась необходимость иметь базу для сельской работы.

---

[1]) Редакция, ставя одной из своих очередных задач выяснение истории зарождения и развития „Спилки", просит работников, принимавших участие в ее деятельности, прислать свои воспоминания в редакцию „Летописи Революции".

Мое первое знакомство с работниками Спилки, еще до ее организации, относится к 1904 году. После провала с типографией в Бердичеве я уехал за-границу. По ту сторону Австрийской границы я был задержан и посажен в довольно скверную Австрийскую тюрьму, откуда был освобожден, благодаря хлопотам украинских эсдеков.

Во Львове, где я пробыл короткое время, я познакомился с Меленевским (Баском) и группой украинцев. Часть этой публики поддерживала связь с контрабандистами—держала Австрийскую границу, переправляя, главным образом, транспорты „Искры" и другой социал-демократической литературы. Они же были тесно связаны с галицийскими рабочими организациями, участвуя в их работе. Часть будущих спильчан, как Грицько (Долженко), работавший в типографии „Искры" в Женеве, находились в эмиграции. Переезд значительной части руководителей Спилки в Россию относится к 1905 году, когда после 9 января создались условия для массовой работы. Со второй половины 1905 года начинается усиленный рост Спилки. Средоточием работы был Киев, где к тому времени находится Петр Кириенко, Басок и др.

Мое непосредственное знакомство с работой „Спилки" начинается с 1906 года. Наш нелегальный век бывал обычно очень недолог. 3-4 месяца работы на каком-нибудь месте и затем неизбежный провал, поскольку само содержание работы сводилось к установлению непосредственных связей с заводами, к выступлениям на массовках, заводских митингах и т. д.

Чувствуя неизбежность провала, я, вскоре после выхода из Киевского комитета, уехал в небольшой уездный городок Киевской губернии —в Сквиру. В самой Сквире организация была ничтожная, но зато в уезде имелось сильнейшее крестьянское движение, находившееся целиком под влиянием Спилки.

В последствии, в 1906 и 1907 годах, крестьянские организации были разбиты. В период моего пребывания в Сквире было много вполне сознательных социал-демократов среди крестьян нашей организации. Имелись члены организации, читавшие „Капитал" Маркса. Из Сквирского уезда поехал на Лондонский с'езд Партии единственный делегат-крестьянин Петр, (фамилии не помню).

В Киеве в это время душой Спилки являлся тов. Ларин, организовавший в большом масштабе выборную кампанию во вторую государственную думу. Он и сам решил под фальшивой фамилией пройти в депутаты. Местом, которое должно было послать его уполномоченным в уездное собрание, было намечено одно из сел Сквирского уезда, кажется Березовка.

За несколько дней до выборов мы с Александром Сквирским (кличка), работавшим в уезде, нашли явки, куда должны были приходить наши уполномоченные крестьяне. Явку мы назначили в аптеке, воспользовавшись услугами распропагандированного фармацевта, установили пароль для приезжающих и стали дожидаться дорогих гостей. Выборы по селам превзошли наши ожидания.—Большинство уполномоченных с

видом заговорщиков являлись в нашу аптеку. На устроенном собрании был намечен список выборщиков—крестьян. В него вошли наиболее энергичные сельские работники т.т. Петр, Андрей и др.

Накануне выборов приехал Ларин и остановился на моей квартире. В сивой шапке и крестьянском кожухе он рассчитывал, очевидно, что ему удастся остаться незамеченным в толпе уполномоченных. Скрыть наши действия в таком маленьком городке, как Сквире, было, конечно, невозможно. В день приезда Ларина полиция нагрянула на мою квартиру, при чем Ларину, физически немощному человеку, удалось спастись, только благодаря квартирной хозяйке, которая буквально, перебросила его через забор.

С нашими крестьянскими уполномоченными полиция расправилась самым безцеремонным образом. Она просто запретила их выбирать. Через 2—3 дня в Киеве, куда мне пришлось сбежать после Сквирской передряги, я прочел в „Киевской Мысли", что выборщиками от крестьян Сквирского уезда прошли умеренно-правые. Увы, к великому разочарованию полиции, это была все таже публика, которая являлась к нам в аптеку с условленным паролем. Среди них Сахно, избранный впоследствии в Государственную Думу и другие.

Из Киева через короткое время я поехал на постоянную работу в Полтаву. Выборы в Государственную Думу и там еще не были закончены. Через несколько дней туда же прибыл Ларин для участия в проведении губернских выборов. Переговоры о кандидатурах велись на европейский манер. В квартире социал-демократа, члена Полтавского комитета, Сахарова, статистика земской управы, происходили совещания с участием Ларина, Виталия Перекрестова, Поддубного, прошедшего выборщиком по крестьянской курии, и представителя Ц. К. Бунда, который рассчитывал провести от Полтавы своего депутата. Переговоры велись с эс'эрами и кадетами о распределении мест, но и тут безцеремонность полиции, опекавшей крестьянских выборщиков, не хуже классных дам в институте благородных девиц, разрушила немало предвыборных планов.

Вообще следует сказать, что весна и лето 1906 года, когда Спилка охватившая губернии Полтавскую, Киевскую, Черниговскую, Волынскую и Подольскую, слилась с городскими социал-демократическими организациями (не вошел один только Киев, хотя переговоры о его вхождении в организацию велись довольно долгое время), были периодом наиболее мощного расцвета организации, после которого ей никогда уже не приходилось подняться на ту же высоту.

В Полтавскую городскую организацию входили, кроме упомянутого Сахарова, несколько молодых товарищей, Александр и Андрей, работавшие преимущественно, на селе. Я руководил городской организацией, которая имела обширные связи в депо и мастерских. В железнодорожном районе, начиная с 1905 года установились прочные революционные традиции. Шпики, которые обычно наседали на нас в городе, останавливались у моста, ведущего в железнодорожную слободку. Самодельное оружие—толстые железные палки—которые выделывали себе наши рабочие,

отбивали у шпиков всякое желание проникать в слободу. Здесь у нас был сильный рабочий коллектив. Обычным способом агитации являлось устройство митингов во время перерыва в работе. Несмотря на присутствие жандармов, нам без большого труда удавалось проникать внутрь мастерских, устраивая короткие летучие митинги.

В железнодорожном районе мне впервые пришлось столкнуться с украинскими социал-демократами, которые имели там своего организатора. Они не пользовались никаким влиянием и насчитывали всего несколько человек. Помню, что тот же организотор пытался следовать за мной в моих хождениях по заводам. Наша подпольная мораль вполне допускала и механическое устранение противника. Рабочие, входившие в нашу организацию, не допускали выступлений представителей других партий, ревниво оберегая влияние с.-д. организаций.

В городском районе имелись все разновидности еврейских национально-социалистических партий и наряду с ними наша организация из учащихся и ремесленников. В ней незадолго работал портной Городецкий и Виктор Зеленский, впоследствии плехановец, погибший на франко-германском фронте, куда патриотическая агитация Плеханова увлекла его, наряду со многими другими парижскими эмигрантами.

Работников для села нам давали, главным образом, фельдшерская школа, семинария и школа садоводов. Почва для сельской работы в Полтавской губернии была в достаточной мере разрыхлена 1905 годом.

Еще тогда в Пирятине и Лохвице были образованы свои республики. В Пирятине была разбита тюрьма, в Лубенском, Лохвицком, Пирятинском и Роменском уездах крестьянское движение не затихало и в 1906 году. Обычной формой работы являлись крестьянские конференции, где, наряду с вопросами политического характера, разрешались и вопросы местного значения. Организовались крестьянские стачки, которые привели к тому, что цены на рабочие руки поднялись на селе довольно высоко.

Весной 1907 года нами была созвана губернская конференция, на которой было представлено большинство уездных организаций Полтавщины.

На конференцию приехал и Ларин, который в то время в Спилке уже не работал, желая получить мандат на партийный с'езд. Конференцию чуть было не накрыла полиция, явившаяся на квартиру, где мы заседали, через несколько минут после нашего ухода. Пришлось перекочевать в железно-дорожную слободу, где совещание удалось закончить без дальнейших помех. Помню, на участников нашей конференции несколько неприятное впечатление произвело, когда тов. Ларин сам предложил дать о себе сведения при обсуждении кандидатур в делегаты. Он был тогда меньшевиком, как и мы все, знали—автором „Широкого рабочего с'езда", и некоторые колебания на его счет у нас имелись. В результате он был выбран и с того момента к работе Спилки уже не возвращался. На этой же конференции я и тов. Андрей были избраны членами главного комитета Спилки от Полтавской губернии. Насколько помню, это был единственный случай, когда члены комитета были делегированы непосредственно от губернии.

Несколько месяцев работы в Полтаве привели к тому, что я стал известен всем шпикам, которые упорно сопровождали меня, куда бы я ни шел. В жел. дор. слободе жил тогда, недавно освобожденный из тюрьмы провокатор, Манько, который состоял членом нашей организации. В то время он был еще, очевидно, безвреден. По крайней мере ни меня, ни многих других работников, чуть ли не ежедневно являвшихся к нему на квартиру, он тогда не выдал. Я и Зеленский по указанию шпиков были задержаны на улице при массовой облаве, накануне 1-го мая. Документы у меня внешне были в порядке. Я назвал свой адрес, дал подписку о невыезде и был освобожден. В тот же вечер полиция принялась за поиски, но я успел укрыться в безопасном месте и после некоторого вынужденного карантина уехал из Полтавы.

В Киеве в то время в Главном Комитете работали Николай (Ткаченко), Грицько (Долженко), вскоре уехавший на Стокгольмский партийный с'езд. К ним примыкала группа лиц, принимавшая ближайшее участие в работе — Сорокер (Леонид), Рахиль, бывшая фактическим секретарем Главного Комитета, директор сахарного завода Рашевский, старый народник, умерший в 1915 году в Петрограде, Павел Завадский и другие. Близкие отношения со Спилкой поддерживал Тучапский, в прошлом член Главного Комитета, выступавший в провинции с рефератами по национальному вопросу.

Вся верхушка Спилки состояла из меньшевиков. Такое же положение было и в провинции. Делегатами на Стокгольмский с'езд были посланы исключительно меньшевики. Корни меньшевизма были скрыты в условиях спилковской работы.

„Спилка“ была „болотом“ уже по одному составу своей организации, в которую входили, наряду с батрацкими и крестьянскими элементами, ремесленные рабочие городов и местечек (к Стокгольмскому с'езду, если мне не изменяет память, насчитывалось 13.000 членов организации). Масса, как это бывало не в одной только Спилке, была совершенно индиферентна к фракционным вопросам. Содержание работы в городской организации сводилось к устройству кружков, массовок, проведению отдельных политических кампаний (выборы в думу, выпуск листовок) и руководству экономической борьбой. Масса была революционной, поскольку революционными тогда являлись все подпольные организации.

На болотистость Спилки влияли при этом еще следующие обстоятельства.—Сельские организации не могли носить столь же оформленного характера, как организации городские. Работа расширяясь охватывала различные слои крестьянства, что должно было, конечно, влиять на классовую выдержанность организации. Не меньшее значение имело и то, что, начиная с 1905 года Спилка, превратившись в массовую организацию, повела за собой мелко-буржуазные, городские элементы, которые совершенно искренне в то же время полагали, что социал-демократия является выразительницей их политических интересов.

Какой своеобразный характер принимали иногда местечковые организации можно видеть хотя бы на примере одного из местечек Киевской

губернии. Организация пользовалась там неограниченным влиянием, имела своего полицийместера и прочих чинов. Населением она была окрещена довольно странной кличкой — „Контрибут“. Очевидно, потому, что для добывания средств на партийные нужды она прибегала к обложению купцов и лавочников. Организация об‘явила как-то бойкот жителям соседнего местечка, отказавшегося подчиниться одному из ее решений. Бойкот был проведен с надлежащей твердостью, местечко, что называется, было лишено воды и огня и должно было сдаться на милость победителя. С президентом местечковой республики, полицийместером и другими второстепенными чинами, я встретился летом 1905 года в Бердичевской тюрьме, где они судились за участие в преступном сообщничестве „Контрибут“.

Деловой оппортунизм и кажущаяся нефракционность спилковских организаций послужили основанием для тов. Троцкого, когда он,в противовес существовавшим фракционным делениям, пытался в 1911—12 г.г. начать дело партийного об‘единения снизу, использовывая для этого уже померкший авторитет Спилки.

К весне 1907 года, когда я переехал в Киев, у Спилки была своя типография в Киеве на Тарасовской улице, которой заведывал гимназист, мальчик лет 16—17. Нашей центральной явкой, которую знали все местные организации—был магазин издательства „Донская Речь“, служивший нам также для подбора и распространения литературы в городе и на селе. Заведывающий магазином студент социал-демократ был связан с нами.

В квартирах для явок, вообще, тогда не было недостатка. Их предоставляла учащаяся молодежь, врачи (одна из постоянных явок была у зубного врача Фейгина по Васильковской), адвокаты и т. д.

В связи с подготовлявшейся Спилковской конференцией, я вскоре выехал в Черниговскую губернию для подготовки к выборам и ознакомления с работой местных организаций. В течение месяца я успел посетить Чернигов, Гомель, Конотоп, Новозыбков, Глухов, Семеновку, Шостку, Клинцы. В Чернигове тогда работала группа местных интеллигентов, среди них Варвара Полуботок, Богуславская, Роман Ганжа. В комитет, помимо интеллигентов, входило 2-3 приказчика. Большой интерес представлял тогда Гомель, где массовое движение шло уже на убыль.

Влияние Бунда, благодаря усилению С. С. и Поалей-Цион, а также полицейским репрессиям, значительно пало. Все же уличные биржи были очень многолюдны. Наша работа велась среди городских ремесленников. Имелись также прочные связи среди железнодорожников. Сравнительно крупная организация была в посаде Семеновке, где население почти сплошь состояло из кустарей-сапожников. Сравнительно слабой была Клинцовская организация после проведения там нескольких массовых стачек. Наиболее сильной организацией в тот период была Конотопская. Городские ремесленники представляли в ней только придаток к сильному жел. дор. району. Железнодорожный коллектив состоял исключительно из рабочих, включая 1-2 интеллигентов (они были изловлены впоследствии

и пошли в ссылку на поселение). Коллектив был самостоятелен, все вопросы разбирались и решались коллегиально. В повестке дня, обычно, всегда стояли свои местные железнодорожные дела. Из Черниговских организаций Конотопская была одна из наиболее оформленных и пролетарских по составу своей верхушки.

На нашей работе, значительно разросшейся в течение 1905 г., к тому времени лежал уже отпечаток, характерный для послереволюционного периода. Это сказывалось пока не в упадке настроения, а в замыкании организаций в самых себе, в отсутствии открытых выступлений. Мое посещение, насколько я помню, сводилось к созыву и участию в собрании местных комитетов, где разрешались вопросы о конференции и налаживании связи с Главным комитетом, а также к выступлениям на рабочих массовках.

В этом, в большинстве случаев, заключалась работа всякого партийного гастролера.

В мае и июне в Киеве собралась Спилковская конференция. Мы выбрали местом собрания политехнический институт, расположившись в одной из больших аудиторий. Разговоры наши продолжались недолго. По телефону нам сообщили, что полиция проведала о конференции и собирается нагрянуть на институт. Большинство наших делегатов уселось в проходивший вагон трамвая, заняв его почти целиком. На передней площадке разместились делегаты конференции украинских социал-демократов, которые также собрались в политехническом. Среди делегатов был Порш и, насколько я помню, Винниченко. Их было всего несколько человек, свободно уместившихся на площадке. Это вызвало шутливый обмен мнений о реальном соотношении сил между нами и У. С.-Д.

С того времени на площадку к Винниченко и Поршу переселo немало попутчиков. Тогда же особенно в городах они представляли собой действительно ничтожную величину. Национальный вопрос не выходил за пределы теоретических дискуссий. Спилка не в меньшей мере, чем У. С.-Д., обладала кадром агитаторов, говоривших по-украински, и свои прокламации и литературу для села издавала большей частью на украинском языке.

Нашей конференции так и не удалось собраться. Часть работников была к тому времени на Стокгольмском с'езде. Ткаченко, Рахиль и Сорокин решили воспользоваться летними каникулами и отдохнуть на даче вблизи Киева. Секретарство в Главном Комитете было передано мне. Небольшую инициативную группу удалось составить, кооптировав временно в комитет Рашевского, ведавшего нашими денежными делами, и еще одного старого спильчанина, фамилия которого выпала из моей памяти. Работа в то время сводилась к поддерживанию постоянной связи с местными организациями, распределению работников, приезжавших к нам извне, или перемещавшихся из одного района в другой. Одновременно использовывалась наша типография, где был напечатан ряд прокламаций в связи с летними полевыми работами.

Наша работа продолжалась недолго. Кажется, к началу августа я как-то утром, по обыкновению, поднялся к Рахили. На 4-ом этаже на

табуретке сидя дремал городовой, утомленный бессонной ночью после обыска. Я бесшумно с‘ехал по перилам, ускользнув, таким образом, от засады. Одновременно с Рахилью была арестована и наша типография, с которой сел гимназист, на квартире которого она находилась, и рабочие: Бондаренко, Раковский и Медущенко.

Через несколько дней была нарушена дачная идиллия Ткаченко и Сорокина. Полиция захватила их врасплох и они не успели скрыть список местных явок, который взяли с собой, чтобы на досуге зашифровать. Провалилось около 300 адресов, что было, конечно, самым сильным ударом для всей Спилки. Обыск был произведен и в магазине „Донской Речи“, причем заведывающему удалось скрыться. Через несколько дней шпиками и городовыми был задержан я вместе с тов. Алексеем, вернувшимся с партийного с‘езда.

Все необходимое для создания крупного процесса имелось в руках жандармов и прокуратуры. Так возникло первое дело о ликвидации Главного комитета Спилки. На местах еще долгое время производились аресты по захваченному списку наших явок. Прокурор на первых порах намерен был связать нас с работниками, захваченными на местах, в один процесс.

В Питере при аресте социал-демократической фракции были найдены документы, устанавливающие нашу связь с ней. Заманчивую перспективу связать нас с думской фракцией и создать грандиозный по количеству участников процесс, прокурору пришлось бросить, очевидно потому, что некогда было с нами возиться так долго. Мы просидели свыше года в Лук‘яновке и предстали перед Киевской судебной палатой, которая судила нас по 126 статье уголовного уложения (принадлежность к преступному сообщн. и т. д.). На суде прокурор, ссылаясь на резолюции Стокгольмского с‘езда, в которых меньше всего были повинны делегаты Спилки—сплошь меньшевики, требовал для нас примерного наказания. Я и несколько моих сопроцессников признали свою принадлежность к партии.

В результате я, Ткаченко, Рахиль, Сорокер, Волгин, студент, приехавший к нам на работу из Питера, и трое рабочих, взятых в типографии, были осуждены к ссылке на поселение. Гимназист, на квартире у которого находилась типография, был приговорен к помещению в колонию для малолетних преступников. Это было снисхождением со стороны суда, вызванным, очевидно, тем, что мать его на суде стала бормотать что-то о жидах и студентах, совративших с пути истинного ее сына (сын во время показаний матери молчал). Только один из участников процесса—Добродеев, против которого не было достаточных улик, отделался одним годом крепости.

Полиция была чрезвычайно заинтересована в аресте Долженки, который считался одним из активнейших спильчан. Уже во время нашей сидки он был пойман и притянут к процессу. Благодаря помощи извне, ему удалось бежать из участка и затем выехать за-границу. В тюрьме приходилось сталкиваться очень часто с публикой, которую полиция постепенно изымала из обращения по попавшему в ее руки списку

адресов. С ними расправлялись в упрощенном порядке, направляя, главным образом, в административную ссылку. Еще до нас были задержаны Скрынников и Павел Завадский (бывш. член Главного Комитета), которые судились как спильчане и были приговорены к ссылке на поселение. Вместе с нами сидели в Лукьяновке активные работники Житомира, Конотопа, Подолии (Александр Подольский), из которых каждый персонально судился за свои революционные грехи.

Ликвидация шла на всех парах. В 1908 году была захвачена вновь организовавшаяся типография Спилки и группа молодых работников (Григорий и Петр—студенты Киевских высших учебных заведений). Вторым процессом Спилка, как областная организация, была окончательно ликвидирована. Местные организации продолжали еще существовать, но областной был нанесен непоправимый удар, после которого она не могла уже оправиться. Решающее значение сыграла, конечно, перемена политической обстановки и все усиливающаяся реакция.

В 1912 году, после побега из ссылки и 2-х летнего пребывания за-границей, я решил вернуться в Россию и связаться с остатками наших организаций на Юге. Во Львове в это время жил Басок, который, несмотря на распад Спилки, все же оставался ее неизменным патриотом. К нему я обратился за связями и переправой за-границу.

Характерны те настроения, которые имелись у него, являющегося одним из основателей Спилки. Приближался период мировой войны. На возможности военного столкновения строились рассчеты многих угнетенных национальностей. У Баска была в то время вполне определенно выраженная австрийская ориентация. Он полагал, что самым лучшим было бы отделение Украины от России, ибо самая реакция и национальный гнет, по его мнению, являлись неот‘емлемой чертой не только царского режима, но и отсталости великоруссов-москалей. Недоброе чувство не только к царизму, но и к москалям, конечно, только в допустимых „социал-демократических“ пределах он неоднократно высказывал в разговоре со мной.

Та эволюция, которую он проделал впоследствии, пойдя на соглашение с полуофициальными австрийскими и германскими организациями, была вполне законным завершением давно начавшегося процесса. Надежда на русскую революцию привлекла украинских интеллигентов в ряды Р. С.-Д. Р. П. Уверенность, что русскую реакцию собственными силами преодолеть нельзя, толкнула тех же интеллигентов на поиски за внешней силой в об‘ятия империалистов.

Во всяком случае, Меленевский не был мелким продажным человеком, который пришел к своему грехопадению из любви к германским бутербродам, как это пытался изобразить Алексинский.

Национальные симпатии, вскрывшие внутреннюю сущность украинских основоположников Спилки, проявились не у одного только Меленевского. Другой старый спильчанин—Долженко после февральской революции вошел в Центральную Раду и от нее же вошел в состав делегации на созванное Керенским Московское совещание.

Мне помнится тогда его выступление, когда он в полном согласии с Винниченко и присными из генерального секретариата в резкой форме требовал отделения Украины.

Из-за границы в 1912 году я приехал в Киев, где по указанию Баска познакомился с Александром Росновским (его приемником), поддерживавшим связи с за-границей и некоторыми местными организациями, главным образом, Полтавской губернии. Через него я познакомился с работниками Киевской организации, которая к тому времени была несколько ослаблена арестами братьев Пятаковых, Аронштама и группы молодежи.

Из 4-х человек: Николая Гаврилова, Александра Росновского, Иосифа Левика и меня, было образовано провинциальное Бюро, которое я и Росновский предполагали впоследствии преобразовать в Спилку.

В самом Киеве у нас были старые связи в лице спильчан, успевших во время прежних ликвидаций избегнуть ареста. Настроение среди них и в так называемом обществе, которое не так давно оказывало нам всяческое содействие, было далеко не то, что в 906 и 907 г.г. Публика была настороже, благодаря непрекращавшимся репрессиям и кроме того, относилась с большим сомнением к нашим подпольным затеям.

Помню, Войталовский, фельетонист „Киевской Мысли", когда-то считавший себя большевиком, в ответ на мое обращение к нему за денежной поддержкой для организации предложил мне 2 рубля и добавил к этому несколько слов об опасности и бесполезности подпольной работы. Старые спильчане, в том числе один из них, входивший одновременно со мной в Главный Комитет, не отказывая в поддержке, в то же время изливались в ламентациях о том, как все изменилось и какими свиньями стали люди, (в том числе и говорившие!)

Нам без большого труда удалось завязать связи с Черниговом, Кременчугом и отдельными уездами Полтавской и Киевской губерний.

Организации, каждая сама по себе, не умирали. Имелась некоторая почва для работы. Помню, в Фастовском уезде мы пытались даже принять участие в выборах в 4-ую государственную думу.

Возродить Спилку нам не удалось. Вина была не только в реакции, но и в резком сдвиге в общественных настроениях. Те же самые социальные группы, которые считали Спилку своим идеологическим представителем, выступили в 1917 году под новым забралом. Национальный момент, который, казалось, не играл никакой роли в период расцвета Спилки, обнажился и борьба пошла по совершенно иному водоразделу, чем это было в 1906 и 1907 годах.

АРНОЛЬД РИШ

„Бунд“ в Черкасском районе в 1904-5 г. г.

Начало организованного соц.-дем. движения в Черкассах должно быть отнесено к зиме 1903—1904 г.г.

В промышленном отношении город выделялся своим табачно-махорочным производством, с известной фирмой Зарицкого во главе, и своими лесопильными заводами и складами. На окраине города был также большой сахарный завод.

Благодаря своим учебным заведениям в городе был всегда довольно значительный кадр интеллигенции, вербовавшийся главным образом из десятков и сотен экстернов, стекавшихся сюда с разных концов.

Таким образом, тут были налицо оба элемента—и „рабочая стихия“, и развитая „интеллигентная сознательность“, необходимые для первоначального развития социалистического движения.

Я лично приехал в Черкассы экстерничать осенью 1903 г. Вскоре после моего приезда я познакомился с одним гимназическим кружком, в котором проходили политическую экономию по Богданову и историю культуры по Липперту. Руководителями кружка был некий Ефим (фамилию его не помню, кажется Гудзинский) и еще кое-кто из экстернов уже зараженных соц.-дем. идеями.

Я был тогда еще сильно увлечен сионизмом и вел частые споры с некоторыми участниками кружка. Тем не менее, новые книги меня вскоре живо заинтересовали и с большим усердием я принялся за их изучение. К концу зимы я уже серьезно штудировал первые главы „капитала“ о теории стоимости, товаре и деньгах.

Не у одного экстерна на столе, наряду с физикой Краевича, алгеброй Давыдова и др. учебниками, можно было встретить в этот период „Капитал“ Маркса, книги Бельтова, В. Ильина и др.

Для Черкаской интеллигенции это был период выработки марксистского миросозерцания, подготовки теоретических основ для будущей соц.-дем. работы. О политически оформленных группировках не было еще и речи. Дело ограничивалось кружковыми индивидуальными занятиями.

Лишь с наступлением лета из этих кружков выделилась группа с политически оформленным соц.-дем. характером.

В своем большинстве, группа состояла из интеллигентов евреев, хотя в нее входили уже и кое-какие рабочие. Она завязала первые сношения с Киевом, откуда стала получать нелегальную литературу. Наряду с общей соц.-демократич. литературой получалась и бундовская. Это было после выхода „Бунда“ из партии на втором с'езде Р.С.-Д.Р.П.

из-за разногласий по национальному и организационному вопросам. В связи с этим „Бунд“ решил расширить районные рамки своей деятельности и начал работать на Юге, где он раньше не имел своих организаций.

Спорный национальный и организационный вопросы не сходили со страниц, как бундовской, так и искровской прессы и литературы.

Уже с первых своих шагов Черкасская группа наткнулась на эти вопросы и должна была самоопределиться к кому из этих двух соц.-дем. лагерей она примыкает. Были сторонники „Бунда“ и „Искры“. Почти все лето ушло на дискуссии по этому вопросу. Приезжали из Киева референты с обеих сторон. После одной решительной схватки, происходившей в конце лета в лесу, в которой участвовал и приезжий из Киева бундовский референт, группа раскололась на две части. Большинство осталось за „Бундом“.

Основа бундовской организации была, таким образом, заложена в конце лета 1904 года.

На правом фланге еврейской общественности тоже произошел к этому времени некоторый перелом. Из официальной сионистской организации выделилось левое крыло, окрашенное в социалистический цвет. Появился на сцене „пролетарский“ сионизм со своими схоластическими и крючкотворными „теориями“ о синтезе Маркса и д-ра Герцля. Некорые из этих новых теоретиков, будущих лидеров с‘совской партии, как напр. М. Литваков, братья Яков и Иосиф Лещинские жили тогда в Черкассах. Тут же жил в это лето один из основоположников Екатеринославского „поалей-сионизма“, покойный С. Хусидов, впоследствии перешедший в „Бунд“.

В то самое время, когда соц.-дем. группа оформлялась и самоопределялась, адепты пролетарского сионизма расставляли свои сети и искали себе соратников. М. Литваков участвовал даже в дискуссиях соц.-дем. группы, о которых я упомянул, в надежде выудить оттуда коекого для своей новой партии.

К тому моменту, когда окончательно сложилась бундовская организация, в Черкассах уже существовала и с‘совская[1]) организация, имевшая свой главный штаб в квартире Златы Литваковой по Смелянской улице. После от‘езда М. Литвакова и остальных лидеров — З. Литвакова переняла в свои руки дела с‘совской организации. Членами организации были большей частью ученицы местной женской гимназии, подпавшие под ее влияние.

О столкновениях и борьбе новой бундовской организации с этими лже-социалистами и будет еще речь впереди.

Новая организация должна была облечься в кровь и плоть, обростать кругом широкими рабочими пластами. На очереди стояла агитационная работа среди Черкасских еврейских рабочих масс, установление широких связей с евр. рабочими кварталами. Руководящие силы бывшей соц.-дем. группы были меньше всего приспособлены к такой работе.

---

1) Сионисты-социалисты.

Они привыкли к кружковым занятиям с интеллигенцией. Новая работа требовала совершенно другого подхода. Им недоставало ни знакомства с бытом и психологией еврейской рабочей массы, ни знания языка этой массы. Единственный с кое-каким опытом в массовой работе был Рафаил Слуцкий (погиб во время погрома в Радомысле в 1919 г.), прибывший в Черкассы уже сформировавшимся бундовцем. Это был полуинтеллигент, полурабочий. По части теории он был слабоват, выступать в роли агитатора не умел. Но зато отличался практическим чутьем и некоторым организаторскими способностями, особенно по части первоначальной закладки основ организации. Он-то и взял на себя всю практическую постановку работы в организации. Первым делом он стал подыскивать новых людей, подходящих для ведения массовой агитационной работы в указанном выше смысле. В своем выборе он остановился на моем товарище Моисее Рабиновиче (М. Равич-Черкасский), марксистски-образованном юноше и вместе с тем знакомом с бытом и психологией еврейской массы, к которому он стал часто заходить и приносить бундовскую литературу.

Через короткое время, в начале осени, М. Рабинович уже был активным работником бундовской организации, выступающим на рабочих собраниях с агитационными речами. Вслед за собой он вовлек и меня в бундовскую организацию. Помню, как сегодня, первое нелегальное собрание, на которое я пошел с ним. Это было в пятницу вечером. Никогда не забуду чувства священного трепета, переполнившего мое сердце весь этот вечер. Собрание происходило на Бульварной улице, против еврейской больницы. Собралось около двух десятков рабочих, перед которыми тов. М. Рабинович произнес агитационную речь. Я был очарован всем происходившим. Все было так ново, странно и действовало на меня магически. Комната кажется самая простая, рабочие самые обыкновенные, а вместе с тем чувствуешь, что тут совершается важное историческое дело, что в этих убогих стенах рождается новый мир и ты присутствуешь при этом и призван помочь этому процессу.

Я своей фантазией перенесся в этот дивный и новый мир, первые эмбрионы которого находились на таких рабочих собраниях, как наше, где зажглось священное пламя борьбы за освобождение человечества. Все кругом — и плохо освещенная комнатка, и темные фигуры серых, молчаливых рабочих, сосредоточенно слушающих речь — превращалось для меня в волшебную сказку. Этот вечер подействовал на меня убедительнее всякой агитации, всяких логических аргументов. Всеми фибрами души я почуял правду пролетарского мироощущения и понимания. С большой жадностью я набросился на имевшуюся в нелегальной библиотеке нашей организации литературу на русском и еврейском языках и стал готовиться к активной работе.

Рафаил Слуцкий недолго пробыл после моего вступления в организацию в Черкассах. Вскоре он переехал в Кременчуг, где еще не было бундовской организации, и заложил фундамент таковой.

К слову сказать, тов. Слуцкий любил быть основателем организации, прокладывать путь и заложить фундамент. Но как только организация

сформировалась и работа наладилась, он себя как-будто почувствовал лишним и спешил в другое место, где он проделывал все то, что было им сделано в первом городе. Он является основателем организации Черкасской, Кременчугской и целого ряда мелких пунктов. У всех работавших с ним остались самые светлые воспоминания об этом скромном, сердечном и нежном человеке, много сделавшем для развития и расширения еврейского рабочего движения в нашем районе.

Место Слуцкого занял в организации рабочий-гладильщик Михаил (фамилии его не помню). Это был типичный рабочий-революционер, проникшийся идеями классовой борьбы и социализма не сознанием, а интуитивно, всем своим существом. Он был менее интеллигентен, чем Слуцкий, по части теории еще более слабоват. Зато он обладал редким качеством организатора-практика: сильной волей и неиссякаемым запасом энергии. В отличие от сентиментального Слуцкого, Михаил действовал с твердой повелительностью и пользовался исключительным влиянием в организации и среди рабочих вообще. Больше года—с осени 1904 года до последних месяцев 1905 года—т. Михаил остался душой нашей организации.

Дела организации пошли хорошо. С каждым днем стали прибывать все новые члены из самой гущи рабочей массы. Нашему успеху способствовала общая накаленная атмосфера. Немалую роль сыграли в этом деле недавно происходивший смелянский погром и организованная в Черкассах самооборона из учащихся и рабочих, поехавшая в Смелу для оказания отпора громилам. Этим был дан первый сдвиг в сознании рабочей массы к организации и борьбе. Некоторые серые массовики из участников самообороны сделались в последующем лучшими членами нашей организации, как, напр., портной Ейлик, жестяник И. Шаровский, обойщик Иосел и др.

Во главе организации находилась руководящая группа, так называемый „центр“. В него входили: Михаил, М. Рабинович, гимназист 8 класса К. Мошинский и я. Кроме Михаила, мы все остальные три были лишь теоретиками. Наша роль сводилась к выступлениям на массовках, устройству дискуссий, ведению кружковых занятий и т. д. Все дела организации, конечно, обсуждались на заседаниях „центра“. Состав „центра“ оставался такой же. Масса членов знала одного лишь официального представителя—тов. Михаила, в руках которого находились все нити организационной жизни.

Кроме „центра“ существовал и „коллектив“, куда входило около двух десятков самых лучших членов организации, преимущественно рабочие, поддерживавшие постоянную связь с мастерскими и фабриками. „Коллективисты“ служили как бы посредниками между „центром“ и широкой периферией. Каждый из них имел свой район: одну или несколько мастерских, или какую-нибудь фабрику.

Из лучших „коллективистов“ на первом плане должен быть назван портной Аврум Герш. Он был на вид угрюмый и молчаливый с огромными, как стекляшки, глазами. На первый взгляд казалось, что его ничем

нельзя расшевелить. Но стоило ему расшевелиться—и он проявлял большое упорство и стойкость в достижении намеченной цели. Совершенно другого типа был другой член коллектива, портной Ейлик, о котором я уже говорил выше. Это был порывистый молодой человек, полный движения и ищущий постоянно дела. Оригинальный тип представлял собой столяр Шулим. Он был старше первых двух, но горел вечно революционным пламенем и рвался в бой. Особую страстность он проявлял в своем презрении к сионистам всех мастей и больше всего к с'совцам. Для них у него не было другого имени, как зубатовцы. К этой группе отборных членов организации должна быть причислена и полуинтеллигентка Сара Розен, или как мы ее называли Сара Черная. Суетливая, она всегда была занята каким-нибудь делом и торопилась то в одну, то в другую мастерскую. Она умела подходить к рабочим и пользовалась большим успехом среди них, особенно среди работниц.

Члены коллектива, или „сходчики", как их иначе называли, составляли основное ядро, авангард нашей организации.

Местом встреч и свиданий по делам организации служила „биржа", сперва помещавшаяся в Романовском переулке. С наступлением весны 1905 года, она была перенесена в городской сквер. Там-же была и биржа с'совцев и др. организаций. „Сходчики" приводили на биржу новичков для получения первой агитации, а лишь оттуда они направлялись на конспиративные квартиры для окончательного боевого крещения.

Биржа служила также местом для раздачи нелегальной литературы. В определенные установленные дни тов. Михаил притаскивал целую кипу нелегальных книжек и брошюр. Он их передавал сходчикам, а те уже в свою очередь раздавали их массе. Библиотечка, т.-е., ящичек с нелегальщиной, находился в строго конспиративном месте, куда ходил один лишь Михаил. Даже не все члены „центра" знали местонахождение библиотеки. Лишь в редких случаях, когда Михаил не мог один справиться с ношей, он приглашал кое-кого из „центровиков" в библиотеку. Мне довелось таким образом несколько раз посетить наше „книгохранилище", помещавшееся в небольшом сундучке под кроватью в какой-то комнатке, на окраине города.

Теоретическая работа между М. Рабиновичем, мною и К. Мошинским была распределена следующим образом: К. Мошинский занялся исключительно работой среди учащихся. Работа же среди рабочих, выступления на массовках, ведение кружковых занятий с рабочими и т. д. выпадала всецело на М. Рабиновича и на меня, знающих хорошо еврейский язык и быт и приспособившихся к массовым методам агитации. На нашей обязанности лежала еще, кроме того, работа в военном кружке, образовавшемся при организации. Занятия в кружке вели я и тов. М. Рабинович раз в неделю, по воскресеньям, когда солдаты отпускались в город.

С ростом и расширением организации росла и нужда в агитаторах. Мне и Рабиновичу трудно было одним справляться со всей агитационной работой. Нам пришла на помощь группа экстернов, влившихся в организацию: Е. Портянский, Д. Гольдфарб, Зайцев, Бурштейн, Н. и К.

Рудяковы и др.; лучших из них мы брали с собой на массовки, чтоб они наглядно усвоили методы агитации и выступления. Через короткое время некоторым из них, как напр., Портянскому, поручали самостоятельное выступление на маленьких сходках.

Во весь этот период никто из центра не посетил нашу организацию. Наша связь с Киевом выражалась лишь в получении литературы. Несмотря на богатый опыт Бунда в Литве и Польше, нам приходилось таким образом самостоятельно выковывать формы своей организации.

В общем, мы проделали несколько иной цикл развития, чем наши литовские товарищи.

Там они начали движение с „экономизма“, с экономических касс взаимопомощи, и лишь постепенно переходили к политическим формам борьбы и организации. Вступив позже в движение, после изжития „экономизма, мы, наоборот, начали сразу с политических форм борьбы. В первый период экономическая борьба почти отсутствовала в нашей работе. И лишь позже, к концу лета 1905 года, разразилась у нас волна экономических стачек. Но об этом дальше.

Из этого обстоятельства вытекало уж и то, что члены организации не были строго распределены по профессиям и цехам, как это имело место в Литве и Польше. В каждую сходку входили рабочие разных профессий и цехов.

После трех-четырех месяцев, к концу 1904 года, организация уже насчитывала около ста организованных рабочих, аккуратно посещавших „биржу“, получавших литературу из нашей библиотеки и бывавших регулярно на массовых собраниях.

Наша сила измерялась, однако, не одним лишь количеством организованных членов. Наше влияние и престиж простирались куда дальше. Во всем городе только и был разговор о „бунтовщиках“. (Слово „Бунд“ путали с словом бунт).

С искровской организацией мы мало соприкасались в работе. Она вела свою работу, главным образом, на сахарном заводе среди русских рабочих. На еврейскую рабочую массу она почти не имела никакого влияния. У нас с искровцами установились отношения „дружественного нейтралитета“.

Зато пришлось мобилизовать свои силы направо, на борьбу с т. н. пролетарским сионизмом, и, в первую очередь, с с‘совцами. Эти последние лазили на нашу „биржу“ и приставали к нашим рабочим, вызывали нас на теоретические поединки и т. д. Наши сходочники гнали их от себя. Особенно отличался в этом отношении уже упомянутый мною столяр Шулим. Он им не давал проходу. Заметив кого-нибудь из них приближающимся к нашей бирже, он на расстоянии кликнет ему „зубатовец“ и прогонит вон дальше.

Нам, представителям организации, приходилось неоднократно утихомиривать и умерять пыл наших рабочих. Мы отдавали много сил для выяснения и освещения перед рабочими реакционной мелкобуржуазной сущности „пролетарского сионизма“. Специалистами по этим вопросам

снова были я и М. Рабинович. Мы оба были великолепно знакомы со всей сионистской литературой, с историей и ходом развития сионизма, во всех его разновидностях, пожалуй даже в большей мере, чем сами сионисты. Нам легко удавалось разбить вдребезги все воздушные замки их теоретических построений. Между нами и с'овцами в эту зиму происходили частые дискуссии. Излюбленным приемом с'овцев в агитации против нас было указание на отсутствие теоретиков у Бунда. Зато они хвастали что у них кишмя кишит „теоретиками", что ни с'овец, то „теоретик" и даже пишет собственные „труды" Я. Лещинский, напр., пишет „труд" о непролетаризации еврейского пролетариата, М. Литваков пишет „труд" об автономизме. И. Г. Лещинский—о колонизации и т. д. Этот последний писал так долго свой труд, пока в одно прекрасное утро сам лично предал его огню.

Все эти фокусы ни к чему не приводили. Рабочие смеялись над ними, и только.

Большое место в нашей работе в эту зиму занимали революционнные праздники. Вся организация усердно готовилась к ним в течение долгих недель. Девушки-работницы были заняты вышиванием лозунгов на знаменах. Первый праздник, прошедший с успехом, был в честь декабристов. Были отысканы две больших пустых комнаты, где-то на окраине города, в соседстве с еврейской больницей. В празднике участвовала вся организация, свыше ста человек. Был выкинут красный флаг и произносились речи. Выступали три оратора М. Рабинович, я и еще кто-то. Первый оратор, кажется Моисей об'яснял значение настоящего праздника.

Я говорил об истории Бунда, о разных этапах проделанных евр. рабочим движением по сей день.

Следующий праздник по поводу освобождения крестьян в феврале прошел еще более успешно. Нашим практикам с т. Михаилом во главе удалось найти в Старообрядческом переулке пустую квартиру из 4-х или 5 комнат, в которой мы и устроили свой праздник. Все комнаты были битком набиты.

Организация насчитывала тогда уж свыше двухсот человек и все были тут налицо. Были предприняты все предосторожности, были расставлены патрули, был пароль и т. д. Праздник затянулся далеко за полночь, чуть ли не до самого рассвета. Произносили речи, пели негромко революционные песни, было кое-какое угощение. Это все происходило, между прочим, почти в самом центре города. И вспоминая этот праздник, я и теперь диву даюсь, как это мы тогда избегли провала.

Революционные праздники имели большое благотворное влияние на всю организацию, вносили свежесть и бодрость, действительную праздничность в серые будни повседневной партийной работы.

Кроме местной работы, организация с первого дня уделяла много внимания работе в районе. К нам обращались с разных пунктов за помощью и, по мере сил, мы удовлетворяли их просьбы.

Первый пункт, который мы посетили, был г. Золотоноша. В начале зимы туда поехал М. Рабинович на несколько дней. Через две недели

поехал и я туда на субботу. Каждый из нас читал реферат для интеллигенции и проводил массовки. Обычные темы таких рефератов были или о сионизме, или по национальному вопросу. После реферата открывалась дискуссия, на которую приглашались оппоненты со стороны других организаций.

Я поехал также в Смелу на гастроль. Начало Смелянской организации положил портной Зелик, прибывший туда из Одессы, где он недавно вступил в Бунд. В таком же порядке мы часто посещали и другие ближайшие пункты. Большую работу в районе мы развернули позже, в середине лета 1905 г. Об этом будет речь дальше.

Правильнее всего будет охарактеризовать первые месяцы работы до концы 1904 г. как укрепление внутренних позиций организации. Все силы были в этот органический период употреблены на отшлифовку и развитие классового сознания у членов организации.

Наступает 1905 г. Перед социал-демократами, наряду с другими революционными партиями, стали выдвигаться новые революционные задачи. После 9 января революционная волна стала подниматься все выше и выше. Настала пора активных революционных выступлений на улице, в виде демонстраций, манифестаций и т. д.

В связи с новой революционной ситуацией, Ц. К. Бунда решил начать большую компанию по поднятию оппозиционных настроений у широких слоев евр. мелко-буржуазного мещанства, способных до известного момента быть нашими спутниками в борьбе за свержение самодержавия. На еврейской улице было достаточно горючего материала для такой агитации. Рекомендовалось всем организациям использовать публичные и общественные места для политических выступлений. Больше всего практиковались выступления в синагогах, как местах больших скопищ еврейского мещанства. Обыкновенно это происходило по субботам, во время утренней молитвы или чтения торы.

Наша организация начала практиковать и у нас такие выступления. Намечали синагоги и ораторов. В назначенную субботу с самого утра группы наших рабочих стали сходиться к намеченным синагогам. Занимались сейчас же все входы и выходы и никого не выпускали. На амвоне появлялся наш оратор и произносил речь о политическом моменте. Первое время наше появление производило большой переполох среди перепуганных прихожан. Публика металась из стороны в сторону, пробовала всячески мешать. После первых нескольких выступлений к нам стали привыкать и с любопытством выслушивали наши речи. Большим успехом мы пользовались в ремесленных синагогах. В памяти у меня осталось одно мое выступление в одной такой синагоге на старо-еврейском базаре. Я встретил большое сочувствие у слушателей, что видно было по выражению их лиц. Нашему примеру сейчас же последовали и поалейционисты и с‘совцы. Бывали на этой почве скандалы, при столкновении наших агитаторов с ихними.

Вообще чувствовалось, что наша организация задает тон и является гегемоном и на „бирже“, и в публичных выступлениях и т. д.

На очереди дня стал вопрос об уличном выступлении. Мы себя чувствовали достаточно крепкими и подготовленными для такого выступления. Такое выступление было приурочено к 1-му мая. Согласно предложению Ц. К., мы решили праздновать 1-е мая по новому стилю (18 апреля по старому ст.). Решено было устроить в этот день уличную демонстрацию. Мы стали готовиться к этой первой демонстрации. В городе как-то узнали про наши приготовления. В руководящих кругах еврейского мещанства перепугались на смерть. Они попытались аппелировать к нашим „еврейским" чувствам и подействовать на нас отказаться от этой опасной затеи, могущей якобы, привести к погрому. К тов. Рабиновичу, как местному жителю, хорошо им знакомому, пришла делегация из знатных прихожан с казенным раввином во главе. В числе делегатов был и старик Е. Рабинович, отец Моисея. Тов. Моисей в ответ на их мольбы предложил им ассигновать определенную сумму на покупку оружия для самообороны, на случай погрома.

Несмотря на то, что в городе знали про готовящееся выступление и что полиция тоже узнала и приняла свои меры к пресечению его — демонстрация все-таки состоялась. Конечно, она не вышла так импозантно, как мы предполагали. Пришлось поспешить. Не все товарищи успели собраться и притти к назначенному пункту.

Первая группа в несколько десятков человек заметила движение конной и пешей полиции и, не дожидаясь остальных товарищей, выкинула красный флаг и с возгласами „долой самодержавие", „да здравствует демократическая республика", „да здравствует социализм" и т. д. прошла один квартал. Полиция и солдаты, спрятанные по ближайшим дворам, высыпали на улицу и рассеяли демонстрантов. Весть о демонстрации разнеслась мигом по всему городу. Неописуемый ужас обуял всех обывателей. Наскоро были закрыты все магазины и заперты все ворота и двери.

В средине мая нас впервые навестил представитель Киевского районного комитета т. Леон (С. Гуревич). С ним вместе приехал и студент-медик тов. Савелий (С. А. Залкинд). Приезд Киевских гостей был событием большой важности в жизни нашей организации, и мы решили использовать его для устройства большого массового собрания в лесу. Собрание было назначено на первый день еврейского праздника „Швуос". Было отыскано хорошее место, где-то далеко в лесу. В назначенный день с самого утра сходчики стали направлять массовых членов организации на собрание в одиночку и маленькими группками. В субботние и праздничные дни из города обычно отправлялись массами на прогулку в лес. Мы были поэтому уверены, что не обратим на себя внимания. Собралось около 300 человек. Тов. Леон был прекрасный митинговый оратор. Его речь лилась ровно и плавно и была пересыпана красивыми образами. Все стояли словно загипнотизированные. Все были в повышенном революционном настроении.

Вдруг кто-то заметил приближающиеся к нам шаги и как будто топот лошадей. Ясно стало, что полиция нас выследила. Мы успели какими-то закоулочными путями выпроводить приезжих гостей и двух-трех

гимназистов, которым эта история угрожала исключением из гимназии. Нас окружили конный и пеший отряды и повели в город с почетным караулом. Когда мы завернули в город, при одном узком повороте на перекрестке двух улиц, мы разбежались почти все в разные стороны. Городовые растерялись и не знали за кем раньше гнаться. Им удалось задержать из всего собрания всего человек 25—30. Среди задержанных из „центровиков“ был лишь М. Рабинович. Их продержали несколько дней, после чего они были выпущены.

Этот провал служил первым сигналом к репрессиям и преследованиям против нас со стороны полиции. Особенно отличался в этом отношении околоточный надзиратель Саенко. Он хотел на этом построить свою карьеру. Вскоре был переведен в Черкассы новый помощник пристава, служивший раньше в Бердичеве, где и наловчился в деле преследования революционной организации. Он начал часто лазить к нам на „биржу“ и мы не знали как избавиться от него. Но тут случилось нечто экстраординарное, из ряда вон выходящее. В один прекрасный вечер наш преследователь был облит серной кислотой, тут же на „бирже“, Давидом Берманом, оказавшимся впоследствии провокатором, агентом охранки.

Последний приехал не так давно в Черкассы. По его словам, он был раньше бундовцем, а сейчас перешел в „Искру“. Он всячески старался втереться в доверие и к нам, и к искровцам. Но так как он производил впечатление человека психически-ненормального, его близко не допускали ни в какую организацию. И вдруг он оказал такую большую услугу нам всем. Мы собрали ему несколько рублей на дорогу и выпроводили его в Кременчуг. Он после проделал такую же штуку и в Кременчуге, и в Екатеринославе, пока не был пойман в последнем городе на месте преступления. В тюрьме он показал свою карточку агента охранки. Дело Бермана нашумело в свое время. „Новое время“ разразилось громовой статьей по поводу „двуликости жидов“. По сей день вся эта история, как и сама личность провокатора, остается для меня загадкой.

В это лето бундовская организация достигла наибольшего своего расцвета. Можно без преувеличения сказать, что вся еврейская рабочая масса в Черкассах находилась под ее влиянием и прислушивалась к ее зову. Мы откликались на важнейшие события политической жизни и шли в ногу со всей революционной Россией. Иногда мы выпускали гектографированные прокламации. Чаще же всего мы получали печатные прокламации из Киева. Наша связь с Киевом была налажена наилучшим образом. Мощь нашей организации особенно обнаружилась во время стачечной горячки, охватившей в июле все фабрики и заводы нашего города. Сперва вспыхнула забастовка на фабрике Зарицкого, а оттуда она перекинулась на все остальные табачные фабрики и на ремесленные мастерские. Выставлялись экономические требования. Мы работали в полном контакте и сообща с искровцами. Мы были завалены работой. Надо было вести переговоры с хозяевами, вырабатывать требования,

поддерживать боевой дух бастующих, собирать стачечный фонд и т. д. В общем, кампания была выиграна, что еще больше упрочило наше положение и влияние.

Из летописи борьбы с сионизмом в это лето стоит быть отмеченным одно столкновение с официальными сионистами. Это было в день годовщины д-ра Герцля. Сионисты назначили панихиду в большой синагоге по ст. Чигиринской ул. Мы решили использовать это многолюдное собрание для политического выступления. С этой целью я отправился в синагогу с небольшим отрядом наших парней. Синагога, довольно большая, была переполнена. С трудом мы протиснулись к амвону. Как только нас увидели, сионисты подняли шум и потребовали нашего удаления. Я им об'яснил, что мы не пришли мешать их выступлениям. Мы требуем лишь, чтобы было предоставлено слово и мне. В ответ на это они стали нас ругать. Когда они увидели, что с нами ничего нельзя сделать, кто-то из них провокаторски крикнул: „пожар". Началась свалка, стали давить друг друга, прыгать через окна и разбивать стекла. В этой суматохе я был оттиснут в угол, потеряв из виду своих товарищей. Сионисты набросились на меня с кулаками. К моему счастью подошли в это время мои товарищи. Панихида, конечно, не состоялась. Долгое время после этого сионисты не переставали звонить во все колокола про „хулиганство" бундистов.

В это лето я в течение некоторого времени об'езжал район, посетил Кременчуг, Чигирин, Переяслав, Канев и др. пункты. Кроме массовых собраний для рабочих на политические и обще-социалистические темы, я читал во всех этих городах рефераты о сионизме или по национальному вопросу. Оппонентами выступали чаще всего сионисты и с'совцы. По национальному вопросу иногда выступали и искровцы. В одном лишь Переяславе я впервые столкнулся с видным с'ром Герштейном, имевшим большое влияние на местную интеллигенцию. Между мною и им была устроена дискуссия. С нашей стороны в дискуссии принял участие еще один тов., Гриша Барский, гостивший тогда у своей сестры. Дискуссия дала хорошие результаты. Вся группа колеблющихся перешла определенно на нашу сторону.

Чтобы закончить свой очерк об этом периоде, я должен упомянуть еще между-районную конференцию всей Украины, происходившую в средине этого лета. Делегатом от Черкасской организации был заслуженно избран тов. Михаил. Он приехал оттуда сияющим.

Самым моим близким другом и товарищем в организации был М. Рабинович. В средине лета он, по поручению Киевского районного центра, был послан в Нежин в качестве профессионала. В конце лета он приехал оттуда немного поколебленным в бундизме.

Мы с ним решили ехать в Кременчуг на короткое время на партийную работу.

Последние недели, предшествовавшие 17 октября, также как и сами октябрьские дни, довелось мне пережить в Кременчуге и Полтаве.

Об этом в другой раз.

А. ЮДИЦКИЙ

Берестово-Богодухово-Кальмиусский район

I

1903—1912 г.г.

В Юзовском районе, в этом пролетарском центре, на протяжении 25 лет происходило много важных событий, которые еще не занесены на страницы истории.

Лишь теперь, когда мы вступили в полное и мирное строительство, перед нами встает задача осветить и дополнить нашу историю теми событиями и переживаниями, которые встречались на тернистом пути революционного движения.

История в кратких чертах рисует движение Юзовского пролетариата в 1892 году, но совершенно умалчивает о движении пролетариата Берестово-Кальмиусского района. Между тем, это огромный угольный район, который вмещал свыше 20.000 горняков, где промышленность с каждым годом развивалась все больше и больше. И конечно, чем больше развивалась промышленность, тем более усиливалась эксплоатация труда. Под напором безудержной эксплоатации, впервые стихийно, потом организованно, рабочие стали пред'являть экономические требования. Это послужило основой для организации социал-демократии.

Первый зародыш социал-демократии появился на Берестово-Богодуховском руднике в 1903 г. Организация была создана одним из профессиональных работников города Юзовки (в то время местечко), тов. Александром, при участии тов. Артема. Группа Берестово-Богодуховская состояла из 23-х человек—шахтеров, мастеровых и одной трети интеллигентов.

Осенью 1903 года, когда группа узнала о происшедшем на 2-м с'езде Р.С.Д.Р.П. расколе, в ее рядах разногласий не произошло. Это об'ясняется тем, что участвующие в группе рабочие были политически слабы и интеллигенция, видимо, не выявляла настоящей истины с'ездовской работы.

В 1904 году группа усилилась интеллигентами. В нее вошли: техник Берг-Берлович, А. Я., техник Соколов, С. Я. В дальнейшем приехал Скворцов (учитель), последний явился руководителем железнодорожной забастовки.

С момента их приезда на Берестовском руднике возникла экономическая забастовка, которая продолжалась 3—4 дня и благодаря широкому штрейкбрехерству была проиграна.

В 1905 году, 1-го мая, волна забастовочного движения снова охватила Берестово-Кальмиусский район.

Первого мая забастовали рабочие Берестовского, Григорьевского и Пастуховского рудников.

Для общего руководства и для сплочения масс, группа С.-Д. решила 2-го мая сделать общее собрание рабочих всех рудников на втором ставке. Когда Берестовские рабочие собрались на площади (возле порохового погреба) и решили двигаться дальше с красным знаменем, то, к сожалению, знамени не оказалось. Тогда один из рабочих, т. Андрей, сбросил с себя красную сорочку, нацепил ее на палку, что и заменило красный флаг, под которым двинулись к ставку. На ставке был проведен общий митинг.

Главными руководителями забастовок являлись: Пастуховский рудник—Калина, Берестовский—Адам, Тищенко, Кравцов, Андрей и Петр фонарщик (соцалист-революционер). Последний не подчинялся общей директиве и действовал самостоятельно. Однажды, собрав группу молодых ребят, он с ними принялся тушить котлы в новой кочегарке с таким рассчетом, чтобы затопить шахты. Эта операция, с одной стороны, вызвала большие репрессии со стороны начальства, с другой, также пугнула администрацию так, что забастовка имела небольшие достижения.

Берестовская группа в 1906 году, в момент выборов в 1-ю Государственную Думу, эти выборы бойкотировала, но бойкот не прошел. Отсюда можно видеть, что среди организации были разные течения.

После разгона первой Государственной Думы, из Одессы приехал студент Леонид Серебряков и Нестеров и в последнее время маркшрейдер Хейфец; из Голубовского рудника—слесарь Данила Погуляев (кассир группы), десятник Василенко. Вся эта группа усиленно вела предвыборную кампанию по выборам во 2-ую Государственную Думу.

Приблизительно в декабре месяце на Берестово-Богодуховском руднике, в здании столовой, под председательством тов. Василенко, проходило общее собрание рабочих, на котором избирался выборщик во 2-ю Думу. Выбранным оказался тов. Нестеров (инструментальщик механической), который в Новочеркасске был избран членом 2-ой Государственной Думы. На этом собрании определились две линии социал-демократов: Серебряков и Хейфец с одной стороны, и Нестеров, Василенко и др. с другой стороны. Тов. Серебряков протестовал против выборов Нестерова и выдвигал совершенно другую кандидатуру (фамилию которой не могу припомнить).

Примерно, в январе месяце 1907 года состоялись проводы тов. Нестерова в Государственную Думу. Участие в проводах принимали 5—6.000 рабочих, которые с красными знаменами, с революционными песнями шли на ст. Щегловку.

На Шегловке был открыт митинг, где выступал Нестеров, рисовавший в перспективе развитие революции и окончивший речь лозунгом:

„Да здравствует Учредительное Собрание!“

Вторым выступил Хейфец: он говорил про сошки и шишки. После митинга пришел поезд, охраняемый ротой солдат. Когда был дан третий звонок, из толпы раздались выстрелы, которые были даны для того, чтобы спровоцировать солдат, находящихся в поезде, чтобы дать повод к расстрелу мирных рабочих и к аресту члена Государственной Думы Нестерова.

После расследования, стрелявшим оказался кассир Берестово-Богодуховского рудника Козлов (черносотенец).

После знаменитых проводов возникла забастовка горняков на Григорьевском руднике. Забастовка была проиграна вследствие начавшейся реакции. Реакция с каждым днем увеличивалась, аресты стали ежедневными, полицией предполагалось арестовать т. Хейфеца и Серебрякова. Первого из них я предупредил об угрожавшем ему аресте. Хейфец был арестован по доносу вице-бухгалтера Главной Конторы — Волкова, Е. А., который просил урядника Волченкова Ф. В., во чтобы-то ни стало арестовать Хейфеца, как крамольника. Предупрежденный Хейфец с этого дня убежал, а тов. Серебряков ночью был арестован в квартире Емельяненко и был направлен в Новочеркасск, но по дороге бежал из-под ареста (по слухам). Реакция приняла грозные размеры.

Осенью 1907 года вся организация была разгромлена, работа была приостановлена, вследствие сильной провокации, и последним был арестован зимой, перед рождеством, Тарасов А. Е. После его ареста оставшиеся члены разбежались куда попало.

Наступили черные дни реакции, которые продолжались до 1911 года.

В 1911 году как всюду, так и в Берестово-Кальмиусском районе началось новое революционное течение. Там угасли старые силы, народились новые.

Новые силы на старом пути

Вновь народившиеся социал-демократы на Берестово-Богодуховском руднике представляют уже иную картину. Новая организация была создана в 1912 году самыми рабочими, в большинстве своем малограмотными.

История этой организации социалдемократов-большевиков заключается в следующем: в мае месяце приехал студент из Питера — Жаворонков (в настоящее время работающий в Макеевке). Он привез с собой первый номер газеты „Правда", которую передал мне для того, чтобы найти подписчиков.

Я, интересуясь этой газетой, выписал ее на три месяца. По получении газеты, числа 15—20 мая, я пригласил тов. Абрамова (костыльщик механического), Алексея Чижикова (вагонщик шахты № 15). Все мы вместе стали ежедневно читать газету и когда вынесли определенное заключение, что газета имеет определенную окраску, мы создали из себя инициативную группу.

На первом заседании, состоявшемся на рудничном кладбище, мы решили выписать еще два номера газеты, чтобы таким образом устраивать коллективные читки рабочим.

Работа налаживается

Первая коллективная читка газеты „Правда“ была устроена на 4-м поселке в балагане № 6, в квартире шахтера т. Жилина. Присутствовало 15—20 человек. Этот пробный агитационный путь был весьма удачным. Газета приобрела много сторонников из среды рабочих. Несмотря на длинный изнурительный 12-ти часовый труд, рабочие ежедневно собирались на место читки газет.

Наш т. Чижик (как мы его в шутку звали) на каждом углу, над шахтным зданием, на стволе, в забое проводил агитацию.

За полумесячный период в нашу группу влилось 11 человек, исключительно рабочих: крепильщик шахты № 15 т. Грибенник, слесарь шахты № 14 т. Савицкий с женою, чернорабочий плотничного цеха Николаев, крепильщик шахты № 14 Харитоненко (расстрелян Советской властью за экспроприации в 1919 г.), Полосин Павел (умер в Луганской тюрьме в 1919 г., арестованный белыми), забойщик шахты № 15 тов. Моисей (убит на империалистической войне), Евсей Буданов, слесарь, (умер), рабочий шахты № 25, Антон Жилин (ныне умерший) и еще два товарища, фамилии которых не помню.

С увеличением нашей группы, мы организовали из нее ячейку, выбрали президиум из трех человек: т.т. Чижикова, Абрамова и меня Нами было назначено второе организационное собрание с участием всей группы. В повестке дня стояло 3 вопроса. о временном уставе для ячейки, об организации, о газете. По первому вопросу было поручено т. Чижикову и мне выработать устав и дать на утверждение всей ячейки.

Не имея под руками материалов, незнакомые вообще с партийной литературой, мы выработали скорее всего не устав партии, а одиннадцать заповедей, где говорилось следующее: каждый член ячейки должен быть подписчиком газеты „Правда“, вести агитацию среди беспартийных, делать доклады в Президиум о событиях, происходящих на шахтах, мастерских и т. д., если арестуют, не выдавать других товарищей, на суде держаться смело и крепко, на вопросы, задаваемые прокурором или другими судейскими властями, не отвечать, пощады не просить.— Вот основные положения нашего выработанного устава. По второму вопросу поручено т.т. Головне и Савицкому вести агитацию среди шахтеров внутри шахты. По третьему вопросу о газете было решено: вследствие того, что полиция начала преследовать подписчиков, произвести коллективную подписку на предприятие—механическую мастерскую и мойку. Вся наша беспартийная партийность продолжалась до августа месяца. В праздник Спаса, 6-го августа, часов в 12 дня, я был у тов. Абрамова на поселке № 4; вдруг к нам приходит какой-то незнакомый человек, и спрашивает: „Где мне увидеть тов. Терехова?“ я ответил: „я—налицо“.

Тогда незнакомец попросил меня пройтись с ним вдоль поселка. Мы пошли... После долгих разговоров незнакомец сказал, что он рабочий Рыковского рудника, зовут его Вениамин (ныне Секретарь

ВУЦИКА т. Ермощенко) и явился он по адресу, данному ему редакцией газеты „Правда“ через тов. Петровского.

Я, исполняя точно наш устав, тов. Вениамину не доверял и не открыл нашей ячейки, сказав, что я один желаю принять участие в организациин, но не умею. Тов. Вениамин заявил, что он примета ктивное участие и будет мне помогать. Через несколько дней, числа 10—11 августа, тов. Вениамин провел одно общее собрание нашей ячейки, указав правильное строение организации, предложил, написанный им от руки, действительный устав партии, который безоговорочно приняли и посмеялись над выработанным нами уставом. Выбрали библиотекаря, кассира и одного представителя в Юзовку, которым явился я.

Берестово-Богодуховский район

1912—1915 г.г.

На Успение, 15-го августа, в гор. Юзовке было назначено собрание всех представителей ячеек Юзовского района. На собрании присутствовали от Берестово-Богодуховского—Т., от завода Боссе литейщик, (фамилия, кажется, Панфилов), от рудника Ветка—Андрей Батов, представителя рудника Макеевки не помню, от комитета был Ермощенко, от города—Яков Залмаев.

В повестке дня стояли вопросы: доклады с мест, выработка единого плана работы. Борьба за больничные кассы. С этого времени наша работа приняла организационный вид. К концу 1912 года, или же правильней к приезду тов. Петровского в Юзовку (на Рождество), у нас было две ячейки по количеству 20 или 25 человек. По мере того, как развивалась работа наших ячеек, развивалось также в общем и рабочее движение. Пропаганда, которую мы вели, дала осязательные результаты, это отмечено днем 9-го января 1913 года, в который нам легко удалось провести однодневную забастовку. Понятно, при таком настроении рабочих можно было не только бастовать, но и выходить на баррикады. По мере развития партийной агитации и роста революционного движения выростал полицейский глаз и ежедневно начинались преследования наших товарищей, в особенности работающих в больничной кассе—Абрамова, Николаева и Чижикова. Тов. Чижикова преследовали больше всего за то, что он писал заметки в газету „Правда“ и стихотворения „Спуск в шахту“, „Гудок“, под которыми подписывал свою фамилию (тов. Петровский в своем письме нашей организации указал—„смотрите, тов. Чижик, как бы вас не захлопнула злодейка западня“, и действительно: западня была приготовлена для т. Чижикова, но он управился скрыться). Вслед за ним выбыли Абрамов, Николаев, но ряды нашей организации не поредели: они быстро заполнились новыми членами)—вступил видный в то время тов. Кириленко Тимофей, который быстро выдвинул свои организационные способности и на ближайшем из собраний его выбрали представителем в Юзовку.

С 1913 года наша организация была занята собиранием материалов для посылки в Государственную Думу на имя т. Петровского. Был собран материал о гибели 14-ти летней девочки Мазневой при сортировке, о злой эксплоатации и вообще об экономическом быте рабочих.

Во второй половине 1913 г. на нашу организацию и вообще на газету „Правда" последовали репрессии со стороны полиции. Мне и другим товарищам полиция запретила выписывать газету „Правда"; тогда мы на нашем собрании решили переменить фамилии, подкупили за пять рублей в месяц (почталиона) Гуркина и таким путем снова получалась нами газета. Но цензурное гонение на „Правду" дошло до того, что полиция ездила за 10 верст перехватывать почталиона, чтобы конфисковать газету. Точно такие же репрессии были применены к членам организации.

Тов. Ермощенко, точно не помню, кажется в конце 1913 года или в начале 1914 года, был командирован в Питер за директивами и литературой, где и был арестован и сослан в Ново-Николаевск. Вслед за тов. Ермощенко в Петровском заводе во время стачки 1-го мая был арестован тов. Яков Залмаев. В связи с арестом 2 активных и к тому же руководителей нашей организации, партийная работа понизилась и пришла в замешательство, а еще больше ухудшилась работа с закрытием газеты „Трудовая Правда", 8 июля 1914 года перед самой войной.

Полицейские репрессии дошли до небывалых размеров.

Некоторым членам нашей организации пришлось прекратить активное участие в работе, а другим пришлось совершенно выехать с места жительства. На всю в общем организацию повеяла апатия: стали ленивы к тому же неподвижны, да и подвинуть работу было трудно, когда с началом военных действий все связи были потеряны, и на Юзово-Макеевский район остался один опытный тов. Батов А., который без помощи т.т. не мог что-либо сделать в области связи.

Итак, 1914 год был годом упадка для нашей организации.

Повеял ветерок оживления

В 1915 году Берестово-Богодуховская ячейка оживила свою работу: она выделила своего постоянного работника-организатора тов. Кириленко, дала ему заместителя тов. Малашенко, который с первых шагов своей работы связался с Макеевкой—(тов. Острогорским, М. Рябцевым, Игнатовым, с Бахмутом—Горикольд (учительница), Горловка (Курочкин), Лапин, Нелеповским рудником (фамилию не помню); эта связь дала возможность учесть силы, определить какой размах дать работе.

Приблизительно в апреле месяце работа широко повелась за создание ячеек на ближайших рудниках. Ячейки были организованы: на Григорьевском р-ке, во главе стояли тов. Мельников, Морозов (ныне председатель Щегловского Рабкопа), Горловский рудник—руководитель тов. Филатов, Пастуховский—руководитель тов. Дурман и таким образом организационная работа быстро подвинулась.

По инициативе Берестово-Богодуховского коллектива, 14 сентября в „Холодной балке“, между Юзовкой и Макеевкой, была организована большая массовка, на которой участвовало около 6—7 тысяч человек, доклад делал тов. Острогорский о войне.

Вторую массовку мы устроили возле Игнатьевского рудника, которую проводили т.т. Батов и Кириленко.

Весь 1915 год был занят агитационной работой.

1916 год

В 1916 году по всем рудникам Щегловского района работа увеличилась. Ячейки были организованы в следующем порядке:

Берестово-Богодуховский рудник: первая ячейка—на черепичных домиках, ответственный руководитель Малащенко; вторая ячейка—на красных домиках, ответственный руководитель тов. Моисеев, приехавший из Екатеринослава; третья ячейка мастеровых, ответственный руководитель т. Терехов; четвертая ячейка—на 2-х комнатных домиках, ответственный руководитель т. Дараган; пятая ячейка—на шахте „Штольной“ № 17, ответственный руководитель тов. Тулупов. Кроме того, ячейки были на Пастуховском, под руководством т.т. Дурмана и Рунге; Горшковская ячейка, под руководством тов. Филатова и Душина. Игнатьевская ячейка во главе с тов. Благодеровым; Григорьевская ячейка во главе с тов. С. Р. Лощенко, Мельников, Морозов; Владикавказская ячейка и Щегловская—руководителей не помню.

В общей сложности, по Щегловскому району насчитывалось до 125 человек членов партии. На Берестовский рудник приходилось 80—90 человек. В 1916 году 9-го января забастовку провести не удалось, ограничились листовками, напечатанными на шапирографе и доставленными т. Батовым.

1 мая и 4 апреля

Самая широкая агитация велась за подготовку празднования 1-го мая и 4-го апреля (день расстрела на Ленских приисках).

В день 4-го апреля по всем рудникам были устроены собрания ячеек, а там, где удались небольшие массовки, где были сделаны доклады о расстреле рабочих на реке Лене и Бодаибо, а также и подготовили всех партийных и некоторых беспартийных к празднованию 1-го мая.

30-го апреля полиция, предвидя надвигающуюся забастовку, усилила обходы, раз‘езды, по 3 человека не давали нигде собираться, но это не остановило намеченной цели.

В день 1-го мая колеса шахт не крутились, клети снизу вверх и сверху вниз не ходили; по всем рудникам прокатилась первомайская забастовка, которая приняла затяжной характер; тогда нашей организации пришлось выработать экономические и политические требования: прекращения войны, 8-ми часового рабочего дня, надбавки жалованья в 30 проц. улучшения квартир и т. д. Забастовка первые дни держалась крепко,

но штрейк-брехерами, в лице артельщика Акимова, Вощиленко, была сорвана на 15-м дне.

16-го мая меня командировали на Ханженково узнать какой ход забастовка принимает на данных рудниках. По дороге на Ханженково я встретил смешно одетого человека, обутого в „христосики" (скороходы), чрезвычайно короткие брюки, белые чулки. Издали вид человека представлял арестанта. К моему удивлению и к радости, это оказался т. Ермощенко, бежавший из ссылки. С приездом т. Ермощенко работа ожила: на одном коллективном заседании было решено взять кооперацию в свои руки. В июне месяце состоялись перевыборы уполномоченных; вновь избранные 43 человека все были большевики, во главе с инженером тов. Мельниковым. В правление вошло 3 большевика, в ревизионную комиссию—1.

Во второй половине июня в моей квартире было собрание коллектива, где т. Ермощенко делал доклад о текущем моменте и роли нашей партии, а на второй день урядник Трубников зашел ко мне на мойку, где я работал, и сказал: „Я предупреждаю, чтобы собраний больше не было, иначе последует арест".

Второе собрание в июле месяце тоже было предупреждено со стороны урядника. Мне казалось, что у нас в активе есть провокатор; в дни февральской революции выяснилось, что Александр Слесарев (ныне работающий на Берестово-Богодуховском руднике) следил за моей квартирой и доносил полиции, об этом я сказал т. т. Малышенко и Кириленко.

В сентябре месяце, во второй половине, тов. Ермощенко пошел в Юзовку для налаживания работы, остался ночевать в квартире (кажется Дмитриева, меньшевика), где и был арестован и сослан в Самарскую губ.

Арест т. Ермощенко произвел на нас тяжелое впечатление, так как т. Ермощенко являлся идеологом нашей организации.

В первых числах января 1917 года к нам прибыл тов. Вишняков, после—прибыл тов. Лутовиков Юрий. С их благословением были выпущены листовки 9-го января и проведены частичные забастовки.

С начала 1917 года наша организация приняла вид легальщины: собирались уполномоченные, все члены партии, и рядом с экономическими или чисто кооперативными вопросами касались политических тем и т. д. К февральской революции Щегловский пролетариат вполне был подготовлен.

Октябрьский переворот

25-го Октября... Ночь была холодная, темная, ветер шумел, качая деревья; мы пятеро сидели в здании исполкома, ожидая со станции телеграмм о событиях... Небо все больше хмурилось, точно возвещая о происходящих событиях в Петрограде. Минут через десять послышался частый конский топот, все насторожились, притаив дух,—это под'езжал милиционер тов. Сенин, который привез телеграмму со станции Щегловки, где кратко, но красноречиво говорилось: „Власть перешла в руки Совета Рабочих Депутатов".

Настал день. В здании рудничного училища заседает совет, совместно с широкими рабочими массами. Делает доклад тов. Мельников о событиях

в Питере, выступают и другие товарищи: Малышенко, Зернов, рисуя перспективы. Все доклады выслушиваются с большим вниманием.

А в это время на берегах Дона офицерство подготовляло казачество. 15-го ноября 1917 года отряд Чернецова сделал первую попытку разогнать совет на руднике „Чайкино", такое выступление не было оставлено Берестово-Кальмиусским Исполкомом; он точно решил, что оборона Советской республики возможна только лишь с оружием в руках.

И 10-го ноября он командировал в Москву тов. Морозова, Ракутана, которые к 25-му ноября привезли 1200 винтовок и 14000 патронов. Это дало возможность укрепить дух у Берестово-Кальмиусского пролетариата.

Козаки, во главе со старым полковником Балабачаном, 6-го декабря с двумя пулеметами двинулись на Щегловский рудник. Заняли они его, разогнали Совет, и начали хозяйничать по своему. Об этом было быстро передано по телефону Берестовскому Исполкому, по распоряжению которого был дан тревожный гудок для сбора красногвардейцев. Заунывный, плачущий сигнал быстро всколыхнул рабочих: все с винтовками собрались в Совете.

В Исполкоме хаос. Одни носят патроны, другие чистят винтовки, третьи набивают штыки—все суетятся, спорят, приготовляются к трагическому моменту. Военный отдел наскоро устраивает совещание, на котором постанавливает принять бой с отрядом Чернецова.

Когда один из членов Военного отдела вышел к собравшимся вооруженным красногвардейцам, чтобы об'явить о решении военного отдела, он увидел среди молодых красногвардейцев много седых стариков. Помню, старик сапожниик Горунов обратился к вышедшему товарищу, говоря: „Дайте мне винтовку, я не могу оставаться здесь, когда мои братья идут на защиту революции". Когда ему ответили, что винтовок нет, он со злостью потребовал ящиков с патронами, которые он понесет товарищам.

Когда я заявил, что совещание решило идти в наступление против казаков, раздалось дружное: „Правильно", „ура". Начальник Красной Гвардии т. Богачев командует: „стройся" и все быстро выстраиваются.

Команда „Шагом марш", „Вперед" и наш отряд, состоящий исключительно из рабочих, отправился по направлению к станции Щегловка.

Оттуда пошли рассыпавшись по степи, изредка беспорядочно стреляя, как будто давая знать противнику, что у нас есть еще революционный дух. Первое наступление Берестово-Кальмиусского пролетариата увенчалось полным успехом. Противник был перепуган, от боя уклонялся и отступил по направлению к экономии Груцкого, которая отстоит в полторы версты от города Дмитриевска. Отряд с революционными песнями стройными рядами вернулся обратно. С этого времени мы начинаем жить в боевой обстановке. Работающий в мастерской слесарь на тисках или кузнец на горне вооружены винтовками, а т. т. шахтеры в большинстве своем старались с винтовками спускаться даже в шахту. Такая любовь к защите пролетарской революции не обошлась без внутренних жертв: некоторые товарищи ранили себя и убивали других.

С этого времени усиливается военная подготовка. Обучались и седые старики, и молодые ребята, и подростки, и даже женщины. Противник тоже не дремал: он выбирал удобный момент, чтобы напасть врасплох на столь ненавистный ему Берестовский пролетариат. Местные шпионы (а таковых было много, жалею что их не расстреляли тогда) это была местная, так называемая, „конторская братия“: Кинцель И.—заведывающий материальным отделом, Ветров (сын городового), Остахов—конторщик ЕПО, Демкович,—заведывающий военнопленными, а вместе „конторская публика“ занималась сообщением сведений противнику.

19-го декабря 1917 года, часов в пять вечера, отряд казаков, человек в 200, под командой какого-то Кабакова с 2-мя 3-х дюймовыми орудиями и несколькими пулеметами, внезапно заняли Берестово-Богодуховский рудник и версты за 2 от него, возле вентилятора, поставили орудие. Весь отряд разместился в рудничной экономии для ночевки. В ночь под 20-е пришлось вооруженных красногвардейцев вывести из рудника через завод Русского Общества в гор. Юзовку. Другая часть коммунистов и красногвардейцев осталась на месте. В эту же ночь в экономии, где были расположены казаки, произошла большая паника: стоявший на часах казак случайно выстрелил, и ранив себя в руку, поднял крик, казаки же зная, что они находятся среди революционных рабочих, кинулись из казармы в окна, в двери и бежали кто куда, оставив лошадей в конюшнях. Только через 3 часа они опомнились и восстановили спокойствие.

20-го декабря, утром, мы увидели на всех возвышенных местах, расставленные пулеметы. К 8 часам утра на Берестовский рудник прибыл второй отряд казаков, во главе с Чернецовым и полковником Балабачаном, которые привезли с собой приказ следующего содержания: „Приказываю всем гражданам в течение 2-х часов сдать имеющееся у них огнестрельное оружие, а после указанного времени у лиц не сдавших такового будут произведены обыски. Лица, у коих найдется оружие, будут строго наказаны вплоть до расстрела. (подпись) Полковник Балабачан“.

Наступило подполье

Оставшиеся коммунисты и красногвардейцы ежеминутно собирались по 3-4 человека, прибегали ко мне, настаивая устроить обстрел пулеметчиков. Вместе с ними подходит старик Бирюков, категорически требуя снятия пулеметчиков. Собирается группа человек в 6 коммунистов и мы решаем—не выступать, и у кого имеется оружие—припрятать. Прошел срок приказа, а оружия никто не несет, тогда Балабачан распорядился собрать всех рабочих в рудничную школу. Через час в школу собрались рабочие.

Зашел и я туда. В это время собравшиеся призываются к порядку: слово предоставлено Балабачану, который категорически приказывает сдать оружие, так как рабочие должны работать, а они нас должны защищать.„ Это одно, а другое то,—говорит Балабачан,—что вы не можете оружием управлять“.

— „Кто моему отцовскому совету не подчинится и у него будет найдено оружие, тот будет безусловно расстрелян“. После него я взял слово и заявил от имени собравшихся рабочих, что „оружия мы не сдадим, оно нам нужно, для сомозащиты и для защиты наших пролетарских интересов: если же они настаивают на сдаче оружия, то заявил, что сдадим его тогда, когда казаки тоже сдадут оружие Совету Рабочих Депутатов, сейчас власть Советов, а не отдельных военных лиц“.

Гром голосов: „правильно“ и митинг окончен. Начались обыски, которые длились в течение 5 часов. Изрядно перекидывались лохмотья шахтеров. Результаты обыска: 1 винтовка и с ней они уехали в Макеевку.

25-го декабря, в ночь на 26-е, казаки наступали на Прохоровский рудник. Раздались гудки. Заработали телефоны. Быстро собрались вооруженные рабочие (некоторые навеселе) и, под командой тов. Богачова, отправились на ст. Мушкетово, где соединились с прохоровцами и юзовцами, растянулись в длинную цепь и повели наступление на Макеевку. Командовали почти что все, а самое главное, кто имел громкий голос. Заняли казацкие казармы. Выбили казаков из Макеевки. В экономии Груцкого было взято в плен около 150 лошадей в седлах. Казаки отступали пешим ходом из ст. Кутейниковой по направлению к Таганрогу. Получив поддержку из Таганрога и Ростова, казаки перешли в наступление, в результате чего ими 1-го января 1918 года была занята Макеевка. В этот же день в 7 часов утра Берестовский Военный Отдел выслал разведку по направлению Макеевки, в количестве 5 человек, во главе с тов. Ракутиным. Вся разведка часов в 10 попала в плен. После долгого избиения и различных издевательств, арестованных без суда привели к шурху (выработанная шахта) и стали по одному расстреливать так, что трупы падали в шурх. Первым был убит 16-ти летний мальчик Коломийцев Андрей, вторым был расстрелян Мурзин (грузчик), третьим расстреливался тов. Лособыка, который случайно спасся, четвертым — Сапрыкин (милиционер) и пятым тов. Ракутин (Секретарь Подрайпаркома РС-ДРП большевиков). Спасся тов. Лособыки следующим образом: когда его поставили к шурху расстреливать, раздалась команда „Пли“, но он за полминуты до выстрела сам упал в шурх (глубиною около 12-ти саженей), причинил себе ушибы головы и всего тела, а также получил ранение в руку (казаки стреляли в шурх после расстрела). Просидев часа 3 в воде, т. Лособыка пришел в себя, и с большим трудом по расстрелам ствола (по бревнам из труб) он выбрался на поверхность. Пользуясь туманным днем, он пробрался на Берестово-Богодуховский рудник. По дороге его встретила наша вторая разведка, помогла ему добраться быстрее к месту. Итак, тов. Лособыка был на волосок от смерти и спасся только благодаря решительности и геройству.

2-го января рано утром казаки заняли Берестово-Богодуховский рудник. В это время к нам подошел на помощь броневик тов. Рюклиса и отряд Красной гвардии, под командой т. т. Сиверса и Потапова. Благодаря этой помощи, мы выгнали казаков из Юзовского и Макеевского районов и утвердили власть Советов.

В дни Бреста

Наступили холодные февральские дни, и вместе с ними наступили дни Бреста. Немцы начали оккупировать Украину. По распоряжению Юзовского паркома, нам пришлось сформировать 3 отряда, человек по 200 в каждом. Все они были направлены в Юзовку, откуда отправились в Конотоп, где шел бой с немцами. Наши силы таяли, а фронт все приближался и приближался.

В ночь под 22-е апреля 1918 г. уже изредка стали доноситься орудийные выстрелы. По рудникам поднялась небольшая паника. Часть оставшихся большевиков приготовилась к боевой обстановке, а также к эвакуации учреждений.

В день 22-го апреля все ближе звучали орудия, послышался треск пулеметов. В это время мы отправили в Юзовку последний отряд в 100 человек. На руднике остались одни члены Ревкома. Часа в 3 дня получаем телефонограмму эвакуироваться по направлению ст. Харцызск. Вагоны быстро заполнились рабочими, остающимся рабочим на ст. устроили митинг, который закончился Интернационалом. Раздался третий звонок, паровоз дает отправление, музыка исполняет прощальный марш. Раздались рыдания, крики истерики и мы в такой трагической обстановке двинулись в путь на ст. Харцызск.

24-го апреля, часов в 8 утра, я узнал, что Берестовка еще не занята но „конторская братия" постаралась выкинуть белые флаги. Беру красногвардейца т. Грибовского, садимся на лошадь, запряженную в бедарку, и едем на Берестовский рудник, который действительно был украшен белыми флагами. Дав тревожный гудок, мы наскоро собираем митинг, мы узнаем кто вывесил белые флаги, и их-же заставляем снять.

Под угрозой заставили мы администрацию рудника раздать рабочим получку. После всех проделанных нами операций мы под гром приветствий рабочих, заявили:

— „Ждите нас, мы придем!"

Так и совершилось, от поражения мы перешли к победе, но вернулись на места далеко не все. Многих не хватает из нашей организации, а еще больше товарищей беспартийных. Их имена, как людей, отдавших за пролетарскую революцию самое ценное и дорогое — жизнь, должны быть занесены в историю революционного движения.

Вот незабытые имена с честью погибших товарищей с одного только Берестовского рудника:

Ракутин Федор (член партии с 16 года), Чернов Афанасий (член партии с 1916 г.), Чернов Федор (член партии с 1916 года), Косенков (член партии с 1916 г.), Бирюков (член партии с 1916 г.), Иподаренко П. (член партии с 1917 г.), Куверчин Н. (член партии с 1917 г.), Мурзин (член партии с 1917 г.), Сапрыкин (член партии с 1917 г.), Семенов (член партии с 1917 г.), Толкачев И. (член партии с 1917 г.), Новиков Н. (член партии с 1917 г.) и всегда исполняющий партийные обязанности беспартийный 16-ти лет—Андрей Коломейцев.

Р. Я. ТЕРЕХОВ

Организация и борьба Красной Гвардии на Украине в 17—18 г. г.

Начало организации Красной Гвардии в Харькове относится к первой половине мая 1917 года и совпадает с тем периодом, когда наши силы чрезвычайно были слабы.

В первом составе Горсовета была небольшая группа большевиков, численности которой точно не знаю, т. к. в этом составе не пришлось работать. Работа Горсовета известна была только из докладов на Х. К., от официальных его представителей т. т. Буздалина С. и Данилевского Н. В это же время там работали активно т. т. Кин, Лугановский, Судик и др.

Влияние наше среди рабочих и солдатских масс было еще слабо. Паровозостроительный завод был под меньшевистским влиянием; большевиков было около десяти человек и то мало активных.

Харьковскому Комитету нашей партии стоило больших усилий создать там наш коллектив и вести работу по усилению нашего влияния. Другие заводы, за исключением Вэка, имели единицы членов нашей партии; были и такие, как Гельферих-Саде, где не было ни одного. Харьковский Железнодорожный узел, впоследствии игравший довольно значительную роль, в то время был слаб и только начинал раскачиваться. Старые большевики пользовались большим влиянием среди всей ж. д. массы. В первый Совет от них были избраны исключительно большевики, но некоторые из них не только не руководили рабочими массами, но и сами не достаточно оценивали положение, о чем может свидетельствовать следующее: многие из старых большевиков не состояли в нашей фракции I созыва Гор. Совета после февральской революции, некоторые по ошибке записались к меньшевикам, над чем и сами после смеялись, как-мол это случилось (об этом знают т. т. Гулый, Сербиченко и др. ж.-дор.).

В воинских частях было сплошное засилье эсеров, если не считать начавшего там работать в мае тов. Рухимовича. Около этого времени и начала зарождаться Красная Гвардия. Помню, как после одного заседания Харьковского Комитета, т. Кин притащил в Х. К., на Кузнечную № 2, порядочное количество оружия—там были бульдоги и аршинные Смиты. Тов. Сурик удачно тогда отметил, что тов. Кин первый положил камень в фундамент Красной Гвардии. Вскоре были организованы отряды по предприятиям и союзам, но вооружить их было нечем. Первую партию оружия, в количестве около 200 шт., удалось достать в полку, который

стоял в казармах по ст.-Московской ул., против Народного дома, благодаря тов. Рухимовичу, который в это время работал в военной секции. Оружие было разных систем: японские, австрийские, берданы и Гра. Этой первой партией были вооружены отряды трамвая, союз строительных рабочих и союз швейников. В июле из Тулы было получено большое количество (какое—не помню) через т. Сербиченко новых русских винтовок и наганов. К августу наиболее численными и организованными были отряды на Вэке, около 1000 человек, более слабыми—в союзе строительных рабочих, около 100 человек, швейников и на трамвае около 150 человек. В Ивановском ж. дор. районе в отряде было свыше 1000 ч., но зато менее организованы, чем на заводе.

Активные работники по организации Кр. Гвардии были следующие товарищи Вэк: т. т. Пастер, Пине, Покко, Киркиж. Паровоз. завод: т. т. Яковлев, Нехаенко; Гельф.-Саде: т. Ширяев; Мельгозе: т. Стебаев; Проволочный: т. Бобков; Строительн. раб.: т. т. Шаповалов Костромин; швейники: тов. Пасечников; Трамвай: т. т. Лесовой, Мирошниченко А., Мирошниченко В.; на жел. дор.: т. т. Сербиченко, Скороход, Кабаненко Н.; зав. Шиманского: т. т. Иванов А. и Скарбатовский.

Постепенно мы начали овладевать и солдатскими массами. Особенно дело подвинулось, когда прибыл в Харьков 30-й полк, где были т. т. Руднев и Глаголев.

Так создалась Красная Гвардия, которой выпало на долю вынести тяжелую борьбу с белогвардейцами.

За период от ноября 17 года по март 18 года почти все харьк., Крас. Гвард. отряды бывали на фронтах: одни на Калединском в Донбассе, другие на Корниловском под Белгородом; за месяц до оставления нашими Харькова все разногласия по поводу Бреста были исчерпаны и организация была занята вопросом борьбы с наглеющей контр-революцией.

К этому времени каждый из членов партии проверял себя, и отдавался целиком тому делу, к которому чувствовалось больше способностей. Т. т. Иванов А., Данилевский Н., Рухимович отдались военному делу.

25—28-го марта, т.-е. ровно за две недели до оставления Харькова, т. Данилевский Н. вполне организовал коммунистическую роту, которая насчитывала с санитарным отрядом 75 человек.

В это время Паровозостр. завод тоже организовал свой полк, „1-й Пролетарский“, в который и влилась наша коммунистическая рота.

Характерно отметить, что паровозники никому не доверялись, и поставили вопрос перед В.Р.К. о том, что они тогда пойдут на фронт, когда ими самими будет выбран командир полка.

Командиром был избран т. Нехаенко, а также были выбраны батальонные и ротные командиры. Первый раз в казармы явилось около 2-х тысяч человек, из которых на фронт отправилось около 450 чел.

Из Харькова мы выехали числа 28-го марта. В Полтаве к нашему полку присоединили отряд из Константиновки (Донбасс) около 100 чел.

Получивши боевое задание, отправились под Кременчуг. Не доезжая одной станции перед Потоками, мы узнали, что немцами заняты Потоки. Началось приготовление к бою. Военных спецов не было, военной карты никто не знал. Помог в этом отношении немного т. Межлаук И. И., который в это время встретился и остался с нами. Связи не было, но все же решено было наступать.

В 12 ч. ночи пустили вперед две платформы с трех-дюймовками, а левее—цепями роты. Но тут произошла ошибка в расстоянии и месторасположении противника: не прошли роты и половины, как артиллерийская подготовка уже окончилась, и из строя вышло одно орудие.

На рассвете наши цепи подходили к деревянному строению. Там заметно было движению немцев. Мы были на открытой равнине в 200 шагах от противника, немцы же под прикрытием, с установленными пулеметами на крышах и мельницах.

Раздалась команда: „вперед"... и тут же начался обстрел наших цепей.

Кто кричал вперед, кто ложись.

Огонь неприятеля был настолько сильный, что довольно быстро у нас выбыли десятки людей. Получилось замешательство. Кто был обучен,—залегли и отстреливались, большинство же необученных падали как подкошенная трава. Наш ротный (фамилии не помню) скомандовал: „отступать полком", так как в это время уже были видны немецкие цепи, пошедшие нам в обход. Наша батарея стала их обстреливать и тем спасла положение. В бою наш полк потерял около 130 человек, из них не больше 20 чел. удалось забрать ранеными, а остальные погибли смертью героев, добитые немцами. Тяжело раненый Межлаук И. И. приполз к ж. д. и был нами подобран. В бою особенно выделялся т. Данилевский Н.: он был более спокоен, отступил последним, стрелял до последнего патрона.

После боя паровозники стали митинговать и требовать отправки в тыл для обучения.

Связи по сторонам не было, а к вечеру получен был из Полтавы приказ отступать. Прибыв к утру в Полтаву, где держалась только станция, нам с трудом удалось перевестись на линию Лозовая. По пути многие из тов. паровозников стали заниматься нехорошими делами. Нашей коммунистической роте пришлось принять меры к прекращению недостойных поступков. В ответ нам стали грозить взрывом наших двух вагонов.

В Константинограде было созвано общее собрание. Явились в большинстве вооруженные, т. к. думали освободить преступников. Товарищи из Константиновки тоже настаивали на отправлении их домой, и нам пришлось выдержать довольно сильный натиск; но благодаря энергии и умению тов. Данилевского, удалось кое-как этот вопрос уладить. После этого нашей роте удалось взять инициативу в свои руки. Тов. Данилевским был составлен небольшой отряд, с помощью которого удалось вывезти обмундирование, а также взорвать артиллерийские склады в Федоровке, которая была занята гайдамаками. Удалось же ему

это проделать исключительно благодаря его сверхчеловеческой энергии и смелости.

В Лозовой т.т. паровозники переизбрали командира полка и уехали в тыл. Нам пришлось соединиться с Екатеринославским отрядом.

15—17 апреля поздно вечером наш отряд и другие, которых было до пяти, отправились на позиции влево от Барвенково верст на пять. На утро пошли в наступление на большое село, верстах в 8-ми от Барвенково, чтобы занять позицию за балкой, наша рота была на правом фланге. Немцы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Мы двигались ползком и лишь один тов. Данилевский все время шел впереди шагах в 20—30, не слушая совета товарищей беречь себя. Вдруг тов. Данилевский обернулся к цепи и жестом позвал пять товарищей. Подползли к нему, он быстро обратно прислал одного, которому передал о расположении сил противника, а главным образом, о попытках поставить пулеметы и бить во фланг; цепи же немцев находились за бугорком в 500 шагах от нас. Тов. Данилевский с группой товарищей обстреливал пулеметы, которые пытались установить нам во фланг. В ответ на них посыпался град пуль, но все же им удалось вывести из строя команды двух неприятельских пулеметов. Левый наш фланг растянулся версты на 3, т. к. в бою участвовало около 3-х тысяч человек. Наша рота увлеклась и не заметила, что левый фланг уже не выдержал и отступил в беспорядке. Командир нашей роты, подавая команду вперед, заметил, что рота осталась одна, он подал команду отступать в балку. Повернувшись ползти в балку, которая была в десяти шагах, мы увидели, что немецкие цепи шли уже полным шагом на расстоянии 150 шагов.

В это время были ранены тов. Корненков (коммунист) и санитарка (фамилии не помню), санитарка-коммунистка не отставала от нас.

Подобрав раненых мы, отстреливаясь, спустились в балку.

Путь отступления был усеян брошенными винтовками, шинелями, сапогами, пулеметными лентами, а также оставлены были два пулемета.

Переглянувшись, мы увидели всего около 10 человек, среди которых не было т.т. Данилевского и Грановской. Отправив раненых, мы стали разыскивать т.т. Данилевского и Грановскую, оказалось, что они наверху возятся с тяжело раненым тов. из другого отряда, откуда силой вместе с ранеными их пришлось тащить в балку. В этот момент оставались Данилевский Н., Грановская М., Петренко (беспартийный), Ротный, Леутский, Кеспер, Вержбановский, Лапаок, я и Костромин.

Тащили пулеметы, ленты и упомянутого раненого тов., который на руках умер. Немцы стали занимать балку. Оставив пулеметы и часть лент, нам зигзагами удалось выбраться из балки и потом ползти шагов 300. Положение было безнадежное. На станции—неразбериха: три орудия, приготовленные к отражению, начали сниматься, так как не было и двух десятков штыков для прикрытия. Остановившись около орудия мы вырыли окопы и стали прикрытием. К нам присоединилось еще десятка два человек.

Наша артиллерия стала бить в движущиеся цепи и колонны немцев, которые были в 500 шагах не больше. Видно было, что ни один снаряд не давал промаху. В рядах противника получилось замешательство, и они стали отступать. В это время подоспел свежий отряд человек 200, наз. „Ленинским“.

Отступление немцев перешло в бегство, мы их настигали по пятам. Артиллерия с неимоверной быстротой двигалась вперед. Бегущие немцы бросали все оружие, рененых и обмундирование. Раненых и убитых оставлено было около 200 чел.

Главную роль в этой операции играл тов. Данилевский Н., со свойственной только ему энергией, удалось поднять настроение красногвардейцев. Натиск наших отрядов настолько был быстрый, что немцы, не успев отступить, рассеялись по деревне, где переоделись в крестьянскую одежду. Собрав таких 25 человек, вышли за село, отобрали документы, причем оказалось, что большинство были офицеры, один был граф и у него, кроме документа, найдена была частная переписка. Документы все забрал тов. Данилевский, а с ними поступил так, как поступали в то время.

Под вечер заняли удобную позицию верстах в трех за селом. Настроение было прекрасное, но чувствовалась сильная усталость и к тому же были голодны, так как в эти сутки многие с‘ели по одной картошке.

При установлении связи оказалось, что Ленинский отряд отступил. Нас оставалось 50 человек. Разведка наша, состоящая постоянно из т.т. Данилевского и Петренко, установила, что за перевалом значительные силы немцев. Переждав пока хорошо стемнело, мы отступили до станции. На утро часов в 8 следующего дня, стали обстреливать станцию 6-ю дюймовыми снарядами. На позицию выступило около 200 чел. и продержались до 2-х часов дня. На этот раз меня оставили держать наготове эшелон и охранять кассу. Фронт дрогнул, половина людей двинулась в эшелоны, но в это время снарядами немцев были разбиты станция и водокачка. Около деревянного сарая-пакгауза стоял состав без паровоза, в нем были снаряды, пироксилин, продовольствие и пять вагонов раненых. Один момент всем грозило полететь в воздух. На путях было темно. Гул взрывов и крики раненых смешались в один кошмарный гул. Раненые, кто мог двигаться и ползти, бросали вагоны, но другого выхода не было.

Я отцепил свой паровоз, подал им свой состав назад и вывез состав с ранеными, наш же состав остался без паровоза и закупоренным. Из нашего эшелона тоже прибежали первые предвестники отступления, которые видя, что нет паровоза, набросились на меня, угрожая ноганами. Об‘яснения и убеждения на них не действовали, пришлось применить также свой ноган. До стрельбы дело не дошло, так как скоро подоспели два товарища, посланные командиром с фронта, для предупреждения, чтобы эшелон не ожидал, а двигался на следующую станцию. Требовавшие отправки начали удирать и споры прекратились.

Отступающим небольшим броневиком эшелон был подвинут вперед шагов на сто, затем, будучи подбит, остановился. Станция была разбита, деревянный сарай горел. Через час вернулся паровоз (когда освобободились пути), забрал состав и подбитый броневик.

В Родаково прибыли 20—22 апреля, где встретились с Харьковским Коммунистическим Полком под командой тов. Локатоша.

В полку были т.т. Судик, покко, Брунько, Кусталян Е. и др. Влившись в этот полк мы уже чувствовали себя много лучше прежнего. Через день наш полк штабом был переброшен на охрану Луганска. За час, приблизительно, до отправления, слева от станции начался обстрел из орудий. Другие отряды снялись и под разными предлогами стремились скорее уехать. В это время на станции скопилось до 10 эшелонов.

Вместо Луганска наш полк пошел первым в бой, за ним пошли и другие. Тов. Руднев в это время совершенно выбился из сил, но все же оставался на своем посту. Скоро нащупав расположение противника, нам в течение часового боя удалось не только оттеснить, но и обратить в бегство, забрав у него два орудия и несколько пулеметов. Всего бой длился не больше 3-х часов. Наши потери были небольшие: 3 убитых и около 10 раненых. Среди раненых был тов. Покко. Потери немцев превышали наши раз в 5—6, (судя по оставленным на поле сражения). Отогнав верст на 15 противника и заняв позицию, нам все же пришлось отступить, так как был получен боевой приказ из штаба. Отступали пешим порядком до Луганска.

Из Луганска двигалось эшелонов 25, один за другим. В Миллерово выяснилось, что на Воронеж ехать нельзя, так как этот путь уже отрезан, а потому двинули на Лихую. Не доезжая одного раз'езда до ст. Каменской узнали, что там небольшой местный отряд несколько дней отбивает натиск немцев. Высадившись, пошли походным порядком в Каменскую, откуда рано утром вышли на позицию и повели наступление на большое контр-революционное село Гундровку. Сутки прошли без столкновений, на другие вошли в соприкосновение и выбили немцев. Операциями руководил тов. Ворошилов, участвовало же в операции до 5 тысяч человек.

В это же время немцами производился сильный нажим со Зверево на Лихую, а это был единственный пункт нашего отступления. Идя на выручку Лихой, мы построились колоннами, так как опасности, по мнению командиров, не было, но не успели выйти из Гундровки, как по нас открыли орудийный огонь. Неожиданность вызвала сумятицу, большая часть побежала по лугу. Наш полк рассыпался в цепь по горе. Отступая нам пришлось до поздней ночи быть прикрытием нашей батареи, которая выдерживала поединок с немецкой. Часов в 11 ночи разведка, состоящая из т.т. Данилевского и Петренко, установила близость больших сил противника. Артиллерия быстро снялась, бросив около 100 снарядов.

Люди выбились из сил, так как двое суток беспрерывно были на ногах и бродили по вязкой пахоте. Пройдя версты две, некоторые из товарищей стали ложиться от изнеможения. Падая на землю, просили не беспокоить, так как силы совершенно иссякли, говоря: „Пусть убьют

немцы, но итти не могу". Наиболее слабых пришлось тащить, но все же никого не оставили.

В этом памятном отступлении бодрее всех был тов. Данилевский, который нес снаряды, помогал слабым и веселым товарищеским смехом поддерживал настроение всех, а также тов. Грановская М., будучи все время с нами, несла снаряды и, еле держась на ногах, помогала другим. Тов. Кустолян, несмотря на ее физическую слабость, была бодрее многих мужчин. В 4 часа утра мы добрели до Каменской, где, передохнув 2—3 часа, вновь пошли на позицию, задерживая натиск немцев на Лихую. Наиболее сильный натиск был слева. Левый фланг не выдержал и в беспорядке отступил. Получилась страшная сумятица. Начавшие двигаться эшелоны потерпели по пути крушения; от запряженных двуколок обрубали гужи и уезжали верхами. По уходящим эшелонам немцы били с раз'езда, к которому в 2½ верстах подходило колено царицынской линии.

Наш эшелон остался не вывезенным.

Я и тов. Судик, сильно уставшие, отстали, как от роты, так и от полка и, зайдя в один состав, увидели тов. Репильскую, которая нам сообщила, что контуженный тов. Артем лежит в одном из отделений вагона; не желая беспокоить больного, мы вышли, пытаясь несколько останавливать бегущих из эшелонов, но безрезультатно.

Провозившись с отступающими, мы упустили уходящие эшелоны и пришлось итти целые сутки до Калитвы.

В Калитве нашли нашу роту, она была в полном сборе. Полк же наш разбился на мелкие отряды. Нашу роту послали на охрану ж.-д. батальона, который исправлял мост и линию. Ж.-д. батальон состоял из рабочих Сев.-Донецких ж. д. Они работали день и ночь, т. к. все железные мосты были взорваны, деревянные сожжены, насыпи местами разрушены, полотно по 5—10 верст было согнуто в кольцо и петли. Как удалось потом выяснить, работу эту выполняло местное казацкое население быками, под руководством офицеров. Эшелонов на линии было около 80, задние были брошены, так как им угрожала большая опасность. По утрам нас ежедневно посещали аэропланы, угощая бомбами. С боков делали налеты казаки, но у них не было патронов и их снаряды не разрывались, а поэтому нам легко было справляться с ними. Много было случаев, когда отряд в 50 человек с двумя пулеметами гнал по десятку верст целые сотни. Население было слишком запугано, а потому на первый взгляд казалось враждебным.

Мост через р. Чир окончательно поставил нас в тупик: он был взорван так, что одна его сторона висела на 3 метра и перекренился весь на бок метра на 1½ и к довершению был загружен паровозом и платформами.

Положение с каждым днем ухудшалось. На собрании ротного актива из обмена мнений выяснилось, что если удастся выбраться всем при такой дезорганизации, то нужно организовать надежный кулак и прорываться пешеходом. Тов. Данилевский предлагал организовать такой

отряд и остаться в тылу партизанить, но только без женщин (т. к. для них считал это трудным), против чего протестовали т.т. Грановская и Кусталян. Против дезорганизаторских настроений выступил тов. Ворошилов, который заявил, что через пять дней мост будет исправлен, и потому со всяким сепаратизмом он будет решительно бороться. И действительно, через пять дней мост был исправлен. Восторгам не было конца. Эту высокую заслугу мы, отступавшие, обязаны всецело признать за железнодорожниками, т. Ворошиловым и т. Артемом.

Первые изнемогая работали, вкладывая все силы в это дело, не страшась смерти.

Т.т. Ворошилов и Артем по всему пути отступления выказали непоколебимую стойкость вождей. Они не только умели давать правильные распоряжения, но и умели показать примером на деле.

История не может оставить также незамеченным т. Данилевского, так как его высокое революционное сознание и безграничная смелость должны послужить примером для сотен пролетариев.

Т. Кеспер, который погиб смертью героя, будучи в охране рабочих при исправлении моста, как всегда, и в этот момент первый ринулся в бой и пал сраженный снарядом. Т. Кеспер является одним из тех героев, которых и в наше время часто не замечают.

В. МОРГУНОВ

Союзный дессант на Украине

Воспоминания и документы [1])

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк рассчитан на широкого читателя-рабочего. Очерк составлен отчасти по воспоминаниям, а отчасти по материалам, собранным в Одесской Публичной Библиотеке и в Истпарте Одесского Губкома К. П. (б.) У. Все документы, приведенные в очерке, имеются налицо в этих двух исторических хранилищах. Материалом для работы, главным образом, послужили газеты, изданные в городе Одессе с момента ноябрьской революции в Германии и до конца союзной оккупации юга Украины.

3-я глава, касающаяся митинга в цирке и разгрома тюрьмы, пополнена, в результате беседы с участником борьбы того периода — тов. Клименко. О действиях отряда Военно-Революционного Комитета после победы в уличном бою союзо-добровольцев над республиканскими войсками Украинской Директории рассказано мне Николаем Голубенко. Глава 8-я, в части касающейся описаний событий в Херсоне и Николаеве, составлена по материалам Харьковского Центрального Архива Революции (папка: „Документы о взятии Николаева").

Кроме того, материалом для составления настоящего очерка послужили бесконечные беседы с товарищами по подполью.

Что касается могущих быть неточностей и ошибок, допущенных мною в очерке, то они при данном характере работы неизбежны.

Революционной задачей товарищей, работавших в описываемый период в городе Одессе, является — пополнить и исправить мой очерк.

АВТОР

---

[1]) Очерк тов. Анулова „Союзный дессант на Украине" содержит в себе 9 глав. В настоящем номере журнала редакция помещает первые 4 главы, остальные же 5, заключающие большую половину очерка, будут помещены в 6-ом номере „Лет. Рев.".

ГЛАВА I

Австро-Германская оккупация на Украине. Ноябрьская революция в Германии. Восстание Петлюры. События в городе Одессе. Французский консул Энно. Всеобщая политическая забастовка. Настроение украинской интеллигенции.

В начале 1918 года, по приглашению Украинской Рады, на Украину пришли австро-германские войска. С их приходом в город Одессу, украинские советские части, защищавшие подступы к городу, отошли частью на Николаев, частью морем в Крым. Морем же эвакуировался и „Румчерод".

После горячих боев под Николаевом и Херсоном, советские войска совершенно очистили юг правобережья Украины. Началась борьба на левом берегу Днепра. Плохо вооруженные, плохо подготовленные и еще хуже организованные партизанские отряды красных войск, сведенные в так называемые „армии", вели хаотичные бои с могущественной австро-германской армией.

Ссаживаясь с железнодорожных эшелонов и вновь в них погружаясь, после небольших боевых столкновений с противником красные отряды вели войну, известную под названием, „эшелонной войны". Методично и упорно теснили красных австро-германские войска на восток. Борьба, главным образом, сосредотачивалась вокруг крупных городских промышленных центров и у железнодорожных узлов, имеющих стратегическое значение.

Разбитые в одном месте, советские украинские „армии" перебрасывались по линии железной дороги в другое, с тем, чтобы затем вновь погрузиться в эшелоны и вновь перебрасываться.

Операционные направления красных войск проходили, главным образом, по районам, население которых сочувственно относилось к Советской власти, иначе говоря: отступление красных отрядов производилось по линии наименьшего сопротивления. Этот характер отступления имел и свои положительные стороны: преследующие красных войска противника проходили по районам, население которых относилось к ним враждебно; таким образом, противник двигался по линии наибольшего сопротивления.

Отходя на Восток и оказывая незначительное сопротивление, Красные Советские отряды вскоре сосредоточились в Донбассе, — в этом огромном пролетарском районе. Пополнившись здесь рабочими дружинами и отрядами Красной гвардии, Украинские Советские войска, под натиском австро-германских оккупационных частей, отошли по направлению к Царицыну. Чем дальше вглубь страны уходили украинские партизаны,

тем ожесточеннее дрались, тем становились боеспособнее, стремясь вернуть завоеванную империализмом Советскую землю.

Вскоре после прихода на Украину австро-германских войск, Украинская Рада пала и на ее место у власти стал гетман Скоропадский. Мелкобуржуазная шовинистическая украинская интеллигенция получила хороший урок. Но он мало их чему научил; это показала политика украинской интеллигенции, взятая ими во время союзной оккупации Украины, в конце 1918 года.

Между тем, в оставленной Украине одно за другим вспыхивали рабочие и крестьянские восстания. Украина пылала огнем повстанческой борьбы. Украинский хлеб и другое добро вывозилось заграницу. Украина расхищалась.

Свыше 9-ти месяцев длилась австро-германская оккупация на Украине. Но вскоре революция в Австрии и ноябрьская революция в Германии положили интервенции конец. Взамен австро-германского империализма, на арену классовой борьбы на Украине выступает Антанта—союз стран победительниц.

Наряду с свержением рабочим классом имперской власти в Германии, на Украине против гетмана—этого ставленника австро-германцев —восстает Петлюра, возглавляющий Украинскую Директорию.

Освобожденный гетманом, по настоянию революционных масс, из тюрьмы, Петлюра неожиданно появляется во главе Галицийских сичевиков, в районе Белой Церкви. Он призывает украинское крестьянство на борьбу с гетманом. Украинское селянство на зов широко откликнулось. Рать восставших росла с каждым днем, с каждым часом, двигаясь походом на Киев. Гетман Скоропадский, в полной растерянности, отдает себя под покровительство и защиту добровольческой армии [1]).

18-го декабря 1918 года „ясновельможным паном Гетманом“ издан следующий указ по Украинской державе:

> „Ввиду чрезвычайных обстоятельств, общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю генерал-от-кавалерии графу Келлеру, на правах главнокомандующего армиями фронта, с предоставлением ему, сверх того, прав, определенных ст. 28 Положения о полевом управлении войск в военное время.
>
> Всю территорию Украины об'являю театром военных действий, и потому все гражданские власти Украины подчиняются графу Келлеру“.

Таким образом, власть в центре перешла к добровольческой армии. Ее генералы, Келлер и Кирпичев, подчинили себе гетмана Скоропадского. На место украинцев на арену выступили доподлинные реакционеры-монархисты с добровольческим лозунгом: „единой, неделимой“. Программа новой власти была ясна и проста. Она определялась несколькими словами: „Союз с Антантой и борьба с большевиками“.

---

[1]) Автор не освещает громадной роли большевиков в борьбе против гетмана (Прим. редакции).

Вступив в командование над украинскими войсками, или вернее над войсками, находящимися на Украине, граф Келлер выпустил официальное оповещение, гласящее:

„Освобожденный недавно из тюрьмы, по приказанию гетмана, Петлюра, выведя из Галиции некоторые части безначальных австрийских войск, поднял на Украине восстание против власти. С этой целью он занял город Белая Церковь и Бердичев и двинулся с приставшими к его отряду бандами большевистски настроенной черни на Фастов и Киев. Встреченный выдвинутым отрядом офицеров добровольческой дружины и частью Сердюкской дивизии, Петлюра после боя был, в своем продвижении на Киев, остановлен. Слухи, что к отряду Петлюры примкнули и некоторые германские части, категорически опровергаются. Основанием к ним, очевидно, послужило смешение германской формы с австрийской.

Штаб главнокомандующего находится в связи со штабами генерала Краснова и Деникина.

Германские войска исполняют свой долг по охране установленного на Украине государственного порядка.

В Харькове проходивший через город Украинский 2-ой Запорожский полк полковника Балабачана арестовал корпусного командира и высшие гражданские власти и, по слухам, об'явил Харьковскую губернию Республикой.

В правобережной Украине, кроме местностей, по которым прошел Петлюра, спокойно. В левобережной Украине поднялись скрывавшиеся до сих пор банды большевиков“.

Таково было положение дел на Украине. С каждым днем, с каждым часом оно осложнялось. Революция развивалась.

Что касается находящихся в Одессе австро-германских частей, то в период переворота в Германии они оказались в западне: с севера—Петлюра, с запада—румыны и союзные войска, с востока—атаман Григорьев, оперирующий в те времена в районе Херсонщины и Николаевщины, с юга—море и Антантовский флот. В отчаянии находящийся в Одессе командующий австрийскими оккупационными войсками на Украине, генерал фон-Бельц, пускает себе пулю в лоб. Его реакционная натура не могла пережить поражения и революции.

В это время в Одессе царствовало безвластие. Австро-германцы уходили в Николаев—там находились их значительные силы—оставляя в Одессе лишь свои штабы, недавно бывшие еще властью. Кроме того, функционировал штаб III-го корпуса войск Украинской Державы. Нужно заметить, что трудно было понять, какой ориентации придерживался штаб корпуса: гетмановской или Петлюровской. Что касается реальной силы, то штаб III корпуса в своем распоряжении имел крайне незначительное количество. В городе находились, кроме того, различные добровольческие организации, в свое время вербовавшие при гетмане офицерские отряды для Краснова и Деникина. Возобновляла свою деятельность Одесская

городская дума. Выползал из подполья также и Совет Рабочих Депутатов. Трудно было разобрать, кто является властью. Ею чувствовали себя все вышеозначенные организации.

В этот период настроение рабочих масс города Одессы было крайне повышенное. Оккупационный урок для Одесских рабочих не пропал даром. Германскую революцию рабочий класс Одессы встретил радостно и восторженно. Начала открыто действовать большевистская организация. Посыпались сотни листовок и воззваний.

Политические партии готовили манифестацию в честь германской революции. Буржуазия была в панике,—она боялась рабочего восстания.

20-го ноября 1918 года в городе, в связи с создавшимся положением, было опубликовано следующее об'явление:

„От главноначальствующего Одесского градоначальства. — По дошедшим до меня сведениям, некоторые неблагонамеренные лица предполагают сегодня устроить в Одессе манифестацию.

Предупреждаю, что никакие манифестации допущены не будут и малейшая к тому попытка будет подавлена силою оружия.

Благоразумное население приглашается не собираться в толпы.

Главноначальствующий ген. Мустафин“.

Ноября 20-го дня 1918 года. г. Одесса.

Рабочие, в ответ на запрещение манифестации, решили организовать всеобщую политическую забастовку. Эта идея в рабочей среде крепла с каждым днем, с каждым часом. Требованиями рабочих являлись: освобождение политических заключенных, свобода слова, свобода собраний и легализация Совета Рабочих Депутатов.

Как и везде, в хвосте рабочего движения гор. Одессы плелись меньшевики. Они всеми мерами тормозили развитие революционного действия со стороны рабочего класса. В этот период времени они были сильны. В их руках находился аппарат профессиональных союзов и кооперативных рабочих об'единений. Они имели там подавляющее большинство голосов. „Центропроф“, как сокращенно назывался Центральный Совет Профессиональных Союзов города Одессы, в свою очередь имел большое влияние на рабочий класс,—это делало меньшевиков сильным политическим противником.

В это же самое время буржуазия ожидала помощи извне. Были слухи, что австро-германские войска заменят войска Антанты, оказавшейся победительницей в империалистической войне. Буржуазия с нетерпением ждала „избавителей“ с моря.

Уже 19-го ноября 1918 года в кадетской и либерально-буржуазной прессе города Одессы провозглашалось громкое „ура“ в честь союзников.

„Одесские Новости“, от 19-го ноября, в своей передовице под заголовком: „Слово гостям“, писали:

„На наш берег вступают гости—старые друзья и недавние союзники.

От души приветствуем представителей Франции, Англии, Италии, Америки“.

Кадетский орган „Одесский Листок“ в этот же день начинал свою первую страницу огромным аншлагом:

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ —

Слухи о союзном дессанте стали наиболее интенсивны после появления на Одесском горизонте французского консула в Киеве, с особыми полномочиями, Эмиля Энно.

23-го ноября, в беседе с корреспондентом „Одесских Новостей“, консул Энно сказал:

„Союзные войска прибудут сюда в самое ближайшее время. Цель их проста: восстановление порядка в стране. Все элементы, которые будут действовать против порядка, встретят вооруженный отпор со стороны союзников.

В данный момент мы совершенно не занимаемся политическими вопросами и борьбой партий. Мы имеем перед собой взволнованное море. Прежде чем пуститься по нем вплавь, мы должны его успокоить—вот наша первая и главная задача“.

Буржуазия стала успокаиваться. Ужас перед рабочим классом стал проходить. Образные и художественные выражения консула Энно вполне удовлетворяли буржуазию. Но не только буржуазию. Эти беседы с консулом Энно успокаивали умы и мелкобуржуазных социалистических вождей рабочего класса города Одессы. Меньшевики уверяли рабочих, исходя из слов консула Энно, что войска союзников прибудут в Одессу лишь с целью уничтожения австро-германского влияния на Украине. Других, якобы, агрессивных намерений со стороны „демократических“ стран меньшевики не допускали.

Вместе с консулом Энно, в Одесском порту появляются французские военные суда. Это обстоятельство еще больше ободрило буржуазию и реакционные круги города. На Одесский берег высаживаются команды трех линейных кораблей французского военного флота. Они ведут охрану здания французского консула Энно. Буржуазия с восторгом рассматривает щеголеватых французских матросов, гуляющих с видом победителей по городу. Рабочий класс также с затаенным интересом разглядывал „непрошенных гостей“—новых оккупантов.

Судя по заявлениям, сделанным в печати консулом Энно, последний не желает вмешиваться в политическую жизнь города, в борьбу партий и проч. Но это было лишь на словах. В действительности же, не проходило ни одного мало-мальски серьезного явления в городской и политической жизни города, куда-бы не вмешивался французский консул Энно.

Бесформенная и хаотическая политика консула Энно подчас даже смущала самую буржуазию,—консул очень часто ставил ее втупик.

Деятельность консула Энно в Одессе, несомненно, является одной из самых темных страниц истории буржуазной Франции.

Немалое влияние на ход союзной политики на юге Украины, проводимой консулом Энно, имела его жена, красавица-бессарабка. Она владела русским языком и, можно безошибочно сказать, имела решающее влияние на поступки и ход многих консульских мыслей. Через ее руки проходили все дела консула.

Одесса—город не любящий молчать. Вскоре по городу стали распространяться слухи о фантастических оргиях, кутежах и попойках, устраиваемых французским консулом, о колоссальных суммах, которые проходили через „ручки" госпожи Энно, о взятках и прочих вещах, позорящих имя союзного представителя[1]).

В печать о позорном поведении французского консула почти ничего не проникало. „Не вмешивающийся во внутренние дела" французский консул, однако, не допускал позорить „честное" имя Антанты и ее представителя, в своем лице. Малейший намек в печати о непристойном поведении консула чреват был для редактора газеты большими последствиями. Даже больше того, была специально введена французская цензура, с целью недопущения позорить консула.

Все это совершалось на фоне беспрерывного кутежа союзного командного состава французского флота. Не отставали от „европейцев" и добровольцы. Скандалы, бесчинства и попойки сменяли друг друга. Открылась свободная продажа крепких напитков. Поступила в продажу „казенка".

На общественную арену выступили прогнившие слои чиновничьего дворянства. Буржуазия чувствовала себя хозяином создавшегося положения. Пьянство, грабежи, офицерские налеты, ограбления на громадные суммы денег стали обыкновенными и злободневными явлениями при „твердом" порядке, вводимый реакцией при помощи союзников.

В государственных учреждениях развилось взяточничество, принявшее невиданные даже для „доброго старого времени" размеры. На ответственных местах появились старые царские чиновники,—они заполнили все места в правительственных аппаратах. Вокруг „власть имущих" шныряли сомнительного типа темные личности. Делались „дела".

В военных сферах карьеризм и подхалимство получило законное право. Было ясно—господствующие слои общества разлагались.

Население, в лице мелкой буржуазии и мещанства, не только потеряло доверие и уважение к властям и к союзникам, но становилось по

---

[1]) Поговаривали в городе и о близости к консулу Энно известной в России, кинематографической артистки, Веры Холодной. В особенности сопоставляли имя Веры Холодной с французским консулом, когда артистка, неожиданно для всех, умерла в течение двух часов. В городе распространился слух, что Вера Холодная, якобы, отравлена по приказанию французского консула Энно, из боязни разглашения тайн. Город жил слухами.

отношению к ним в пассивную оппозицию. Все обаяние „демократической Европы" олицетворенной консулом Энно, пропало.

Что касается рабочих Одессы, то последние все с большим и большим напряжением всех своих сил готовились к открытой борьбе. К тому же, в атмосфере разложения союзно-добровольческого режима ухудшалось и материальное положение рабочих. Это зависело, главным образом, от оторванности Одессы от прочих центров Украины, ибо в то время по всей Украине пылали восстания против гетмана и развивалось Петлюровское движение. Все это вызывало в городе дороговизну, безработицу и спекуляцию. Классовая борьба крайне обострялась. Политическая атмосфера сгустилась до максимального предела.

25-го ноября, под давлением рабочих масс, „Совет рабочих организаций" города Одессы об'являет двухдневную политическую забастовку. К этому времени рабочий класс готов был дать генеральный бой. Как-бы по мановению волшебного жезла, остановилась городская жизнь. Все замерло. Прекратил свою деятельность водопровод и город остался без воды; остановился трамвай, электрическая станция,—город без движения и света. Буржуазия, крупная и мелкая, с ужасом смотрела на могущество рабочего класса, нарушившего их покой и порядок. Забастовка протекала блестяще и дружно.

Но все же меньшевики не вытерпели. Напуганные паникой буржуазии, они пошли на попятную и сдали передовые позиции рабочего класса. 27-го ноября 1918 года, совершенно неожиданно для рабочих, „Совет рабочих организаций", руководимый меньшевиками, об'являет политическую забастовку прекращенной, не доведя ее до намеченного конца. Дело рабочего класса было предано.

Для иллюстрации предательской политики меньшевиков приведем полностью следующий исторический документ:

„Ко всем рабочим и служащим города Одессы.

Совет рабочих организаций, в составе Исполнительного комитета совета профессиональных рабочих союзов, правление союза больничных касс, правление союза рабочих кооперативов, Одесского комитета рабочей социал-демократической рабочей партии, партии социалистов-революционеров, трудовой народно-социалистической партии, „бунда", об'единенной еврейской социалистической партии, еврейской социал-демократической рабочей партии („Поалей-Цион") Постановил:

Об'явленную двухдневную политическую забастовку приостановить с 8-ми часов вечера, вторника, 26-го ноября сего года.

Совет рабочих организаций указывает, что начатая борьба еще не закончена. Рабочий класс города Одессы проявил в своем выступлении высокую ступень организованности и стойкости. Власть оказалась вынужденной считаться с волей пролетариата и пойти на ряд уступок.

Мы сознаем всю недостаточность этих уступок и, приостанавливая забастовку, мы будем организованно продолжать борбу за наши лозунги.

Совет рабочих организаций призывает рабочих и служащих города Одессы приостановить забастовку с таким же единением, с каким она была начата и проведена.

Лозунгом нашей дальнейшей борьбы остается—через Всероссийское и Всеукраинское Учредительное Собрание к Всероссийской Федеративной Демократической Республике.

Совет Рабочих Организаций".

Предательство было совершено. Забастовка была сорвана, несмотря на всю успешность ее проведения. Меньшевики не хотели и не могли понять, что начатое и тем более успешно проводимое революционное действие должно проводиться до конца. Половинчатости и недоговоренности в тактике рабочего класса быть не должно. Этого не могли уяснить себе меньшевики, но зато великолепно усвоила буржуазия, повлиявшая на прекращение забастовки. Соглашательство с буржуазией и с ее городскими властями предало дело рабочего класса города Одессы.

В приведенном выше обращении, Совет рабочих организаций, с одной стороны сознается, что удовлетворение властями рабочих требований далеко не соответствует переживаемому моменту, но, с другой стороны, все же сознавая это, Совет рабочих организаций бил отбой.

Результаты сорванной и неоконченной забастовки были крайне незначительны. Они явствуют из следующего исторического документа:

„К НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА ОДЕССЫ.

В дни прибытия в Одессу флота и войск держав Согласия особенно важно полное прекращение гражданской войны. Гражданский мир является основной предпосылкой для планомерного государственного строительства и возрождения нашей страны.

Учитывая все это, административная власть города Одессы считает необходимым пойти навстречу государственно-мыслящей части населения и

1) Освободить из мест заключения всех тех арестованных, которым судебной властью не пред‘явлено обвинение в преступлении уголовного характера.

2) Предоставить возможность составу Одесской Городской Управы, избранному Одесской Городской Думой, вновь вступить в управление городским хозяйством.

3) Облегчить положение печати и

4) Создать условия для беспрепятственных собраний организаций, стоящих на государственной точке зрения.

В Одессу уже прибыл представитель демократического блока Держав Согласия, французский генеральный консул,

г. Энно, и лучшим приветствием дорогому гостю Одессы будет проявление нашего общего единения, выдержки и спокойствия, столь необходимых для возрождения нашей России.

И. об. Градоначальника Богданович".

Что означала сия декларация градоначальника? Она означала освобождение всех политических заключенных, кроме коммунистов, ибо последние ничто иное, как „грабители и бандиты", т.-е. преступники уголовного характера; облегчить положение печати—это еще далеко было от свободного печатного слова, тем паче—от выпуска газет, стоящих на платформе советской власти; „создать условия для беспрепятственных собраний" лишь тех организаций, которые стоят „на государственной точке зрения"—это означало запрещение легализации Совета рабочих депутатов, ибо последний отнюдь не стоит „на государственной точке зрения", а создает „анархию".

Таким образом, забастовка была сорвана и рабочим преподнесен хороший урок. Он не пропал даром. Забастовка прекратилась, но движение рабочего класса города Одессы росло и ширилось.

В городе волновался и воинственно настраивался не один только рабочий класс: городская украинская интеллигенция, следя за успехами Петлюры и петлюровского движения на Украине, тоже переживала нервное напряжение. Она к чему-то интенсивно готовилась и для чего-то спешно организовывала свои ряды. В украинские городские организации прибывали таинственные гонцы. Точно также видные украинские деятели исчезали куда-то на время, из пределов города. Велась подготовительная подпольная работа. Одесса не могла оставаться вдали от развертывающихся событий на Украине. По городу шли всевозможные слухи. Они сосредотачивались, главным образом, вокруг вопроса о наступлении украинцев на Одессу, о подготовке восстания извнутри. Все чего-то ожидали. Политическая атмосфера чрезвычайно накалилась.

Это напряжение и накаленность политической обстановки вылилось в ряд кровавых инциндентов в городе. В особенности взволновались буржуазные и мелкобуржуазные слои населения после случая в национально-украинском клубе. Он имел место 23 ноября 1918 года.

В Украинский клуб, находящийся в доме № 8 по Малому переулку, к 9-ти часам вечера ворвались полицейские под командой офицера, с целью обыска. Находящиеся в клубе украинцы были об'явлены арестованными. Последние вызывающе затянули: „Ще не вмерла Україна". Руководящий обыском русский офицер иронически предложил присутствующим спеть „Боже царя храни". Это предложение сильно озлобило украинцев. Нервное настроение повысилось. Кто-то по телефону сообщил в штаб III-го Украинского корпуса и вызвал оттуда петлюровски настроенную войсковую часть. Быстро примчалась украинская сотня казаков. Она разоружила полицейских. Момент был близкий к общей потасовке и вооруженной борьбе. В это время неожиданно раздается выстрел. Был убит один из арестованных украинцев.

В городе ждут вооруженного выступления украинцев—сторонников Петлюры. Но это выступление не состоялось. Украинцы были слабы, а Петлюровские войска находились еще далеко от Одессы. Соотношение сил было не в пользу украинцев.

Город переживал тревожные дни. По ночам на улицах раздавалась беспрерывная стрельба из винтовок и револьверов. То здесь, то там с оглушительным шумом разрывались бомбы. Население замерло. Буржуазия с нетерпением ждала избавителей с моря. Оттуда должны были прибыть союзные войска.

ГЛАВА II

Прибытие союзного флота. Заседание Центрального Совета Профессиональных Союзов. Свержение гетмана Скоропадского. Приближение к городу Одессе петлюровского фронта. Германцы и польские легионеры. Взятие города Одессы петлюровскими войсками.

26-го ноября с вышки Лоцманской станции был обнаружен в открытом море миноносец под английским флагом. Весть об этом событии с молниеносной быстротой облетела весь город. Вскоре в порту собралась громадная толпа народа для встречи союзного дессанта. Но слух оказался ошибочным. В этот день лишь прибыли военные суда союзного флота. Дессант же был в пути.

Союзный флот встречали крайне торжественно. В порт прибыли представители всех существующих на Украине правительств. Здесь были: представители гетманской державы, представители добровольческой армии и представители городской украинской интеллигенции, поддерживающие Украинскую Директорию. Каждому хотелось засвидетельствовать свое почтение и уважение к союзникам.

Официальными лицами при встрече союзного флота были: украинский морской министр гетманской Державы—адмирал Покровский, представитель гетманского правительства—генерал Раух. Кроме того, в порту находились официальные представители добровольческой армии, городского самоуправления и различных украинских организаций.

Миноносец вошел в бухту и стал у пристани. На миноносце находился английский адмирал Боллард. Его восторженно приветствовала толпа буржуазии, собравшаяся для встречи в момент его появления на борту миноносца. На палубе миноносца для особой торжественности была построена судовая команда. Стройной линией стояли английские военные матросы. Их бодрый и воинственный вид приводил в восторг собравшуюся толпу буржуазии.

Вскоре прибыл французский консул Энно и представитель добровольческой армии, адмирал Ненюков. Прибывшим для встречи союзников официальным лицам были представлены английские офицеры флотского экипажа. Кроме того, в знак особой почтительности, командование добровольческой армией выставило у сходен почетный караул из русских офицеров. Буржуазия ликовала.

27-го ноября в Одесский порт вновь прибывают союзные военные суда. Настроение буржуазии упрочается и крепнет.

29-го ноября прибывает английский крейсер 2-го ранга типа „Нивик“ с минными аппаратами, под названием „Скирмишер“. Кроме того, у Платоновского мола становится прибывший французский миноносец.

Вскоре стало известно о прибытии англо-французской эскадры в Новороссийск. Таким образом, в Черном море в этот период производились серьезные морские передвижения военных судов Антанты.

Вместе с появлением союзного флота в порту, по городу стали курсировать слухи о стотысячном дессанте, долженствующем высадиться в Одессе. Добровольцы бряцали оружием и становились в воинственную позу. То здесь, то там поговаривали о походе на Москву. Улицы оживились. Мелькали нарядные фигуры и радостные лица. Пронесся слух о 40.000 дессанте высадившемся, якобы, в Севастополе. Буржуазия, наконец, пришла в себя.

1-го декабря из Тирасполя по железной дороге прибывает в Одессу эшелон сербских войск. Кроме того, союзники приступили к формированию сербских частей в Одессе из воинов сербской армии, заброшенных в город во время империалистической войны. 3-го декабря в Одессу прибывают польские легионеры 4-й дивизии стрелков польских войск. Город наполняется иноземными войсками.

Кроме того, в день 3-го декабря, в Одессу морем приходит французский броненосец „Мирабо“, сыгравший столь революционную роль в дальнейших событиях. Командир броненосца „Мирабо“ союзным командованием назначается командующим союзной эскадрой в Одессе. Последним, по соглашению с городскими властями, для полного успокоения буржуазии и на страх рабочим, предпринимается демонстративная прогулка экипажа „Мирабо“ по улицам города. Все слои населения высыпали на улицы поглядеть: одни избавителей, другие угнетателей—оккупантов. Матросы „Мирабо“ стройными рядами дефилировали по улицам города. Их веселые, загорелые, обветренные лица, открытые груди, здоровые тела, не могли нарадовать глаз одесской буржуазии.

„Ну, и молодцы!“—поговаривали в толпе.

Однако, буржуазия ошиблась. Французские матросы броненосца „Мирабо“ оказались скорее союзниками, нежели врагами рабочего класса. Вскоре об этом с прискорбием пришлось признаться буржуазии.

На броненосце „Мирабо“ прибыла также французская особая миссия, во главе с капитаном Ланжероном. Главной ее задачей была подготовка к высадке союзного дессанта. С этой целью ею брались на учет годные для солдатского жилья казармы, помещения, конюшни и составлялся план расквартирования союзных войск. Миссия капитана Ланжерона, короче говоря, была миссией генерал-квартирьера.

5-го декабря в Одесский порт прибывает английский дредноут „Superbe“. Одесские газеты перегоняют друг друга в области слухов и новинок. Однако, цифра о стотысячном дессанте держится упорно. Как видно, этот слух исходил из французского источника.

Все же прибытие союзного флота не совсем успокоило одесскую буржуазию,—ждали дессанта. Все слои населения города Одессы, исключая

рабочих, напряженно ждали, то разочаровываясь, то вновь окрыляясь радужными надеждами, союзных войск. На Николаевский бульвар, который находится над портом и гаванью, ежедневно высыпали тысячи народа, глядели и в бинокли, и в морские трубы, в надежде увидеть первыми приближение союзного дессанта. Но его все не было. Военно-морские авторитеты в беседе с местными корреспондентами заявляли, что причина задержки союзного дессанта заключается, якобы, в трудности освобождения от мин Босфора и Дарданелл.

Вскоре в городе стали известны подробности прибытия союзного дессанта в Севастополь. Он прибыл туда еще в 20-х числах ноября, в виде союзной флотилии в составе 20 вымпелов. Этот дессант доставил в Крым... цветнокожие войска. По прибытии дессант беспрепятственно высадился на берег и занял Севастопольскую крепость.

В первую минуту одесская буржуазия была слегка смущена. Она никак не ожидала, что ее избавителями будут цветнокожие. „Но это все же лучше большевиков"—и на этой мысли буржуа успокаивался. В это же время собирается на заседание, впервые после двухдневной забастовки, Совет Рабочих Организаций. Председательствует на нем известный, почти слепой, политический каторжанин, правый с-р, Кулябко-Корецкий [1]).

Настроение собравшихся было крайне повышенное. Борьба политических группировок возникает по первому же вопросу, а именно: один из членов собрания предлагает дать право решающего голоса находящимся на собрании членам Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Меньшевики горячо выступают против. Вокруг этого, казалось бы незначительного вопроса, сосредотачивается вся борьба. Как видно, достаточно было упасть угольку, чтобы разгорелся пожар.

Вождь меньшевиков, председатель Совета Профессиональных Союзов города Одессы, Астров, говорит, что признание за членами Совета Рабочих Депутатов права голоса на заседании пленума Совета Рабочих Организаций—это означает признание Совета Рабочих Депутатов, как такового.

> „Что касается последнего,—говорит Астров,—то Совет Рабочих Депутатов, как организация—труп".

Затем против предложения дать право голоса „исполкомщикам" Совета Рабочих Депутатов выступает другой видный меньшевик, Сухов, который говорит о том, что „Советы рабочих депутатов достаточно себя скомпрометировали в Великороссии".

„И за границей!"—кричит один из присутствующих меньшевиков.

Страсти разгораются. Раздаются нервные, вызывающие речи. Перевес определенно чувствуется за „левыми". Утомившись, собрание требует голосовать вопрос. Голосуют. Подавляющим большинством голосов постановляют признать за членами Совета Рабочих Депутатов право решающего голоса. Но несмотря на это решение большинства, мнимые

---

[1]) Долгое время (1897—1905) жил в Екатеринославе, руководя политическим Красным Крестом. (Прим. ред.).

„демократы"— меньшевики не унимаются. От обороны переходят к наступлению. Меньшевик Сухов от имени социал-демократической рабочей партии просит слова и заявляет, что его партия снимает с себя всякую ответственность за решения, которые приняты и могут быть приняты в дальнейшем собранием. Аналогичные заявления делают представители Исполнительного Комитета Профессиональных Союзов, представители Правления больничных касс и представители Правления Союза Рабочих Кооперативов. Все эти организации в то время находились в руках меньшевиков.

Радикально настроенная часть собрания отвечала на эти заявления бурей негодования. Но меньшевики не унимаются и наступление продолжают. Они терроризуют собрание заявлением о том, что принятое решение нарушает конституцию Совета Рабочих Организаций, установленную Всеукраинской Конференцией Союзов, что этим постановлением рабочий класс города Одессы идет в разрез с волей организованного пролетариата всей Украины, что, наконец, подобное решение означает возрождение и признание рабочими Совета Рабочих Депутатов. Все это мало пугало рабочих, находившихся на пленуме Совета Рабочих Организаций.

Дискуссия по этому, казалось бы пустячному вопросу, продолжалась до глубокой ночи. Случилось так, что большевистски настроенная часть собрания, из-за позднего времени и дальности расстояния (это были главным образом рабочие, живущие на окраинах города), ушли из собрания до его окончания. Этим воспользовалась группа, преимущественно интеллигентов, живущих в центре города, и потребовала переголосования вопроса и его перерешения. Основаниями к переголосованию меньшевики выставляли ряд неправильностей, якобы, допущенных при первом голосовании этого вопроса. Они заявляли, что голосовали не только члены Совета Рабочих Организаций, но и подосланные коммунистами „гости", что членские карточки при голосовании передавались из рук на руки и проч. и проч.

Однако, собрание пленума на переголосование идет очень туго. Только поздно ночью собранием принимается решение переголосовать вопрос. Настойчивость меньшевиков взяла верх. Переголосовывают. Незначительным большинством голосов теперь уже решается—членам Исполкома Рабочих Депутатов права голоса не давать.

Таким образом, второе решение исключало первое. На этом собрание закончилось. Так уродливо отразилась борьба политических течений среди рабочего класса города Одессы в момент прихода в город союзных судов.

В это время на Украине гражданская война принимала все большие и большие размеры. Петлюровское движение разросталось. Не дремали и большевики. То здесь, то там появлялись организованные на местах большевистские отряды, широко развивалась агитация за власть Советов. Силы гетмана и добровольческой дружины графа Келлера редели.

27-го ноября, по указке штаба добровольческой армии, гетман смещает графа Келлера. Он оказался недостаточно стоек и решителен

в борьбе с большевиками и петлюровцами. Взамен его, главнокомандующим становится потомственный русский реакционер—князь Долгоруков.

Перемена главнокомандующего мало меняет дело. События неизбежно развивались. К 1-му декабря положение на фронтах было, примерно, следующее: войска Украинской Директории находились в 20-ти верстах от Киева. Вблизи Одессы республиканские войска к 4-му декабря держат фронт по линиям: Раздельная — Помощная. В районе Херсонщины и Николаевщины продолжали оперировать петлюровские отряды атамана Григорьева.

Таким образом, волна национально-кулацкого украинского движения приближалась к Одессе, к этому, скорее интернациональному, нежели национально-украинскому городу. Во весь рост вставал вопрос о защите или сдаче города Одессы республиканским войскам Украинской Народной Республики.

Между тем, в городе Одессе стало известно о разговоре по прямому проводу между гетманом Скоропадским и французским консулом Энно. Последний в этом разговоре обещал, что через пару дней, самое большее, англо-французские войска начнут свое передвижение к Киеву, и безопасность гетмана и его власти над Украинской Державой будут обеспечены.

С другой стороны, консул Энно вел также переговоры с Украинской Директорией. Трудно было решить кому французский консул больше симпатизирует: гетману или Директории.

Нетрудно было видеть, что симпатии союзного представителя шатались и зависели, главным образом, от успеха той или иной стороны на украино-гетмано-добровольческом фронте.

Политика консула Энно была не только в этом одном двойственна. Сюда примешивалась еще третья борющаяся сила на Украине — это добровольческая армия. Консулу Энно приходилось маневрировать между всеми тремя реакционными группировками, действующими на Украине: гетманом, добровольцами и Украинской Директорией. Первого поддерживал союз украинских хлеборобов и помещиков; вторых — русские дворяне и офицерство; третьих — украинское кулачество. Все эти социальные слои общества были пригодны для борьбы против большевиков. „А если так,— рассуждал французский консул,— то их можно для этой цели и использовать“.

Будучи бессильным разобраться в быстро текущем море событий гражданской войны на Украине, французский консул Энно просто плыл по течению. Что касается гетмана, то последний хватался за Антанту и за ее представителей, как утопающий за соломинку. Для него другого выхода, кроме иностранной интервенции, не было. Ему было безразлично кто из держав его будет поддерживать на троне. Вначале это были австро-германцы; теперь на Украину стремится придти Антанта. Гетман готов был кому угодно вручить Украину, лишь бы остаться у власти.

Украинская Директория с своей стороны напрягала все усилия, чтобы сблизиться с союзниками, в том числе и с консулом Энно. Добровольцы тоже не дремали. Они считали себя наиболее близкими

и родственными к союзникам. Их, якобы, идейно связывала общность задач империалистической войны.

Таким образом, консул Энно аттаковывал с трех сторон. С гетманом переговоры шли полуофициально. С Украинской Директорией они велись совсем нелегально. Только с добровольцами дружба считалась официальной.

Наиболее интенсивный характер приняли переговоры между консулом Энно и Директорией в период расцвета петлюровского движения на Украине. Посредниками для переговоров была на спех созданная организация украинских сахарозаводчиков, связанная с Директорией, якобы, в целях получения субсидий на восстановление свекловичной промышленности на Украине, с одной стороны, и с вручением подобных субсидий консулу Энно — с другой.

Эта двойственность, или даже тройственность, в политике консула Энно об'ясняется, прежде всего, неопределенностью и неясностью очертаний происходящих на Украине событий. Кто победит — отгадать было трудно. Во всяком случае, деловой француз стремился обеспечить себе позиции на все случаи дальнейших событий.

Политический консул Энно был политически малограмотен. Судьба забросила его в сложную и запутанную обстановку классовой борьбы на Украине и ему, конечно, было не вмоготу разобраться во всем происходящем. Консул сумел сделать только один вывод, чисто „одесского" характера: „не зевать" и ловить в темной водице золотые монеты в свой бездонный карман. И действительно, деньги консул Энно принимал от всех: и от гетмана, и от Петлюры, и от городского самоуправления, и от добровольцев, и даже от местных спекулянтов.

Такова была фигура, представляющая Антанту на Украине.

Между тем, успехи петлюровских войск росли на всем фронте против гетмана и добровольцев.

14-го декабря петлюра занимает Киев. Гетман Скоропадский подписывает следующий манифест по Украинской Державе:

„Всем, всем по учреждениям Украины, всем войсковым частям и учреждениям.

— Я, Гетман всея Украины, в течение семи с половиной месяцев все силы свои клал на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится.

— Бог не дал мне сил справиться с этой задачей. Ныне, ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благами Украины, от власти отрекаюсь.

Павло Скоропадский.

14-го декабря 1918 года.
Гор. Киев".

На Одесском фронте республиканские (петлюровские) войска тоже значительно продвинулись. В городе Одессе стали, кроме того, расти национально-шовинистические настроения в среде украинской интеллигенции. Буржуазия трепетала и с минуты на минуту ожидала своего

избавителя — союзного дессанта. Рабочие с нервным возбуждением следили за развивающимися событиями.

В самом городе было неспокойно. Кто-то взорвал железнодорожные пути вблизи Одессы. Кто-то вел перестрелку с гетманскими стражниками. По ночам беспрерывно шла уличная стрельба. Кто-то в знак протеста бросил бомбу у русского театра, снятого в этот день англичанами. Близились кровавые события.

Еще 6-го декабря к союзным судам в Одесскому порту присоединяется итальянский крейсер „Аккордан". 7-го декабря в $9^1/_2$ час. вечера в городе Одессе становится известным занятие республиканскими войсками украинской Директории железнодорожной станции Раздельной. С захватом этой станции украинцами, союзники лишались возможности поддерживать железнодорожную связь с Тирасполем, а оттуда и с Румынией. Это обстоятельство чрезвычайно взволновало консула Энно. Дабы разобраться в создавшейся обстановке, консул созывает представителей гетманского и добровольческого командования на военный совет. Ясно, что на этом совещании собравшиеся ни к чему не пришли, и консул Энно ничему не научился.

После этого совещания консула Энно посетили представители украинских городских организаций, стоящих на платформе украинской Директории. Консул их принял чрезвычайно холодно. Кроме того, в конце аудиенции консул стал в воинственную позу и решительным голосом от украинской делегации потребовал:

„Немедленно прекратить всякие военные действия и ожидать прибытия союзников на занимаемых позициях".

Но это мало на украинцев подействовало. Они выслушали заявление консула Энно и молча удалились.

Что касается республиканских войск украинской Директории, то они наступали на Одессу по двум направлениям: со стороны станции Раздельная, по юго-западной ветке железной дороги, и со стороны станции Помощной, по Бахмачской жел. дор. Вскоре по последним направлениям республиканские войска заняли город Вознесенск.

Что касается атамана Григорьева, то последний продолжал оперировать в районе Херсонщины и Николаевщины. Таким образом, вокруг Одессы создавался, якобы, сплошной фронт, идущий от Тирасполя, через станцию Раздельная, город Вознесенск и упирающийся в города Херсон и Николаев.

Одесса окружена. Одесса в блокаде. Подвоза продуктов нет. Цены чудовищно растут. Развивается безработица. Политическая атмосфера еще больше сгущается. В городе становится известным, что в селе Беляевке, где находится центральная станция Одесского водопровода, существует большевистский военно-революционный комитет. Городу грозит остаться без воды. Буржуазия в панике. Она боится и дрожит перед возможностью большевистского восстания. А дессанта все нет.

10-го декабря, днем, в центре города неожиданно начинается пальба, сначала ружейная, потом пулеметная. Город в панике. Но вскоре стрельба

прекратилась. Как выяснилось впоследствии, стрельба произошла между германской частью и польскими легионерами. Последние попытались было разоружить немцев. Однако, это оказалось не так просто. Немцы оказали сопротивление и наотрез отказались отдать оружие. Начался уличный бой, который вскоре прекратился.

Это вооруженное столкновение, длившееся, правда, недолго, чрезвычайно обеспокоило французского консула Энно. Его, кроме того, буквально осаждали представители польских легионеров с жалобами на австро-германские войска. Ясно, что все симпатии консула Энно были на стороне поляков. Консул опубликовывает следующее об'явление:

„ОТ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСУЛА

Польский отряд, ныне пребывающий в Одессе, как авангард союзных войск, находится под французским командованием. Всякое посягательство на безопасность этого отряда, его начальников и его представителей, а равно и всех тех, которые вообще содействовали его созданию, будет считаться оскорблением Держав Согласия.

Французский Консул Энно.

11 декабря 1918 г.
гор. Одесса".

Что касается поведения польских легионеров в городе, то оно носило бесшабашный староофицерский характер. Кутежи, попойки и уличные скандалы стали обычным занятием в жизни польских стрелков и их командного состава. Некоторые скандалы кончались чрезвычайно остро. Так, например, однажды в первоклассном ресторане города, польский офицер дает пощечину оффицианту, у которого, по словам этого офицера, оказалась большевистская физиономия. Этот „европейский" поступок вызвал забастовку всех оффициантов города.

Польские легионеры, кроме единичных скандалов, устраивали еще групповые и массовые: то поднимали пальбу на улицах, то избивали прохожих, под предлогом искания большевиков. Словом, поляки чувствовали себя хозяевами положения. Все их проказы проходили безнаказанно. Им покровительствовала могущественная Антанта, в лице консула Энно. Городские власти не посмели даже поднять вопроса о бесчинствах пасынка Антаты.

Мало того, воинственное настроение польских легионеров поддерживалось французским консулом, ибо польские стрелки были единственной реальной силой в руках французского командования. Польский отряд стрелков был довольно сильной и хорошо вооруженной дружиной. Это была единственная вооруженная сила на земле в руках консула Энно. Это обстоятельство делало польских легионеров до невозможности дерзкими и наглыми. Они не знали себе равных.

Но вот республиканцы занимают железнодорожную станцию Выгода. Пред'являют Одесским городским властям ультиматум о сдаче города. В этом ультиматуме было указано, что если к 11-ти часам 10-го

декабря 1918 года город не будет сдан, то начнется вступление республиканских войск в город, причем город будет взят с боя.

Уже 11-го декабря республиканскими войсками занимается станция Одесса—Главная. Добровольцы из города уходят в порт. В городе полное отсутствие какой бы то ни было реально-вооруженной силы. Никакой власти. Только с одной и с другой стороны города, ощетинившись друг на друга, стояли петлюровские и добровольческие войска. Руководство охраны города взяло на себя городское самоуправление. Для успокоения жителей и предупреждения грабежей по городу патрулировали части студенческой дружины и еврейской боевой дружины. Последняя была сорганизована на случай еврейского погрома.

В ночь на 12-ое декабря к войскам украинской Директории выехала делегация от городской думы. Целью делегации было во что бы то ни стало избежать кровопролития внутри города. В штаб украинских войск кроме того прибыли представители украинских организаций города Одессы. После длительных переговоров и выполнения всех формальностей было подписано соглашение о сдаче города.

Французскому консулу Энно предстояла трудная и серьезная задача: находясь между двух огней (добровольцами и петлюровцами) выйти с честью из создавшегося положения. Необходимо было решить вопрос: с республиканцами он или же против них. Но консул Энно не решил ни того, ни другого. В самый ответственный решительный момент он заявил:

„Раз подписано соглашение, по которому Одесса передается украинским войскам, то оно должно быть выполнено. Только порт, Николаевский бульвар и некоторые кварталы центральных улиц будут считаться французской зоной“.

Таково было решение консула Энно.

Что касается крупной буржуазии и добровольцев, то когда стало известно о решении сдать город украинской Директории, они стали эвакуироваться из города в порт, где грузились на суда. Из Лондонской гостинницы выехал на суда весь слетевшийся в Одессу цвет русской буржуазии: здесь была супруга великого князя Михаила Александровича, бывшие придворные фрейлины, князья, дипломаты, просто буржуа и проч.

Добровольцы погрузились, главным образом, на пороход „Саратов“, который готовился к отплытию в Новороссийск. Но это оказалось невозможным, или во всяком случае не так легко осуществимым. Команда судна, узнав о назначении его, оставила судно и больше к нему не являлась. Подобная же картина произошла и на других судах, занятых добровольцами и буржуазией. Им пришлось грузиться на суда, на которых не имелось флотской прислуги. Добровольцы попытались было просить союзное командование о предоставлении им военных матросов для перевозки их в Новороссийск, в ставку генерала Деникина. Но союзники в этой просьбе добровольцам отказали.

Добровольческими дружинами и отрядами в это время командовал прибывший в Одессу еще 1-го декабря, бывший военный министр

Сибирского Правительства 30-летний генерал Гришин-Алмазов. Его фигура вполне отвечала переживаемому моменту. Это был типичный авантюрист, красавец, „любимец дам", со счастливой звездой. Он был прислан от генерала Деникина с особыми полномочиями, но спасти положение без помощи союзников он уж никак не мог. Добровольцам пришлось сдать город республиканским войскам „Украинской Народной Республики". Соотношение сил в этот момент было не в их пользу.

Однако, этим дело не кончилось. Генералу Гришину-Алмазову и его дружинам еще пришлось выступить на арену борьбы и сыграть видную роль в операциях союзников на юге Украины. Добровольцы, понуждаемые и руководимые союзным командованием, через неделю после занятия города Одессы республиканскими войсками, под командой Гришина-Алмазова, ринулись в уличный бой, с целью захвата города.

ГЛАВА III

Митинг в цирке. Разгром тюрьмы. Грабежи и налеты. Борьба за пленум Совета Рабочих Депутатов. Воззвание меньшевиков.

В момент перехода города Одессы в руки республиканских войск Украинской Народной Республики в городе было неспокойно. Рабочие, не чувствуя над собой господствующей силы полицейского аппарата власти, волновались и стремились воспользоваться создавшейся обстановкой для захвата власти.

В этот переходной момент, когда совершенно отсутствовала реальная вооруженная сила в руках городских властей, когда чиновники и полицейские разбежались, по настоянию рабочих масс, меньшевики решают собрать рабочих на общегородской митинг. Для митинга было избрано самое большое крытое помещение в городе — цирк, вмещающий несколько тысяч человек.

Большевики о митинге узнали в самый последний момент. Решили выступить на нем активно от имени коммунистической партии. С этой целью в 11 часов Сергей Клименко созывает заседание Областкома КП(б)У. Заседание решает выбросить на митинге боевой лозунг — захвата власти советами. Немедленно был напечатан Сергею мандат на право выступления от имени Коммунистической партии.

К 12-ти часам дня 12-го декабря с рабочих районов, с фабрик и мастерских потянулись рабочие по направлению к цирку. Народу пришло видимо-невидимо. Заполнили все помещение цирка. Набились, как сельди в бочке, но все же для всех мест не хватило. Не попавших на митинг было десятки сотен. Они заполнили двор цирка и запрудили прилегающие к зданию цирка улицы. Цирк внутри и извне был переполнен. Во дворе цирка создалось несколько импровизированных митингов. Грозная сила веяла от собравшейся трудовой массы. Настроение их было крайне повышенное. То здесь, то там раздавались угрожающие и злобные, по адресу буржуазии, возгласы и выкрики. Слышатся советские лозунги.

Когда Сергей под'ехал к цирку, во внутрь последнего уже нельзя было войти. Все было запружено народом. Вначале Сергей пытался было протолкаться. Но его усилия оказались тщетными. Толпа рабочих стояла сплошной массой, через которую не было никакой возможности протиснуться. Группа партийцев, коммунистов, помогает Сергею. Вскоре Сергей увидел, что ему внутрь цирка не пройти. Тогда он показывает свой мандат окружающим его рабочим. Рабочие его восторженно приветствуют. Предлагают пройти на эстраду по головам. Сергей становится на плечи одного рабочего и пытается эту операцию проделать. Но вскоре Сергей увидал, что это не выполнимо. Тогда решили, что Сергею нужно идти на галерку, куда вел отдельный ход, не столь запруженный рабочей массой. На галерку Сергей попадает только уже к концу митинга.

Ровно в 12 часов дня появляется в толпе с.-р. Кулябко-Корецкий, в сопровождении меньшевика-интернационалиста Градова-Матвеева. Им еле удается протискаться во внутрь цирка.

Перед открытием митинга, Кулябко-Корецкий приглашает на эстраду цирка всех официальных представителей политических партий для обсуждения регламента и порядка дня митинга. Являются все, кроме представителей коммунистической партии, ибо Сергей в этот момент, обливаясь потом, все еще пытался пробиться во внутрь цирка. Затем Кулябко-Корецкий предлагает собранию избрать председателем митинга Градова-Матвеева, который был популярен в рабочей массе, в особенности среди железнодорожников. Сам Градов-Матвеев был рабочий железнодорожник. Собрание избирает его председателем.

Градов-Матвеев занимает председательское место и произносит вступительную речь:

> „Товарищи! Пала гетманская власть и сегодня явилась возможность собрать все трудовое население Одессы на гражданское собрание. Много сил, труда и энергии потратили рабочие в борьбе за свое право. Не надо забывать, что в деле борьбы было много жертв, которых мы не можем забыть. Предлагаю почтить вставанием память борцов, погибших за свободу".

Собрание встает и поет „Вы жертвою пали". Неожиданно кто-то предлагает спеть Интернационал. Собрание заколыхалось. Но председатель не теряется и предложение отклоняет.

> „Ввиду того, что мало времени,—говорит председатель —прошу воздержаться от многословия. На очереди ряд серьезных и важных вопросов".

Председателя внезапно прерывает истерический и нервный выкрик рабочего:

> — „Товарищи! не торопитесь на все соглашаться, не торопитесь, потому что умереть мы все успеем!".

Градов-Матвеев передает председательство Кулябко-Корецкому. Сам берет себе первое слово. Он говорит:

„Мы признали в настоящее время возможным обратиться ко всем рабочим заводов, фабрик и мастерских города Одессы, чтобы они переизбрали Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, которому сдаст свои полномочия Совет Рабочих Депутатов последнего созыва. На очереди у нас ряд вопросов, как-то: немедленное освобождение политических заключенных (бурные крики—„сегодня же!“, „освободить!“).

Нужно немедленно потребовать их освобождения,—говорит Градов-Матвеев—и продолжает:—Немедленное уничтожение осведомительного бюро, возвращение рабочим отнятых у них знамен, документов, бумаг и проч. (аплодисменты, крики: „правильно!“, „браво!“).

Требовать ареста тех лиц, которые незаконно лишили рабочих свободы.

Речь Градова-Матвеева покрывается неистовыми криками:

— „арестовать, расстрелять!..“

Вторым говорит с.-р. Кулябко-Корецкий.

„В те дни, когда были аресты, когда по ночам врывались в квартиры, хватали людей и уводили их в тюрьму, в это время Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов не дремал, а работал и только ожидал момента, когда можно будет выступить (бурные крики: „браво“, „ура!“).

Неожиданно раздается крик:

— „Давай большевика!“

Выступает левый с.-р. Шиффер. В первую голову он шлет привет республиканским войскам Украинской Народной Республики.

— „Они—рабочие и крестьяне в мундирах,—говорит он. („Да здравствует Красная Армия“—несется ему вслед крик рабочих)“.

— „Да здравствует вооруженный народ,—в ответ орет Шиффер“.

Затем говорит Мережин от имени „Бунда“. Когда оратор кончает свою речь, провозглашением лозунга единения революционного крестьянства с рабочими, собрание кричит:

— „Да здравствует Советская Власть!“

Президиум митинга теряется. Никто не ожидал столь резкого поворота в настроениях митинга. „Ведь это самые настоящие большевики“, думали про рабочих меньшевики и правые с.-р. Рабочие действительно были настроены по-большевистски. Атмосфера митинга была чрезвычайно накалена. Рабочие держали себя крайне возбужденно. Кто-то замечает германского матроса. Вначале робко, а затем все сильнее, рабочие кричат по его адресу несколько приветствий. Вся масса рабочих эту инициативу подхватывает и вскоре все собрание бешено выражает свой восторг растерявшемуся германскому матросу.

— „Да здравствует Советская Германия!“

— „Да здравствует Советская Власть!“

Цирк буквально дрожит от рукоплесканий и топота ног. Долго рабочие не могут успокоиться.

Когда волна восторга и приветствий прошла, президиум предлагает резолюцию. Она гласит:

„Об‘единенное собрание рабочих постановило:

1) немедленно созвать Совет Рабочих Депутатов,
2) освободить рабочих, арестованных по обвинению в политических преступлениях,
3) уничтожить Осведомительное Бюро,
4) возвратить рабочим организациям их знамена, бумаги и помещения,
5) требовать предания суду всех лиц высшей администрации, способствовавших арестам рабочих“.

После прочтения резолюции раздаются бурные крики:

— „Да здравствует Совет Рабочих Депутатов!“

— „Освободить арестованных!“

— „Сегодня же!“

— „Арестовать, расстрелять!“

Голоса и выкрики перегоняют друг друга. Когда председатель предлагает голосовать резолюцию поднятием рук,—поднимается море рук. Никого против, ни одного воздержавшегося.

После принятия резолюции, собрание, по предложению президиума, поет „Марсельезу“. Вдруг кто-то затянул „Интернационал“. Небольшая группа рабочих подхватила. Затем число голосов возросло. Вскоре мощное пение „Интернационала“ всем собранием рабочего митинга далеко отдавалось за стены цирка. Пели стоя. Картина была чрезвычайно величественная. Каждый чувствовал это величие, и сознавал себя героем, способным на революционные подвиги.

Но этим митинг не кончается.

От имени республиканских войск, собравшихся приветствует Рощаховский. Он говорит:

— „Та пора, которая была до сих пор, уже миновала. Мне уже известно о сдаче Киева республиканским войскам без боя“. („Да здравствует Красная Армия“,—раздается дружный крик рабочих)“.

Оратор слегка смущается. Он никак не ожидал такого оборота. В заключение своей речи Рощаховский призывает к порядку, благоразумию, организованности и дисциплинированности.

К этому времени Сергей проник уже на галерку. Быстро написал на клочке бумаги: „Прошу слова от имени коммунистической партии“ и подписался фамилией Петров. Эту бумажку Сергей бросил вниз на эстраду. Она из рук в руки переходя, наконец попала в президиум.

Неожиданно председатель об‘являет:

„Слово предоставляется представителю коммунистической партии, тов. Петрову“.

Огромное море голов встало со своих мест. Цирк замер. Стало до жуткости тихо. Все ищут глазами оратора. Но его на эстраде нет. Клименко машет шапкой с тем, чтобы обратить на себя внимание. С галерки раздается его зычный голос.

— „Он на галерке“—шумит толпа.

Головы со всех сторон потянулись к куполу цирка. Опять стало тихо. Все хотели видеть „живого“ коммуниста. Между тем Сергей продолжал. Деловито и спокойно говорил он программную речь.

Словно по чьей-то команде, в углу галерки выбрасывается красное знамя. Коммунисты приступили к разбрасыванию в разных местах прокламаций, листовок и воззваний. Жадно хватают рабочие большевистские печатные листки. Жадно слушают, подчас непонятные, слова оратора, ежеминутно прерывая его восторженными аплодисментами.

Чеканно говорит Сергей. Он говорит о 9-ти месячной реакции на Украине, о господстве виселицы и расстрелов, о военно-полевых судах, о крестьянских восстаниях и проч...

> „На Советскую Россию, этот оазис социализма, надвигаются шакалы международного империализма. Международные империалисты собираются оккупировать социалистическую Германию. Между тем большая часть Европы покрыта Советами. Вместо мировой войны начинается война классовая. И на нас, живущих на Украине, лежит задача стать на позицию, на которую нас выдвинула история. Здесь мы должны принять бой с империализмом. А для этого необходимо создание боевых лозунгов — Совета Рабочих Депутатов. Лозунг сегодняшнего дня сплотиться с пулеметами, винтовками вокруг Советов!!!...

Председатель прерывает оратора. Прошло 5 минут—срок речи по регламенту. В ответ на это бешеные крики толпы:

— „Не затыкайте нам рот“!

— „Дайте высказаться“!

— „Довольно молчали!!!...

Кулябко-Корецкий несколько раз пытается что то сказать, но собрание не дает ему этого сделать. Обидевшись Кулябко-Корецкий одевается и уходит.

Между тем Сергей кончает свою речь и оглашает свою резолюцию, несмотря на уже принятую ранее собранием митинга.

Однако, к резолюции внимательно прислушиваются. Клименко кончает. Сам голосует. Собрание резолюцию принимает. В заключение Сергей призывает освободить политических заключенных. В ответ на его призыв раздаются крики:

— „В тюрьму!“

— „Довольно слов!“

— „Нужно освободить арестованных“!!!...

Поднимается невообразимый хаос, крики и шум. Кто-то пронзительно свистит, заткнув пальцы в рот. На эстраду цирка выскакивает

юркий представитель „Поалей-Циона“ и предлагает в тюрьму не ходить, а выбрать комиссию.

— „Соглашатель“,—стонет толпа.

Последним выступает представитель политических заключенных, недавно освобожденный из тюрьмы. Он говорит:

> „Политические заключенные поручили мне благодарить весь одесский пролетариат, который своим выступлением содействует их освобождению. Томящиеся до сих пор в тюрьме просят Вас оказать свое содействие для немедленного их освобождения“.

Эти слова вконец разожгли толпу. С криками „в тюрьму!“ толпа выходит на улицу. Там к ним присоединяются новые группы рабочих, не попавших на митинг и стоящих до сих пор во дворе.

Рабочие, выйдя из здания цирка, построились колонной по Коблевской улице. Откуда, то появились красные знамена. Замелькали на поясах и в карманах револьверы, кобуры, бомбы и прочее оружие. Толпа имела грозный вид. С революционными песнями она направилась в близь лежащий бульварный полицейский участок. Здесь обыкновенно помещались политические арестованные, перед их отправлением в тюрьму.

Толпа подошла вплотную к участку. Потребовала открыть ворота. Полицейский участок охраняли гетманские вартовые и стражники и боевая студенческая дружина по охране города. Как те, так и другие, стали исполнять приказы толпы. От испуга некоторые из них лишились языка, а некоторые лепетали: „так точно-с, прошу-с“...

Ворота были открыты, толпа хлынула во двор, а оттуда по камерам. Вскоре все политические арестованные были освобождены. В разных местах полицейского участка можно было наблюдать трогательные картины. Освобожденные от радости не знали что делать. Они то бросались со слезами на шею, то с места в карьер произносили митинговые речи. На улицу их выносили на руках. Появление каждого освобожденного политического арестанта на улице и у ворот сопровождалось бурной встречей толпы. Раскатисто гремело каждый раз „ура“. Освобожденного качали и носили на руках. Толпа была наэлектризована до максимального предела.

После освобождения всех арестованных, рабочая толпа приступила к разоружению охраны участка. Скоро в толпе появились винтовки и револьверы, отобранные у вартовых, стражников и студентов-дружинников. Последние были готовы отдать все, мощь и сила толпы их совершенно терроризовала. То здесь, то там рабочие с презрением ударяли по лицу студентов дружинников. Те все сносили.

Когда были освобождены все заключенные полицейского участка, кроме не могущих двигаться больных, толпа вышла на улицу. Заколыхалась. У всех вырвался крик: „В тюрьму! В тюрьму“!

К этому времени вначале растерявшиеся власти города пришли в себя. К тюрьме был выслан броневой автомобиль и пулемет с вооруженной командой. Кроме того был отправлен вооруженный отряд по

трамвайной линии, специально вызванным для этого вагоном электрического трамвая. Задача всех этих боевых сил была—поспеть к тюрьме раньше взбунтовавшихся рабочих. Однако целиком этой задачи выполнить не удалось. Тюрьма была разгромлена и арестованные освобождены.

Произошло это следующим образом: около 4-х часов дня, 12-го декабря, вооруженная толпа, человек в 400, подошла к тюрьме. Это была банда Одесских налетчиков, решивших воспользоваться случаем и освободить своих товарищей — уголовных преступников из тюрьмы. Во главе этой толпы стоял легендарный и неуловимый бандит—Мишка Японец. Вооружены были бандиты с ног до головы.

После освобождения политических арестованных из бульварного полицейского участка, Сергей Клименко вскочил на проезжающий мимо „штейгер“ и стрелой полетел к тюрьме. Когда извозчик стал приближаться к зданию тюрьмы, толпа бандитов была уже там. Двое верзил из толпы вскочили на подножки экипажа и узнав Сергея, ему заявили: „ты будеш нашим делегатом“. Однако Сергею удалось этого почета избегнуть. Он затерялся в толпе и следил за происходящим.

Между тем толпа потребовала открыть тюремные ворота. Охрана тюрьмы это приказание исполнить отказалась. Тогда толпа обезоружила внешний тюремный караул и избила часового прикладами. Кто-то подал мысль взорвать ворота бомбой. Раздались крики: „назад! назад!“ Толпа поддалась. Бомбометчик вышел вперед и бросил в ворота гранату Новицкого. Другие последовали его примеру. Ворота рухнули. Толпа хлынула во двор тюрьмы.

В это время стали к тюрьме подходить рабочие с митинга. Их встретил Клименко и пояснил происходящие события вокруг тюрьмы. Тогда решили ограничиться освобождением политических заключенных, для чего была выделена небольшая группа рабочих. Остальные же разошлись.

В это время бандиты совершали кровавые „экзекуции“. Первым делом они бросились искать начальство, главным образом начальника тюрьмы. Уж очень многие знали его на опыте. Но поиски оказались напрасными. Его в тюрьме не было. Но вдруг каким-то образом стало известно, что начальник тюрьмы заперт во-дворе, в тюремном сарае. Толпа хлынула во-двор. Обложила сарай соломой, облила некоторые места керосином и подожгла. Начальник тюрьмы был сожжен живьем. В жестокости толпа искала удовлетворения ненависти к своим палачам и тюремщикам.

Вскоре где-то отыскали помощника начальника тюрьмы и нескольких надзирателей. С тупой злобой и жгучей жестокостью толпа разделалась с ними. Каждый стремился физически участвовать в умерщвлении ненавистных им людей. Толпа озверела. От тюремного начальства остались одни мертвые туши.

Между тем группа рабочих освобождала политических арестованных. С своей стороны Мишка-Японец освобождал уголовных. Вскоре тюрьма опустела. Остались лишь больные и некоторые политические, не желающие

оставить тюрьму по мотивам принципиального характера. Это были, главным образом, правые с-ры, считающие, что их освобождение „незаконно“.

Арестованные выскочили из тюрьмы в своих арестантских халатах. Однако, вскоре они быстро нашлись. Был остановлен проходящий мимо переполненный трамвай, публика раздета и арестованные поменялись с ней своими одеждами.

К этому времени стало известно о приближении карательных отрядов. Толпа стала торопиться. Группами быстро расходилась. Однако, перед самым уходом, группа смельчаков не могла не разрушить самой тюрьмы. За этой работой их застали дружины, высланные градоначальником. Последние открыли огонь. После небольшой перестрелки, тюрьма была очищена.

Через несколько дней, город почувствовал на себе результаты разгрома тюрьмы. Грабежи и налеты приняли чудовищные размеры. Освобожденные уголовные „работали“ после тюремного отдыха. Интересно отметить, что в своей работе они большей частью выдавали себя за экспроприаторов-анархистов. Это сильно смущало Одесскую федерацию анархистов. Последняя принуждена была публично отмежеваться от грабежей и разбоев, творящихся в городе от их имени. Они опубликовали следующий призыв к ворам и налетчикам:

„К ВОРАМ И НАЛЕТЧИКАМ!

Совет Федерации анархистов Одессы обращается к вам с просьбой и предупреждением. Вас мы считаем продуктом тех проклятых условий строя эксплоатации и насилия, которые созданы буржуазией и охраняются сейчас только продажной бандой наемного белогвардейского офицерства, да чужеземными штыками.

Если буржуазия страдает от вашей деятельности, тем хуже для нее — она пожинает сейчас то, что сама посеяла, и уже не наше дело ее защищать.

В новом коммунистическом обществе, на борьбу за создание которого мы зовем пролетариат России и всего мира, все будет принадлежать всем, не будет частной собственности, не будет богатых и бедных, не будет тогда места налетам и грабежам.

В этой нашей борьбе с капиталом и властью, продолжающейся уже много лет, лучшие, достойнейшие сыны нашего класса обездоленных и угнетенных сложили свои головы, раньше в петле и на плахе, а сейчас у стенки.

Во имя святого дела освобождения трудящихся, за которое гибли и гибнут наши товарищи от рук палачей в расцвете силы и здоровья, Совет Федерации Анархистов предлагает вам немедленно прекратить те возмутительные безобразия, которые за последнее время имели место в вашей среде,

прекратить злоупотребления памятью героев-революционеров, прекратить требования денег от имени анархистов.

В то же время Совет Федерации Анархистов предупреждает тех из вашей среды, у которых ничего святого уже не осталось, на которых никакие призывы рабочих и революционеров не действуют более,—всех тех, которые будут продолжать денежные вымогательства, производить дорогим нам именем анархизма—они для нас те же паразиты—буржуи, заботящиеся только об одном, как-бы поплотнее набить свои карманы, тех мы в последний раз предупреждаем, что уличенные в злоупотреблении нашим именем, они будут тут-же, на месте, расстреливаться нами.

Одесская Федерация Анархистов.

(„Воля Труда“ № 1, январь 1916 года. Орган Одесской Федерации Анархистов)“.

Однако, никакие воззвания не помогли. Грабежи и налеты продолжались. Продолжалось и применение имени анархистов. Кроме того, к налетам и грабежам профессиональных воров присоединились еще, так называемые, „офицерские“ налеты, производимые добровольческими офицерами.

В этой атмосфере грабежей и налетов и полного отсутствия власти, рабочий класс города Одессы стихийно стремился к воссозданию своего боевого органа—Совета Рабочих Депутатов. Рабочие чувствовали, что только Совет сумеет вывести их из создавшегося тупика политических событий. Учитывая настроение рабочих масс, Областком КП(б)У решает как можно скорее произвести выборы в Совет.

После митинга в цирке, 12-го декабря собирается на заседание Областком, совместно с Горкомом. Обсуждается вопрос о выборах в Совет Рабочих Депутатов. В результате короткого обсуждения, решается произвести выборы в два дня. Кроме того, постановляется повести борьбу против интернационалистов-меньшевиков, которые агитировали не за перевыборы, а только за возрождение Совета Рабочих Депутатов в старом составе, ибо последний имел правое большинство.

15-го декабря представители заводов, фабрик и мастерских внесли в президиум Совета Рабочих Депутатов заявление, в котором от имени рабочих излагали требование созыва пленума Совета Рабочих Депутатов. В случае недопущения пленума городскими властями, заявили рабочие,— необходимо об‘явить всеобщую политическую забастовку. Кроме того, создавшаяся обстановка не исключала возможности вооруженного выступления рабочих. Это их также не пугало.

Президиум Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов старого созыва устроил совещание, с участием представителей социалистических партий. В совещании приняли участие следующие социалистические партии: коммунистическая, независимые социал-демократы, социалисты-революционеры, левые социалисты-революционеры, „Бунд“,

„Поалей-Цион“ и об‘единенная еврейская рабочая партия. Не явились: меньшевики, народные социалисты и польские социалисты. Совещание прошло крайне оживленно. После очень продолжительных прений и обмена мнений, была принята следующая резолюция:

> „Революция выдвинула Совет Рабочих Депутатов города Одессы, как представительный орган, стоящий на страже интересов пролетариата. Рабочий класс города Одессы горячо откликнулся на призыв, и по фабрикам, заводам и мастерским произведены перевыборы в Совет Рабочих Депутатов, при повышенном интересе к ним.
>
> Принимая во внимание исключительную важность настоящего момента и необходимость услышать подлинный голос пролетариата — президиум Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов назначает на четверг 19-го декабря, ровно в 3 часа дня в помещении фабрики Попова (Пушкинская, угол Суворовской), открытие пленума Совета Рабочих Депутатов.
>
> Президиум Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов призывает весь пролетариат города Одессы, в случае, если власть не допустит или разгонит заседание Совета Рабочих Депутатов, немедленно ответить на это всеобщей забастовкой.
>
> Узнав о разгоне или недопущении заседания пленума Совета Рабочих Депутатов, все предприятия с 8-ми часов утра, пятницы 20-го декабря, бросают работу, впредь до соответствующего призыва Совета Рабочих Депутатов к прекращению забастовки“.

Однако, пленум в назначенный срок не состоялся. Точно также не была об‘явлена и забастовка. Союзники, узнав о решении рабочих, решили ускорить события и, по истечении нескольких дней, политическая обстановка настолько изменилась, что созыв пленума оказался невозможным. Условия классовой борьбы в тот период менялись с быстротой молнии. Что возможно было сегодня, недосягаемо было завтра. Необходимо было пленум Совета Рабочих Депутатов созывать сейчас, после митинга в цирке, пользуясь периодом безвластия. Этого не учли во-время руководители рабочего движения. В результате — пленум не состоялся.

Однако, к 16-му декабря уже развилась интенсивная подготовка к выборам в Совет Рабочих Депутатов. В мандатную комиссию явилось и зарегистрировалось несколько сот человек, главным образом представители фабрик, заводов и мастерских города Одессы. Предвыборная борьба политических партий сопровождалась массовым выпуском листовок, воззваний и брошюр. Они усиленно распространялись агитаторами среди рабочих.

Что касается меньшевиков, то их комитет выборы бойкотировал. Это мало смущало рабочих. Даже больше, очень часто рабочий-меньшевик, не взирая на постановление своего комитета, втягивался в общее настроение рабочих и принимал участие в выборах. Настроение выбор-

щиков было явно большевистское. Рабочие стихийно тяготели к активной борьбе. Все понимали, что он несет рабочим интервенцию войсками Антанты.

К 17-му декабря в Мандатной Комиссии зарегистрировалось 284 депутата, из коих было 50% левых с-ров, 40% коммунистов, остальные места принадлежали меньшевикам-рабочим, не согласным с постановлением комитета своей партии о бойкоте выборов.

Что касается меньшевиков, бойкотирующих выборы, то последние всеми способами и средствами вели борьбу против воссоздания Совета Рабочих Депутатов. Для иллюстрации этой борьбы меньшевистской интеллигенции против рабочих, приведем следующий исторический документ:

„ВОЗЗВАНИЕ МЕНЬШЕВИКОВ

Путь воссоздания Совета Рабочих Депутатов—путь гибели и разложения. Мы уже не говорим о том, что это вряд-ли осуществимая и явно недолговечная идея. Но и по существу воссоздание сейчас Совета является вредным и прямо *гибельным для интересов рабочего класса* (курсив воззвания Ф. А.).

Мы, социал-демократы меньшевики, первые выдвинули идею. Советов Рабочих Депутатов в 1905 году и осуществили ее при яростном противодействии большевиков. Мы же стояли во главе Советов в первый восходящий период революции 1917 года. И если сейчас мы против Советов, то потому, что революция сейчас не в гору идет, а под гору. Советы стали ненужны, когда выросли постоянные организации рабочего класса,—политические партии, профессиональные союзы и рабочие кооперативы.

Сейчас Советы не только не нужны, но и прямо вредны. Из органов революционного сплочения пролетариата большевики превратили их сначала в органы захвата власти, а потом, после переворота 25-го октября, в органы власти.

День захвата власти Советами был днем гибели революции, днем раскола и крушения демократии.

Кто стоит за народовластие, за всеобщее избирательное право, за Учредительное Собрание, за демократическую Республику,—тот не может сейчас быть за Советы. Кто говорит: „Советы"—тот против народовластия, тот против Учредительного Собрания, тот против всеобщего избирательного права, тот против Демократической Республики.

После переворота 25-го октября Советы в России могут быть только органами захвата власти, хотят-ли того или нет те, кто агитирует за воссоздание Советов.

Диктатура меньшинства, комиссародержавие, попрание демократии, режим пыток и виселиц, „чрезвычаек" и массового

террора, удушение печати и упразднение всех свобод, — вот неизбежные последствия Советской власти.

Если это не было ясно многим рабочим до 25-го октября, то сейчас, когда за ними больше года Советская власть, это ясно всякому. Где обещания большевиков, суливших после захвата власти Советами: „мир, хлеб и свободу". Вместо мира — Брест, вместо хлеба — голод, вместо свободы — дыба и виселица. Расчленение России, торжество реакции в отторгнутых, или отделившихся от нее частях, — разрушение сельского хозяйства и промышленности, безработица в городе и поножевщина в деревне, гражданская война внутри и новая война с прежними союзниками на границах — вот страшный итог Советской власти, вот тот мнимый „социализм", который штыком красноармейца и удавкой китайца, насаждают большевики".

Далее в воззвании говорится об опыте Советской власти в Одессе, год тому назад. Вспоминается все уродливое. Кроме того, с своей стороны, меньшевики вылизают море лжи, как на отдельных деятелей коммунистической партии, так и на Советы в целом. В заключение в воззвании говорится:

„Ужели все позабыли и ничему не научились одесские рабочие, как все позабыли и ничему не научились все эти большевики, левые с-ры, анархисты при неожиданном содействии правых с-ров и национально-социалистических партий, агитирующих сейчас за воскрешение Совета.

Не может этого быть! Рабочие Одессы не пойдут путем гибели. Восторжествовавшая на Украине буржуазно-помещичья реакция, при содействии немецких оккупантов, правда, делала все, чтобы вновь разжечь костер недовольства в рабочих массах и снова толкнуть их в об'ятия большевиков.

Но неужели рабочие не сообразят, что на пути большевизма они попадут из огня да в полымя, из одной неволи в другую.

Неужели не вспомнят, что большевики справа и большевики слева—родные братья, что они одинаково отрицают народовластие, политическую свободу, гражданское равенство, которые так нужны рабочему классу для борьбы за подлинный социализм.

Товарищи рабочие! Вас зовут выбирать Советы. Отвергните этот путь. В ответ на этот безответственный зов теснее прежнего сплачивайтесь вокруг своих классовых организаций, — вокруг социал-демократической партии, профессиональных союзов, рабочих кооперативов; поддерживайте всеми силами орган всеобщего избирательного права — демократическую городскую думу; боритесь за Всероссийское Учредительное Собрание, за единую Федеративную Республику Российскую.

Только на этом пути рабочий авангард будет поддержан всей демократией возрожденной России; только на этом пути пролетариат России вместе с международным пролетариатом придет к светлым вратам социализма".

Таково воззвание меньшевиков. В 1923 году, через пять лет революционной борьбы, это воззвание в комментариях не нуждается. Оно говорит само за себя. Интересно отметить лишь, что в воззвании ни одного слова не говорится о союзном дессанте и оккупации. Как будто-бы этого совершенно и не существует. Все помыслы и силы направлены лишь против большевиков.

Что касается других рабочих организаций, то они будучи в руках меньшевиков, так или иначе стояли против воссоздания Совета Рабочих Депутатов. Так, например, Центральный Совет Профессиональных Союзов в местной прессе поместил заметку, в которой он заявлял, что:

„Воздерживается от оценки момента и факта возрождения Совета Рабочих Депутатов (Одесский Листок, № 27)".

ГЛАВА IV

Осадное положение. Воззвание Луценко. Приказ о союзной зоне. Разоблачения из истории французской интервенции. Прибытие союзного дессанта. Обращение генерала Бертелло к Петлюре и большевикам. Декларация генерала Бориуса и призыв союзного командования к населению.

В городе, после разгрома 12-го декабря 1918 года тюрьмы, произошел ряд крупный событий. В город вступили войска Украинской Народной Республики, а затем, через несколько дней после их вступления, завязался уличный бой между республиканцами и союзо-добровольцами.

Совершились эти события в следующем порядке.

Еще 10-го декабря в город вступили небольшие конные части республиканских войск. С 11-го декабря все караулы в правительственных учреждениях и в штабе округа были заняты нарядами из украинских сотен.

При вступлении республиканских войск Украинской Народной Республики в город Одессу, его население переживало тревожные минуты. Весть о разгроме тюрьмы немногих обрадовала. Буржуазия трепетала—она ожидала рабочего восстания и экспроприации бандитами своего богатства. Мелкая буржуазия и мещанство боялись грабежей и налетов, которые должны были усилиться с освобождением уголовных преступников.

Ликовала лишь одна часть населения—это группа украинской интеллигенции петлюровской ориентации. Она торжественно встречала своих единомышленников. Однако, и ее встревожил случай разгрома тюрьмы. В ее планы совершенно не входило освобождение из тюрьмы большевиков.

В то время большевистское движение на Украине принимало для Украинской Директории угрожающие размеры. Вожди национального кулацкого движения главное свое внимание,—и это раньше всего их

погубило,—уделяли борьбе с большевиками. Поэтому не удивительно, что вступившие в город Одессу петлюровцы в борьбе с большевиками уделяли подчас больше внимания, чем добровольческой опасности. По отношению к добровольцам республиканцы питали уверенность, что русское реакционное офицерство отчалит на кораблях на Кавказ к генералу Деникину. Была лишь „небольшая“ заминка—это оставление командами парохода, на который погрузились добровольцы. Но и тут опять виноваты „большевики“. „Они с‘агитировали матросов, уговорили матросов не увозить добровольцев и забастовать“. Так думали петлюровцы.

Все эти условия направили главное внимание петлюровцев на борьбу с большевиками. Вся накипевшая у руководителей республиканских войск энергия была направлена против большевистской опасности. Эта борьба и толкнула штаб украинских войск об‘явить в городе Одессе осадное положение. Оно было об‘явлено со вступлением украинцев в город и направлено, главным образом, против возможных выступлений рабочего класса.

Находящийся в Одессе штаб 3-го корпуса гетманской Державы без всякой борьбы перешел на сторону Украинской Директории. Командиром корпуса был назначен командующий Одесской группой республиканских войск, атаман Филатьев. Начальником штаба корпуса—полковник Змиенко. Осадное положение было об‘явлено в городе от имени штаба 3-го корпуса особым приказом. Вот его содержание:

„Приказ 3-му корпусу
№ 354.

— В целях поддержания порядка и обеспечения безопасности граждан, с 24-х часов 13 декабря об‘являю Одесское Градоначальство состоящим на осадном положении.

Всем жителям Одесского Градоначальства воспрещается выходить на улицу с 9-ти часов вечера до 6-ти часов утра.

Виновные в неисполнении настоящего приказа будут немедленно предаваться военно-полевому суду, а против сопротивляющихся исполнению сего будет применено оружие.

Должностные лица, имеющие надобность в следовании по улицам города в вышеуказанное время, должны иметь удостоверения от своего начальства с соответствующими подписями и печатью на право выхода на улицу после 9 час. вечера, а все прочие частные лица такие же удостоверения от Коменданта города.

Строжайше воспрещаются всякие собрания, митинги и манифестации без разрешения Комиссара города.

Не повиновавшиеся будут разгоняться силою оружия.

Командир 3 корпуса Атаман Филатьев.

12 декабря 1918 г.
г. Одесса“.

Таким образом, осадное положение было исключительно направлено против большевиков и, главным образом, против возможности созыва Пленума Совета Рабочих Депутатов.

Занявшие город войска Украинской Народной Республики вели себя крайне неустойчиво и нерешительно. Их терроризовало присутствие в городе представителей могущественной Антанты, переговоры с которой ни к чему не приводили. В особенности Штаб 3-го корпуса чрезвычайно смущало заявление французского консула Энно об организации Союзной зоны.

Несколько более уверенно почувствовало себя Командование Республиканскими Войсками, когда консул Энно вдруг неожиданно возложил на них ответственность за жизнь и имущество граждан Союзных Держав, находящихся в городе. Командование и политические руководители национального украинского движения поняли это заявление консула Энно, как признак доверия и признания Украинской Директории. Исходя из этого обмана, украинцы пришли к одному выводу—необходимости бороться с большевиками, ибо только большевики и могут посягать на жизнь и имущество иностранных подданных.

Что касается буржуазии, находящейся в городе Одессе, то последняя ожидала избавителей с моря; она ждала союзного дессанта. Русские реакционные круги, кроме того, были ободрены активностью консула Энно, которая заключалась в организации Союзной зоны. Они считали, что это является подготовительным шагом к активным боевым операциям. И действительно, по своей оперативной идее зона должна была сыграть роль плацдарма для высадки союзного дессанта и для начала его боевых операций. Эти слухи о назначении Союзной зоны сильно волновали украинцев. Хуже всего это была невыясненность положения. Томительное ожидание „чего-то“ парализовало энергию и активность Республиканских вождей. Для них оставался лишь один путь—это путь движения по линии наименьшего сопротивления, то-есть по линии борьбы с большевиками. Тем более, было не трудно убедить себя, что большевики являются виновниками всех бед и зол. Кроме того, необходимо было себя зарекомендовать перед союзным командованием, как „государственно мыслящих людей“. Это в свою очередь означало непризнание и недопущение возрождения Совета Рабочих Депутатов. С этой целью политический глава украинцев, находящихся в Одессе, доктор Луценко выпускает следующее воззвание:

„ВОЗЗВАНИЕ

После тяжелой борьбы украинский народ сбросил ярмо гетманщины и Украина стала Республикой.

Директория Украинской Народной Республики твердо стала на страже интересов всего народа.

Крестьянину—земля, рабочему—человеческая жизнь, каждому гражданину—свобода; вот что несет Республика Украины.

Не волей гетмана и его наемниками, а свободной волей каждого гражданина будет управляться Украина через городские и местные самоуправления. Не будет больше ни произвола ни насилий. Но чтобы закрепить Республику, чтобы стать крепкою, Украине нужна большая работа всех, кто может работать, а для работы нужен порядок и покой. Это знают враги Украинской Республики.

Одни из этих врагов вчера, 12-го декабря, сожгли тюрьму и выпустили всех воров. Есть сведения, что и в будущем ими будут приложены силы, чтобы настала анархия на Украине и Республика погибла.

Но дорога Республика народу украинскому, и Республиканская власть знает, что великую ответственность несет она за счастье родного народа и, поэтому, не остановится ни перед чем, чтобы подавить анархию и разбой. Всем бежавшим из тюрьмы приказываю немедленно явиться к властям, кто не явится, в случае задержания, будет предан полевому суду.

Силам Республиканских Войск приказываю карать злодеев беспощадно за все выступления против Республиканской власти и жизни и спокойствия гражданина.

Будут приняты самые суровые меры вплоть до расстрела включительно...

Пощады и жалости злодей пусть не ждет, ему нет места на свободной Украине.

Всем, кому дорога свободная Украина, всем, кому дорог порядок Республики, не пойдет за анархией.

Губерниальный комендант Луценко."

И это оказалась не только угрозой. По отношению к большевикам петлюровцы нашли мужество применять репрессивные меры. Приказ Луценко в войсках был понят буквально: „бей большевиков". И в ночь с 13-го на 14-е декабря, в различных частях города, украинцами были расстреляны без суда 8 большевиков, пойманных патрулями во время расклейки ими большевистских воззваний. Эти жертвы были преподнесены Союзникам в знак непримиримости Украинской Директории по отношению к большевикам.

Между тем, союзники не зевали. Они использовывали растерянность Украинского Командования для подготовительных к высадке дессанта работ. Намеченная Консулом Энно зона должна была послужить боевым плацдармом для реального осуществления этой задачи, ибо для союзного командования в это время было главное удержать за собой, путем морального воздействия на Украинскую Директорию, одесский порт и прилегающие к нему районы.

Еще 12-го декабря французское командование отдает приказ, в котором оно регламентирует порядок и организацию зоны. Этот приказ гласит:

„Приказ № 3.

Ввиду создавшегося положения, Французское командование принимает следующие меры:

Войска Согласия, Французские и Польские принимают на себя поддержание порядка и спокойствия в части города, ограничиваемой Платоновским молом включительно, с Северной окраиной Ланжероновской улицы, Северной окраиной Театрального переулка, Николаевским Бульваром до „Петроградской Гостинницы“, лестницей, спускающейся в Порт перед памятником Ришелье, Новым Молом включительно.

Французские войска (морские) занимают оба мола до линии железной дороги. Войска Польские охраняют центр расположения — во дворце Командующего Войсками.

Посты под командой офицеров будут поставлены так, чтобы препятствовать днем и ночью входу в вышеуказанную зону.

Польский пост из одного офицера и 10 человек будет поставлен в „Лондонской гостиннице“ в распоряжение командующего войсками Согласия.

Посты в Таможне и на площади, где памятник Пушкину, должны иметь небольшой резерв за собой.

Один пост будет выставлен у Портового вокзала, другой у Лионского Кредита, на здании которого должен быть выставлен Французский флаг.

Движение по улице разрешается, но при следующих условиях:

1) Постам приказано не допускать никаких собраний в зоне охраны.

2) Разоружить всякого, имеющего оружие, причем обыск должен производиться только в присутствии офицера, который составляет список отобранных вещей, оружия и подозрительных предметов.

3) Задерживать и доставлять в Командование подозрительных лиц.

При всех случаях сопротивления немедленно принимать самые суровые меры.

Остающиеся германские войска, коим поручено поддержание порядка в остальной части города, должны завтра, 12-го декабря, к 12 час. дня очистить помещение Таможни и зону в вышеуказанных границах.

Посты французские и польские должны действовать силой против всякого нападения, направленного против них с целью нарушить зону охраны.

Настоящее распоряжение входит в силу с 8-ми часов утра 12-го декабря.

Французское Командование“.

Таким образом, город был разделен на две половины: на союзную зону и на остальную часть города, охрана которой была поручена германским войскам. О петлюровцах и добровольцах ни слова. Их как будто-бы и не существует. В то время, как только они и составляли реальную силу борющихся сторон. То, что в приказе игнорировались Республиканские Войска — это понятно, но вот то, что совершенно не упоминается в приказе № 3 о добровольцах — это крайне загадочно. Остается лишь предположить, что в первоначальные планы Союзников еще не входил боевой состав добровольческих дружин. Лишь впоследствии, когда стало известным невозможность отплытия парохода „Саратов" из-за оставления судна командой и были получены сведения о приближении дессанта, французское командование составило новый план своих действий. По этому плану добровольцы должны были сыграть роль авангарда в борьбе за город Одессу. И действительно, уже 13-го декабря 1918 года французское командование отдает приказ, гласящий:

„Приказ Французского Командования
№ 6.

В Зоне Союзных Армий Одесский отряд добровольческой армии, находящийся под командованием генерала Гришина-Алмазова, будет занимать участок ограниченный Арбузной Гаванью, улицей Гоголя, Ланжероновской улицей, Театральной площадью, Николаевским Бульваром, Лестницей Ришелье и Новым молом.

Приказ вступает в силу утром 14-го декабря.

Французское Командование.

13 декабря 1918 года.
Гор. Одесса".

Таким образом, добровольческому отряду русских офицеров предоставлена была главная и, притом, передовая полоса зоны. Это уже ясно говорило о планах и намерениях союзников использовать добровольцев как передовой авангард.

Так оно и случилось.

13-го декабря добровольцы приступили к реэвакуации парохода „Саратов". Оружие и снаряжение разгружалось и переносилось в порт. Личный состав добровольческого отряда перешел в Воронцовский дворец, что на Николаевском бульваре. Туда же перешли добровольческие офицеры, прибывшие из Николаева после сдачи города петлюровскому отряду атамана Григорьева.

Кроме того, в день 13-го декабря с утра в порту была усилена охрана отрядами французской морской пехоты и французскими моряками из личного состава, стоящих в порту французских военных судов. Они оцепили территорию порта и примыкающее к ней полотно железной дороги от части угольной гавани до карантина. После полудня офицерами, командовавшими французскими отрядами по охране порта, было отдано

приказание своим солдатам удалить из указанного выше района не только всю публику, но и повозки, телеги и пролетки. Никто не пропускался ни пешими, ни конными. Была расставлена цепь французских пикетов. Даже когда из угольной гавани хотели пройти, несущие охрану с другой части порта, польские легионеры, то они не были пропущены и должны были этот район обходить кругом.

Все пропуски, выданные до установки кордона, были об'явлены недействительными. Часовые и их офицеры требовали пропуска только за подписью французской комендатуры порта. Приходившие в Одесскую гавань пассажирские пароходы оцеплялись французскими солдатами и публика из них обыскивалась и только после тщательной проверки документов, их отпускали в город под конвоем, а заподозренных в „большевизме"—задерживали.

У здания агентства „Ропит" были установлены пулеметы. Кроме того, пулеметы были поставлены против таможни и в других местах порта, где находились французские караулы. Вообще же военные силы союзников в порту были распределены следующим образом: в карантинной гавани находились добровольческие отряды и дружины; на Платоновском и военном молах — французские военные моряки; остальная же часть порта, а также и пакгаузы охранялись украинскими сотнями гетмановской державы. Но вскоре украинские сотни были, по предложению капитана французской армии Ланжерона—заменены французскими караулами, как ненадежные. Кроме того, по распоряжению Союзного командования, солдатами французской морской пехоты были заняты пароходы: „Виола", „Карльсбруэ" и „Тигрис". Эти пароходы были захвачены французами на случай поражения в уличном бою с петлюровцами и большевиками. На них должна была погрузиться, в случае неудачи, слетавшаяся в город Одессу—буржуазия.

В этот же день 13 декабря Союзным командованием отдается приказ, в силу которого союзная зона города разделяется на две части:— на общую зону и на базу-зоны. В базу-зоны разрешалось проникать только по особым пропускам. В общую же зону вход был более или менее свободным. Войска находились в базе-зоне. В общей же зоне находились передовые караулы[1]).

В силу приказа Союзного командования, база-зоны была укреплена и забаррикадирована. Для этой цели были использованы все местные уличные предметы. Кроме того, было взято необходимое для баррикад имущество у граждан в прилегающем к базе-зоне районе.

Баррикады были установлены у входа в Николаевский бульвар (от дома с'езда мировых судей до Петроградской гостинницы) и от думы до Театрального переулка. Эти две баррикады служили укреплениями,

---

[1]) В территорию базы входили: Николаевский бульвар, от „Петроградской гостинницы" до Думской площади, и портовая территория, от лестницы до Нового мола, кончая Таможной площадью и Платоновским молом. В общую зону входили: Арбузная гавань, Театральный переулок, улица Гоголя, часть Ланжероновской ул., от Екатерининской до Пушкинской, и весь Ланжероновский спуск.

защищавшими подступы к штабу Союзного командования, находящийся в „Лондонской гостиннице". Кроме того, были установлены баррикады и в других местах. Таким образом, в день 13 декабря база-зоны была приведена в порядок вооруженного лагеря. Разбивка союзной зоны на две части носила характер разбивки на первую линию укрепленной районной зоны и вторую (база-зоны), которая в то же время на своей территории имела несколько побочных и один центральный редюит.

На Николаевском бульваре, кроме того, были установлены броневые автомобили, которые стояли у Лондонской гостинницы—штаба Союзного командования. Их задачей в эти дни была охрана оперативного штаба союзников. Автомобили стояли в полной боевой готовности. Это последнее обстоятельство сильно тревожило Командование Республиканских войск.

После долгого обсуждения и шатания, петлюровцами, с целью выяснения причин стоянки на боевой изготовке бронированных автомобилей, был послан кавалерийский раз'езд, во главе с офицером, для выяснения вышеозначенного вопроса. Кавалеристы в Союзную зону были пропущены беспрепятственно. Им предоставили возможность доехать до штаба Союзного командования, т.-е. до „Лондонской гостинницы". Под'ехав к штабу республиканцы слезли с коней и офицер, в сопровождении двух республиканских солдат, вошел внутрь штаба. Там они запросили о причинах появления в зоне бронированных автомобилей, находящихся при том в полной боевой готовности.

Но в штабе им лаконически ответили, что Союзное командование не намерено „разглашать военные тайны". Так ни с чем и должны были вернуться кавалеристы-республиканцы к своим частям.

Вскоре у штаба Союзного командования, кроме польских легионеров, с целью охраны, были поставлены и французские матросы. Надо сказать, что штаб охранялся чрезвычайно усиленно. Внутри и снаружи штаба была установлена сильная стража.

Главным образом союзники боялись проникновения в зону большевистских агитаторов. Караулам, постам и патрулям были даны инструкции: строжайше следить за всеми приходящими и уходящими из зоны и, при обнаружении подозрительных в „большевизме" лиц, немедленно приводить в штаб Союзного командования.

База-зоны, между тем, продолжала укрепляться. Рылись окопы, расставлялись пулеметы, укреплялись дома, улицы, строились баррикады, словом, зона превращалась в сплошной вооруженный платцдарм.

14 декабря на Платоновском молу французские караулы сменяются отрядами английских моряков. Таким образом, в охране зоны появились представители еще одной „демократической" страны—Англии.

Все эти приготовления по укреплению Союзной зоны имели лишь одну цель: удержать портовый платцдарм для высадки находящегося еще в пути союзного дессанта, с тем, чтобы дессант, опираясь на занятую зону, мог начать свои боевые операции против большевиков и Республиканцев.

Дессант ожидался с часу на час. В особенности волновалась буржуазия. Невыясненность положения ее сильно нервировала. Кроме того, она боялась рабочего восстания. Некоторое успокоение в буржуазных слоях города наступило после появления 15 декабря в „Одесских Новостях“ следующей заметки:

„Высшим командованием французских войск восточной армии извещено местное французское командование, что войска, предназначенные для дессанта в Одессу, прибудут 17-го декабря“.

Таким образом, оставалось продержаться и удержать зону всего лишь два дня. Это вполне удалось французскому командованию, ибо руководители Республиканских войск держали себя крайне растерянно и нерешительно.

Правда, только один раз, и то на словах, Губернский комиссар Украинской Директории, доктор Луценко, пытался заговорить со своим врагом твердым языком. 17-го декабря он подает в Одесскую Городскую Думу письменное заявление следующего содержания:

„Если Дума хочет избежать пролития крови, она должна просить Союзников не высаживать дессанта в Одессе.

Если дессант Союзниками будет высажен, Директория встретит его огнем“.

Но на это заявление мало кто обратил внимание. Оно даже не было прочтено на заседании Думы. Что касается последнего, то оно имело место 17 декабря. Первым вопросом на этом заседании стоял — выборы нового Городского головы, вместо отказавшегося выполнять эти обязанности генерала Санникова. Мотивы генеральского отказа были: — сдача Думой города Украинской Директории. В такой Думе его „превосходительство“ считало для себя недопустимым состоять городским головой.

После долгих обсуждений, Городским головой избирается активный член Партии К. Д., инженер Брайкевич. После его выбора заседание перешло к очередным вопросам. Сразу Дума взялась за разрешение вопросов, связанных с Союзной зоной и с возможностью кровопролития и уличной борьбой. Вновь избранный Городской голова, инженер Брайкевич, в своем слове по этому вопросу, между прочим, сказал:

„Ошибаются те, кто думает, что союзники преследуют эгоистические экономические цели“.

Кроме того, в своей речи инженер Брайкевич уверял собравшихся гласных в том, что Союзники прибывают в Россию исключительно с целью водворения порядка и спокойствия в стране и что они отнюдь не будут посягать на революционные завоевания демократии и проч.

В результате обсуждения этого вопроса, Городская Дума приходит к решению... „выбрать комиссию“. Задачи этой комиссии были крайне неясны, но, во всяком случае, она должна была стремиться к предотвращению вооруженной борьбы между обоими сторонами. Она должна была примирить непримиримое.

Между тем, приближались кровавые события. С минуты на минуту должен был прибыть Союзный дессант. Если раньше и были сомнения на счет того — будут ли Союзники активны или нет, то теперь они совершенно рассеялись. Для всех стало ясно, что Союзники из позиции выжидания переходят к активному боевому действию. Как впоследствии выяснилось, эта активность Союзного командования в Одессе была продиктована свыше, правительствами Антанты.

Заметка, помещенная в одном из номеров „Правды", под названием: „Разоблачения из истории французской интервенции", в некоторой степени раскрывает завесу по затронутому вопросу. Эта заметка говорит о секретных распоряжениях Клемансо по предполагавшимся осенью 1918 года операциям Восточно-французской армии в России. 27-го октября 1918 года французское военное министерство обратилось к главнокомандующему французскими восточными войсками Франше-д'Эспрей, находившемуся в то время в Салониках, с телеграммой о „необходимости" активной борьбы с Советским правительством в целях свержения большевиков". Клемансо сообщал далее, что в главном военном Совете Союзников велись переговоры об интервенции в России и выражал надежду на достижение соглашения с союзниками по этому вопросу.

> — „Если соглашение будет достигнуто, — телеграфировал Клемансо, — союзная интервенция в Южную Россию явится естественным продолжением военных операций, предпринятых союзными армиями на Востоке".

При этом Клемансо указывал на имеющийся в приложении за № 12913/83 план военных операций, предложенный генералом Бертелло.

> — „В связи с военными операциями в Румынии, — телеграфировал далее Клемансо, — интервенция в Россию открыла бы нам новые возможности, а предстоящая капитуляция Турции облегчит занятие Одессы".

Таков был план Клемансо. В приложении к этой телеграмме Клемансо сообщал Франше-д'Эспрей о военных действиях, уже предпринятых союзниками на Севере, Востоке и Юго-Востоке России и указал, что операции на Юге замкнут лишь кольцо, в котором будут зажаты большевики.

На эту телеграмму Клемансо Франше-д'Эспрей — ответил следующее:

> — „Я не располагаю достаточным количеством людей для интервенции в обширную, холодную Россию, в особенности в зимнее время. В крайнем случае я мог бы занять Одессу и соседние с ней порты, но должен заявить, что мои солдаты, не возражающие против пребывания на Востоке, и охотно наступающие на Венгрию, при вкушении триумфального вторжения в Германию, вряд ли согласятся участвовать в военных операциях, имеющих целью — оккупацию России и Украины. Интервенция в Россию могла бы иметь своим результатом ряд самых серьезных и неблагоприятных для Франции инцидентов".

Как показали дальнейшие события, осторожность Франше-д'Эспрей — имела достаточно веские основания. Однако французское правительство

твердо и решительно настаивало на операциях Восточной армии Союзников на Юге - Украины. Этого требовал общий план Антанты зажима большевиков в кольцо.

Вскоре Франше—д'Эспрей приступил к выполнению своего плана—минимум, т.-е. к занятию Одессы и прилегающих к ней портов. 17-го декабря, по приказанию главнокомандующего французскими восточными войсками, в Одессу прибывает союзный дессант. Прибывает он вначале в количестве 5.000 штыков. Дессант прибыл на четырех больших транспортах в сопровождении эскадры военных судов Антанты. К Одессе союзный дессант подходил в следующем порядке: впереди шли два миноносца „Д. Н.“ и „М. Ж.“; за ними следовал французский дредноут „Эрнест Ренан“, за которым следовал миноносец „Р. Г.“ и наконец на близком расстоянии от последнего шли 4′ транспорта, вооруженные разнокалиберными орудиями и нагруженные солдатами.

На берегу прибывающий дессант встречали: начальник порта Пинни, высший командный состав стоящих в Одесском порту союзных военных судов, представители добровольческой армии и французский комендант порта.

Кроме того, у Платоновского Мола для встречи дессанта, с разрешения французского командования, собралась толпа Одесской буржуазии. Она ликовала. Наконец то столь ожидаемый дессант прибыл.

Еще до подхода дессанта к берегу можно было наблюдать на палубе транспортов густые массы солдат. Их головы колыхались как колосья на ветре. Солдаты выглядывали отовсюду: из окон каютных помещений и из всех отверстий транспортов. Они с интересом и любопытством разглядывали с моря богатый и красивый город. Каждый из них невольно думал о своем назначении в этой незнакомой и чужой стране. Настроены они были возбужденно и воинственно. Они ждали легкой и скорой победы. Им было сказано, что они идут против австрогерманцев, засевших на Украине и производящих там анархию. Союзный солдат, якобы, должен был вернуть России порядок и спокойствие, освободить Украину от немцев, а потом вернуться домой во Францию.

С берега также можно было разглядеть штаб прибывающих войск. Он находился на палубе самого большого судна; там стояла группа щегольски одетых союзных офицеров смотревших на город в бинокли. На палубе штабного судна играл военный духовой оркестр. Это придавало всей картине подхода дессанта особую торжественность.

Транспорты пристали к берегу. Первыми высадились штабники. Затем на землю сошли два батальона французских солдат. Встречающая дессант толпа одесской буржуазии была поражена. Высадившиеся солдаты оказались цветными войсками. Это были зуавы.

На первых двух транспортах находились исключительно войска на третьем и четвертом—артиллерийское имущество, вооружение и отчасти солдаты.

Прибывшие войска весь день 17-го декабря оставались на берегу. В это время французская команда совещалась. Вырабатывался план

военных действий. После долгого обсуждения решено было бросить против Республиканских войск в первую голову добровольцев. Они должны были послужить передовым авангардом и только в случае их неудачи на поле брани, в бой должны были быть брошены французские войска.

Ночью с 17-го на 18-е декабря началась разгрузка прибывшего дессанта. К этому времени для дессанта Городским самоуправлением готовились казармы [1]).

В день прибытия в Одессу союзного дессанта французский консул Энно получил по радио от генерала Бертелло телеграмму, в которой последний обращался со словом к Петлюре и к большевикам. В свою очередь консул Энно эту телеграмму переслал по назначению. Она гласит следующее:

„Представителю Директории и всем представителям гражданской и военной власти в Киеве и Юга-России.

Генерал Бертелло, главнокомандующий союзными военными силами на Юге-России, телеграммой от сего, 16-го декабря, за № 260, полученной 17-го декабря, сообщил мне следующее:

Прошу Вас передать главарям большевиков, а также Петлюре и Винниченко, что я их делаю лично ответственными за всякое враждебное выступление и всякое стремление нарушить спокойствие в стране.

Подписал генерал Бертелло.

Французский консул в Киеве с особыми полномочиями Эмиль Энно.“

Тучи над Украиной сгущались. Борьба ширилась. Союзники от слов перешли к делу. С каждым днем их действия становились решительнее и тверже. Вопрос об интервенции был решен окончательно. Теперь приступлено было к осуществлению задуманного плана. Вначале проводился план-минимум генерала Франше-д'Эспрей.

Между тем, настроение республиканских войск, с появлением в городе союзного дессанта, резко изменилось. Бойцы рвались в бой. Они инстинктивно чувствовали необходимость толкнуть, пока еще небольшой, дессант в море. Что касается руководителей республиканских войск, то последние продолжали вести себя нерешительно. Они все еще надеялись, что военные силы союзников не будут направлены против них, а исключительно против их общего врага—большевиков. Но они ошибались. В первую голову союзники решили очистить путь по дороге к большевикам и снести с лица земли все стоящее между ними и большевиками. Союзники рассуждали правильно. Все, что стоит между реакцией и рево-

---

[1]) Были приведены в годное для жилья состояние следующие помещения: казармы Штейнгауза, казармы артиллерийской бригады, казармы 8-го Донского казачьего полка, военное училище, артиллерийское училище и дома Масса и Броцкого на Екатерининской площади. Последние два дома предназначались для французской контр-разведки.

люцией, должно быть уничтожено, после чего уже можно думать об уничтожении самой революции. Однако, своего отношения к Украинской Директории союзники сразу открыто не высказывали. Только с приездом старшего начальника дессанта, генерала Бориуса, это отношение выявилось. Оно явствует из об'явленной декларации генерала Бориуса, опубликованной в местных газетах, и воззвания ген. Бертелло.—

Декларация генерала Бориуса

„Генерал Бориус, командующий французской 156 пехотной дивизией, которая только,-что высадилась в Одессе, в 8 час. утра 18-го декабря 1918 года, берет Одессу под свое высокое покровительство; русские же войска, а также местные иностранные воинские части принимает под свое главное командование.

Франция и союзники не забыли усилий, приложенных Россией в начале войны, и они теперь приходят в Россию, чтобы дать возможность благонамеренным элементам и русским патриотам восстановить в стране порядок, нарушаемый в течение продолжительного времени ожесточенной гражданской войной.

Генерал майор Гришин-Алмазов, командующий добровольческой армией в Одессе, поступив в распоряжение генерала Бориуса, будет исполнять обязанности военного губернатора г. Одессы.

Генерал Бориус“.

„Воззвание

Всем войсковым частям, всем учреждениям, газетам, и всем жителям Юга-России.

Жители Южной России!

Вот уже почти два года, как Ваша богатая страна раздираема нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая, таким образом, в Вашей стране подлинную анархию, ведущую к полному разорению.

Мы, Ваши союзники, никогда не забывающие усилий, которые Вы приложили во имя общего блага, и желающие вновь увидеть Вашу страну умиротворенной, процветающей и великой — решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок. Окажите добрый прием войскам союзников — они приходят к Вам, как друзья.

Все державы Согласия идут Вам навстречу, чтобы снабдить Вас всем, в чем Вы нуждаетесь, и чтобы дать Вам, наконец, возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления Вы желаете иметь.

Итак, войска союзников направляются к Вам только для того, чтобы дать Вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено.

Дайте решительный отпор дурным советчикам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и встречайте державы Согласия с доверием.

Главнокомандующий войск Согласия
в Румынии и Южной России генерал Бертелло.

С подлинным верно: Э. Энно, консул Франции,
в Киеве, с особыми полномочиями".

Стало ясно. Город Одесса передавался в руки добровольческой армии, а это значило, в первую голову, изгнание из города „петлюровцев". В это же время штаб Республиканских войск в г. Одессе получил телеграмму от Винниченко, в которой предлагалось не вступать в бой с союзниками, а подчиняться всем требованиям штаба союзных войск. Это еще больше смутило штаб 3-го корпуса.

Воззвание Бертелло пришлось по вкусу, главным образом, мелкобуржуазным слоям городского населения. Их прельщали обещанные богатства, ибо материальное положение мещанства с процессом гражданской войны значительно ухудшилось. Поэтому не удивительно, что с воззванием генерал Бертелло, в котором обещались „американские" белые булки, английские сукна и французская обувь, население оживилось и обрадовалось. Но, как показали события, эта радость не имела под собой никакой реальной почвы. Обещания союзников оказались только на словах, но не на деле. В этом вскоре убедилось население г. Одессы.

(Продолжение следует)

ФИЛИПП АНУЛОВ

Ноябрь 1923 г.

Возникновение и первые шаги большевистской организации на Подолии

(Отрывок из воспоминаний)

К моменту Февральской революции на Подолии большевистских организаций не было.

В первой половине апреля возникла небольшая большевистская ячейка с случайным составом. Все-же, на первую Киевскую окружную конференцию Р.С-Д.Р.б. 15 апреля был послан делегат (Н. Тарногродский).

Организация впервые оформилась и начала систематически работу с 20-х чисел апреля, по возвращении делегата с конференции. С начала своего возникновения организация по составу была рабоче-солдатской. На первом собрании были товарищи из „Молота“ (Фейнштейн, Гайсинер), из союза булочников (Ковалев и др.), от кожевенников (Юдкович), вольноопределяющийся из 15-го полка, из эскадры воздушных караблей (шоффер Смирнов, Кудряшов, Цветиков и некоторые др.). По заслушании доклада о конференции было решено организации сконструироваться. Был избран комитет в следующем составе: Тарногродский — председатель, Юрих — секретарь, Юдкович, и др., точно не помню кто. Были избраны один представитель в Исполком (Тарногродский) и 3 в Совет. Решено было бросить все силы на работу в солдатской и рабочей массе, использовывая для этого имеющиеся у каждого связи, знакомства и пр. Взялись за проведение широкой агитационной работы на устраиваемых нами митингах специально солдат и рабочих, пока в закрытом помещении, куда приглашали по специально распределенным по воинским частям и предприятиям бесплатным билетам. Все это делалось для того, чтобы митинги не заполнялись бесполезной для нас скучающей, обывательской публикой. Первые такие наши митинги устраивались на Замостье, в кинематографе „Люкс“, помещение которого нам отпускалось союзом булочников. Мы сразу имели довольно широкую, человек 150 — 200, персонально меняющуюся, но по составу рабочую и солдатскую аудиторию. На этих первых митингах мы ставили, в виде доклада, вопрос „о войне, Коалиционном Правительстве“ и некоторые др. На первом нашем митинге попытались выступать в виде оппонентов видные местные меньшевики (Девяткин и Коган-Альтман), но они сразу потерпели довольно жестокое поражение, им не дали закончить. Тогда же мы об‘явили первую запись в организацию (по рекомендации), принимали членские взносы, продавали им выписанную большевистскую литературу, полученную

из Киева. Сначала записалось немного, но все рабочие и солдаты (Юрченко и Мороз из „Ястреба“, несколько булочников и солдат).

Нашими митингами начали интересоваться, аудитория расширялась. Мы, понимая великое агитационное и организующее значение нашей большевистской, рабочей, действительно живой и интересной прессы, сразу подписались на „Правду“, „Социал-Демократ“ и „Спартак“ (Москва) и др. Брошюрочную литературу издательства „Прибой“, Киевских издательств и др. „Голос Социал Демократа“ Киевский мы получили в большом количестве. Для первоначальной подписки мы заняли 50 р. у фабрзавкома завода „Молот“, через тов. Журавлева. Литературу эту мы начали распространять (продавать), но экономно, стараясь, чтобы она попадала в руки солдат и рабочих. Постепенно у нас составился „оборотный“ капитал, позволявший дело расширить. Литературу мы продавали на наших и чужих митингах. Но главным местом было помещение Совета Рабочих Депутатов (Муры-Клуб), где мы скромно поставили в удобном для нас месте—при выходе—свой столик с литературой, дежурили, давали справки, продавали литературу, записывали в организацию и прочее, это оказалось очень удачным нашим шагом. В помещении совета днем и вечером собиралось много солдатской и рабочей публики, и наш „столик“ никто не миновал. Это был наш второй пункт широкой агитации—вокруг него шли горячие споры, формировались группы сочувствующих нам.

Господа положения—меньшевки и с.-р.—лишь много позже поняли весь смысл нашего „столика“, но было уже поздно, они поставили свой „киоск“, но ничего не вышло.

Все это нас еще полностью не удовлетворяло—нам нужно было удобное свое помещение для комитета и библиотеки-читальни, но обязательно с залой или большой комнатой для собраний и митингов. Вскоре такое помещение мы подыскали, получив для пользования один класс в помещении городского училища (в центре города, против гостинницы „Савой“).

Там мы получили право пользоваться для собраний соседней большой комнатой, что мы широко использовали.

В этом помещении мы устроили наш комитет, библиотеку-читальню и регулярно организовывали митинги, не забывая никогда дежурств в Совете у столика.

Мы не игнорировали также и чужих митингов, выступая всегда оппонентами.

Кроме широкой агитации и распространения литературы, мы с самого начала вошли в работу Совета. У нас в течение долгого времени в Совете было только 3 большевика, посланных нашей организацией. Но несмотря на это, мы принимали довольно активное участие в работах Совета, не беря, конечно, на себя ответственности за всю его деятельность. Правда, ввиду малого количества работников, мы не могли активно работать во всех комиссиях и отделах, но часто и в них принимали участие, особенно при разрешении вопросов о конфликтах, при

выборах, посещении предприятий и пр. Главным же образом, мы внимательно следили за обсуждением вопросов на заседаниях Совета и Исполнительного Комитета и по каждому, более или менее, важному вопросу открыто и настойчиво высказывали свое мнение, разоблачали меньшевиков и с.-р., говоря об истинных интересах рабочего класса и крестьянства и путях их достижения. Все это делалось на открытых заседаниях, в присутствии широкой солдатской и рабочей аудитории и имело, конечно, огромнейшее значение. Мы не давали абсолютно покоя руководителям Совета, но они ничего поделать не могли—исключать тогда они еще не решались. А между тем, вся эта наша работа давала с каждым днем ощутительные результаты. Большевиков начали знать. Нас не уставали слушать. Наши митинги посещались массами солдат и рабочих, приходили и обыватели, появлялись и меньшевики, и с.-р. Последние приходили, особенно в начале, всем комитетом, выступали в прениях, что мы им всегда давали, но ни разу успеха не имели—их не хотели слушать. Помещение нашего комитета скоро сделалось, можно смело сказать, самым популярным и известным в городе местом для солдат и рабочих, куда они толпами собирались задолго до открытия митинга.

Мы не входили в Исполнительный комитет общественных организаций, всячески старались восстанавливать против него Совет Рабочих Депутатов, но иногда на об'единенных заседаниях бывали, строго оттеняли и там свою позицию,—помню отповедь, какую наш представитель сделал „почтенному" Оберучеву, командующему Киевским военным округом, чем были очень недовольны его друзья и льстивые почитатели из соглашателей.

Выступления наши в Совете, Исполкоме и на митингах др. партий, конечно, сразу непосредственно успеха еще не имели—они носили характер живых агитационных и разоблачающих деклараций, но с зачатками близкого успеха.

Мы решились выступить с приветствием и заявлением и на происходившем в Виннице в мае с'езде солдат-крестьян Юго-Западного фронта. Заправилы с'езда—с.-р., офицеры и пр., по глупости или оплошности, слово нашему представителю после некоторой задержки дали. При выступлении часть с'езда пыталась речь нашего товарища сорвать, но все же он закончил, некоторые сторонники оказались и у нас, литература распространена на с'езде была.

Мы сразу понимали необходимость распространения большевистской нашей работы за пределы Винницы—на село и губернию, но сил не было. Все-же мы установили кое-какую связь с одним сахарным заводом и экономией (около станции Калиновка)—совершили поездку, провели успешно митинг (ездил т. Тарногродский и один товарищ из полка).

Была совершена также, приблизительно в то же время, поездка по губернии товарищем Тарногродским, по поручению Киевского Окружного Комитета нашей партии. Ему удалось побывать в Жмеринке и Проскурове. Связи там у нас не имелось, большевистских организаций и даже

отдельных активных большевиков не нашлось. Пришлось нащупывать сочувствующих из рабочих или солдат, действуя сначала через не слишком ярых меньшевиков, рабочих-бундовцев и прочих знакомых. Ориентироваться в несколько дней было трудно. В Жмеринке удалось распространить литературу и устроить митинг, довольно многолюдный, в сквере. Митинг прошел в конечном результате не плохо, хотя ораторов чуть не стащили ретивые патриоты со стола. В Жмеринке тогда в партийном отношении была полнейшая неразбериха—одни и те-же лица, по мнению одних, были с.-р., хотя они сами себя считали с.-д., или наоборот.

В Проскурове после поисков удалось найти одну большевичку, товарища Дерманер. Работавший тогда там меньшевик-интернационалист, так он себя называл, т. Вилер, заявлял, что большевики строят здание на песке (к слову сказать, в сентябре он уже сам был большевиком). Митинг прошел с шумом, но хорошо.

Нужно не забывать, что в Проскурове был штаб армии и ряд штабных учреждений. На этом пришлось прекратить и об‘езд губернии, так как за время отсутствия, в Виннице работа несколько затормозилась, а там все-же фундамент был заложен и забрасывать работу нельзя было.

Вскоре после первого оформления, наша организация несколько окрепла. В нее вошли т. Фенглер Борис Васильевич, солдат Эскадр. Воздушных Кораблей, рабочий—столяр, член партии с 1907 г., побывавший уже в двух ссылках. Красноленский Владимир—только-что вернулся из запасного баталиона из Царицына, куда он был переведен „за проступки“ из Тифлисского Военного Училища, бывший студент; латыш из Эскадры, фамилии не помню, тоже сравнительно старый большевик; из гаража Эскадры—т. Левицкий Владимир и его брат; Жуков, Егоров, а из мастерских т. Яковлев и некоторые другие. Из рабочих, кроме раньше вошедших поступили—т. Поплавский (сапожник); Вовша (водопроводчик—солдат). Позже появился в Виннице и взялся за активную работу в организации т. Вишвалинер Перец (Освальд, как его звали позже в гетманском подполье)—рабочий портной, вернувшийся из эмиграции, работавший в Виннице еще до 1905 г., бывший бундовец, задолго до войны ставший большевиком.

Кроме членов большевистской организации, вокруг нашей партийной основной ячейки группировались, часто бывало в комитете, читали литературу и помогали нам целый ряд сочувствовавших нам, часть из которых формально тогда примыкала и к другим партиям. Из них нужно отметить т. Шлюгера, старый сеймовец, учитель и рабочий, к осени уже перешедший в нашу партию (он все время нам активно помогал); т. Нодель—рабочий из „Ястреба“, молодой, почти мальчик, с задором, в 1918 году кажется перешел к большевикам.

Скоро, немного позже, (так в мае) из молодежи, часто бывавшей на наших митингах, начал выделяться по своему интересу к нашей работе и помогать нам т. Снегов Алексей (это имя он получил уже в гетманском подполье), бывший тогда еще учеником украинской гимназии. Он скоро беспрепятственно начал присутствовать на заседаниях нашего комитета,

сидя сначала где-нибудь в уголке комнаты. Так постепенно он органически вошел в нашу большевистскую организацию и сделался одним из активнейших большевиков на Подолии.

Несколько позже, начал с нами работать т. Исаак Бернштейн, приехал он из Одессы, по профессии наборщик, был связан с большевистской организацией, кажется, еще до революции. Некоторое время работал вместе с нами служащий одной из мельниц, Брин (бывший п.-ц.).

Почти с самого начала в комитет входили следующие товарищи: Н. Тарногродский, Фенглер, Юрих (скоро отошел), Юдкович, Красноленский, Гишвалинер (позже), Яковлев (позже), Смирнов, остальных не помню.

Я выше перечислил целый ряд товарищей, более или менее выделявшихся в нашей организации, но они не все одновременно начали работать, а главное—большинство из них не могло вести широкой агитационной работы, путем докладов и проч. Но они проводили наше влияние в массах, вербовали нашу организацию, выполняя этим основную организационную работу. Агитационную работу приходилось выполнять двум-трем (максимум) товарищам Тарногродский, Красноленский и Гишвалинер. Борис Васильевич Кенглер выносил на себе всю тяжесть внутри-организационной работы в комитете, он после Юриха был секретарем комитета, на нем лежала работа по доставке и распределению литературы, вопрос о средствах в нашем маленьком хозяйстве, он был и самым бережливым и заботливым общепартийным хозяином. Но он, как старый член рабочей партии, был авторитетным блюстителем чистоты большевистских принципов и линии, готов был до зубов драться за это.

Большую твердость и выдержанность проявлял также т. Юдкович — портной и шорник, также старый член партии. Остальные были молодые, но искренние и преданные большевики, из рабочих и крестьян, хорошие товарищи.

Я выше дал описание возникновения большевистской организации и направления ее первой работы. Начали мы работу в количестве 10—15 человек, из них только два—три были большевиками в прошлом. Работать приходилось в тяжелой обстановке враждебности со стороны руководителей Совета, обывательщины, офицерства в армии. Вначале и солдатская масса была под патриотическим и оборонческим дурманом с.-р. У городских рабочих, из союза иглы и печатников, пользовались популярностью бундовцы.

С первых шагов нашей работы шел нам на помощь Киев, с городским и окружным комитетами, с которыми у нас была самая тесная связь; из членов нашего комитета сначала один товарищ, т. Тарногродский, а с июля и Гишвалинер входили в состав Киевского (Юго-Западного) Комитета Партии. Помощь оказывалась присылкой большого количества литературы, указаниями и советами.

Несмотря на все это, наша небольшая группа проводила настойчиво свою линию, широко агитируя и об'единяя и организуя солдатские и рабочие массы вокруг большевиков и лозунгов — „Власть Советам Рабочих,

Крестьянских и Солдатских Депутатов, как единственный выход из тяжелого положения и способ окончить войну, укрепить хозяйство, получить землю и охранить завоевания революции!" „Против войны и соглашения с буржуазией, за братание с братьями германскими и австрийскими солдатами — рабочими и крестьянами!"

Наша работа, влияние и популярность ширились. Спокойные вначале, опьяненные дутым успехом и беспечные, соглашательские вожди Совета начали нервничать и беспокоиться.

В это время, в мае м-це, по инициативе Винницкого и Проскуровского Советов, созывается Губернский С'езд Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Мы решили к этому с'езду выпустить обширную листовку (что-то вроде брошюры), освещающую популярно основные моменты большевистской линии, (война, земля, о каолиционном правительстве, Учредительное Собрание, власть Советов). Соглашатели, узнавши об этом, вынесли в Исполнительном Комитете, воспользовавшись случайным отсутствием на заседании представителя большевиков, постановление о запрещении выпуска и конфискации большевистского листка. Эта операция была поручена членам Исполкома—меньшевикам Шубу и Рабиновичу.

Печатание листка было приостановлено. Мы решили резко протестовать. Поставили свой протест на ближайшем заседании Совета, что вызвало большой шум и бурю со стороны меньшевиков, с.-р., бундовцев и их прихвостней, студентиков и пр.; нас обливали грязью и ненавистью. Это было первое столь бурное и резкое заседание. В Совете нас было всего трое. Мы резко обрушились на руководителей Совета, но соглашательское большинство Совета все-же нас осудило. Мы перенесли свой протест на митинги и собрания, где читалась наша листовка, и массы нас поддержали вынесением резолюции протеста. Все-же листовку не удалесь напечатать.

В это время, приблизительно, мы начали более энергично выступать на местах, в заводах и казармах, состязаясь и там в открытую с противниками (на Ястребе и друг. местах). Помнится, в связи с приездом известного одесского профессора Щепкина (тогда с.-р.), был устроен его доклад в Эскадре Воздушных Кораблей. В прениях выступал представитель большевиков, и оказалось, что солдатская аудитория, за исключением кучки офицеров, была согласна с большевиками, с.-р. провалились. Это была одна из первых крупных наших побед не на своем митинге, а на месте. На первом Губернском С'езде Советов большевиков не было,—нам даже не удалось принять в нем участие.

Время подходило к половине июня — известному наступлению Керенского. Мы развили более усиленную агитацию, но демонстрации 18-го июня решили не устраивать. Меньшевики устроили в это время какое-то торжество, но они были терроризованы нашим успехом и, боясь „срыва" с нашей стороны, просили им не мешать. Мы, конечно, никаких гарантий не давали, но и говорили, что мы ничего не готовим. Группа нас большевиков пошла все-же, без всякого, пожалуй, намерения, на бульвар, где

был устроен митинг-концерт. Там выступал комиссар какой-то армии, старательно заранее афишированный меньшевиками, как представитель правительства, направляющийся на фронт для победного руководства армией. Аудитории мы не знали, но все-же наш представитель выступил с небольшой, но действительно горячей и удачной, по тому моменту, речью.

Огромная масса слушателей-солдат была на нашей стороне и не хотела слушать вторично выступившего комиссара, не дав ему закончить.

Руководители опешили, об'явили митинг закрытым и ретировались, но толпа требовала продолжения митинга — он был продолжен и закончился под нашим руководством. Это была одна из лучших, крупных наших открытых побед в первый период.

Работа наша расширялась, успех был большой. Организация наша разросталась, но исключительно за счет солдат и частью рабочих. Интеллигенты к нам не шли. Беда была только в том, что у нас не было возможности вести правильную внутрипартийную работу. Попытки были, но обстановка требовала устремления всех сил на расширение влияния и работу в массах — организация наша стихийно разросталась.

Началась кампания перевыборов в Совет. Мы обратили внимание на участие в этой кампании и проведение большевиков в Совет. Положительные результаты оказались налицо. Прошли большевики от эскадры, 15 полка, Вятской Дружины, обмундировальных мастерских 11 армии, Ястреба и некоторых других предприятий. Вместо трех представителей партии, у нас оказалась целая фракция в Совете, точно не помню сколько. При выборах Исполнительного Комитета мы выставили свой список, пока большинства, конечно, не провели, но даже при тайном голосовании записками провели в Исполком 4—5 (приблизительно) большевиков — т.т. Жуков, Кудряшев, Фейнглер, др. не помню. Конец перевыборов и I-е заседание Совета совпали с июльскими днями.

На этом я кончаю свой отрывок из воспоминаний о жизни и работе первой большевистской организации в Виннице. Дальше большевикам в Виннице пришлось пережить блестящий период выборной кампании в Городскую Думу и Земство, Корниловские дни и, наконец, подготовиться и принять участие в Октябрьской революции, в боях 28-го и 29-го октября 1917 года, но об этом нужно специально поговорить подробно в другой раз.

Н. ТАРНОГРОДСКИЙ

Саратовское восстание 1918 г.

(По черновым заметкам)

Ярославское восстание с.-р. в 1918 году настолько оказалось жестоким и разрушительным, что, естественно, затмило собой все другие эпизоды кровавых с.-р. выступлений, в том числе и знаменитое Саратовское восстание 18—22 мая, особенно памятное многим украинским товарищам, волею судеб гражданской войны изгнанным с Украины и попавшим зигзагообразным путем отступления от немцев и гайдамаков, через Ростов-Царицын, в разные города Поволжья.

Сейчас многие из деятелей этих исторических событий стерлись в памяти. Сколько с тех пор воды утекло! Но все же самое главное необходимо и можно будет восстановить, тем паче, что основные черты с.-р. восстаний отличаются только в деталях и совершенно одинаковы по своим провокационным завязкам, лицемерным проведениям и трусливым бегствам заправил восстаний.

В первых числах мая мы из Царицына на разных пароходах стали прибывать в Саратов — ближайший к оккупировавшимся Украине и Дону губернский центр молодой еще тогда РСФСР. Некоторые получали дальнейшие направления и следовали в Самару и Москву. Многие оставались работать здесь в новой организации, с новыми товарищами, в новых, совершенно отличных от украинских, условиях. Саратовскому губернскому партийному и советскому центру, как ни лестно было дать приют нашим эмигрантам, все же было мало чему радоваться. Вместе с сотней или больше партийных работников, на Саратов „перли" разные воинские отряды Красной гвардии и анархистских боевых дружин, так или иначе ускользнувших от сдачи оружия в штаб Антонова, и неизвестно было еще, как поведут себя гости на новой территории. Революционный гонор оказался слишком уже „историческим" фактором нашей революции, чтоб теперь особенно стали понятны все опасения товарищей саратовцев. Так или иначе, наши прибывали, размещались иногда по ордерам, а больше без оных по гостинницам, квартирам, а воинские части—в загородном „военном городке".

Нас, приехавших, коробило бьющее в глаза праздношатанье саратовской „буржуазии", а особенно массы офицерства, вызывающе фланирующей по асфальтовым тротуарам Немецкой и др. улиц Саратова в мундирах с георгиевскими лентами и орденами, а по вечерам иногда

даже и в погонах. Терпенью саратовских товарищей поражались мы немало, т. к. за полуторамесячное отступление мы уже считали себя вправе учитывать некоторые опыты. В городе пахло порохом, хотя на первый взгляд и не заметно было дымящейся горки. Потихоньку в городе шли и усиливались слухи о работе „союза фронтовиков", своеобразной белогвардейской организации, во многих местах, как и в Саратове, сыгравшей свою Каинову роль. Легализованная Советской властью, как временный союз инвалидов империалистической войны для взаимопомощи, она скоро была захвачена белогвардейскими офицерами, среди которых уважением пользовались с.-р., во главе с небезызвестным полковником Бейлиным.

Аппарат местной власти был совершенно недостаточен для установления серьезного наблюдения за союзом фронтовиков и контр-революционными партиями, и только потом, после восстания, выяснилась с достоверностью причина „случайного" сожительства Бейлина на одной квартире с генералом, занимавшим командную должность в одной из находившихся в городе воинских частей. Губернские органы не могли уделять много внимания приютившейся на груди саратовского пролетариата подпольной с.-р. змее, т. к. все силы надо было отдавать на приближавшийся все ближе к Волге с востока уральский (впоследствии „Дутовский") фронт. В подкрепление этому фронту числа 15 мая решено было выслать находившийся в городе полк.

Работавшая на всех парах подпольная с. р. организация решила немедленно использовать приказ о выступлении еще не участвовавшего в боях полка в своих целях. Когда части полка уже разместились в вагонах на вокзале и готовились к отправке, „делегаты" от „союза фронтовиков" начали там свою работу. Все демагогические приемы были пущены в ход. Здесь и протесты, вроде того, что „раньше большевики говорили против войны, а теперь сами на смерть посылают", что „раньше на позицию посылали—выдавали обмундирование, а сейчас голым езжай" и т. д. На помощь агентам „фронтовиков" пришел и спец-генерал („случайный" сосед Бейлина), раз'яснивший солдатам, что теперь вообще-то надобности нет в выступлении на фронт, т. к. там мол все спокойно и т. п. Словом, после дневного митингования стали выноситься резолюции, с требованием выдачи вперед жалованья и полного (даже зимнего) обмундирования, впредь до удовлетворения не выступать на фронт. Но прежде, чем губернские власти могли дать ответ, провокация углублялась: был пущен слух, что готовятся пулеметы для усмирения. Прибывавшие для раз'яснения в эшелоны и казармы товарищи к солдатам не допускались, некоторые задерживались, а некоторые возвращались ни с чем.

Когда кое-кто из с.-р. вызывались, в том числе и Бейлин, то на ряд наших недоумевающих вопросов отвечали убедительными заверениями о непричастности их ко всей истории, и „честными словами", что с.-р. против выступлений и т. д. Насколько в этих уверениях было правды, мы убедились через несколько дней.

Губернский Совет не принимил никаких решительных мер, желая весь инцидент ликвидировать мирно. Однако, инициатива находилась не

в его руках, и 17-го мая ночью все население города было разбужено частой ружейной и орудийной стрельбой. Полк выступил организованно, под командой с.-ров и офицеров.

Рано утром сбежавшиеся с разных концов в помещение Совета товарищи установили печальную картину: 2 батареи с эшелона были сняты и начали „защищаться“ от мнимого усмирения, при чем, с целью „предотвращения“ его, 1 орудие было направлено непосредственно на здание Губернского Совета, на Константиновской улице. Целый день продолжалась безумная канонада, а наши все время пытались добиться связи с штабом полка, с целью выяснения формальных причин восстания. К вечеру удалось связаться по телефону, при чем на все вопросы, где комиссар или командир полка, были получены ответы, что в полку действует боевой „комитет“, с кем только и можно говорить. Тогда им было предложено послать делегатов для переговоров, с целью прекратить никому ненужную стрельбу и разрешить все вопросы мирным путем. Послать свою делегацию восставшие отказались и согласились только принять нашу. Мы вынуждены были согласиться, хотя их отказ об'яснялся ничем не вызывавшейся трусостью вооруженных до зубов людей, по сравнению с Советом, не располагавшим почти никакими реальными силами, кроме нескольких десятков винтовок и сотни личных жизней коммунистов, засевших в осажденном здании Совета. Выйти уже было опасно, т. к. к концу дня восставшие своими патрулями стали занимать улицы и переулки, окружая нас со всех сторон.

Однако, вызов нашей делегации к себе оказался также провокационным, т. к., дав соответствующие гарантии неприкосновенности мирных делегатов, командовавшие восстанием не отдали должного распоряжения о пропуске их, вследствие чего один из наших делегатов, тов. Полищук, был убит наповал выстрелом одного из патрулей уже при самом приближении к штабу противника.

Три с половиной дня в городе не умолкала канонада и не переставали трещать пулеметы. Окруженные в помещении Совета, мы пережили много действительно тревожных часов. Снаряды, предназначенные для уральского фронта, артиллеристами, с'агитированными с.-р., почти все выпускались успешно. Несколько попаданий разрушили второй и третий этажи фасада дома Совета (кажется, бывш. земельного банка), где мы почти все безвыходно оставались несколько дней. Зал заседаний и лестница превращены были в свежие руины.

После неудавшихся мирных переговоров, пришлось искать выхода из положения в возвращении какой-нибудь части с фронта, тем самым ставя последний под большую опасность оголения.

В течении этих нескольких дней мне с другими товарищами приходилось пару раз выходить из нашего места и через ряд задних дворов пробираться в разные пункты города „на разведку“. Никому неизвестный в Саратове я почти ничем не рисковал, и в одну из своих вечерних вылазок я добрался до гостинницы на Царицынской улице, где, в полном неведении о фактическом положении вещей, находился ряд товарищей,

ожидавших все время естественного прихода хозяйствующих в городе „фронтовиков“. Мне посчастливилось, и долгожданный визит „гостей“ произошел как раз в моем присутствии. Проверив наши пестрые разногородные документы, облава собиралась уже уходить, обещав только, что она скоро вернется „забирать оружие“. Когда мы, в порядке „любопытства“, спросили, по чьему, собственно, поручению производится операция, и есть ли разрешение на это от Совета (!), то получили недвусмысленный ответ, что Совет уже весь арестован и что власть находится в руках „Комитета“. И в подтверждение предложили нам два вида воззваний новой власти, одно коротенькое, „лозунговое“, и второе уже обстоятельное „о целях и задачах“. На обоих красовалось „в борьбе обретешь ты право свое“, в тексте декларировался разгон Совета, арест главных его вождей и обещание полной свободы всем гражданам „без различия партий“ и т. д.

Перед нами был очевидный факт большой и серьезной подготовительной работы, т. к. декларирование ареста вождей Совета, т.т. Антонова, Васильева и др., могло быть основано только на строгом плане, долженствовавшем действительно закончиться арестом (на первых порах, конечно). Однако, самый факт поспешного отпечатания воззвания без осуществления еще того, что в нем обещалось — означал уже ясно срыв всего плана восстания. Но важно не то. Важно вопиющее лицемерие партии с.-р. и ее руководителей, за несколько дней до восстания бесцеремонно заявлявших о непричастности своей к ожидаемым событиям. Здесь с.-р. заверения имели такую же силу, как и пресловутое „честное слово офицера“ генерала Краснова.

Пока саратовские товарищи старались инцидент уладить мирно, из Москвы от тов. Троцкого получена была санкция на вызов части с уральского фронта; город в продолжение четырех дней 18, 19, 20 и часть 21 мая представлял собой боевой участок фронта. Не было, правда, никаких маневренных боев, ни атак, ни рукопашных схваток между противниками. Не было вообще боев между сторонами. Был возмутительный, безобразный обстрел восставшими главным образом из пулеметов, поставленных преимущественно на любезно предоставленных им соборных колокольнях, по всей центральной части города, и из одного орудия прямо по зданию Совета. Четыре дня пули катились по крышам и асфальту, как орешки. Обычная жизнь в городе прекратилась, но в эти дни любопытно было констатировать бесстрашие обывателя, привыкшего уже „к пуле“ за годы войны и особенно за бурный год революции. При беспрестанном тарахтаньи пуль по крышам, окнам, крыльцам, весьма частом попадании их в стены и окна, любопытство брало верх, и часто около домов, в особенности в подворотнях и под зонтами парадных под‘ездов, собирались довольно значительные группки публики, рассуждавшей о событиях, нередко с юмором, и почти всегда без особенной боязни, как-будто уверенные в скором укрощении „фронтовиков“. В районе Царицынской улицы значительно преобладало еврейское население и рядом с „номерами“, где мы жили, была синагога, но каково было наше удивление, когда на второй,

кажется, день восстания мы увидели ее битком наполненную молящимися евреями, как-будто за стенами синагоги ничего не происходило сѐрьезного и просто опасного для жизни. Оказалось, что дни восстания совпали с годовым праздником еврейской тройцы, и пулеметы восставших не помешали саратовским благочестивым евреям отправлять свои праздничные обряды...

Однако, „шальные" пули взяли больше двух десятков невинных жизней. И больнее всего было быть свидетелем, как „сгоравший от любопытства" обыватель падал от пули при „перебежке", которую он считал необходимым сделать, чтоб поделиться с живущим напротив соседом накопившимися новостями на его стороне.

Ликвидация восстания также не сопровождалась никакими боями. К моменту прибытия вызванной с фронта части, небольшие местные силы, в особенности так называемый „Киевский отряд", в значительной части состоявший из коммунистов, самоотверженно выступил на „отбой" важных городских пунктов. Так без большого труда отбили здания Управления Ряз.-Ур. ж. д. и Центрального Телеграфа, захваченных уже было восставшими. При этом никаких жертв не было, а сопротивлявшихся „новых хозяев" в некоторых случаях забирали с собой и сажали на 3 этаж Совета, где было наспех с'организовано „тюремное заключение". Прибывшей части также сравнительно легко удалось разоружить эшелон и казармы восставших, и только кое с кем из сознательных и упрямых контр-революционеров завязывались стычки уже по пути преследования их (ввиду их бегства) по железнодорожному полотну. Большинство из задержанных сопротивлявшихся отправлялись под конвоем туда же, в Совет. После восстановления полного порядка выяснилось позорное бегство всех главных вождей восстания, в том числе и главного — с.-р. Бейлина. Разбор захваченного материала, расследование и выяснение степени виновности оказавшейся массы арестованных, были поручены специальной Комиссии, где работать пришлось и автору этих строк. Признаться, в расследовании никто не руководствовался излишними аттрибутами суда и следствия. Да в этом и не было никакой надобности. Слишком очевидно было, что держать под арестом несколько сот об'ективно неповинных в содеянном ими людей надобности не было. Заподозреваемые же в более активном и сознательном участии, в командовании, в руководстве движением — задерживались для более внимательного изучения. Но зато как очевидно было для участвовавших в допросах, насколько искусственно было это „восстание", насколько преступны были те, кто в целях создания такого „путча", не брезговали накакими средствами, не стесняясь нагло и вульгарно лгать в своей политической агитации. При расспросах солдат о причинах, побудивших их принять то или иное участие в восстании, нередко мы получали такого рода ответы:

— Большевики обокрали государственный банк и удрали.

— Что? Откуда вам известно? Кто говорил вам это?

— Как же, мы потому и на фронт не пошли, что Антонов с Васильевым улетели из города с деньгами на аэроплане...

Ряд показаний установил, что слух о бегстве Председателя Совета, Владимира Павловича Антонова, и другого руководителя саратовской организации, Михаила Ивановича Васильева, с деньгами на аэроплане — был нарочито пущен организаторами восстания, чтобы на эту легкую демагогию поймать наименее сознательных красногвардейцев. Громадная масса арестованных освобождалась немедленно же после допроса, и, надо признаться также и в том, что многих преступников этот скорый суд выпускал на волю напрасно. Были случаи, когда многие из этой категории освобожденных сами удивлялись освобождению, искренно разводя руками. Но тогда действовать иначе нельзя было. Замечателен был в своей прямолинейности мой товарищ по работе в комиссии, пожилой уже депутат Совета от крестьянской секции, хвалынский крестьянин (к сожалению, забыл его имя). Помню, как теперь, его примитивные вопросы:

— Зачем стрелял?

— Приказали.

— Кто приказал?

— Взводный.

— А ты знал, что стреляешь в Советскую власть, в твою же крестьянскую власть?

— Знал...

— А почему стрелял?

— Приказали.

— А знаешь, ты, что тебе за это следует?

— Расстрелять меня за это, потому действительно не знал...

— А! Знаешь, что расстрелять за это надо. Ну, так ступай. Да смотри, чтоб знал, в кого стреляешь!

И освобождаемый тут же получал пропуск на выход из помещения 3-го этажа, выходил на свободу.

80 процентов было освобождено немедленно, и лучшей агитации для них против с.-р. не надо было, т. к. ко всем демагогиям эти главари широко распространяли мысль (после того, как втянули уже полк в бунт), что все равно сдаваться нельзя — всех расстреляют!

Через пару дней после восстания в Саратов приехала Высшая Военная Инспекция тов. Подвойского. Выяснилось, что восстание это готовилось и стряпалось по указанию свыше, от перебежавших уже Волгу с.-р. „центров“, разрабатывавших вместе с основным планом вовлечения в российскую гражданскую войну чехо-словацких легионеров, также „маленькие“ эпизоды и картины „народных“ восстаний.

Через пару недель мы в этом убедились в Саратове воочию. Когда группами с.-р. стали на день-два захватываться другие поволжские города, из захваченного ими Хвалынска (через несколько дней после саратовских событий) мы получили несколько телеграмм, на имя „уполномоченного революционно-народной власти Бейлина“, за подписью члена учредительного собрания Фортунатова.

Телеграммы были распорядительного и информационного содержания и не оставляли уже никаких сомнений относительно природы Саратовского восстания.

И. СОРИН

ОТДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

„О событиях, предшествовавших введению нового строя“

Так озаглавлено „дело“ в канцелярии Харьковского губернатора, № по описи Центрального архива революции 686.

Начинается оно 23 февраля 1917 года и кончается 4 марта тогоже года.

Дело тощее, период охватывает небольшой, но отражает настроение царских чиновников и их подход к оценке „событий, предшествовавших введению нового строя“ довольно выпукло, картинно.

Характерен и сам заголовок, который, повидимому, составлен уже после того, как „новый строй“ стал фактом.

Характерно и то, что рокотавший шквал революции не помешал чиновникам канцелярии попрежнему аккуратно подкладывать бумажку к бумажке. И только неподшитые листы указывают на известное нарушение строя работы...

I. Вредно с воспитательной стороны

Начальник штаба Киевского военного округа 23 февраля пишет Губернатору: „По сообщению Начальника гарнизона гор. Харькова, при вызовах в истекшем январе гражданскими властями нарядов воинских частей, выяснилось, что: 1) многочисленные дозоры (патрули) фактически поступают в ведение неопытных полицейских нижних чинов, которые, присваивая себе функции начальствующих лиц, не в состоянии разобраться в требованиях ст. 25 правил призыва войск для содействия гражданским властям, кроме того, такие дозоры, несмотря на непогоду, сосредотачивались в массе у театров, и других общественных собраний, даже сливаясь с толпой и, теряя строй, имели нежелательный для воинских команд вид, 2) в большинстве случаев, местами, где должны быть приготовлены воинские части, были указаны такие казарменные помещения, где или совершенно не было мест для ввода в них, уже до крайности перегруженных личным составом, или вызываемым частям приходилось с раннего утра до позднего вечера томиться без дела в чужих помещениях, что, нервируя и порождая ложные толки в явный ущерб твердой власти, совершенно нежелательно с воспитательной стороны.

Уведомляя об изложенном, по приказанию Главного Начальника округа, сообщаю, что Его Превосходительство, разделяя справедливость

высказанного Начальником гарнизона гор. Харькова, полагает возможным призывать наряды войсковых частей в дальнейшем времени в случаях только действительной их надобности, когда призывы эти должны иметь характер и значение действительного применения военной силы, а не устрашения, т. к. последнее противоречит мнению Государственного Совета, об'явленному в приказе Военному Ведомству 1906 года и ст. I правил призыва войск для содействия гражданским властям, приучает публику к виду войск и этим как-бы смягчает характер решительности (!?) И. Д. Начальник штаба, Генерал-майор (подпись)".

Но если генералу в штабном кресле удобно и возможно было руководствоваться правилами и положениями, выработанными в 1906 году, то полицеймейстеру, очевидно, в силу „каких-то" необычайных событий, в 1917 году приходилось невольно нарушать эти параграфы, снова и снова вызывать войска, не особенно вдаваясь в обсуждение того, полезно или нет это с воспитательной стороны, чем и раздражать генерала.

26 февраля Начальник гарнизона опять пишет Губернатору:

„Несмотря на мои неоднократные сообщения Вашему Превосходительству, что все просимые от Вашего имени и от имени Харьковского полицеймейстера наряды от частей вверенного мне гарнизона на случай беспорядков должны поступать ко мне изложенными в официальной форме и, во всяком случае, не позже следующего дня,—от Харьковского полицеймейстера 24 сего февраля опять поступила подобная просьба к и. д. коменданта города и к тому же, переданная словесно и не самим полицеймейстером, а его помощником, по случаю совершенно не являющемуся экстренным, а только предупредительного характера.

В целях устранения подобного нарушения законоустановленного порядка на подобные случаи, прошу Вашего Превосходительства распоряжения, дабы было раз'яснено властям, обращающимся за содействием к коменданту,—к нему относиться не словесно, что допустимо только в крайних самых, нетерпящих отлагательства, случаях, и не по телефону, а письменно в форме установленной законом накануне просимого наряда".

II. Дальнейшее наблюдение установлено

Между тем, полицеймейстеру было не до формы. В городе назревало что-то неладное и он едва успевал „наблюдать".

„23 сего февраля, в 3 часа дня,—доносит он губернатору—курсистки Высших женских курсов общества трудящихся женщин отдельными группами устроили сходку, на которой решили, на случай забастовки в высших мужских учебных заведениях, примкнуть к последним. Забастовку предполагают продолжать до тех пор, пока не будут освобождены из тюрьмы студенты, заключенные во время политических обысков.

Вечерние занятия на курсах прошли регулярно.

В здании Харьковских медицинских женских курсов, между 11 и 12 часами дня, состоялась сходка слушательниц курсов, на которой участвовало более 300 человек. По собранным, негласным путем, сведениям,

на сходке обсуждался вопрос о равноправии женщин и была выражена солидарность первому женскому с'езду. Вопросы на другие темы не возбуждались. По окончании сходки разошлись не нарушая ничем порядка. В остальных высших учебных заведениях спокойно.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству и доложить, что дальнейшее наблюдение установлено".

В рапорте от 1 марта он доносит: „Начавшиеся 28 февраля занятия в Технологическом Институте в 11 с половиной часов утра были прекращены. Студентов на занятия явилось всего 60 человек, но впоследствии их явилось до 500, которые пытались устроить в Институте сходку, но директор Института, Осипов, лично не допустил этой сходки. Занятия не возобновлялись и студенты не расходились до 3 часов, но после этого все разошлись.

В 7 часов вечера студенты Технологического Института собрались в главном корпусе, где состоялась сходка. Директор Осипов и весь состав инспекции всеми мерами старались не допустить сходки и постоянные появления директора и профессоров в зале помешали студентам вынести определенную резолюцию. В 10 с половиной часов вечера студенты группами разошлись из Института, порядок на улице ничем не нарушался, настроение студентов сильно возбужденное.

Вход в Институт строго проверяется.

На высших женских курсах общества трудящихся женщин занятий 28 февраля не было.

Вход в здание курсов строго проверялся при входе по билетам. Попытки слушательниц Женского Медицинского Института проникнуть в здание курсов успеха не имели. Днем состоялась небольшая сходка, которую инспекция курсов назвала почему-то совещанием. На этой сходке было до 150 курсисток. Резолюция их: „примкнуть и быть солидарными со студентами Университета и Техн. Инст.".

В другом рапорте от того-же числа говорится: „По полученным негласным путем сведениям, сегодня в 2 часа дня на заводе „Всеобщая электрическая компания" в морской отдел явился неизвестный рабочий, под видом приезжего рабочего из Петрограда, прочел собравшимся рабочим подробную телеграмму о событиях в Петрограде, об'яснил им о необходимости поддержать товарищей Петроградцев, в распоряжении коих, будто-бы, находится уже Петроград, а затем, взяв у мастера пропуск, отправился с той же целью на паровозостроительный завод.

За появлением этого рабочего обратно было установлено наблюдение, причем около 4 часов дня, при обратном входе в завод, он был задержан, но в момент задержания попросился у городового Тесленко в отхожее место и, став от него в нескольких шагах за углом сарая, вынул из кармана сверток бумаги и стал затаптывать его ногами в снег. Сверток этот тотчас же из снега был извлечен и в нем оказалось: старая афиша за 16 февраля о лекции Окунева, а в ней телеграмма на трех полулистах, написанная на пишущей машинке о подробных событиях в Петрограде. При личном обыске задержанного, у него отобрана

переписка, которая приложена к протоколу обыска. Задержанный оказался рабочим тормазного отделения завода „Всеобщая компания электричества“, крестьянином Перфентьевской волости, Коломенского уезда, Московской губернии, Константином Ивановичем Голубковым, 26 лет, проживающим в колонии паровозостроительного завода, который, вследствие личного распоряжения Начальника Харьковского Губернского Жандармского Управления, отправлен Приставу 1-го участка г. Харькова, для производства обыска в его квартире и затем заключения его под стражу в губернскую тюрьму.

Настроение среди рабочих завода крайне возбужденное и завтра с утра ожидается выступление рабочих, о чем сегодня говорилось перед выходом рабочих в некоторых цехах, затем всеми силами двинуться в город, обезоружить полицию, освободить задержанных рабочих и стараться захватить власть в свои руки“.

Копия телеграммы при сем прилагается.

„На паровозостроительном заводе, в связи с циркулирующими в городе слухами о происходящих событиях в Петрограде, наблюдается также повышенное настроение и есть сведения, что завтра 1 марта рабочие предполагают прекратить работы. Такие же сведения имеются и в отношении завода Т-ва Гельферих-Саде.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству, что наблюдение имеется“.

III. Недоразумение

Военный цензор пишет губернатору: „1-го сего марта редакцией газеты „Южный край“ представлен был дежурному военному цензору Якименко для просмотра прилагаемый при сем оттиск под заглавием: „телеграмма временного комитета Харьковскому городскому голове“.

Телеграмма эта не была разрешена.

Между тем, в вечернем выпуске газеты „Южный край“ 1 марта телеграмма эта помещена полностью, с изменением лишь заглавия „от Временного Комитета Государственной Думы“, и под телеграммой сделана пометка П. Т. А., однако, при проверке мною, до 8 час. вечера такой агентской телеграммы в военной цензуре получено не было.

Сообщая вместе с сим на основании временного положения о военной цензуре о сем в Штаб Киевского Военного Округа, об изложенном, ввиду изданного 20 сего февраля обязательного постановления для жителей Харьковской Губернии, имею честь уведомить на усмотрение Вашего Превосходительства“.

В оттиске телеграммы говорится, что „Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка“ и т. д., и, что в полночь 27 февраля окончательно организовался исполнительный комитет в таком-то составе.

Такого-же содержания телеграммы вносят замешательство и у уездных исправников. Старобельский исправник телеграфирует 2/III губернатору: „Получена Земством телеграмма Петроградского Телеграфного агентства об аресте, перемене правительства, сформировании Временного Исполнительного Комитета членов Государственной Думы. Прошу указаний возможности печатания, распространения". А другой исправник, как ретивый и примерный служака, решает этот вопрос, как законом положено: „Редакция Сумского Вестника — телеграфирует он — опубликовала, на основании агентской телеграммы Петрограда, воззвание Временного Исполнительного Комитета за подписью Председателя Государственной Думы — Родзянко, отобрано более трехсот экземпляров".

И, наконец, все это разрешается Киевским Штабом округа. 2 марта из штаба, за подписью Ходоровича, телеграммой сообщается Губернатору: „Согласно ранее действовавших распоряжений, телеграммы Петроградского агентства не подлежали местной военной цензуре (ныне подлежат), посему напечатание указываемой Вами телеграммы могло явиться результатом недоразумения. Генералу Авдееву предписано срочно произвести надлежащее расследование, в зависимости результатов коего будут приняты соответствующие меры..."

IV. Сделать рассчет

1-го марта Губернатор пишет Начальнику гарнизона гор. Харькова следующую бумагу: „Предполагая занять караулами Харьковское губернское Казначейство, контору Государственного Банка, казенный винный склад и центральную телеграфную контору, покорнейше прошу Ваше Превосходительство срочно сделать рассчет, какое количество воинских чинов необходимо ввести в каждое из этих учреждений и о последующем не отказать меня уведомить".

V. Спокойно разошлись

Однако, все приготовления военных властей оказались слабыми и, в конце-концов, излишними потому что Дума нашла более сильное оружие. 2 марта Полицеймейстер направляет губернатору следующий рапорт: „Имею честь донести Вашему Превосходительству, что вчера 1 марта рабочие завода „Всеобщая компания электричества" явились на завод в обычное время, причем сначала в морском отделе, а затем и в некоторых других цехах были сходки, на которых обсуждались вопросы текущего положения и о событиях в Петрограде, каковые сходки продолжались до обеда. После 2 часов дня прекратили работы все цехи завода, собрались в большом корпусе, где обсуждали те же вопросы. В 6 часов вечера перед выходом рабочие пропели в здании завода несколько революционных песен, а затем выставили красный флаг. Во время собрания рабочих завод посетили гласные Городской Думы Москов и Переверзев, которые в управлении завода вели переговоры

с выборными от рабочих о необходимости продолжать работу при полном составе рабочих и не делать предположенного выступления, это воздействовало на настроение рабочих, которые спокойно разошлись по домам".

VI. Готовые к услугам

Но, повидимому, на другой день рабочие вышли из домов не совсем спокойными (из бумаг этого, впрочем, не видно) и что-то сделали такое, в результате чего в Харькове вместо канцелярии губернатора образовалось какое-то исполнительное бюро. В канцелярии губернатора это событие расценили, что пришел новый хозяин, а старый оказался окончательно упраздненным (очевидно, к этому времени уже выяснили „недоразумение" с телеграммами) и потому решили предложить себя этому новому хозяину, тем более, что этот новый хозяин являлся хорошо знакомым лицом. И 4 марта из канцелярии губернатора исходит следующее письмо: „Глубокоуважаемый Николай Николаевич! Осведомившись от Сергея Александровича Козлова, что Вы состоите Председателем Исполнительного бюро по управлению Харьковской губернией и городом Харьковом и полагая, что Вам представится надобность в делах канцелярии Харьковского Губернатора, я считаю долгом заявить Вам, что как я сам, так и все чины вверенной мне канцелярии, находятся в Вашем распоряжении и ожидают Ваших указаний" (дальше зачеркнуты следующие слова): по восстановлению ее деятельности, которая в настоящее время приостановилась...

М. ИВАНОВ

Севастопольский бунт 1830 года[1])

(Из архива Одесского Губбюро Истпарта)

Среди документов архива графа Михаила Семеновича Воронцова, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, мы нашли дело, имеющее такие официальное название: „Бунт в Севастополе 3-го июня“.

На плотных, желтоватого цвета листах старинной писчей бумаги ясным, четким почерком выведены заголовки: „Расстрелять“, „Кнутом“, „В каторжную работу“, „Сквозь строй“ и т. д. Причем часто к заглавным буквам приделаны тонкие „волосные“ орнаменты — пером для красоты, для изящества. Видно, что писарь любил свое дело, и душой отдыхал на нем...

Обращает на себя внимание следующий факт: конфирмацией графа Воронцова смягчалась участь только лиц привиллегированных, люди простые „крестьянского да мещанского звания“ должны были подчиниться горькой судьбе. Из десятков имен, мелькающих на страницах дела, прописанных так четко, ясно, с разстановками, между именем, отчеством и фамилией, со свободным промежутком для особых отметок „его сиятельства“, ни одно не привлекло внимания временщика, не заставило смягчиться это старое чиновничье сердце.

Все подсудимые разбиты на девять групп, к девятой принадлежат лица офицерского звания и чиновники разных разрядов, замешанные в деле. Их обвиняли за то, что они бездействовали во „время попытки

---

1) В книжках „Морского Сборника“, в номерах за 1861 г. (№ 4 неофициальный отдел, стр-цы 289-312, и № 9 неоф. отд. стр. 1-41) имеются статьи—воспоминания Севастопольского городского врача Н. Закревского: „На берегу в Севастополе, 1830 г.“ и „Севастополь, 1830-31 г. г.“.

Из этих воспоминаний выясняется, что в начале 1830 года в Корабельной слободке в Севастополе вплоть по июнь этого года в семьях матросов Черноморского флота свирепствовала чума, был строгий карантин, осмотр военными врачами в присутствии офицеров больных в том числе и женщин. Отмечается факт раздевания наголо подозреваемых в заболевании чумой жен матросов в присутствии комиссии, состоящей из врачей и офицеров и посещавших жилища семей матросов. Автор отмечает бесцеремонный, оскорбляющий женщину, осмотр. Был даже случай, когда матрос, муж одной больной, схватил ружье и убил офицера при посещении комиссией его квартиры. Видимо, среди матросов было недовольство работой таких комиссий. Далее автор отмечает, что сразу после чумы начала свирепствовать холера, но уже среди матросов в экипажах. Затем он говорит, что среди матросов вспыхнул бунт 4-го июня 1830 года, называя его возмущением. Офицеры и многие врачи бежали во время исполнения служебных обязанностей от трусости и по прочим причинам. Бунт произошел 3-го июня 1830 года.

(Прим. ред.).

к восстанию в Севастополе 3-го июня,—не исполнили во время бунта своих обязанностей".

К первому разряду отнесены 7 обреченных на расстрел, из них пять принадлежат к флотскому экипажу, один отставной квартирмейстер и один просто мещанин...

На полях этого листа, особенно тщательно исполненного писарем, никаких отметок лица, которому предоставлено право конфирмации приговора, не имеется.

Вторую категорию составили лица (их 15 челов.), присужденные к наказанию кнутом и ссылке на каторжные работы, „с постановлением указанных знаков на мужчинах". Знаками этими по военно-уголовному кодексу считались пятна на лбу и груди, остающиеся от прижигания раскаленным железом и на-свежо, когда рана еще не зарубцевалась, затертые черным порохом. Знаки эти, как известно не сходили с тела несчастных до конца дней их. На знаке изображался кружок, а в середине буква „Б" печатного образца с точкой „(бунтовщик)".

Так как по особому упущению суда, количество ударов кнутом в приговоре не обозначено, то обязанность в точности определить к каким мукам нужно подвергнуть людей, обезоруженных и связанных, взял на себя изящнейший граф Воронцов. На полях второго листа рукой „его сиятельства" карандашем сделаны соответствующие отметки—„25", „15", „10".

К третьей категории отнесены лица, приговоренные к наказанию проведения сквозь строй через 500 человек шесть раз, и затем ссылаемые в каторжные работы на 10 лет. Из истории телесных наказаний в России мы знаем, что наибольшее количество ударов сквозь строй, которое мог-бы перенести человек, „еще не раставаясь с душою", было 300 ударов. Здесь перед нами каждый из обреченных должен получить 3000 ударов, т. е. мы имеем дело с замаскированной смертной казнью в самой жестокой форме. За проводимым сквозь строй на тележке возили сосновый гроб и обыкновенно вывозили наказуемого из строя уже в виде огромной красной массы, потерявшей всякое подобие человеческого тела. На одном из заседаний государственного совета, старик адмирал, говоря об этом наказании, незаметно для себя, расчувствовался, расплакался и произнес фразу, которая не могла быть ему прощена сановными советниками: „это невозможно, недопустимо"... Таких обреченных к замаскированной смертной казни по делу было пять: из них 4 моряка и один денщик военного врача.

К четвертому разряду отнесены лица, подвергнутые проведению сквозь строй через 500 человек по 4 раза, т. е. подвергнутые каждый 2000 ударам, и затем подлежащие еще отсылке в каторжные работы на 5 лет. Женщин, вместо „проведения сквозь строй", приказано было подвергнуть наказанию плетьми. И так как, опять таки, по необ'яснимому недосмотру суда, не было обозначено количество ударов плетьми, то „его сиятельство" начертило „по 25".

К четвертому разряду отнесено 18 челов., из них 8 челов. моряков, 2 рядовых, какой то „еврей Лейба Самойлович" и т. д.

К пятому разряду отнесены лица, приговоренные к провождению сквозь строй через 500 чел. по 2 раза, т. е. к 1000 ударам, а женщин к наказанию розгами (рукой Воронцова приписано по 25) и затем к ссылке на поселение. Этот разряд насчитывает 9 человек.

6-й разряд состоит из одного человека. Степень наказания „провождение сквозь строй“ через 500 человек один раз.

7-й разряд составила группа из 9 чел., приговоренных к гражданской смерти, т. е. к лишению всех прав состояния.

8-й составлен из 3-х чел., которым определенно такое наказание: бить линьками и потом обратить на службу в другой флот; из этих трех лиц—один писарь, против фамилии которого рукой генерал-губернатора проставлена цифра 100, (т. е. 100 ударов линьками), 2 остальных юнги, против их фамилий имеется цифра 20, поставленная тою же рукой.

Наконец, к 9-му разряду, как мы сказали, относятся лица офицерских чинов; к ним почти во всех случаях приговор военного суда смягчен графом Воронцовым, иногда смягчен в столь значительной степени, что нельзя не вспомнить о классовом дворянском чувстве. Например, военный суд приговаривает капитана 3-го ранга Палеолога к смертной казни. Конфирмацией графа Воронцова против его фамилии читаем: „только исключить из службы“, даже не подвергнуть аресту или лишению каких-либо особых прав и преимуществ. Особенно это ярко выражается в отметке против фамилии подполковника Друшецкого, приговор военного суда по отношению к нему: „казнить смертью“; в конфирмации графа Воронцова говорится: „удалить от должности, посадить в крепость на 6 месяцев, не лишив покровительства комитета высочайше утвержденного в 18-й день августа 1814 года“.

„Всего в 9-м разряде 32 чел. Таков приговор конфирмации Воронцева по делу „3-го июня“.

Приводим в точности приговор с конфирмацией Воронцова:

Первый разряд „расстрелять“. 1. 37-го флотского экипажа квартирмейстер Тимофей Иванов. 2. 17-го рабочего экипажа унтер-офицера Самойло Крайненко. 3. Севастопольский мещанин Яков Папков. 4. 13-го ластового экипажа фельдфебель Петр Щукин. 5. Отставной квартирмейстер Кондратий Шкуропелов. 6. 36-го флотского экипажа слесарь Матвей Соловьев. 7. 34-го флотского экипажа боцман Федор Пискарев.

Второй разряд—кнутом и на каторжную работу с постановлением указанных знаков на мужчинах: 1. Вдова прапорщика Дарья Семеновна без наказания с лишением только звания и соединенного с оным дворянского достоинства. 2. Окружного арсенала мастеровой Селиверст Архипов. 3. Отставной слесарь Кузьма Орлов. 4. 18-го рабочего экипажа фельдфебель Петр Иванов. 5. Жена Блокового Марфа Греченкова. 6. 31-го флотского экипажа матрос Никита Калека. 7. 16-го рабочего экипажа матрос Иван Коробка. 8. 28-го флотского экипажа матрос Савелий Бондаренко. 9. Севастопольский мещанин Александр Суворов. 10. 13-го ластового экипажа рядовой Иван Цикулов. 11. 18-го рабочего экипажа фонарщик Петр Федоров. 12. 18-го рабо-

чего экипажа плотник Исай Терещенко. 13. 37-го флотского экипажа матрос Илья Куликов. 14. 17-го рабочего экипажа плотник Василий Конопов. 15. Жена—матроска Роза Муслядина.

Третий разряд—сквозь строй через 500 человек шесть раз и в каторжную работу на 10 лет. 1. 28-го флотского экипажа матрос Фома Полей, 2. 36-го флотского экипажа матрос Иван Гущин, 3. 39-го флотского экипажа квартирмейстер Семен Гименко, 4. 39-го флотского экипажа матрос Николай Сажин, 5. Деньщик лекаря Дорогоневского—Яков Волков.

Четвертый разряд—мужчин сквозь строй через 500 чел. по четыре раза, а женщин плетьми и в каторжные работы на 5 лет. 1. Бериславский мещанин Парфентий Куделин, 2. Севастопольский купеческий сын Михайла Свигеев, 3. 17-го рабочего экипажа матрос Николай Маслов, 4. Южного Окружного арсенала мастеровой Иван Трофимович Петров, 5. Южного Окружного арсенала мастеровой Иван Кузнецов, 6. 13-го ластового экипажа матрос Исай Дуражин, 7. 21 егерского полка рядовой Иван Макаревич, 8. Денщик Петр Найдемов, 9. 18-го рабочего экипажа мастеровой Тимофей Максимов, 10. Денщик Тимофей Голубятников, 11. 39-го флотского экипажа матрос Александр Бобров, 12. 31-го флотского экипажа матрос Иван Бобинский, 13. 13-го флотского экипажа матрос Федор Шинкаренко, 14. 18-го рабочего экипажа матрос Семен Онуфриев, 15. Еврей Лейба Самойлович, 16. Вдова унтер-офицера Маланья Рогова, 17. Жена кучера Прасковья Максимова, 18. Жена матроса Степанида Онофриева.

Пятый разряд—сквозь строй через 500 человек по два раза, а женщин розгами и на поселение: 1. 13-го ластового экипажа рядовой Семен Илюхин, 2. 39-оо флотского экипажа матрос Никифор Полипенко, 3. 18-го рабочего экипажа рядовой Денис Комащин, 4. Отставной унт.-офицер Гаврила Игнатов, 5. 18 рабочего экипажа котельщик Сергей Алексеев, 6. 42-го флотского экипажа старший фельдфебель Василий Цвилик, 7. Жена боцмана Анна Дуванова, 8. Вдова матроса Ирина Докторова, 9. Вдова конопатчика Наталия Ткаченкова.

Шестой разряд—сквозь строй через 500 чел. один раз. 1. 30-го флотского экипажа матрос Осип Зайченко.

Седьмой разряд—к гражданской смерти: 1. Отставной боцман 14-го класса Соловьев, 2. Отставной боцман 14-го класса Алексей Гришенко, 3. Отставной боцман 14-го класса Василий Олимпиев, 4. Симферопольский мещанин Антон Мартынов, 5. Дьячек Ларион Забоев, 6. Артиллерийский унт.-офицер Михайло Сушков, 7. 39-го флотского экипажа боцман Харитон Кочетов, 8. 5 морской артиллерийской бригады канонир Ермолай Елисеенко, 9. 29-го флотского экипажа матрос Герасим Медведев.

Восьмой разряд—наказать линьками и потом обратить на службу в другой флот: 1. Писарь Иван Артамонов, 2. Юнга Алексей Соловьев, 3. Юнга Василий Нечаев.

ОТДЕЛ III

ГЕРОИ и ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ

Тов. Дьяков

О тов. Дьякове, к сожалению, имею только немногое сообщить. Я очень недолгое время знал тов. Дьякова, летом 1918 года, когда я жил в Москве, куда и он приехал в это время по делам своего Стерлитамакского уезда. И вот то немногое, что я могу сейчас взять из своей продырявленной памяти,— о разговорах, которые вели тогда с ним я и больше моя жена М. Н. Скрыпник.

Тов. Дьяков—старый марксист еще 90-х годов. Был несколько раз арестован. Оставался все время революционным марксистом, как до войны, так и во время войны. Припоминаю—хотя и смутно—один разговор, когда он очень скептически отзывался о различных марксистах, которые во время войны отошли от революционной пролетарской точки зрения.

С начала революции 1917 года тов. Дьяков был основателем и руководителем большевистской организации в г. Стерлитамаке, Самарской губ. Помню, как он рассказывал, что в 1917 году он в своем городе был об'ектом ненависти всей местной буржуазии и всех социал-оборонцев.

Тов. Дьяков во время войны, и после того, жил земским врачем в г. Стерлитамаке. По виду—типичный русский интеллигент, простой, не обращающий внимания на свою внешность, изрядно потрепанный жизнью в странствиях по ее провинциальным проселочным дорогам, видимо, до революции зачастую на перепутьях болевший душою, что его засасывает окружавшая обстановка уездной бездеятельной интеллигенщины, и воспрянувший душой вновь при первом зове революции. Тов. Дьяков оставил у меня память о себе, как о хорошем человеке, с доброй чуткой душой, который пролетарскую революцию поставил себе безусловною гранью отрешенья от всего, что связывает с прежнею жизнью.

Как раз во время моего знакомства с ним, на Волге открылся чехо-словацкий фронт. Тов. Дьяков приехал тогда в Москву, вообще по делам своего уезда, и со специальною задачею получить необходимые медикаменты для рабочих больниц и для красногвардейских и красноармейских отрядов; помню, как я ему писал тогда записки к разным властям, чтобы ему оказали содействие. Это было время, когда саботаж интеллигенции еще далеко не был изжит и каждый специалист—большевик имел для Советской власти еще большее значение, чем теперь.

Тов. Дьякову предлагали работать в Москве, где необходимость во врачах—коммунистах была так велика в руководящем аппарате. Но

он рвался назад, на низы, на фронт. Каюсь, я тогда подумал, что он просто хочет „домой“, где все привычно, где семья и близкие товарищи. Но я тогда же увидел, что я обманулся.

Тов. Дьяков лечил тогда мою жену, М. Н. Скрыпник, которая во время напряженнейшего „Смольного“ периода Советской власти была вторым секретарем Совнаркома и тогда почти умирала от истощения сил; поэтому тов. Дьяков, как врач и как товарищ, был очень часто у нас. И вот, через дня два-три после нашего разговора, где он говорил, что хочет работать на местах, тов. Дьяков вновь был у нас, когда пришедший товарищ сообщил, что среди погибших на чехо-словацком фронте был и молодой, кажется 17-ти летний, сын т. Дьякова. Это произвело сильное, тяжелое впечатление на него. Его точно ударило; перед тем оживленный он умолк, весь потемнел; потом ушел в соседнюю комнату, а возвратившись сказал мне: „теперь мне тем более надо ехать на фронт“.

И он поехал на фронт, и я потерял его следы, пока теперь не узнал, что он умер.

В моей жизни тов. Дьяков прошел вместе со многими другими товарищами в общем кругу товарищеского партийного единения. Я даже не помню его имени — отчества: „я всегда его звал: „товарищ“.

Н. СКРЫПНИК

P. S. Бедною и нищею стоит моя память перед могилою погибшего товарища. Я с ним встретился на перекрестке революционных путей. Только отдельные черточки вспомнил.

Указываю: тов. Дьякова знали—лет десять до моей с ним встречи—тов. Петр и Лиза Бухарцовы, коммунисты, живущие сейчас в Москве, в 11-ом доме Советов.

Н. СКРЫПНИК

Анатолий Кручинин

9-го апреля в Житомире скончался Анатолий Кручинин. Весть о его смерти вызовет глубокую скорбь у товарищей, работавших с ним вместе и знавших его.

Волынская организация в лице т. Кручинина потеряла сознательного, марксистски выдержанного товарища, который с первых дней революции, не жалея сил и здоровья, работал в ее рядах за торжество идей рабочего класса.

Первый, как коммунист на военном фронте, он своим примером заражал красноармейскую массу волей к борьбе и для побед над наседавшей контр-революцией, воспитывая и организовывая массу для сокрушительного удара над белогвардейщиной.

Враг разбит. Перед Советской властью встают новые фронты: хозяйственный и идеологический, требующие новой энергии, сил, здоровья и жизни лучших и сознательнейших борцов партии.

На передовых позициях идеологического фронта Анатолий был также первым. Он организовывает массы для новой борьбы, новой победы над наступающей мелко-буржуазной идеологией.

В огне борьбы на передовых пролетарских позициях идеологического фронта старый гвардеец партии находит свою смерть.

Волынская организация лишилась еще одного борца-революционера, преданного делу освобождения рабочего класса.

Тов. Кручинин—выходец из бедной учительской семьи, Екатеринославской губ. Отец и мать—социал-демократы большевики—подготовили уже его с малых лет к революционной работе.

1917 год застает Анатолия на ученической скамье. Волна революции вызывает его оттуда и бросает в ряды борющегося пролетариата. Он вступает в 17 году в ряды коммунистической партии. И с того момента он отдает все борьбе за Советскую власть. Активно участвует в вооруженной борьбе при захвате власти в Екатеринославе. Там же он ведет большую работу по организации Советской власти.

Наступает самый трудный период в жизни Советской Республики—19 г., когда со всех сторон надвинулась белогвардейщина и все лучшие силы партии уходили на фронт, ушел и т. Кручинин.

В продолжении 2-х лет он боролся в рядах Красной армии, занимая самые различные посты: красноармейца, политрука, военкома кавалерийского полка.

В 20 г. т. Кручинин назначается начальником политических курсов 58-й дивизии и там отдает все свои знания и силы для политической подготовки солдат революции. На этом посту он остается до ликвидации военных фронтов.

В 1921 г. т. Кручинин, со всем аппаратом военно-политических дивизионных курсов, переезжает на Волынь в одну из самых отсталых ее уголков — в Старо-Константинов.

Здесь, несмотря на ужасные условия жизни, организует курсы, которые потом переименовываются в районную Совпартшколу, которой руководил он до последнего дня своей жизни. Наряду с этим, он активно участвует в партийной и советской работе в Ст.-Константиновском уезде, занимает несколько должностей сразу. В протяжении года он руководил отделом народного образования и потом заведывает агитпропом Упаркома, до его ликвидации.

Во время первого заседания партконференции он заболел. Усталость за 5 лет борьбы, истощенность, слабость, благодаря ненормальным условиям жизни, подорвали и без того слабый организм.

9-го апреля умер молодым, всего 25 лет, оставил жену и 3-х месячного ребенка.

ЧЛЕН К.П.(б)У. ДУБИНА

Памяти тов. Руднева

(Краткая биография)

Немногие из товарищей знают все обстоятельства жизни и деятельности погибшего борца, одного из лучших членов нашей партии—тов. Николая Александровича Руднева. Между тем, его революционные заслуги перед Харьковской организацией весьма велики. Здесь, в этой краткой статье, мы хотим дать фактический материал о всех наиболее важных моментах его жизни и работы.

Тов. Н. Руднев родился в селе Люторичах, Епифанского уезда, Тульской губернии. Будучи сыном местного священника, он, естественно, был им отдан в учебу в духовную семинарию.

Но мертвящая, гнусная атмосфера семинарской схоластики душила тов. Руднева, он не переваривал режима, пропитанной духом бурсы Помяловского, семинарщины и, самостоятельно подготовившись, выдерживает экзамен и поступает в VI-й класс гимназии. В гимназии тов. Руднев, отдавая сравнительно мало времени учебным занятиям, все свое свободное время использует для работы по самообразованию и много читает, преимущественно литературу по общественным наукам. В годы своего пребывания в последних классах гимназии (1912—1914 г.г.) тов. Руднев увлекается изучением кооперативного движения и ставит своей задачей использовать знание этого дела для ведения пропагандистской работы среди крестьян своего села.

В 1913 и 1914 г.г. тов. Руднев тесно сближается с семьей работавшего тогда в Туле старого марксиста (впоследствии коммуниста, члена РВС IV-й армии, геройски погибшего на Восточном фронте), т. Гавриила Давидовича Лейтензена-Линдова. Это знакомство явилось поворотным пунктом в его дальнейшем развитии. Под влиянием т. Линдова т. Руднев, с присущей ему страстностью и энтузиазмом, отдается работе по изучению марксизма. Эту работу он продолжает в Московском университете, куда поступает в 1915 году. В Москве т. Руднев принимает участие в революционных студенческих марксистских кружках; работа в них имела для него большое значение в деле формирования его марксистского мировоззрения.

В 1916 г., в силу об'явленного призыва студентов на военную службу, тов. Руднев попадает в Александровское военное училище. Обстановка суровой солдатской муштровки угнетающе повлияла на него и измучила его нравственно, но не могла поколебать его ненависти к

режиму самодержавия и его марксистских убеждений. Духом шовинизма и военщины он не заразился и остался тем же непримиримым и славным „Александричем", каким мы его знали до тех пор.

В конце 1916 года т. Руднев кончает военное училище и командируется на службу в 30-й полк в г. Тулу. Здесь он сразу своим теплым душевным отношением к солдатам своей роты завоевывает их симпатии и становится их любимым командиром; „наш прапорщик" иначе его не называли солдаты роты. В свободное от занятий время т. Руднев проводил целые вечера, беседуя с солдатами, и организовал для них занятия по обучению грамоте.

Наступает февральская революция, т. Руднев в первые же недели принимает самое горячее участие в организации ротных и в особенности полкового комитетов. Одновременно он, совместно с тов. Линдовым и группой товарищей полка, проводит большую работу по созданию военной организации Р. С.-Д. Р. П. (в первые месяцы февральской революции Тульская организация Р.С.-Д.Р.П. была еще об'единенной). На организационном собрании он избирается в состав президиума военной организации. Военная организация быстро завоевывает влияние в других полках гарнизона и количество ее членов из среды солдат все более и более возрастает.

Между тем, в полковом комитете начинается борьба за влияние между группой кадетски настроенных офицерских депутатов и нашей солдатской группой, возглавляемой т. Рудневым.

Ожесточенные столкновения развертываются вокруг политических вопросов, вокруг вопросов военно-строевого и военно-хозяйственного характера, поскольку полковой комитет неуклонно стремился взять в свои руки все больше влияния на дела полка и сделать командиром полка (контр-революционно настроенного полковника из помещиков) под'-отчетным себе.

То был период керенщины, и борьба была чрезвычайно трудна; все более и более обостряясь, она наконец выливается в открытое столкновение двух враждебных группировок. К моменту этого столкновения большая часть солдатской массы полка, достаточно распропагандированная, была уже на нашей стороне.

Поводом для столкновения послужило празднование 1 Мая. По приказу Начальника гарнизона, войсковые части должны были демонстрировать отдельно (очевидно власти боялись разлагающего влияния большевистски настроенных рабочих на солдатскую массу). Несмотря на категорический приказ командира полка, т. Руднев, совместно со своим товарищем— тоже прапорщиком-большевиком, организует отдельное шествие значительной части солдат полка, совместно с военной организацией. Раз'яренный командир полка отдает приказ с дисциплинарными репрессиями. Возмущенная солдатская масса начинает забастовку и не выходит на занятия; волнение солдат усиливается, одна из наиболее большевистски настроенных рот вооружается, с целью идти арестовать командира полка и ад'ютанта (тоже определенного контр-революционера). Перепуганный таким оборотом

дела командир полка отступает и победа остается за нами. С этого момента авторитет и популярность т. Руднева в полку чрезвычайно возросли; влияние полкового комитета все более увеличивалось и он постепенно превратился в фактического хозяина полка.

В мае 1917 г. происходит раскол Тульской об'единенной организации Р.С-Д.Р.П; из нее выделяется большевистская группа, правда, незначительная, всего до 40 человек, но силы большевистской организации чрезвычайно скоро возрастают; к ней присоединяется мощная, насчитывающая не одну сотню членов, военная организация, во главе с тов. Рудневым.

В июне 1917 г. Временное Правительство перебрасывает наш полк, уже известный как сплошь большевистский, в гор. Харьков, где в то время имелось 4 полка, находившихся под влиянием меньшевиков и с-ров.

По прибытии в г. Харьков, полк немедленно посылает в горсовет 16 депутатов большевиков, чем сразу увеличивает силы нашей фракции. Тов. Руднев вскоре начинает принимать активное участие в работах горсовета и в партийно-организованной работе, перенеся центр тяжести своей работы из полка в городские советские и партийные организации, поскольку в полку влияние нашей партии было уже окончательно закреплено.

Летом 1917 года т. Руднев едет делегатом от полка на юго-западный австро-германский фронт, где проводит большую работу во 2-й финляндской стрелковой дивизии. По возвращении из поездки он снова активно работает в партийной городской организации.

В период с августа до октября 1917 г. т. Рудневым проводится большая работа по организации большевистских ячеек и закреплению влияния нашей партии в частях Харьковского гарнизона.

В Октябрьские дни т. Руднев принимает самое горячее участие в работе революционного штаба г. Харькова, выполняя его наиболее серьезные и важные задачи.

В конце ноября 1917 г. т. Руднев принимает участие, вместе с отрядами нашего полка, в ликвидации прорыва на Дон корниловцев-ударников, под гор. Белгородом.

При проведении выборов командного состава в полку т. Руднев избирается единогласно полковым комитетом командиром полка.

В декабре 1917 г., по заданию командующего вооруженными силами т. Антонова-Овсеенко, т. Руднев проводит ликвидацию гайдамацких банд при ст. Лозовая.

В начале 1918 г. в Харькове формируется Народный Комиссариат по военным делам Республики Донецкого и Криворожского бассейнов; т. Руднев назначается заместителем Наркома по военным делам и с головой уходит в напряженную организационную работу.

Начинается наступление немецких частей и оккупация ими Украины, т. Руднев доблестно работает на посту командира одного из участков фронта под Харьковом и со своими отрядами проходит весь путь тяжелого отступления от Харькова до Царицына: здесь он несет ответственную работу и здесь же он погибает геройской смертью, осенью 1918 г.

Таковы главнейшие моменты жизни и работы т. Руднева.

Все, кто знал хоть немного т. Руднева, не могли его горячо не любить. Весь—огонь, весь энтузиазм, он заражал своим энтузиазмом, своим порывом всех, кому с ним приходилось работать. Человек необычайной отзывчивости и сердечности, готовый всегда отдать последнюю рубашку нуждающемуся товарищу, он никогда не думал о себе. В горячке работы его товарищам приходилось заставлять его есть, так как он сам часто забывал об этом и не обедал и не ужинал целыми днями. Его душевная теплота и благородство были таковы, что даже из среды враждебно-настроенного, кадетского офицерства нашего полка не было ни одного, кто бы не относился к нему с уважением. Среди солдат полка т. Руднев пользовался исключительным авторитетом и любовью; по его слову они были готовы идти куда угодно.

В его лице партия и революция потеряли крупнейшего работника-организатора и кристально чистого самоотверженного партийца.

Н. ГЛАГОЛЕВ

ХРОНИКА

Вокруг работы Истпарта

(Истпарт Ц.К.К.П.(б)У.—Екатеринослав, Одесса, Киев, Волынь)

Последние 2—3 месяца работа Истпарта ЦК значительно с‘узилась. Одной из основных причин этого является отпускной период, благодаря чему число работников, в среднем, сократилось до одного—двух. Но тем не менее, за это время удалось выпустить 4-й номер „Летописи Революции“ и сдать в печать пятый. Материал, хотя и слабо, поступает, но благодаря поездке одного из сотрудников по некоторым городам Украины, удалось собрать значительное количество воспоминаний. Такие поездки дадут возможность в дальнейшем осветить более глубоко историю революционной борьбы на Украине. Работа, надо надеяться, в этом направлении облегчится еще и благодаря созданию „О-ва старых большевиков“ при Истпарте. Конечно, произведенное сокращение штатов по Истпарту, как в центре, так и на местах, даст большой минус—работа мест, во всяком случае, ослабнет. А это—крупный удар и по центру, питающемуся материалами, в значительной части, от Губернских Отделов Истпарта.

На местах работа свелась к следующему:

Екатеринославский Губистпартотдел. Одной из крупных работ является издание сборника. Приступив к собиранию материалов, освещающих историю Екатеринославской организации с 1889 по 1903 г., еще в конце прошлого года Губистпартотдел с громадными трудностями с‘умел довести эту работу до конца и выпустить сборник: „История Екатеринославской соц.-дем. организации с 1889—1903 г.“, под редакцией М. Рубача. Почти полгода ушло на эту работу, но зато результат оказался блестящим: сборник может быть поставлен в ряд наилучших, каких имеется у нас в СССР немного.

Конечно, это не история в обычном смысле этого слова, но по тщательности и обилию подобранного материала и удачному расположению такового—сборник близко подходит к тому, чтоб его назвать историей. Во всяком случае, для историка это—одно из лучших пособий, один из наиболее полных сборников материалов по данному вопросу.

Шаг за шагом здесь прослеживается возникновение и развитие соц.-демократических ячеек, на фоне экономического развития и отмирающего, вследствие этого, народничества. Работавшие вначале раздельно, отдельные кружки по подготовке „унтер-офицеров“ массового революционного движения в конце 90-х годов, когда промышленный расцвет в Екатеринославе достигает наивысшей точки и пролетариат начинает

выстраиваться в стройные ряды для отпора, незнающим предела в своих прибылях, капиталистам, кружки сознают необходимость об'единенных действий и создают „Екатеринославский союз борьбы" и об'единяющий центр—Екатеринославский Комитет Р.С.-Д.Р.П. Работа разворачивается. Но в процессе ее среди членов организации стали выявляться разногласия: не все правильно поняли задачи организации и пути рабочего движения,—и начали возникать разные отклонения: оппортунизм, экономизм, зубатовщина и пр. Сторонникам ортодоксального марксизма пришлось положить много сил на борьбу с этими отклонениями. И борьба оказалась успешной—рабочий класс оказался невосприимчивым к интеллигентской заразе: после 2-го с'езда Екатериновлавская организация, присоединяющаяся к решениям 2-го с'езда, становится в ряды революционных марксистов-большевиков.

Картина этой борьбы представлена в сборнике очень полно. Полнота ее достигнута тем, что наряду с воспоминаниями рядовых участников, которые многое не знали, по условиям конспирации, представлены и воспоминания членов комитета, центральных фигур, которые это многое дополняют.

Сборник издан изящно, богато иллюстрирован, и может быть рекомендован всем, кто интересуется развитием коммунистической партии. История Екатеринославской организации в этот период далеко не носит местного характера: в те далекие годы, среди сыпучих песков черной реакции, на пространстве российской тогда империи было мало сочных оазисов революционной энергии, и Екатеринослав являлся одним из этих немногих оазисов, одним из крупных пунктов российского революционного движения.

Одесский Губистпартотдел. Здесь следует отметить работу Николаевского Отделения. При чрезвычайно невыгодных условиях, николаевским работникам удалось собрать большой материал (как мемуарный, так и архивный) по истории революционного движения в Николаеве,—от „Южно-Русского Рабочего Союза" до Октябрьской революции—и издан сборник „Страницы борьбы". Сборник, конечно, весьма во многом уступает Екатеринославскому. Но, если принять во внимание: 1) во много раз меньшие денежные рессурсы, 2) меньшие полиграфические возможности, 3) более скромную задачу и т. д.,—то сборник следует признать крупным достижением Николаева. Здесь короткими статьями, воспоминаниями и рядом интересных документов, как-бы отдельными, иногда довольно сочными, мазками набросана картина революционной борьбы Николаевского пролетариата за целую четверть века. На 15-ти печатных листах, со многими историческими снимками (отдельных портретов и групп работников, зданий, где происходила подпольная работа), перед читателем проходят разные этапы борьбы, заканчивающиеся торжеством Советской власти. Сборник, несомненно, представляет большой интерес.

Одесский Губистпартотдел за последнее время, помимо печатания отдельных исторических документов (в этом отношении представляет

исключительный интерес разысканный в архиве графа Воронцова приговор Одесского суда по делу о Севастопольском бунте, 3-го июня 1830 г., который перепечатывается в настоящем номере „Летописи революции"), ряда мелких статей и заметок в журналах Губкома и Губпрофсовета, пересылки в Центристпарт наиболее интересных материалов, принял большое участие в издании сборника, посвященного 60-ти-летию одесских январьских мастерских. В сборнике имеется много снимков отдельных видных работников рабочего движения, группы и виды мастерских разных цехов. В ряде статей очерчена история технического развития мастерских и история рабочего революционного движения, начиная от отдельных, возникавших в мастерских и, рядом с ними, кружков с конца 70-х годов и кончая октябрьскими победами.

Киевский Губистпартотдел. Издан сборник „1-е мая в Киеве", где собраны первомайские прокламации с 1897 г., с сохранением шрифта и формата.

Намечен план издания: 1) второго сборника „Путь революции", посвящаемый эпохе „Искры" на Киевщине; 2) сборник материалов по истории революционного движения в Юго-Западном крае в первой половине XIX столетия. Кроме того, намечены шаги по расширению выставки.

В выполнении этой работы Губистпартотдел наталкивается на препятствия финансового порядка.

Несомненно отразится (пока Отдел не приспособится к новым условиям) и произведенное сокращение штата.

Волынский Губистпартотдел. Собран мемуарный и документальный материал по истории Волынской организации, с 1903 г. по 1920 г. Весь материал переслан в центр для издания.

М. ИВАНОВ

ПОПРАВКИ

В № 3 „Летописи Революции" в статье о П. Слинько (стр. 88) вкралась, искажающая смысл, ошибка:

Под председательством П. Слинько разбиралось не дело левого с-ра Донского, совершившего террористический акт над немецким генералом Эйхгорном, а дело палача казнившего Донского.

В № 4 „Летописи Революции" на стр. 319 ошибочно напечатана резолюция, принятая Всероссийским совещанием Истпартов, как резолюция 12-го партийного с'езда, текст которой ниже приводится.

„В целях способствования планомерному и скорейшему осуществлению задач, возложенных на Истпарт, с'езд постановляет:

1) Подтвердить существующее постановление ЦКРКП о том, что органы Истпарта являются отделами соответствующих партийных комитетов.

2) Центральному Комитету обеспечить необходимое количество работников как в центре, так и на местах, занятых исключительно Истпартовской работой.

3) Изыскать в твердом сметном порядке необходимые денежные средства, как на содержание Истпарта и его органов, так и для обеспечения его издательской деятельности."

Подготовлен к печати № 6 „Летописи Революции“

СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ:

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Революционное движение в Харькове 1905-6 г.г. К. Басалыго.
2. Боевые выступления Харьковского пролетариата в 1905 г. (октябрь-декабрь). А. Васильев.
3. С.-Д. кружки „Ивановки“ в Харькове и Артем (Сергеев). Коллективная работа группы Ивановских рабочих.

---

4. Екатеринославский союз борьбы за освобождение рабочего класса. М. Зеликман.
5. Газета „Южный Рабочий“ и возникновение Южно-русской областной организации. А. Гинзбург.

---

6. Из истории революционного движения в России (1885-1888 годах). А. Макаревский.
7. На заре с.-д. движения в Харькове. Е. Рискинд.
8. Восстановление большевистской организации в Харькове в 1911-12 г.г. Е. Н. Адамович.

---

9. Союзный дессант на Украине (окончание). Ф. Анулов.
10. „Как нас расстреливали деникинцы“. Д. Щербина.
11. „Октябрь на румынском фронте“. И. Будовский.
12. „Февраль и Октябрь на Черноморском побережье. С. Фомин.
13. Из воспоминаний о волжской флотилии (1918 г.). Бассистый.

ОТДЕЛ II. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

14. О сходке рабочих в большом яру в 1903 г.—М. С. Иванова.
15. Революция 1905 года в Харькове в жандармском освещении.
16. От народничества к марксизму в Харькове и Екатеринославе (по документам). М. Рубач.
17. Как мы печатали в 1896 г. „Экономическое учение Карла Маркса“. В. Ксандров.

ОТДЕЛ III. БИБЛИОГРАФИЯ

18. „Пролетарская революция“ №№ 8, 9.
19. „Красная Летопись“ №№ 7, 8.
20. Ссылка и Каторга № 5, 6, 7.
21. Авдеев. „Революция 1917 года“.
22. Вера Владимировна. „Революция 1917 года“ (июнь-июль).
23. Пионтковский. „Октябрьская революция в России“.
24. „Страницы борьбы“—сборник, издание Николаевского Бюро Истпарта.

Содержание вышедших номеров „Летописи Революции“

№ 1

ОТДЕЛ I. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ОТДЕЛ II. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ОТДЕЛ III. ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

ОТДЕЛ IV. ВОКРУГ ИСТПАРТА

№ 2

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

фракционной борьбы в Екатеринославском Союзе торг. служащих). Я. Яровинский.— 13. Из истории страхового рабочего движения в Екатеринославе. В. Аверин.— 14. 12—14 годы в Екатеринославе. М. Равич-Черкасский.—15. Очерки революционной работы на Екатеринославщине до 1917 года Д. Лебедь.—16. Екатеринослав в 1914—15 г. г. Э. Квиринг.—17. 1916 год в Екатеринославе. С. Гопнер.—18. Из революционной деятельности екатеринославских рабочих с 1914 по 1917 г. В. Валявка.—

ОТДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

19. О декабрьской демонстрации 1901 г. (Искра № 21).—20. Отчет Екатеринославского Комитета об август. событиях 1903 г. (Искра № 13).—21. Всеобщая забастовка в 1903 г. (Искра № 47,48).—22. Екатеринославский процесс (Искра № 80).— 23. Екатеринославская всеобщая стачка. (Обвинительный акт). (Искра № 81). 24. Об екатеринославской стачке 1903 г. (Искра № 106).—25. О событиях в Екатеринославской тюрьме в 1908 г. (Из „дел“ Охранного Отделения).—26. Избиение в Екатеринославской тюрьме. (Письмо из тюрьмы). - 27. Письмо к екатеринославским рабочим (1899 г.).—28. К рабочим и работницам г. Екатеринослава (1901).—29. Первое мая. Ко всем рабочим России (1902 г.).—30. Ко всем южным рабочим и работницам (1902). - 31. К новобранцам (1903 г.).—32. Чего мы требуем. (1903 г.).—33. Резолюция рабочих собраний (1904 г.).— 34. Ко всем рабочим и работницам Екатеринослава (1905 года 16 января).—35. В бой за свободу (25 февраля 1905 г.).—36. Новая бойня на Дальнем Востоке (18 марта 1905 г.).— 37. Земцы и думцы у царя (18 июня 1905 года).—38. Ко всем рабочим Екатеринослава (22 июля 1906 г.).—39. К крестьянскому и рабочему народу.—40. Ко всем приказчикам.— 41. Солдаты, не стреляйте в народ. (1907).—42. О Государственной Думе.—43. С.-д. фракция и пролетариат.—44. Наказ от рабочих Екатеринославской губ. своему депутату в Государственную Думу.

ОТДЕЛ III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

45. Кое что из прошлого. Д. Заднепровец—46. Володя Клочко. М. Равич-Черкасский.

ОТДЕЛ IV. ХРОНИКА БЮРО ИСТПАРТА

47. Вокруг работы Истпарта.

РИСУНКИ

1. Член 4-й Государственной Думы Григорий Иванович Петровский.— 2. Члены Екатеринославского комитета Р. С.-Д. Р. П. 1901—2 г. г.—3. Старейшие работники Екатеринославской организации:—4. Э. И. Квиринг.—5. Д З. Лебедь.— 6. Группа большевиков 1912—13 г. г. Воронцов, Борис, Клочко, Геншафт.— 7. Группа старых большевиков екатеринославской организации:—8. Работники Екатеринославского подполья 1914—16 г. г. В. Валявко, Э. Квиринг.—9. Бюро губернского комитета в 1900 году: В. Аверин, Д. Лебедь, Я. Яковлев, Эпштейн.— 10. Группа секретарей Екатеринославского Губпарком.—11. Екатеринославский уездный с‘езд работников на селе.—12. Группа екатеринославских партработников 1921—22 г.— 13. План екатеринославской тюрьмы.

№ 3

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Воспоминания о подпольной работе в Харькове в 1907—1909 г.г. Н. Попов. 2. Киев в январе 1918 года. Патлах. 3. О мартовском восстании николаевского пролетариата против немецких оккупантов (воспоминания). М. Солтанов. 4. Воспоминания о ссылке в Восточной Сибири в 1897—1900 г.г. А. Смирнов. 5. Революционное

1-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛИТОГР